На абонемент
и НБА
не выдается
44 7/13

Д 4 02/114
44 7/13

ДѢЛА И ЛЮДИ ВѢКА.

ОТРЫВКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

П. К. МАРТЬЯНОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1896.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

2739 - 29

2739
8 - II - 1924

С.-Петербургъ. Типографія Р. Р. Голике. Спасская, № 17.

ОТЪ АВТОРА.

Съ 1863 года статьи мои по нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ и отрывки изъ старой записной книжки появлялись въ спеціальныхъ, историческихъ и литературныхъ журналахъ и газетахъ. Въ нихъ затрогивались, освѣщались и уяснялись нѣкоторые факты, имѣвшіе непосредственную связь съ движеніемъ общественной жизни, или касавшіеся извѣстныхъ событій и дѣятелей. Эскизы и наброски эти, не смотря на ихъ краткость, сжатость и отрывочность, не чужды значенія, въ особенности по отношенію къ будущему, какъ отклики и отголоски жизни и дѣятельности кипучаго и полнаго всевозможныхъ интересовъ XIX вѣка. Собрать ихъ воедино и зарегистровать въ особомъ изданіи, казалось мнѣ—дѣломъ не только полезнымъ, но и необходимымъ, такъ какъ у насъ вообще не мало статей, имѣющихъ историческое значеніе, погребается въ періодическихъ изданіяхъ, и статьи эти, съ теченіемъ времени, по трудности отысканія ихъ, забываются и остаются для публики совершенно неизвѣстными. Никто, конечно, не будетъ оспаривать той святой истины, что всѣ мы живемъ не исключительно для себя, а для того, чтобы, по мѣрѣ силъ и способностей, быть полезными другимъ. По завѣтамъ Евангелія, никто не долженъ закапывать въ землю даннаго ему Господомъ Богомъ, хотя бы и самаго малаго и ничтожнаго таланта, иначе онъ отнимется отъ него. Руководясь подобными воззрѣніями, я приступилъ къ изданію сборника какъ

появившихся въ печати статей и отрывковъ изъ старой записной книжки моей, такъ и ненапечатанныхъ еще матеріаловъ, подъ общимъ заглавіемъ: «**Дѣла и люди вѣка**». Въ первой половинѣ 1893 года мною выпущенъ въ свѣтъ—**первый**, а во второй—**второй томъ** этого сборника. Конечно, они не получили еще всеобщей, или, по крайней мѣрѣ, должной извѣстности; но я не считаю возможнымъ и претендовать на это: всякая книга у насъ, за исключеніемъ **легкокрылыхъ**, идетъ туго, по образу пѣшаго хожденія, и слава Богу, если она когда нибудь добредетъ до своей конечной цѣли. Для примѣра можно указать хотя бы на сочиненія недавно скончавшагося критика, эстетика и философа Н. Н. Страхова; первое изданіе ихъ лежало десятокъ слишкомъ лѣтъ нераскупленнымъ. «Подожди, подожди, подожди, золотые вѣка впереди!» говоритъ нашъ извѣстный поэтъ Н. Ѳ. Щербина; значитъ, нужно подождать,—ну, и подождемъ: еще не нынче умираемъ!...

Впрочемъ, я, лично на особенное забвеніе жаловаться не могу. Тѣ лица, которые удостоили прочтенія первые два тома упомянутаго выше моего изданія, отзывались о нихъ съ похвалою. Но что особенно порадовало меня, скажу даже болѣе—восхитило душу мою, какъ автора, это—то, что сказанные 1-й и 2-й томы моего Сборника «**Дѣла и люди вѣка**», вмѣстѣ съ изданнымъ одновременно съ ними въ третьемъ изданіи «**Словаремъ-альбомомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка**» удостоились поднесенія Государю Императору Александру Александровичу, были Его Императорскимъ Величествомъ милостиво приняты, и мнѣ объявлена Монаршая благодарность. Высочайшая милость эта передана мнѣ, чрезъ наше посольство въ Парижѣ, въ отношеніи командующаго императорскою главною квартирою, генералъ-адъютанта Рихтера (по канцеляріи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ) отъ 10 Декабря 1893 года, за № 41506, нижеслѣдующаго содержанія:

«Отставной полковникъ Петръ Мартьяновъ симъ извѣщается, что Государь Императоръ, удостоивъ принять составленныя имъ, Мартьяновымъ, книги, подъ заглавіемъ: «Словарь-альбомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка» и «Дѣла и люди вѣка», Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: «благодарить его, Мартьянова, за означенныя подношенія».

Вслѣдъ за симъ я удостоился получить благосклонные отзывы и увѣдомленія и отъ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ то: бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря И. Н. Дурново, министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря, графа И. Д. Делянова, бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника, генералъ-лейтенанта В. В. фонъ-Валя и многихъ другихъ.

Такое милостивое вниманіе къ трудамъ малоизвѣстнаго писателя ободрило меня и подвигнуло рѣшиться продолжать начатое мною изданіе. Результатомъ рѣшимости этой является настоящій **третій** томъ моего сборника «**Дѣла и люди вѣка**». Но такъ какъ матеріалы, собранные мною, въ «Старой записной книжкѣ», далеко еще не исчерпаны, то я льщу себя надеждою современемъ, если средства позволятъ, выпустить въ свѣтъ еще нѣсколько томовъ сказаннаго сборника.

Петръ Мартьяновъ.

С.-Петербургъ.
Апрѣль 1896 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ТОМА

стр.

Мартыновскія бумаги 1
Слуга поэта Лермонтова Христофоръ Саникидзе и его разсказы о немъ 23
Какъ былъ погребенъ поэтъ М. Ю. Лермонтовъ 28
Висковатовскій списокъ поэмы Лермонтова «Демонъ» въ Императорской публичной библіотекѣ 43
Кто виноватъ: В. В. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ или Н. С. Лѣсковъ? 94
Г.г. Погодины и газета «Жизнь» 108
Румеліотъ 142
Письмо къ генералу Фонсека 152

Обозрѣніе художественныхъ сокровищъ въ Петербургѣ:

а) На академической выставкѣ 1886 года 161
б) На передвижной выставкѣ 1886 года 165
в) На академической выставкѣ 1887 года 168
г) На передвижной выставкѣ 1887 года 171
д) На академической выставкѣ 1888 года 173
е) На передвижной выставкѣ 1888 года 176
ж) На академической выставкѣ 1889 года 179
з) На передвижной выставкѣ 1889 года 182
и) На академической выставкѣ 1890 года 192
і) На передвижной выставкѣ 1890 года 189
к) На академической выставкѣ 1891 года 192
л) На передвижной выставкѣ 1891 года 196
м) На академической выставкѣ 1893 года 198
н) На передвижной выставкѣ 1893 года 201
о) На академической выставкѣ 1894 года 204
п) На передвижной выставкѣ 1894 года 208
р) На выставкѣ картинъ въ пользу бѣдныхъ художниковъ . 201

На частныхъ выставкахъ:

стр.

с) Передъ картиной Сухоровскаго «Магдалина» 210
т) На выставкѣ скульптуры Лансере и Обера 211
у) На выставкѣ картинъ Айвазовскаго 212
ф) Передъ картиной Клевера «Лѣсной царь» 213
х) Передъ картиной Вейса «Влюбленный левъ» 213
ц) Передъ картиной Рѣпина и Айвазовскаго «А. С. Пушкинъ на берегу моря» 214
ч) Передъ картиной Семирадскаго «Фрина» 214
ш) На выставкѣ картинъ Франца Жмурко 214
щ) Передъ картиной Сухоровскаго «Въ плѣну» 215
ъ) На выставкѣ скульптуры Антокольскаго 215
Первый концертъ А. Г. Рубинштейна 217
Въ переломѣ вѣка: I Гардемарины 220
» II Морячки 245

Изъ запаса памяти.

Императоръ Николай I на пароходѣ «Камчатка» 285
Государь цесаревичъ Александръ Николаевичъ и кадеты 1 кадетскаго корпуса 286
Императоръ Александръ II въ Эмсѣ 290
На вечерѣ въ Аничковскомъ дворцѣ 291
Великій князь Николай Николаевичъ и генералъ Скворцовъ . 292
Графъ Аракчеевъ и ревизоръ 293
Декабристъ Вольфъ и поручикъ Ивановъ 293
Генералъ фонъ-деръ Лауницъ 294
Генералъ, графъ Никитинъ 296
Генералы Тришатный и Станкевичъ 298
Генералъ Треповъ и купецъ Палкинъ 299
Генералъ фонъ-Кауфманъ 300
Генералъ Величко 300
Купецъ Фирсановъ 301
Генералъ Ванновскій 301
Юнкера Дурново и Кривошеинъ 302
Князь Долгоруковъ 303
Митрополитъ Филаретъ 304

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
1	18	суда	и суда
9	12	Лормонтовскомъ	Лермонтовскомъ
23	11	времяпрзпровожденія	времяпровожденія
64	27	1851 года	1841 года
97	15	знакокомиться	знакомиться.
100	20	комната	компанія
109	16	вы уже	вы же
126	24	раэговоры	разговоры
127	12	состоиніе	состояніе
148	26	подобрая	подобная

МАРТЫНОВСКІЯ БУМАГИ.

НАКОНЕЦЪ, въ № 8 «Русскаго Архива, за 1893 годъ, появились «Мартыновскія бумаги», объ оставленіи которыхъ покойнымъ Николаемъ Соломоновичемъ Мартыновымъ такъ шумно возвѣстили «Московскія» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ 1876 году [1]), и прочтенія которыхъ въ свое время не могли добиться ни редакторъ «Русской Старины» М. И. Семевскій, ни біографъ поэта Лермонтова—П. А. Висковатовъ.

Находясь зиму 1893—1894 годовъ за границей, я не имѣлъ возможности прочитать появившуюся въ печати пресловутую рукопись и оцѣнить ее своевременно. Нынѣ же, возвратясь въ отчизну, спѣшу сдѣлать это, такъ какъ разсмотрѣніемъ и безпристрастной оцѣнкой рукописи и приложеній къ ней будетъ положенъ конецъ разномыслію о причинахъ дуэли поэта Лермонтова съ Мартыновымъ.

Мартыновскія бумаги состоятъ изъ: а) отрывковъ изъ его автобіографическихъ записокъ; б) копій съ показаній и частной переписки во время слѣдствія суда; в) выдержекъ изъ семейныхъ писемъ, и г) послѣсловія князя Д. Д. Оболенскаго.

Отрывковъ изъ автобіографическихъ записокъ Мартынова напечатано три: Вступленіе, Исповѣдь и Описаніе экспедиціи дѣйствующаго Кавказскаго отряда за Кубанью въ 1837 году.

Къ начертанію своихъ «Записокъ» Мартыновъ приступилъ въ 1869 году, въ виду появившагося въ печати приглашенія покаяться посредствомъ искренняго разсказа объ отношеніяхъ къ убитому имъ поэту.

---

[1]) №№ 44 и 51.

«Это приглашеніе,—пишетъ онъ во «Вступленіи къ запискамъ»,—навело меня на мысль, что со смертью моею, по всей вѣроятности, явится въ печати и не одна статья въ обвиненіе мое, въ укоръ памяти моей. Чтобы дать возможность дѣтямъ своимъ защитить память отца отъ незаслуженнаго укора, я рѣшился оставить записки. При чемъ будутъ приложены подлинные документы слѣдственной коммиссіи, потомъ суда и вся подспудная переписка съ секундантами, которая никогда свѣта не видала, но способна сама пролить свѣтъ на темныя стороны дуэли».

Намѣреніе вполнѣ похвальное, если бы оно, конечно, было исполнено. Но въ дѣйствительности гораздо легче давать обѣщанія, нежели исполнять ихъ: въ напечатанныхъ отрывкахъ «Записокъ» ничего въ оправданіе памяти ихъ автора не оказалось.

Но перейдемъ къ сущности дѣла.

«Съ чего начать,—восклицаетъ автобіографъ во «Вступленіи»:—вѣроятно, читателямъ будетъ небезынтересно познакомиться съ характеромъ Лермонтова, какъ я понималъ его, и прослѣдить наши сношенія съ нимъ. Обѣщаю говорить какъ можно менѣе о себѣ и разсказать все, что только припомню о Лермонтовѣ».

И онъ обрисовываетъ наружность и особенности характера Михаила Юрьевича, во время совмѣстнаго ихъ пребыванія въ юнкерской школѣ, въ слѣдующемъ очеркѣ.

«Наружность его весьма невзрачна: маленькій ростомъ, кривоногій, съ большою головою и непомѣрно широкимъ туловищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное, обыкновенное выраженіе глазъ въ. покоѣ — нѣсколько томное, но коль скоро онъ воодушевлялся, какъ, напримѣръ, проказами или школьничествомъ, глаза его начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ, зрачки же передвигались справа налѣво, и эта безостановочная работа съ одного человѣка на другого производилась иногда по нѣскольку минутъ сряду. Ничего подобнаго я у другихъ не видалъ. Глаза устаютъ гоняться за его взглядомъ, который ни на секунду не останавливался ни на одномъ предметѣ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ общемъ впечатлѣніи этого неуловимаго взгляда, сравнить его можно только съ механикой на картинахъ волшебнаго фонаря, гдѣ такимъ образомъ передвигаются глаза у звѣрей. Волосы у него были темные, но довольно рѣдкіе, съ свѣтлою прядью немного

повыше лба, виски и лобъ весьма открытые, зубы превосходные бѣлые и ровные какъ жемчугъ. Какъ я уже говорилъ, онъ былъ ловокъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади, но какъ въ наше время препмущественно обращали вниманіе на посадку, а онъ былъ сложенъ дурно, — не могъ быть красивъ на лошади; поэтому онъ никогда за хорошаго ѣздока въ школѣ не слылъ и на ординарцы его не посылали... По пѣшему фронту Лермонтовъ былъ очень плохъ, тѣ же причины, какъ и въ конномъ строю, но еще усугубленныя, потому что пѣшкомъ его фигура еще менѣе выносима критику... По пятницамъ у насъ учили фехтованію, классъ этотъ обязателенъ для всѣхъ юнкеровъ, и оставлялись на выборъ каждому рапира пли эспадронъ. Я гораздо охотнѣе дрался на саблях. Въ числѣ моихъ товарищей только двое умѣли и любили такъ же, какъ и я, это занятіе: то были Моллеръ и Лермонтовъ. Танцовалъ онъ ловко и хорошо. Умственное развитіе его было на столько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Онъ поступилъ въ школу уже человѣкомъ, много читалъ, много передумалъ, тогда какъ другіе еще вглядывались въ жизнь, онъ уже изучилъ ее со всѣхъ сторонъ. Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и воззрѣніями на людей далеко оставлялъ ихъ за собою. Изъ наукъ Лермонтовъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался русскою словесностью и исторіей. Вообще онъ имѣлъ способности весьма хорошія, но съ любовью относился только къ этимъ двумъ предметамъ».

На этомъ начатый очеркъ пріостановленъ, и слѣдующій отрывокъ имѣетъ уже заглавіе «Исповѣдь» и помѣту: 15 Іюля 1871 года.

«Сегодня минуло ровно 30 лѣтъ,—начинаетъ свою «Исповѣдь» Николай Соломоновичъ, — какъ я стрѣлялся съ Лермонтовымъ на дуэли. Трудно повѣрить! 30 лѣтъ — это почти цѣлая жизнь человѣческая, и мнѣ памятны малѣйшія подробности этого дня, какъ будто происшествіе случилось вчера. Углубляясь въ себя, переносясь мысленно за 30 лѣтъ назадъ и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена, и остатокъ дней моихъ сочтенъ, я чувствую желаніе высказаться, потребность облегчить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ моихъ и движеній сердца по поводу этого несчастнаго событія».

Благое намѣреніе высказалъ автобіографъ, но, къ сожалѣнію, оно такъ и осталось только благимъ намѣреніемъ.

Изъ «Исповѣди» мы узнаемъ только, что Михаилъ Юрьевичъ былъ добрый человѣкъ отъ природы, но свѣтъ его испортилъ, такъ что всѣ хорошія движенія сердца, всякій порывъ нѣжнаго чувства онъ старался также тщательно въ себѣ заглушать и скрывать отъ другихъ, какъ другіе стараются скрывать свои гнусные пороки. Въ доказательство сказаннаго Мартыновъ ссылается на отношенія поэта къ женщинамъ. Лермонтовъ, по его словамъ, считалъ постыднымъ признаться, что любилъ какую-нибудь женщину, что приносилъ какія-нибудь жертвы для этой любви, что сохранилъ уваженіе къ любимой женщинѣ: въ его глазахъ все это было романтизмъ, напускная экзальтація, которая не выдерживаетъ ни малѣйшаго анализа. Къ этому онъ прибавилъ, что Лермонтовъ въ юнкерской школѣ былъ школяромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Чтобы охарактеризовать его съ этой стороны, Николай Соломоновичъ привелъ слѣдующій случай. Среди юнкеровъ существовалъ обычай подвергать различнымъ испытаніямъ, порою даже весьма чувствительнымъ, всѣхъ вновь поступившихъ въ школу новичковъ, и Лермонтовъ былъ самымъ ярымъ послѣдователемъ этого обычая. Онъ давалъ новичкамъ насмѣшливыя прозвища, преслѣдовалъ ихъ сарказмами и не давалъ имъ покоя по ночамъ. По его инціативѣ, въ спальнѣ старшихъ юнкеровъ былъ сформированъ для проказъ особый «Нумидійскій эскадронъ». Юнкера этого эскадрона, по вечерамъ, когда новички были въ постеляхъ, вдругъ всѣ вставали, садились одинъ на другого верхомъ, накрывались простынями и, набравъ въ стаканы воды, по командѣ: «съ правой ноги въ галопъ!», мчались въ спальни новичковъ и спавшихъ обливали водой.

На этомъ свѣдѣнія о Лермонтовѣ въ «Исповѣди» обрываются.

Въ слѣдующемъ затѣмъ «Описаніи экспедиціи дѣйствующаго Кавказскаго отряда за Кубанью въ 1837 году» мы находимъ только, что Мартыновъ, отправившись въ апрѣлѣ того года на Кавказъ, посѣтилъ проѣздомъ Москву, гдѣ въ то время жили его родители и сестры, и прогостилъ у нихъ болѣе двухъ недѣль, и что въ это время пріѣхалъ также въ Москву и Михаилъ Юрьевичъ, съ которымъ онъ тамъ, до своего отъѣзда въ концѣ апрѣля, видѣлся почти каждый день, завтракалъ вмѣстѣ у Яра, но въ свѣтѣ они показывались мало.

Вотъ все, что Н. С. Мартыновъ нашелъ возможнымъ сказать въ своихъ «Запискахъ» объ убитомъ имъ поэтѣ. Оказалась ли шапка автобіографа не по головѣ красавца-кавалериста, или заявленная имъ

программа «Записокъ» — высказаться, облегчить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ и движеній сердца по поводу несчастной дуэли, на столько противорѣчила его лживымъ о причинахъ дуэли разсказамъ въ извѣстныхъ кружкахъ лицъ, что могла бы повредить ему въ свѣтѣ, или же внезапно вспыхнувшее чувство порядочности не позволило ему повторить печатно то, что онъ разсказывалъ близкимъ людямъ,—мы не знаемъ. Но только «Записки» неожиданно прерываются въ самомъ началѣ, и въ результатѣ получилось одно: гора родила мышь.

Къ «Запискамъ» приложены слѣдующія бумаги: 1) вопросные пункты, данные Н. С. Мартынову слѣдственной коммиссіей, и его на нихъ отвѣты; 2) нѣсколько записокъ и писемъ самого Мартынова, его секундантовъ и другихъ лицъ во время производства слѣдствія по дѣлу дуэли; и 3) вопросные пункты, данные Мартынову пятигорскимъ окружнымъ судомъ, и его на нихъ отвѣты.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ бумагъ, необходимо пояснить слѣдующее. Военно-слѣдственная коммиссія по дѣлу о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ была учреждена по предписанію мѣстнаго начальства. А такъ какъ Мартыновъ находился въ отставкѣ, то, по распоряженію этого начальства, съ окончаніемъ слѣдствія, его долженъ былъ судить пятигорскій окружный, т. е. гражданскій судъ. Но въ Петербургѣ взглянули на дѣло иначе и предписали предать его, вмѣстѣ съ прочими участниками дуэли, военному суду. Показанія, данныя имъ въ слѣдственной коммиссіи, такимъ образомъ были представлены вмѣстѣ съ дѣломъ въ военный судъ и послужили основаніемъ къ сужденію. Чтоже касается показаній, данныхъ пятигорскому окружному суду, то они остались безъ послѣдствій. Но мы, въ видахъ выясненія спорныхъ вопросовъ о причинахъ дуэли, о секундантахъ и др., приведемъ также и нѣкоторыя показанія, данныя Мартыновымъ окружному суду.

Сущность показаній Николая Соломоновича заключается въ слѣдующемъ. На вопросы коммиссіи онъ заявилъ: а) что причиной дуэли были шутки, остроты и непріятныя выходки со стороны Лермонтова, разрѣшившіяся острымъ объясненіемъ на вечерѣ у Верзилиныхъ, и что вражды и ссоры у нихъ прежде никакой не было; б) что секундантами находились: у него — Глѣбовъ, а у Лермонтова — князь Васильчиковъ; в) что выѣхалъ онъ на мѣсто дуэли изъ своей квартиры верхомъ, а бѣговыя дрожки далъ Глѣ-

бову, Лермонтовъ же съ кн. Васильчиковымъ догнали его уже на дорогѣ, выѣхавъ изъ дому тоже верхомъ; г) что никого, кромѣ сказанныхъ лицъ, на мѣстѣ дуэли не было; и никто рѣшительно не зналъ объ ней; и д) что стрѣлялись на лѣвой сторонѣ горы, по дорогѣ, ведущей въ колонію, вблизи кустарника, для чего былъ отмѣренъ барьеръ въ 15 шаговъ и отъ него въ каждую сторону еще по десяти, что каждый изъ стрѣлявшихся имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру, и что онъ первый пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени выстрѣла Лермонтова, потомъ спустилъ курокъ. Въ отвѣтахъ же окружному суду онъ, кромѣ того, сказалъ, что злобы къ Лермонтову никогда не питалъ и ссориться съ нимъ не задумывалъ. Поединокъ былъ совершенно случайный, и въ справедливости сказаннаго сослался на секундантовъ. Что же касается вопроса: не остался ли Лермонтовъ на мѣстѣ живъ и не говорилъ ли чего при прощаніи, Мартыновъ показалъ, что отъ сдѣланнаго имъ выстрѣла противникъ упалъ, и хотя признаки жизни еще были видны въ немъ, но онъ уже не говорилъ, и что онъ поцѣловалъ его и тотчасъ же отправился домой. О взятіи тѣла убитаго отозвался въ коммиссіи незнаніемъ, такъ какъ, возвратясь домой, онъ послалъ человѣка за оставшейся на мѣстѣ происшествія черкеской, чтобы явиться въ ней къ коменданту, и объ остальномъ ничего не знаетъ.

Выше мы упомянули, что Мартыновъ во «Вступленіи» сказалъ, что къ его «Запискамъ» будетъ приложена «Подспудная переписка съ секундантами», которая способна пролить свѣтъ на темныя стороны дуэли. Дѣйствительно «Подспудная переписка» эта приложена. Она весьма характеристична, такъ какъ даетъ возможность судить, на сколько данныя Мартыновымъ показанія обстоятельны, точны и правдивы. Но мы не будемъ касаться всей переписки, не имѣющей въ данномъ случаѣ интереса, приведемъ только тѣ записки кн. Васильчикова и Глѣбова, которыя писаны ими къ Мартынову, во время нахожденія его подъ арестомъ, съ цѣлію — заставить его давать показанія, не вполнѣ согласныя съ истиной, но могущія ослабить суровую отвѣтственность за совершенное преступленіе.

Вотъ что писали они:

«Посылаемъ тебѣ брульонъ 8 ст., ты къ нему можешь прибавить по твоему разумѣнію, но это сущность нашего отвѣта. Прочіе отвѣты твои совершенно согласуются съ нашими, исключая

того, что Васильчиковъ поѣхалъ верхомъ на своей лошади, а не на дрожкахъ бѣговыхъ со мной (Глѣбовымъ). Ты такъ и скажи. Лермонтовъ же поѣхалъ на моей лошади—такъ мы и пишемъ. Сегодня Траскинъ ещо разъ говорилъ, чтобы мы писали, что до насъ относится четырехъ: двухъ секундантовъ и двухъ дуэлистовъ».

«Признаемся тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно. Я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но и потому, что не видимъ ничего дурного съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю, и совсѣмъ не тому, чтобы ты хотѣлъ пролить кровь. Въ доказательство чего приводимъ то, что ты самъ не походилъ на себя, бросился къ Лермонтову, какъ онъ упалъ, и простился съ нимъ. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Трубецкаго и Столыпина, которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ».

«Надѣемся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на барьеръ, ты напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова. Скажи, что мы тебя уговаривали съ начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Лермонтова предупреждалъ тому три недѣли, чтобы тотъ не шутилъ на твой счетъ. О веселостяхъ Кисловодска писать нечего. Я долженъ же сказать, что уговаривали тебя на условія болѣе легкія, если будетъ запросъ. Теперь покамѣстъ не упоминай объ условіи трехъ выстрѣловъ; если же позже будетъ о томъ запросъ, тогда дѣлать нечего, надо будетъ сказать всю правду».

Черновыя отвѣтовъ (брульоны) были приложены при запискахъ слѣдующія:

«Отвѣтъ на 8 ст. Вслѣдствіе словъ Лермонтова: «вмѣсто пустыхъ угрозъ и пр.», которые уже были нѣкоторымъ вызовомъ, я на другой день требовалъ отъ него формальнаго удовлетворенія. Васильчиковъ и Глѣбовъ старались меня примирить съ Лермонтовымъ, но я отвѣчалъ, что: 1) предупреждалъ Лермонтова не смѣяться надо мною; 2) что слова Лермонтова уже были вызовъ; особенно настаивай на эти слова Лермонтова, которыя въ самомъ дѣлѣ тебя ставили въ необходимость его вызвать, или, лучше сказать, были уже вызовъ. Вотъ вкратцѣ брульонъ, обдѣлай по этому плану».

«Отвѣтъ на 4-й вопросъ. Глѣбовъ ѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ, Васильчиковъ—верхомъ.

«Въ 6-мъ вопросѣ: вмѣсто «въ домѣ Верзилиныхъ», напиши: «въ одномъ частномъ домѣ».

Изъ этихъ выписокъ видно, что показанія Мартынова и его соучастниковъ на слѣдствіи и судѣ не были обстоятельны, точны и правдивы. Не будемъ, однако, удивляться этому, постараемся лучше объяснить данный случай имѣющимися на лицо фактами.

Дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ по тому времени являлась событіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, даже на Кавказѣ, гдѣ бои и смерть были явленіями самыми обыденными. Лермонтовъ, какъ поэтъ-преемникъ Пушкина, какъ гвардеецъ, переведенный для выслуги въ армію, или же, наконецъ, какъ лицо, извѣстное въ высшихъ сферахъ Петербурга и только что возвратившееся оттуда съ усиленными рекомендаціями обратить на него особенное начальническое вниманіе, — волей неволей обращалъ на себя взоры всего официальнаго и неофиціальнаго міра. Смерть его переполошила всѣхъ. Начальника войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, генерала графа Граббе, въ то время въ Ставрополѣ не было: онъ выступилъ съ отрядомъ за Кубань. Обязанности его временно исполнялъ начальникъ штаба, флигель-адъютантъ Траскинъ [2]), давшій лично Лермонтову, при возвращеніи послѣдняго изъ Петербурга, позволеніе ѣхать, вмѣсто отряда, на воды въ Пятигорскъ. Конечно, онъ перетрусился болѣе всѣхъ и впопыхахъ прискакалъ въ Пятигорскъ, для того, чтобы разузнать причины дуэли, степень виновности прикосновенныхъ къ ней лицъ, распорядиться производствомъ формальнаго разслѣдованія дѣла коммиссіею, какъ можно наиноспѣшнѣе, и чтобы личнымъ своимъ вмѣшательствомъ предупредить могущія возникнуть въ разнородномъ на водахъ обществѣ недовольство и порицаніе, и дать извѣстное направленіе общественной мысли по поводу смерти поэта и ея послѣдствіямъ. Это былъ лѣнивый, гордый, надменный и самолюбивый человѣкъ, любившій пожить, пожуировать, поволочиться [3]), но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень дорожилъ собственной персоной. Ему необходимо было, чтобы смерть Лермонтова не возбудила въ Петербургѣ неудовольствія ни по поводу событія, ни въ отношеніи дѣйствій мѣстныхъ властей.

---

[2]) Впослѣдствіи начальникъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

[3]) Записки М. Я. Ольшевскаго («Русская Старина», 1893 годъ, № 6).

Съ этой цѣлью имъ былъ назначенъ въ слѣдственную коммиссію, учрежденную пятигорскимъ комендантомъ, для вящшаго наблюденія и руководства,—«свой глазъ», жандармскій подполковникъ Кувшинниковъ (засѣдавшій потомъ и въ судѣ). Затѣмъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше записокъ секундантовъ, онъ вошелъ въ непосредственные переговоры съ участниками дуэли, опредѣлялъ и указывалъ имъ: что и какъ должны они показывать на слѣдствіи и судѣ. При такой постановкѣ дѣла слѣдствіе и судъ велись чрезвычайно быстро. Все дѣлопроизводство ихъ, какъ мы имѣли возможность убѣдиться изъ подлиннаго слѣдственнаго и военно-суднаго дѣлъ о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ, находящихся въ Лермонтовскомъ музеѣ, ограничивалось снятіемъ съ привлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ по одному показанію, составленному по заранѣе данному руководителемъ брульону. Никакихъ передопросовъ или очныхъ ставокъ имъ сдѣлано не было, никто изъ посторонннихъ не допрашивался, и въ концѣ концовъ получился желаемый выводъ, что всему виною былъ самъ убитый. Быть можетъ, все это имѣло свою хорошую сторону: слѣдователи и судьи работали безъ большаго обремененія, масса свѣдущихъ лицъ оставлены въ покоѣ, Мартыновъ получилъ внушеніе, оба секунданта оправданы, и, главное, начальство не волновалось... Но для потомства стало ясно, что показанія, на которыхъ зиждется приговоръ суда, были если не всѣ, то въ большей части ложны...

Любопытнымъ можетъ показаться нѣкоторымъ читателямъ вопросъ: почему Глѣбовъ, этотъ другъ и секундантъ Михаила Юрьевича, послѣ смерти его тотчасъ подпалъ подъ вліяніе его противниковъ и былъ на судѣ и слѣдствіи солидаренъ съ ними?

Въ его пользу мы можемъ привести слышанный нами въ 1892 году отзывъ о немъ Дмитрія Аркадьевича Столыпина, товарища и родственника М. Ю. Лермонтова [4]).

Это былъ,—приводимъ только общіе штрихи разсказа,—честный, прямой и благородный человѣкъ, съ открытымъ, мягкимъ и добро-

---

[4]) Умершаго въ 1893 году. Въ біографіи его, появившейся въ газетѣ «Новое Время», заявлено, что онъ находился секундантомъ на дуэли Лермонтова. Но это не вѣрно. Секундантомъ на первой дуэли Лермонтова съ барономъ де-Барантомъ былъ, какъ извѣстно, Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, родной братъ Дмитрія Аркадьевича.

душнымъ характеромъ; но онъ былъ тогда еще очень молодъ, въ немъ таилась какая-то дѣвичья застѣнчивость, такъ что товарищи, съ легкой руки Михаила Юрьевича, звали его «баронессой». Никакой выдающейся роли въ своемъ кружкѣ онъ не игралъ и легко удовлетворялся тѣмъ, что друзья и сослуживцы любили его и уважали. При жизни Лермонтова Глѣбовъ стоялъ къ нему близко, увлекался его умомъ, силой воли и характера, и какъ многіе другіе, тѣснившіеся вокругъ поэта, друзья и почитатели его таланта, подчинялся его авторитету. Но едва поэтъ смежилъ свои очи, его друзьями овладѣлъ страхъ. Въ средѣ ихъ не оказалось никого другого, кто бы замѣнилъ убитаго, и кружокъ распался. Поразилъ Богъ пастыря, и овцы разсѣялись. Каждому, въ виду нежданно нагрянувшаго слѣдствія и суда, пришлось позаботиться о спасеніи собственной личности. Глѣбовъ оказался въ положеніи человѣка, ущемленнаго несчастіемъ. Дѣйствовать одному противъ цѣлой плеяды антагонистовъ убитаго — было ему не по силамъ, тѣмъ болѣе, что за ними стояло и начальство. Изъ поставленной ему дилеммы: идти противъ—нести отвѣтственность, идти совмѣстно—ждать милости, онъ избралъ послѣднее, по совѣту его товарища по несчастію, князя Васильчикова. Дѣйствія послѣдняго, какъ секунданта-руководителя до роковаго исхода дуэли, уже были описаны. Прибавимъ къ тому, что ему не трудно было овладѣть душою Глѣбова. Его отецъ находился въ Петербургѣ у источника власти и считался большой силой. Поэтому не только Глѣбовъ, но и начальство, съ Траскинымъ во главѣ, смотрѣли на него, какъ на залогъ счастливаго исхода изъ несчастной случайности, и спѣшили помогать ему во всемъ, что онъ находилъ тогда нужнымъ сдѣлать.

Конечно, съ точки зрѣнія идеи правды и чести, Глѣбовъ поступилъ опрометчиво, но родственники убитаго поэта снисходительно отнеслись къ нему и дружественныхъ отношеній съ нимъ не прерывали. По словамъ Д. А. Столыпина, онъ въ скорости послѣ дуэли получилъ отъ Глѣбова два письма: одно о положеніи и ходѣ дѣла, хлопотахъ, затрудненіяхъ, боязни и съ десяткомъ разныхъ просьбъ, другое съ описаніемъ дуэли, ея причинъ и послѣдствій. Послѣднее было написано для представленія вліятельнымъ лицамъ въ Петербургѣ и, конечно, какъ официальное, искренностью не отличалось. Оно, по просьбѣ Глѣбова, передано Столыпинымъ генералъ-адъютанту Философову, чрезъ котораго и получило дальнѣйшій ходъ. «По всей вѣроятности, — сказалъ Дмитрій Аркадьевичъ

въ заключеніе:—оно и понынѣ хранится гдѣ-нибудь въ архивѣ и современемъ будетъ найдено».

Но возвратимся къ показаніямъ Мартынова и укажемъ на тѣ, которыя наиболѣе не согласны съ истиной.

По всѣмъ изслѣдованіямъ и свидѣтельствамъ посторонихъ лицъ, собраннымъ въ біографіи поэта, составленной П. А. Висковатовымъ, и въ статьѣ нашей «Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова» [5]) устаповлено, что отношенія Мартынова къ Михаилу Юрьевичу какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе дни были дружественныя, и если какое-нибудь житейское обстоятельство, въ родѣ совмѣстнаго ухаживанія, напримѣръ, за дѣвицей Верзилиной, вызывали иногда между друзьями вспышки и пикировки, то это не нарушало крѣпкихъ старыхъ товарищескихъ связей, и противники враждовали только на почвѣ любви. Самъ редакторъ «Русскаго Архива», П. И. Бартеневъ, подтвердилъ намъ это весной 1892 года, говоря, что Мартыновъ друженъ былъ съ Лермонтовымъ до послѣдняго столкновенія, никогда и никому никакихъ жалобъ на него не заявлялъ, уважалъ въ немъ умъ, силу воли и мужественный характеръ. Въ доказательство этого онъ привелъ тотъ фактъ, что Лермонтовъ, какъ разсказывалъ ему впослѣдствіи самъ Мартыновъ, не задолго до дуэли пріѣзжалъ къ Николаю Соломоновичу въ степь, гдѣ у него въ недалекомъ разстояніи отъ Пятигорска стоялъ шатеръ въ родѣ калмыцкаго улуса, и провелъ тамъ цѣлый день, жалуясь на духоту окружающей ихъ на водахъ общественной атмосферы. Это—истина, какъ и то, что «досужіе люди», которымъ геній Лермонтова былъ острый ножъ, поссорили ихъ и поставили на барьеръ. Поэтому показанія Мартынова на слѣдствіи и судѣ, что предлоговъ къ ссорѣ никакихъ прежде не имѣлъ, и что поединокъ этотъ вышелъ совершенно случайно, въ виду шутокъ, остротъ и колкостей со стороны Лермонтова, — въ сущности справедливы и подтверждены какъ секундантами, такъ и другими лицами, какъ это видно изъ данныхъ, приведенныхъ въ вышеназванныхъ біографіи и статьѣ.

Но показаніе его, что вызовъ на дуэль послѣдовалъ вслѣдствіе систематичности насмѣшекъ и преслѣдованій его Лермонтовымъ, и что онъ неоднократно поставлялъ на видъ своему антагонисту, что онъ не намѣренъ служить мишенью для его остроу-

---

[5]) «Историческій Вѣстникъ 1892 года, №№ 2, 3 и 4.

мія и просилъ его прекратить ихъ,—невѣрно, такъ какъ изъ приведенной выше записки секундантовъ видно, что это ему подсказано съ цѣлью усилить виновность убитаго.

Далѣе, показаніе, что секундантами были: у Мартынова—Глѣбовъ, а у Лермонтова — князь Васильчиковъ, ложно. Въ дѣйствительности было наоборотъ: у Лермонтова — Глѣбовъ, а у Мартынова — князь Васильчиковъ. Ложное показаніе это дано на слѣдствіи и судѣ только Мартыновымъ, Глѣбовъ же и кн. Васильчиковъ показывали, что они были секундантами, но кто у кого — умолчали. Дѣйствительность нахожденія Глѣбова секундантомъ у Лермонтова удостовѣрили: Д. А. Столыпинъ, В. И. Чиляевъ, Н. П. Раевскій и др. Самъ князь Васильчиковъ, этотъ редакторъ Мартыновскихъ показаній на судѣ,—на вопросъ П. А. Висковатова: кто собственно былъ секундантомъ Лермонтова? — отвѣтилъ, что собственно не было опредѣлено, кто чей секундантъ. Прежде всего Мартыновъ просилъ Глѣбова, съ коимъ жилъ, быть его секундантомъ, а потомъ какъ-то случилось, что Глѣбовъ былъ какъ бы со стороны Лермонтова [6]).

Равномѣрно и показаніе Мартынова, что онъ выѣхалъ изъ своей квартиры на мѣсто дуэли верхомъ, а бѣговыя дрожки далъ Глѣбову и что Лермонтовъ и князь Васильчиковъ догнали его на дорогѣ, не имѣетъ и тѣни правды. Лермонтовъ, какъ извѣстно, еще за два дня до дуэли отправился въ Желѣзноводскъ и возвратился оттуда 15 іюля, Глѣбовъ же встрѣтилъ его въ колоніи Карасъ, гдѣ они съ дамами обѣдали, и послѣ обѣда поскакали на мѣсто дуэли верхомъ. Что же касается Мартынова и кн. Васильчикова, то они пріѣхали на мѣсто дуэли на бѣговыхъ дрожкахъ Мартынова. Это удостовѣрено В. И. Чиляевымъ, Н. П. Раевскимъ и др.

Относительно условій дуэли и о самой дуэли точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Мы знаемъ только то, что случилось. Условія, говорятъ, были слѣдующія: стрѣляться на пистолетахъ, дистанція 30 шаговъ, но сходиться на 10-ти шагахъ; Мартынову, какъ обиженному, стрѣлять первому. Глѣбовъ отмѣрилъ дистанцію и бросилъ шашку, а кн. Васильчиковъ оттолкнулъ ее еще на нѣсколько шаговъ. Мартыновъ снялъ черкеску, а Михаилъ Юрьевичъ только растегнулъ сюртукъ. Когда они встали на мѣста, Глѣбовъ подалъ пистолетъ Мартынову, а кн. Васильчиковъ — Лермонтову. Послѣдній остался

---

[6]) Біографія Лермонтова, стр. 423.

неподвиженъ, и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ дуэлиста. Когда Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, Мартыновъ подошелъ стремительно къ барьеру и сталъ цѣлить [7]). Онъ цѣлилъ такъ долго, что Глѣбовъ долженъ былъ крикнуть: «Стрѣляйте..., или я разведу васъ!»... Раздался выстрѣлъ, и поэтъ опустился на землю безъ слова и крика. На слѣдствіи и судѣ показывали секунданты, какъ видно изъ ихъ записокъ, и въ обществѣ объясняли, что выстрѣлъ этотъ — дѣло несчастнаго случая, и что Мартыновъ не хотѣлъ пролить крови. Но это не такъ. Изъ записки секундантовъ мы видимъ, что условлено было произвести, въ случаѣ неудачи, до трехъ выстрѣловъ. Значитъ, если бы первый выстрѣлъ былъ неудаченъ (Лермонтовъ отказался отъ выстрѣла и стоялъ съ пистолетомъ, поднятымъ дуломъ къ верху), Мартыновъ могъ бы стрѣлять второй и третій разы. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, должна была быть если не смерть, то рана и кровь. Секунданты болѣе всего опасались, чтобы объ этомъ не спросили ихъ въ коммиссіи, тогда они рѣшили сказать правду. Ложь показаній здѣсь вполнѣ очевидна, это подтверждается даже словами князя Васильчикова, говорившаго П. А. Висковатову: «мы дали тогда другъ другу слово молчать и не говорить никому ничего другого, кромѣ того, что будетъ нами показано на формальномъ слѣдствіи» [8]). На этомъ основаніи онъ и впослѣдствіи не хотѣлъ возстановить факты въ настоящемъ ихъ значеніи, такъ что и донынѣ подробности смерти поэта остаются невыясненными...

Не будемъ останавливаться на вопросѣ: въ какомъ порядкѣ возвратились лица, участвовавшія въ дуэли; извѣстно и подтверждено, что прежде всѣхъ поскакалъ Глѣбовъ и явился съ донесеніемъ къ коменданту, а Мартыновъ съ княземъ Васильчиковымъ возвратились на бѣговыхъ дрожкахъ. Обратимъ вниманіе на показаніе Мартынова, что Лермонтовъ не былъ убитъ его выстрѣломъ, но только раненъ, и что признаки жизни еще были видны въ немъ, хотя онъ не говорилъ. Значитъ, ходившіе затѣмъ въ Пятигорскѣ слухи, что поэтъ брошенъ былъ на мѣстѣ живой и скончался спустя послѣ того нѣсколько часовъ, когда его возили въ городѣ отъ коменданта

---

[7]) Показаніе Мартынова, что онъ пришелъ на барьеръ и ждалъ выстрѣла Лермонтова, подсказано запиской секундантовъ.

[8]) Біографія поэта, стр. 423.

на гауптвахту, отъ гауптвахты къ церкви и отъ церкви домой, на квартиру—не лишены основанія. Если это, какъ и многое другое, сказано ложно, для уменьшенія отвѣтственности, такъ какъ въ свидѣтельствѣ доктора Барклая-де-Толли, производившемся только 17 іюля, написано, что Лермонтовъ отъ раны мгновенно на мѣстѣ поединка умеръ, — то да будетъ прощено это участникамъ дуэли. Въ противномъ случаѣ, оставленіе тяжко раненаго на мѣстѣ есть просто преступленіе, такъ какъ они имѣли возможность, для медицинской помощи, отвезти его въ городъ на тѣхъ бѣговыхъ дрожкахъ, на которыхъ уѣхали сами. Это темное обстоятельство доказываетъ только одно, что противники поэта не считали нужнымъ съ нимъ церемониться. Чтобы не показаться пристрастными, сошлемся на слѣдующій фактъ: Мартыновъ, какъ видно изъ его показанія, тотчасъ по возвращеніи домой, приказалъ своему человѣку отправиться на мѣсто дуэли, но не для помощи или успокоенія раненаго, а для того, чтобы онъ принесъ оставленную имъ тамъ впопыхахъ черкеску. Человѣкъ этотъ, однако, участвовалъ и въ перевозкѣ Лермонтова, но это уже было исполнено имъ по распоряженію мѣстныхъ властей.

Этимъ мы оканчиваемъ разсмотрѣніе историческихъ данныхъ и перейдемъ къ слѣдующимъ, подъ которыми никакой почвы не имѣется. Мы разумѣемъ тутъ, конечно: «Выписки изъ семейныхъ писемъ» и «Послѣсловіе князя Д. Д. Оболенскаго». Это не горькое слезоточивое повѣствованіе Николая Соломоновича, имѣвшее задачей — «высказаться, облегчить совѣсть откровеннымъ признаніемъ и т. п.», а старая, опровергнутая и давно забытая фанфаронада о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ, вслѣдствіе непередачи первымъ послѣднему конверта съ письмами или дневниками его сестеръ.

Въ числѣ семейной переписки напечатаны тѣ три выписки изъ писемъ Мартынова къ отцу, отъ 5 октября 1837 г., и его матери къ нему, отъ 25 мая и 6 ноября, того же года, которыя уже были воспроизведены княземъ Д. Д. Оболенскимъ въ № 5754 «Новаго Времени» 1892 года, о посылкѣ съ Лермонтовымъ конверта, въ которомъ находились, между прочимъ, деньги 300 р., и о полученіи Мартыновымъ только денегъ, такъ какъ конвертъ во время пути у Лермонтова былъ украденъ вмѣстѣ со всѣми вещами, находившимися въ его чемоданѣ. Историческаго значенія эти письма никакого не имѣютъ, такъ какъ посылка конверта состоялась въ 1837 году, и непередача Лермонтовымъ писемъ или дневниковъ

сестеръ Мартынова не могла быть причиною дуэли въ 1841 году. Но легенда создана, и благодаря недобросовѣстности автора и услужливости друзей его, эта злобная и безсмысленная клевета уже болѣе 50 лѣтъ носится надъ могилой безвременно погибшаго поэта.

Но чтобы не показаться голословнымъ, прослѣдимъ ходъ появленія и распространенія въ обществѣ Мартыновской клеветы.

Первый слухъ о письмахъ, какъ причинѣ дуэли, сообщенъ Я. И. Костенецкимъ [9]) со словъ Мартынова, котораго онъ встрѣтилъ въ концѣ октября 1841 г., когда тотъ, въ ожиданіи рѣшенія своей участи по приговору военнаго суда, находился въ Желѣзноводскѣ. Изъ разсказа бывшаго московскаго полицеймейстера Н. П. Огарева, со словъ тоже Николая Соломоновича, мы знаемъ [10]), что на подобное заявленіе натолкнулъ его одинъ изъ находившихся въ 1841 г. въ Пятигорскѣ жандармскихъ офицеровъ [11]), который сдѣлалъ нѣчто подобное и въ донесеніи своемъ генералу Дубельту. Выходка эта будетъ вполнѣ понятна, если мы припомнимъ, что генералъ Дубельтъ былъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а графъ Бенкендорфъ, командиръ корпуса, какъ извѣстно, преслѣдовалъ въ послѣднее время поэта и ему, вѣроятно, нужны были подобныя свѣдѣнія для какихъ-нибудь цѣлей.

Но такъ какъ эта ложь никакой почвы подъ собою не имѣла, то она, промелькнувъ, много лѣтъ была предана забвенію. Возобновленіе ея мы видимъ уже послѣ 1870 года, когда появились въ печати первыя предположенія о загадочности смерти поэта. Чтобы отвѣчать на нихъ, князь А. П. Васильчиковъ принялся за перо, а Н. С. Мартыновъ, по свойственной ему манерѣ, сталъ посвящать въ подробности не только друзей, но и постороннихъ лицъ, интересовавшихся событіемъ, своими интимными разсказами. Такъ, мы имѣемъ повѣствованія о письмахъ отъ друзей и почитателей Мартынова, напримѣръ, П. И. Бартенева [12]); а затѣмъ и отъ совершенно постороннихъ людей, встрѣтившихся съ Мартыновымъ совершенно случайно, г. Бетлинга и доктора Пирожкова [13]).

---

[9]) Его Воспоминанія: «Русская Старина», 1885 г., № 9 и «Русскій Архивъ», 1887 г., № 1.

[10]) Статья «Новыя свѣдѣнія о Лермонтовѣ»: «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 11.

[11]) Вѣроятно, «глазъ Траскина»—Кувшинниковъ.

[12]) «Русскій Архивъ», 1887 г., № 1.

[13]) «Нива», 1885 г., № 27.

Такимъ образомъ, мы можемъ установить тотъ фактъ, что измышленіе клеветы всецѣло принадлежитъ злому генію поэта — Н. С. Мартынову, и какъ подобная басня ни безсмысленна, но у нея, какъ у всякой лжи, къ несчастью, нашлись распространители. Оспаривать вновь эту ложь мы не считаемъ нужнымъ, такъ какъ она уже получила должное возмездіе, но для нѣкоторыхъ читателей, быть можетъ, интересно было бы уяснить, почему именно Мартыновъ прибѣгнулъ къ такому непозволительному средству. Злой геній поэта, по словамъ П. А. Арсеньева [14]), былъ человѣкъ безхарактерный и поэтому всегда находился подъ чьимъ либо постороннимъ вліяніемъ. Увлеченному на лживыя показанія на слѣдствіи и судѣ своими секундантами, ему уже не была тягостна новая ложь, имѣвшая для него характеръ свѣтской сплетни. А разъ человѣкъ сошелъ на стезю неправды, ему уже ничего не стоило повторять разъ пущенную въ обращеніе клевету. Друзья Николая Соломоновича находили характеръ его загадочнымъ. Князь А. И. Васильчиковъ въ восьмидесятыхъ годахъ говорилъ П. А. Висковатову, что «изъ источниковъ, близкихъ Мартынову, исходятъ разсказы, несогласные съ дѣйствительностью» [15]), а подобный отзывъ близкаго къ дѣлу человѣка— уже приговоръ...

Но за всѣмъ тѣмъ по отношенію Николая Соломоновича общественная совѣсть, можетъ быть, допуститъ еще какія-нибудь смягчающія обстоятельства: онъ совершилъ убійство—и, говорятъ, страдалъ; въ глазахъ людей, которые казались ему болѣе строгими, ему хотѣлось чѣмъ-нибудь оправдаться; въ годовщину дуэли онъ цѣлый день истязалъ себя молитвой и постомъ, сожалѣя о смерти поэта отъ его руки. Слѣдовательно, онъ можетъ казаться жалкимъ, но во всякомъ случаѣ достоинъ сожалѣнія...

Пожалуй, можно допустить, что истязательныя молитвы обусловливались не сожалѣніемъ о смерти поэта: тотъ кто не протянулъ руки примиренія передъ дуэлью, не смотря на представленія секундантовъ и просьбы всѣхъ друзей поэта, и жаждалъ кроваваго удовлетворенія, кто, придя на барьеръ, цѣлилъ въ противника, не желавшаго даже стрѣлять, такъ долго, что секундантъ долженъ былъ сказать: «стрѣляйте! или я разведу васъ!»... [16]), кто не взялъ

---

[14]) «Нива», 1885 г.. № 27.
[15]) Біографія поэта, стр. 442. Примѣчаніе.
[16]) Кстати необходимо оговориться: въ запискѣ секундантовъ

смертельно раненаго противника на свои дрожки и уѣхалъ домой, оставя его умереть одного въ полѣ, кто послѣ смерти распустилъ о немъ недобрые слухи,—тотъ едва ли будетъ сожалѣть о его смерти Скорѣй всего, на душѣ его лежала тяжелая тайна—преднамѣренность, тайна, такъ тщательно соучастниками укрытая, и она-то, можетъ быть, заставляла его лить слезы и возносить молитвы о прощеніи содѣяннаго. Но такъ или иначе общественная совѣсть, повторяемъ, еще можетъ допустить по отношенію Николая Соломоновича нѣкоторыя смягчающія обстоятельства...

Но что сказать въ оправданіе людей, продолжающихъ донынѣ разносить по бѣлу свѣту реставрированныя имп, какъ нѣчто стоящее вниманія, старыя басни. Не зная ни сути дѣла, ни его литературы, ни результатовъ многолѣтнихъ изслѣдованій, они, прочитавъ случайно какую-нибудь статью, дополняющую изслѣдованія, вдругъ припоминаютъ что-то слышанное въ дѣтствѣ, чуть не отъ няньки, просвѣтляются, впадаютъ въ экстазъ и, схвативъ перо, принимаются выкладывать на бумагу весь старый хламъ своей памяти. Они смѣло восклицаютъ, что всѣ, писавшіе прежде, ходили только «около» сути дѣла, что вся ихъ работа—нуль, и что только имъ однимъ извѣстна истина. Но эта истина оказывается, однако, давно извѣстной всѣмъ сказкой «о конвертѣ съ дневниками стеръ Мартынова и деньгами 300 р.». Имъ представляютъ, что конвертъ съ дневниками—одно, а дуэль—другое, что между ними нѣтъ ничего общаго, что конвертъ не могъ быть причиной дуэли, такъ какъ исторія съ нимъ случилась за четыре года, а дружба въ это время между поэтомъ и Мартыновымъ не нарушалась, и что, наконецъ, пропажа чемодана съ вещами, гдѣ хранился конвертъ, свѣдущими людьми удостовѣрена. Они съ задоромъ отвѣчаютъ: «ну, чтожъ! если времени между исторіей писемъ и поединкомъ прошло много, то, быть можетъ, были еще и другія причины»... и беззастѣнчиво заносятъ на страницы историческаго журнала старую опровергнутую критикой басню. Но уразумѣемъ суть намека, что, «быть можетъ, были еще и другія причины»...

съ брульонами упоминается, что Мартыновъ третій разъ въ жизни стрѣлялъ изъ пистолета на дуэли съ Лермонтовымъ, но этотъ счетъ выстрѣловъ относится къ числу его выстрѣловъ на дуэляхъ; вообще же Николай Соломоновичъ обучался стрѣльбѣ въ школѣ и считался хорошимъ стрѣлкомъ.

т. е. причины дуэли, кромѣ конверта. Намекъ этотъ вульгаренъ и не чистъ. Онъ, нужно думать, относится къ увлеченію Лермонтова сестрой Мартынова, Натальей Соломоновной. Намъ говорятъ о визитѣ къ ней Михаила Юрьевича и насмѣшкѣ надъ ея сентиментальностью, о томъ, что она, вернувшись съ Кавказа въ 1837 году, бредила Лермонтовымъ, разсказывала, что она изображена въ романѣ «Герой нашего времени», и красовалась въ знаменитой красной шали, которую такъ любилъ будто бы поэтъ. Въ свое время розсказни эти были также опровергнуты: съ одной стороны, указаніемъ на то, что знакомство Лермонтова съ дѣвицами Мартыновыми относится къ ранней его юности, чему могутъ служить доказательствомъ стихи его Н. С. Мартыновой, написанные въ 1830 году [17]), и что впослѣдствіи, при случайныхъ встрѣчахъ въ 1837 или 1839 годахъ, знакомство это ограничивалось одними визитами; съ другой же стороны, что всѣ сердечныя увлеченія поэта извѣстны, но объ ухаживаніи его за Натальей Соломоновной, кромѣ нея самой, никто ничего не слышалъ. Въ дополненіе къ этому прибавимъ, что вернувшаяся въ 1837 году съ Кавказа сестра Мартынова (да и были-ли вообще Мартыновы въ этомъ году на Кавказѣ—еще проблемма) не могла разсказывать, что она изображена въ романѣ «Герой нашего времени», и рисоваться въ красной шали, потому что романъ этотъ былъ написанъ въ 1838—1839 годахъ и появился въ печати только въ 1840 году. Очевидно, что всѣ подобныя сердечныя откровенія сентиментальной дѣвицы, такъ усердно распространяемыя нынѣ досужими разсѣвателями старыхъ басенъ, есть ни что иное, какъ pia desideria влюбленной барышни, принявшее въ ея головкѣ форму факта, по всей вѣроятности, гораздо позднѣе, когда поэта, быть

---

[17]) Вотъ это стихотвореніе:

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ,
И что другое все забылъ.

Можно ли найти въ этомъ стихотвореніи хотя какой-либо намекъ на сердечныя отношенія? А споры съ дѣвицами, какъ бы онѣ ни были умны, не особенно привлекали къ нимъ поэта.

можетъ, уже не было въ живыхъ, и для фантазіи явилось широкое поле. Но для чего, поставимъ вопросъ, извлекать все это изъ мрака, плѣсени и забвенія, и кому это нужно?

Князь Д. Д. Оболенскій въ «Послѣсловіи» своемъ обрушивается на насъ по поводу статей нашихъ, появившихся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 года. Не будемъ напрасно горячиться и ломать копій изъ-за пустяковъ: «Послѣсловіе» почтеннаго автора не достаточно серьезно для серьезныхъ споровъ и препирательствъ. Скажемъ въ отвѣтъ только нѣсколько словъ, могущихъ возстановить истину, попранную послѣднимъ поклонникомъ Мартынова.

«Меня поразилъ,—пишетъ авторъ «Послѣсловія»:—тонъ и безцеремонный пріемъ человѣка, пишущаго чрезъ полвѣка о людяхъ, совершенно незнакомыхъ, и по справкамъ, собраннымъ во время отъ 30 до 50 лѣтъ послѣ поединка. И что онъ могъ узнать? Старикъ Чиляевъ очень вѣрно отвѣтилъ, что ничего не помнитъ и за давностью все забылъ».

Благодаримъ князя Д. Д. Оболенскаго за то, что онъ призналъ въ трудѣ нашемъ изслѣдованіе «по справкамъ» за полвѣка. Мы сами въ концѣ статьи нашей: «Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова», заявили, что разобраться въ нагроможденіи лжи на ложь, клеветы на клевету и извѣтовъ на извѣты, и возстановить во всей чистотѣ и блескѣ геніальную личность автора «Демона» и «Героя нашего времени»—дѣло будущаго историка жизни Михаила Юрьевича. Мы же, съ своей стороны, даемъ только матеріалы, факты и свѣдѣнія, собранные нами съ цѣлію содѣйствія будущему историку въ дѣлѣ выясненія истины. Программой этой мы руководимся и нынѣ, и не стыдимся того, что собираемъ и вносимъ въ исторію однѣ только презрѣнныя «справки». О времени же, за которое собраны нами «справки», позволимъ себѣ замѣтить, что Шекспиръ жилъ 300 слишкомъ лѣтъ до насъ, но о немъ до сихъ поръ еще пишутъ, и подъ часъ новая какая-нибудь ничтожная «справка» проливаетъ свѣтъ на жизнь или дѣятельность великаго человѣка. Почему же подобный масштабъ не можетъ быть примѣненъ и по отношенію М. Ю. Лермонтова? Истинные почитатели его таланта радуются появленію каждой новой строки, могущей обрисовать загадочный характеръ поэта, его взгляды и стремленія, или его борьбу за жизнь и принципы. И что бы ни восклицали о «справкахъ» мартыновцы, мы убѣждены, что о Михаилѣ Юрьевичѣ будутъ писать у насъ не 30—50 лѣтъ, а столько же, сколько и о Шекспирѣ.

Профессоръ В. М. Модестовъ, дѣлая изслѣдованіе о Тацитѣ, говоритъ: «читать его, писать о немъ, переводить его, и снова, снова писать о немъ—ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе... Полюбить великаго писателя, сростись съ нимъ, сжиться съ нимъ—какое это, въ самомъ дѣлѣ, великое благо для мыслящаго человѣка»... Мы тоже можемъ повторить и относительно М. Ю. Лермонтова, добавивъ еще къ тому, что писать о немъ тѣмъ болѣе пріятно, что приходится защищать память его отъ тенденціозныхъ нареканій и ложныхъ извѣтовъ, отъ которыхъ, не смотря на всю несообразность и каррикатурность ихъ, не только не хотятъ отказаться друзья послѣдователи безпринципнаго противника поэта, но еще съ большей настойчивостью и задоромъ продолжаютъ повторять ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Но возвратимся къ отвѣту автору «Послѣсловія».

Въ статьѣ нашей, на которую нападаетъ кн. Д. Д. Оболенскій, мы только собрали матеріалы, или, если князю такъ болѣе нравится, «справки» о жизни поэта въ 1841 году въ Пятигорскѣ и сдѣлали изъ нихъ соотвѣтственный, или казавшійся намъ соотвѣтственнымъ, выводъ. Мы старались указать на неточности, вкравшіяся въ біографіи поэта, изданныя по случаю 50-тилѣтія со дня его смерти, приняли во вниманіе новыя свѣдѣнія, не бывшія въ рукахъ редакторовъ сказанныхъ біографій, какъ, напримѣръ, дѣла и замѣтки В. И. Чиляева, разсказы Н. П. Раевскаго, слуги Лермонтова Саникидзе и др., и такимъ образомъ выяснили многое, что казалось прежде неяснымъ, темнымъ, или совершенно чуждымъ характеру или принципамъ поэта.

Напрасно авторъ «Послѣсловія» восклицаетъ: что мы могли узнать, въ особенности отъ В. И. Чиляева, который самъ отвѣчалъ, что ничего не помнитъ и все забылъ! Изъ дальнѣйшихъ объясненій князя Д. Д. Обеленскаго мы убѣждаемся, что онъ удостоилъ прочтенія только «часть сказаній нашихъ». А это не дѣлаетъ ему чести: нельзя ополчаться на сочиненіе, не зная его вполнѣ. Если бы почтенный нашъ антагонистъ потрудился прочитать статью нашу до конца, то онъ бы, можетъ быть, не ратовалъ противъ насъ, или, по крайней мѣрѣ, не изрекалъ бы такихъ своеобразныхъ заключеній, что всѣ писавшіе о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ «ходятъ около, но никто еще не узналъ и не высказалъ дѣйствительной причины»... Не написалъ бы онъ, вѣроятно, и своего отзыва о старикѣ Чиляевѣ. Онъ увидѣлъ бы, что этотъ почтенный человѣкъ

отозвался запамятованіемъ только о мѣстѣ бывшей могилы поэта въ Пятигорскѣ, и то потому, что часть кладбища отошла подъ вновь воздвигнутый храмъ. Во всемъ остальномъ указанія его неоцѣненны, такъ какъ пролили свѣтъ на многія темныя стороны роковой кончины поэта, и мы смѣло можемъ выразить увѣренность, что современемъ тайна эта будетъ выяснена окончательно. Достовѣрность Чиляевскихъ свѣдѣній нельзя уничтожить однимъ взмахомъ пера: онъ, дескать, все забылъ и ничего не помнитъ; ибо онъ не разсказывалъ о событіяхъ спустя 30 лѣтъ послѣ дуэли, какъ увѣряетъ князь Оболенскій; онъ передалъ намъ замѣтки, сдѣланныя имъ—въ 1841-мъ году, и передалъ подлинныя дѣла. А что онъ зналъ суть дѣла, даже болѣе, чѣмъ сами участники дуэли,—будетъ очевиднымъ, если мы припомнимъ, что онъ не былъ лицомъ заинтересованнымъ и, слѣдовательно, перетолковывать и искажать факты надобности не имѣлъ, и что свѣдѣнія, даже интимныя, могли быть ему извѣстны болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, такъ какъ онъ въ 1841 году исполнялъ должность плацъ-адъютанта комендантскаго управленія и въ секреты службы, равно какъ и въ секреты обывательскіе, былъ, конечно, посвященъ.

Далѣе князь Д. Д. Оболенскій принимаетъ подъ свое покровительство князя Васильчикова. Въ статьѣ нашей появились отзывы объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ, не понравившіеся автору «Послѣсловія», и онъ съ гордостью говоритъ, что взялся за перо, съ цѣлію защитить память князя отъ нареканій. Отъ какихъ нареканій—конечно, не объяснено; говорится въ общихъ фразахъ, что роль князя не подтверждается нигдѣ, и въ доказательство незнакомства нашего съ дѣломъ указано, что мы даже не знали, кто у кого изъ противниковъ былъ секундантомъ на дуэли, такъ какъ въ показаніяхъ Мартынова князь Васильчиковъ былъ названъ секундантомъ Лермонтова. Не чувствуя ни малѣйшей охоты воевать съ мельницами, мы замѣтимъ только, что лично отъ себя никакихъ ролей князю Васильчикову не давали, а если изъ замѣтокъ В. И. Чиляева нѣкоторыя дѣйствія Васильчикова разоблачились и получили надлежащее освѣщеніе, то мы тутъ не причемъ. Мы только, по словамъ самого автора «Послѣсловія», собрали «справки». А что эти «справки» нигдѣ не подтверждаются, то подобное заключеніе можно сдѣлать по прошествіи извѣстнаго времени, а не тотчасъ послѣ появленія статьи, и даже не статьи, а только части статьи. Что же касается ссылки на секундантство князя Васильчикова у

Лермонтова, то вопросъ объ этомъ выясненъ намъ выше и можетъ считаться покончennымъ.

Входить въ полемику о личностяхъ, о клеветѣ, о неумѣніи Мартынова стрѣлять, о драгоцѣнности оставленныхъ имъ бумагъ— мы не считаемъ себя вправѣ, такъ какъ подобная полемика нисколько не разъясняетъ истины, и если что позволимъ себѣ выразить, то это удивленіе, зачѣмъ понадобилось князю Д. Д. Оболенскому еще разъ печатать разсказъ свой о посылкѣ сестрами Мартынова съ Лермонтовымъ, для передачи брату своему, конверта съ дневниками и деньгами, о влюбленности Натальи Соломоновны въ Лермонтова, ея бредѣ о немъ и щегольствѣ красной шалью. Неужели онъ предполагаетъ, что можетъ найтись человѣкъ, который заинтересуется подобными свѣдѣніями? Все это прошло уже черезъ критику и признано баснями. Для чего же было повторять ихъ? Кому это нужно?

15 Іюня 1894 года
г. С.-Петербургъ.

СЛУГА ПОЭТА ЛЕРМОНТОВА ХРИСТОФОРЪ САНИКИДЗЕ И ЕГО РАЗСКАЗЫ О НЕМЪ.

ВЪ ТИФЛИСѢ донынѣ проживаетъ гурійскій уроженецъ Христофоръ Дмитріевъ Саникидзе, находившійся въ услуженіи у поэта М. Ю. Лермонтова, во время пребыванія его въ Пятигорскѣ въ 1841 году. По словамъ лицъ, видѣвшихъ его, это уже старикъ лѣтъ 70-ти слишкомъ, но еще бодрый и словоохотливый. Разсказы его о службѣ у Лермонтова записаны Б. Ѳ. Эркгардтомъ и напечатаны въ газетѣ «Кавказъ», 1891 года, № 185. Многое, конечно, оказалось въ нихъ не точнымъ, такъ какъ память старику измѣняла, но оказалось и нѣсколько цѣнныхъ свѣдѣній о частной жизни, привычкахъ и времяпрепровожденія поэта. Наиболѣе интересными изъ нихъ мы воспользовались и включили ихъ въ статью: «Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова», напечатанную во 2-мъ томѣ настоящаго изданія «Дѣла и люди вѣка». Вслѣдъ за тѣмъ, лѣтомъ 1894 г., въ редакцію «Историческаго Вѣстника» доставленъ портретъ Саникидзе и «опросъ» его о жизни и смерти поэта, сдѣланный г. А. Эйснеромъ. Редакція просила насъ просмотрѣть эту рукопись и выбрать изъ нея то, что въ ней представляется правдивымъ и имѣющимъ какое-либо значеніе для біографіи Лермонтова. Въ сущности, все разсказанное Саникидзе г. Эйснеру и записанное послѣднимъ есть ни что иное, какъ перифразъ того же самаго разсказа, который напечатанъ В. Ѳ. Эркгардтомъ въ газетѣ «Кавказъ»; но мѣстами попадаются въ немъ и новыя, не лишенныя интереса, свѣдѣнія.

Опросъ Саникидзе записанъ въ формѣ монолога старика-слуги, трактующаго простымъ, вульгарнымъ языкомъ «восточнаго человѣка» о жизни барина, безъ всякой связи и послѣдовательности

въ разсказѣ, такъ, какъ онъ вылился изъ устъ разсказчика. Появиться въ такомъ видѣ въ печати опросъ этотъ, конечно, не можетъ; тѣмъ болѣе, что г. Эйснеръ, очевидно, по незнанію сути дѣла и его литературы, не потрудился даже, посредствомъ переопроса и указанія неточностей и пропусковъ, выяснить и дополнить записанные имъ факты. Но за всѣмъ тѣмъ было бы ошибкой, если бы мы, въ интересахъ всесторонняго изслѣдованія жизни великаго поэта, не отмѣтили въ опросѣ Саникидзе тѣхъ строкъ, въ которыхъ разсказано имъ нѣчто новое о занятіяхъ Михаила Юрьевича, его кончинѣ и уничтоженіи оставшихся послѣ его смерти бумагъ.

Саникидзе говоритъ между прочимъ: а) что Лермонтовъ умѣлъ играть на флейтѣ и забавлялся этой игрой изрѣдка; б) что характеръ у него былъ добрый, но вспыльчивый. Много говорить онъ не любилъ. Обыкновеннымъ времяпровожденіемъ у него было ходить по комнатѣ изъ угла въ уголъ и курить трубку съ длиннымъ чубукомъ. Писалъ онъ болѣе по ночамъ, или рано утромъ, но писалъ и урывками днемъ, присядетъ къ столу, попишетъ и уйдетъ. Писалъ онъ всегда въ кабинетѣ, но писалъ, случалось, и за чаемъ на балконѣ, гдѣ проводилъ иногда цѣлые часы, слушая пѣніе птичекъ; в) что при перевозкѣ Лермонтова съ мѣста поединка его съ Мартыновымъ въ Пятигорскъ (при чемъ Саникидзе находился) Михаилъ Юрьевичъ былъ еще живъ, стоналъ и едва слышно прошепталъ: «умираю»; но на полъ-дорогѣ стонать перестался и умеръ спокойно; г) что по привозѣ тѣла домой его внесли въ зало и положили сперва на диванъ, а потомъ на столъ; когда же пришелъ художникъ г. Шведе, для снятія портрета, тѣло подняли и посадили на подушкахъ къ стѣнѣ, «будто живой сидитъ и дремлетъ»; д) что оставшіяся послѣ смерти поэта бумаги дядька его (бывшій при немъ камердинеромъ) уничтожилъ, «бралъ со стола и жегъ, чтобы никому не достались»; е) что сюртукъ Лермонтова, въ которомъ онъ дрался на дуэли, Саникидзе сжегъ, такъ какъ онъ былъ весь въ крови и грязи и прострѣленъ пулею; а нѣкоторыя вещи, трубки и какіе-то стихи были имъ взяты и положены въ сундукъ, который онъ отдалъ на сохраненіе одному знакомому казаку, но воспользоваться укрытымъ добромъ не могъ, такъ какъ у казака все это добро пропало.

Самымъ существеннымъ изъ этихъ краткихъ сказаній является, безъ сомнѣнія, то, что Лермонтовъ, когда перевозили его

слуги съ мѣста дуэли въ городъ, былъ еще живъ, стоналъ и шепталъ, и что онъ примолкъ и умеръ на полдорогѣ.

До сихъ поръ моментъ смерти великаго поэта не былъ еще опредѣленъ съ надлежащей точностью.

По изслѣдованіямъ и біографіямъ поэта, существовали двѣ версіи: одна, оффиціальная, основанная на показаніяхъ секундантовъ Глѣбова и князя Васильчикова и подтвержденная удостовѣреніемъ врача, вскрывавшаго тѣло, что Михаилъ Юрьевичъ скончался на мѣстѣ поединка, тотчасъ послѣ выстрѣла, сдѣланнаго противникомъ; и другая, народная, что онъ умеръ дорогою, во время перевезенія въ городъ, и чуть ли даже не въ самомъ городѣ, когда его возили отъ комендантскаго управленія на гауптвахту, отъ гауптвахты къ церкви и отъ церкви домой. Хотя извѣстная пословица и говоритъ: «гласъ народа—гласъ Бога», но такъ какъ гласъ этотъ болѣе полустолѣтія никакими достовѣрными свидѣтельствами не подтверждался, то и значеніе его было не болѣе гласа, вопіющаго въ пустынѣ. Въ настоящее время представляется возможнымъ установить факты, подтверждающіе достовѣрность послѣдней версіи. Изъ прежнихъ свѣдѣній, появившихся въ печати, было извѣстно только: а) что Лермонтовъ, раненый пулею навылетъ, упалъ на землю и, когда Глѣбовъ подошелъ къ нему, сказалъ: «Миша, я умираю».... [1]), значитъ, онъ не былъ пораженъ на мѣстѣ моментально, но упалъ живой и могъ еще говорить, и б) что Глѣбовъ, явясь къ коменданту, доложилъ ему только о состоявшейся дуэли, на которой Лермонтовъ раненъ смертельно [2]); фраза же въ оффиціальномъ донесеніи «отъ каковой раны Лермонтовъ померъ на мѣстѣ» появилась по сдѣланному за тѣмъ секундантамъ опросу, когда тѣло поэта было привезено уже въ городъ. Нынѣ, изъ такъ называемыхъ «Мартыновскихъ бумагъ» [3]), мы видимъ, что Н. С. Мартыновъ на вопросъ пятигорскаго окружного суда: не остался ли Лермонтовъ живъ и не говорилъ ли чего при прощаньи, показалъ, что отъ сдѣланнаго имъ выстрѣла противникъ упалъ, но признаки жизни еще были видны въ немъ, хотя онъ ничего уже не говорилъ. Затѣмъ Христофоръ Саникидзе, участвовавшій въ перевозкѣ Лермонтова съ мѣста поединка въ городъ, въ приведенномъ выше

---

[1]) Разсказъ Раевскаго, со словъ Глѣбова («Нива», 1885 г., № 8).
[2]) Разсказъ Чиляева («Истор. Вѣстникъ», 1892 г., № 4).
[3]) Мартыновскія бумаги. («Русскій Архивъ», 1893 г., № 8).

опросѣ, положительно говоритъ, что поэтъ поднятъ былъ еще живой, дорогою стоналъ и шепталъ, и что онъ замолкъ, т. е. умеръ, на полдорогѣ. Все это, взятое въ совокупности, въ глазахъ изслѣдователя имѣетъ уже вѣсъ и даетъ право высказаться за вѣроятность послѣдней версіи. Но, приходя къ подобному выводу, мы должны разсмотрѣть также вопросъ: могли ли противникъ и секунданты, эти ближайшіе друзья поэта, оставить его, если онъ былъ живъ, на мѣстѣ поединка, гдѣ онъ пролежалъ, безъ всякой помощи и ухода, съ $6^1/_2$ до 9-ти часовъ вечера, пока присланные пятигорскимъ комендантомъ съ телѣгою люди не подняли его и не повезли въ городъ? Очевидно, участники дуэли, такъ печально разыгравшейся, на первыхъ порахъ были поражены ея исходомъ и такъ потерялись и перепугались, что забыли о раненомъ, о необходимости подать ему первоначальную помощь, о возможности перевезти его въ городъ на Мартыновскихъ бѣговыхъ дрожкахъ, которые можно было вѣтвями, росшихъ по близости кустовъ, удлинить и приспособить къ перевозкѣ, и думали только о себѣ. Тяжелая рана, нанесенная поэту, дала имъ, вѣроятно, поводъ сдѣлать заключеніе, что Лермонтовъ — поднять ли его и перевезти, или оставить на мѣстѣ, — все равно умретъ; а разразившаяся въ то время гроза и проливной дождь ускорили ихъ рѣшимость оставить поэта на мѣстѣ и немедленно отправиться въ городъ. Изъ показаній Мартынова мы знаемъ, что онъ по окончаніи поединка простился съ Лермонтовымъ и тотчасъ же поѣхалъ домой. Князь Васильчиковъ [4]) отправился вмѣстѣ съ нимъ на его бѣговыхъ дрожкахъ, [5]). а Глѣбовъ, набросивъ на раненаго шинель, для защиты отъ дождя, поскакалъ верхомъ къ коменданту съ докладомъ о дуэли. Вотъ факты, которые свидѣтельствуютъ, что поэтъ, только что высказавшій Глѣбову мысль о близости смерти, но не умершій, былъ оставленъ друзьями одиноко и безпомощно истекать кровію подъ страшнымъ ливнемъ и раздиравшей небо на части грозою. Конечно, нѣкоторымъ оправданіемъ для нихъ можетъ служить то обстоятельство, что они отправились на мѣсто дуэли, не имѣя въ виду кровавой развязки, какъ она

---

[4]) Разсказъ Раевскаго («Нива, 1885 г., № 8).

[5]) Всѣ росказни его въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 г., № 1, о поѣздкѣ за докторомъ, сидѣніи у тѣла и проводахъ его въ городъ оказались, какъ извѣстно ложными («Истор. Вѣстникъ», 1892 г., № 4).

разыгралась, ѣхали только для того, чтобы «разрядить заряженные пистолеты», почему и не пригласили врача и не взяли на случай экипажа, и что, увидя печальный результатъ поединка, растерялись и не знали, что дѣлать. Но, за всѣмъ тѣмъ, допущенное ими по отношенію поэта безчеловѣчіе и жестокость нисколько отъ того не уменьшаются. Съ смертельной раною въ груди, на почвѣ, превратившейся подъ проливнымъ дождемъ въ грязь, лежалъ онъ болѣе двухъ часовъ, задыхаясь подъ наброшенною на него и промокшею насквозь шинелью и не имѣя силъ отбросить ее, чтобы освѣжить притокомъ свѣжаго воздуха пылавшую огнемъ внутренность; а жизнь, между тѣмъ, съ каждой упадавшей на землю изъ раны каплей крови угасала... Эти часы мукъ и страданій поэта должны были быть ужасны; но твердость его духа равнялась силѣ его генія. Твердость эта выразилась: и въ улыбкѣ презрѣнія, застывшей по словамъ П. А. Висковатова, на устахъ опочившаго безвременно поэта, и въ томъ безмолвіи, съ которымъ онъ встрѣтилъ вѣстницу смерти — пулю, такъ вѣроломно разбившую ему грудь, и боролся со смертію до конца. Ни одного слова, ни одного упрека не высказалъ онъ въ послѣднія минуты своей жизни. Все, что услышали отъ него секунданты, когда онъ упалъ смертельно раненый, и что слышали потомъ перевозившіе его съ мѣста дуэли въ городъ слуги,—было одно слово: «я умираю». Но знаменовало ли это слово скорбь объ отнятой у него насильно жизни, или радость о наступившемъ, наконецъ, освобожденіи отъ нея, — загадка, которая едва ли когда нибудь будетъ разрѣшена...

Вторымъ существеннымъ сказаніемъ Христофора Саникидзе нужно считать указаніе на сожженіе бумагъ, оставшихся послѣ смерти Михаила Юрьевича, и сокрытіе нѣкоторыхъ вещей его. Теперь становится яснымъ, почему при описи вещей покойнаго пятигорскими властями никакихъ рукописей, черновыхъ набросковъ или бумагъ, кромѣ одной записной книжки, данной М. Ю. Лермонтову при прощаніи княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, не оказалось. Друзья поэта не позаботились о сохраненіи его послѣднихъ твореній, и ретивый слуга, бывшій пѣстунъ его, по своему поревновалъ о славѣ барина: онъ сжегъ его бумаги, «чтобы никому не достались».

Январь. 1895 года.
С.-Петербургъ.

КАКЪ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ ПОЭТЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

ВОПРОСЪ о томъ, погребенъ ли поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по христіанскому обряду, до настоящаго времени еще не выясненъ окончательно. Немногія, появившіяся въ печати, заявленія объ этомъ свидѣтелей событія противорѣчивы и сбивчивы, такъ что точнаго положительнаго вывода изъ нихъ сдѣлать было не возможно, и біографіи поэта наполнились ошибками.

Но вотъ въ февральской книжкѣ «Русскаго обозрѣнія» 1895 г., въ числѣ «Матеріаловъ для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей», помѣщено дѣло ставропольской духовной консисторіи «по репорту Пятигорской Скорбященской церкви священника Василія Эрастова о погребеніи той церкви протоіереемъ Павломъ Александровскимъ тѣла наповалъ убитаго пулей на дуэли порутчика Лермонтова», и мы имѣемъ возможность провѣрить извѣстные уже намъ по разсказамъ очевидцевъ факты и подвести имъ итогъ.

Начнемъ съ документовъ, находящихся въ упомянутомъ выше консисторскимъ дѣлѣ [1]).

Священникъ Эрастовъ, отъ 5 декабря 1841 года, донесъ преосвященнѣйшему Аѳанасію, архіепископу новочеркасскому и георгіевскому, что протоіерей Александровскій, погребши честнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ того года, тѣло убитаго на дуэли Лермонтова, въ статью

---

[1]) Мы опускаемъ пункты показаній, касающихся взаимныхъ пререканій священниковъ о неточностяхъ, доходахъ и проч., а также переписку объ устраненіи слѣдователей и другія излишнія бумаги, и беремъ изъ дѣла только то, что непосредственно относится до преданія землѣ тѣла Лермонтова.

метрическихъ за 1841 годъ книгъ его не вписалъ, и данные, какъ видно изъ приложеннаго письма чиновника Рощиновскаго, 200 рублей ассигнаціями въ доходную кружку причта не внесъ.

По резолюціи преосвященнаго, консисторія предписала произвести надлежащее по сему дѣлу разслѣдованіе.

На сдѣланный слѣдователями запросъ, протоіерей Александровскій, отъ 11 октября 1842 года, репортовалъ, что, по просьбѣ князей Васильчикова и Трубецкаго и капитана Столыпина, онъ прибылъ въ квартиру умершаго для препровожденія тѣла до склепа. Къ церемоніи этой приглашался и священникъ Эрастовъ, но онъ не только отказался присутствовать при томъ, но съ намѣреніемъ, вѣроятно, скрылся изъ квартиры своей, спряталъ отъ церкви ключъ, дабы не возможно было взять ризницы, и тѣмъ заставилъ ожидать всѣхъ собравшихся присутствовать при церемоніи около двухъ часовъ. Погребеніе по Лермонтовѣ отправляемо не было, а по началѣ до самаго склепа тѣло проводимо было съ пропѣтіемъ «Святый Боже», и въ метрическую книгу Пятигорской церкви Лермонтовъ записаннымъ значится. За провожаніе присутствовавшему духовенству было пожертвовано Столыпинымъ 50 рублей ассигнаціями, изъ коихъ удовлетворены діаконъ—депозитнымъ билетомъ въ 3 рубля серебромъ и три причетника—двадцатью рублями ассигнаціями, остальные-же поступили ему, Александровскому.

Діаконъ Мадритовъ отъ 11 того же октября донесъ, что, по отправленіи въ церкви вечерней службы, которую совершалъ священникъ Эрастовъ, онъ пошелъ въ квартиру Лермонтова, тѣло котораго только что выносили изъ комнатъ, и облачась въ стихарь, проводилъ тѣло, съ пропѣтіемъ «Святый Боже». Погребеніе же пѣто не было. Что за провожаніе тѣла дано протоіерею—онъ не знаетъ, но ему данъ былъ только трехъ-рублевый депозитный билетъ.

Причетники—дьячокъ Остроумовъ и пономарь Веселовскій, 12 октября, показали, что при сопровожденіи тѣла Лермонтова находились, но ни прежде, ни послѣ не отправлялось надъ нимъ христіанскаго погребенія, и только для угожденія начальству пѣли надъ нимъ «Святый Боже». Что́ взято за проводы—не знаютъ, но сами получили на всѣхъ причетниковъ двадцать рублей ассигнаціями, которые и раздѣлили.

Коллежскій секретарь Рощиновскій объяснилъ: 1) что, находясь, на дворѣ дома, гдѣ жилъ Лермонтовъ, онъ видѣлъ отца протоіерея не въ дальнемъ отъ крыльца дома разстояніи, возлагающаго на

себя эпитрахиль, и пришедшаго въ то же время діакона, который тутъ же облачился и принялъ кадило. Послѣ этого духовенство сообща начало пѣніе погребальнымъ гласомъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» и съ симъ вмѣстѣ стало выходить медленно изъ двора, а вслѣдъ за ними было несено изъ комнатъ тѣло усопшаго поручика Лермонтова. Такимъ образомъ процессія достигла приготовленной могилы, въ которую и былъ опущенъ гробъ безъ отправленія по закону христіанскаго обряда. 2) Отъ капитана Столыпина дѣйствительно слышалъ, что духовенству пожертвовано за это 200 рублей, но, лично сего не видѣвши, удостовѣрить не можетъ. Слышалъ же объ этомъ въ общемъ разговорѣ о смерти Лермонтова.

Показанія эти представлены духовному правленію 15 октября 1842 года, съ поясненіемъ, что нѣкоторыхъ лицъ, коихъ бы нужно было спросить, за выбытіемъ, слѣдователи оставили неспрошенными, и буде правленіе найдетъ нужнымъ спросить ихъ, то само бы распорядилось по сему предмету. Но правленіе сочло нужнымъ только переспросить доносителя священника Эрастова и протоіерея Александровскаго. Изъ постороннихъ же лицъ обратилось съ запросомъ, чрезъ с.-петербургскую управу благочинія только къ капитану Столыпину.

Священникъ Эрастовъ отъ 22 марта 1843 года донесъ правленію: 1) что если Лермонтовъ оказывается записаннымъ по метрикамъ 1841 года въ числѣ умершихъ по госпиталю, то запись эта учинена не въ своемъ мѣстѣ и не въ свое время; ибо Лермонтовъ, будучи въ добромъ здравіи, въ госпиталѣ не состоялъ. И такъ какъ запись умирающихъ по госпиталю производится и произведена по окончаніи уже общей годичной записи умершихъ по городу, то Лермостовъ и внесенъ въ метрическую книгу, хотя и за 1841 годъ, но отнюдь не прежде первыхъ чиселъ января 1842 года; 2) что вышеозначенный дуэлистъ Лермонтовъ дѣйствителъно погребенъ честнѣ, ибо для погребенія, или, по выраженію протоіерея Александровскаго, хотя неточному, препровожденія тѣла его, были браты изъ церкви подсвѣчники, кадильница, ризница, словомъ все, потребное для погребенія. Протоіерей въ священномъ облаченіи предшествовалъ гробу, діаконъ, подоспѣвшій отъ вечерни и пріемшій благословеніе для облаченія у воротъ квартиры покойнаго, въ стихарѣ и съ кадильницей въ рукѣ сошествовалъ, и клиръ, слѣдуя въ стройномъ чинѣ, по началѣ отъ протоіерея, воспѣвалъ ангельскую

пѣснь: «Святый Боже». Погребенъ Лермонтокъ отнюдь не внѣ кладбища, но на кладбищѣ. Можно ли и послѣ одного сего выразиться иначе, какъ не такъ, что тѣло Лермонтова погребено честнѣ? Надъ тѣломъ Лермонтова предварительно производилось причетниками двое, если не всѣ трое сутокъ, непрерывно чтеніе святой «Псалтири». Въ десницѣ Лермонтова имѣется разрѣшительная молитва, и, наконецъ, протоіерей принялъ приношеніе или порученіе роздать по душѣ Лермонтова милостыню нищимъ и бѣднаго состоянія людямъ, и сіе исполнилъ свято. Благочестивый же обычай раздавать милостыню по усопшимъ, христіански и честнѣ погребеннымъ, весьма древенъ и похваляемъ святыми отцами. Переписка протоіерея достаточно показываетъ, что дѣло шло отнюдь не о препровожденіи тѣла Лермонтова, а о погребеніи его. Чиновникъ (Дмитревскій), приглашавшій меня къ погребенію, а не къ препровожденію, на мою отговорку за недостаткомъ времени, представлялъ мнѣ, что теперь по позднему времени уже не будетъ вносимъ въ церковь. Слѣдовательно имѣлось даже согласіе протоіерея сдѣлать честь Лермонтову внесеніемъ тѣла его въ церковь. Ктиторъ и причетники, дѣлавшіе послѣ литургіи приготовленія для сего, могли бы подтвердить это, если бы не составлялп одной партіи, и только онъ, Эрастовъ, впрочемъ, нисколько не намѣренно, унесши съ собою ключъ отъ церкви и будучи на тотъ разъ занятъ, какъ чередной по приходу,—учинилъ тому препятствіе. Впрочемъ, протоіерей дѣлаетъ очевидные извороты и намѣренныя недосказанія, ибо не упоминаетъ даже и объ обычномъ отпустѣ по усопшемъ, хотя объ началѣ прописалъ. Но въ порядкѣ ли было бы по началѣ не учинить отпуста? Это было бы противно обычаю церкви, и вѣрно протоіерей не поступилъ вопреки постановленію.

Протоіерей Александровскій отвѣчалъ на это: поручикъ Лермонтовъ состоялъ на службѣ въ Тенгинскомъ пѣхотномъ полку. Праздно жить въ Пятигорскѣ при водахъ, по всей вѣроятности, онъ не могъ, какъ только для пользованія отъ болѣзни оными; въ противномъ случаѣ мѣстное начальство не потерпѣло бы продерживать уклоняющагося отъ службы... Свидѣтельство, данное ординаторомъ пятигорскаго военнаго госпиталя, лѣкаремъ Барклаемъ-де-Толли, удостовѣрило меня, что Лермонтовъ долженъ былъ числиться въ госпиталѣ, и потому записанъ въ свое время въ имѣющуюся особую тетрадь умирающихъ тамъ... По свидѣтельству лѣкаря, что Лермонтовъ застрѣленъ противникомъ, и по просьбѣ кня-

зей Васильчикова и Трубецкаго и капитана Столыпина прислать причетниковъ для чтенія псалтиря, на основаніи правилъ кормчей книги, посылалъ я съ предвареніемъ по тщательномъ отъ нихъ развѣданіи объ умершемъ,—читать по приглашенію... Прибывъ въ 5 часовъ по полудни въ квартиру Столыпина, для препровожденія тѣла Лермонтова до склепа, при имѣвшейся поджидающей церемоніи гг. чиновниковъ, по началѣ изъ квартиры до самаго склепа проводилъ съ пропѣтіемъ пѣсни «Святый Боже», и потому слово «а по началѣ», толкуемое священникомъ по его понятіямъ, онъ, Александровскій, разумѣлъ не начальный возгласъ, а съ начала, то-есть поднятія гроба въ квартирѣ до принесенія къ склепу. Слѣдовательно, какъ не было начальнаго возгласа, такъ и конечнаго, все предполагаемаго имъ отпуста быть не могло, и слѣдовательно, ни очевидныхъ изворотовъ, ни намѣренныхъ недосказаній не имѣлось въ объясненіи къ слѣдователямъ... Давалась ли въ десницу Лермонтова молитва? По крайней мѣрѣ, имъ, Александровскимъ, читана и вручаема не была... По истинѣ, остается сожалѣть, чѣмъ пастырь душъ занимается...

Капитана Столыпина, по увѣдомленію с.-петербургской управы благочинія, отъ 26 Апрѣля 1843 года, на жительствѣ въ Петербургѣ не оказалось. Въ такомъ видѣ слѣдственное дѣло поступило на разсмотрѣніе кавказской духовной консисторіи.

Въ засѣданіи, состоявшемся 28 іюля 1843 г., она заслушала его.

Принявъ во вниманіе: справку изъ метрической книги Пятигорской Скорбященской церкви за 1841 годъ, въ 3-й части которой подъ № 38-мъ, значится такая запись: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ Юрьевъ Лермонтовъ, 27 лѣтъ, убитъ на дуэли 15 іюля, а 17 погребенъ. Погребеніе пѣто не было», и имѣя въ виду: а) что Кормчей книги, 1 части, въ 14 правилѣ Тимоѳея, архіепископа Александрійскаго, изображено: «аще убо кто самъ або убіетъ, или заколетъ, или удавитъ, припошеніе не приносится за него, токмо аще не будетъ во истину умъ погубилъ; подобаетъ бо ихъ причастникамъ испытывати о семъ со истязаніемъ»; б) что XIII т., Уст. Врачебн., ст. 370 опредѣлено: «тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать»; и в) что XV т. Угол. Зак. въ ст. 347 говорится: «самоубійца лишается христіанскаго погребенія, если доказано будетъ, что онъ лишилъ себя жизни не въ безуміи и безпамятствѣ»; консисторія постановила слѣдующее опредѣленіе:

Изъ дѣла видно: 1) что христіанскаго погребенія надъ тѣломъ наповалъ убитаго пулею на дуэли поручика Лермонтова протоіереемъ Александровскимъ отправляемо не было; но только, съ удостовѣренія какъ самого Александровскаго, такъ діакона Мадритова, причетниковъ Остроумова и Веселовскаго, и коллежскаго секретаря Рощиновскаго, тѣло его провожаемо было съ квартиры до склепа съ пропѣтіемъ «Святый Боже», 2) погребеніе его, Лермонтова, въ метрическую книгу внесено по-надлежащему; 3) по объясненію протоіерея Александровскаго, за провожаніе тѣла Лермонтова пожертвовано было капитаномъ Столыпинымъ не 200 рублей, но только 50 рублей ассигнаціями, изъ коихъ выдано: діакону—депозитный билетъ въ 3 рубля серебромъ, а причетникамъ—20 рублей ассигнаціями. Хотя протоіерей Александровскій настоящаго погребенія христіанскаго надъ тѣломъ поручика Лермонтова и не совершилъ, но не слѣдовало и провожать его, яко добровольнаго самоубійцу, въ церковномъ облаченіи и съ подобающею честью, въ противность вышеприведенныхъ узаконеній, а потому за сей поступокъ, вѣроятно, больше изъ интереса происшедшій, нежели отъ невѣдѣнія законовъ, взыскать съ него, Александровскаго, въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія 25 рублей ассигнаціями, а причтъ, съ нимъ участвовавшій и яко имъ самимъ въ сей поступокъ вовлеченный, отъ взысканія освободить. Затѣмъ обязать ихъ всѣхъ подпискою съ подтвержденіемъ впредь подобныхъ самоубійцъ церковной чести не сподоблять. Доносителю же, священнику Эрастову, не участвовавшему въ выносѣ тѣла Лермонтова, вѣроятно, съ намѣреніемъ изъ опасенія отвѣтственности, въ части доходовъ, при семъ случаѣ протоіереемъ Александровскимъ полученныхъ, отказать, тѣмъ болѣе, что участвовавшій причтъ онымъ удовлетворенъ, и Александровскій за свой проступокъ подвергнутъ взысканію.

Преосвященный новочеркасскій и георгіевскій утвердилъ постановленіе консисторіи, но приказалъ: «кромѣ взыскиваемыхъ съ протоіерея, взыскать съ него и съ прочихъ на тотъ же предметъ за проводъ какъ стяжаніе неправедное.»

Такимъ образомъ, впервые послѣ 50-ти слишкомъ лѣтъ послѣ смерти М. Ю. Лермонтова, установляется фактъ, что тѣло его было лишено христіанскаго погребенія по обряду православной церкви, и что ему оказана церковнымъ причтомъ только честь выноса и проводовъ до могилы. Но вышеприведенное слѣдственное дѣло не полно. Оно не коснулось вопроса: были ли совершены духовен-

ствомъ какія-либо службы надъ тѣломъ усопшаго до выноса его на кладбище? Восполнить этотъ пробѣлъ по разсказамъ очевидцевъ событія, въ интересахъ возстановленія истины, необходимо, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть выяснены и тѣ случайности, которыми обусловились проводы тѣла поэта духовенствомъ съ церемоніею, но безъ исполненія обряда погребенія.

Въ біографіи поэта, составленной П. А. Висковатовымъ [2]), мы находимъ слѣдующее (стр. 430): Столыпинъ и друзья, распорядившись относительно панихидъ, стали хлопотать о погребеніи останковъ поэта. Ординаторъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барклай-де-Толли выдалъ свидѣтельство, въ коемъ говорилось, что Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ М. Ю. Лермонтовъ застрѣленъ на полѣ, близъ горы Машука, 15 числа іюля, и по освидѣтельствованіи имъ, тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду. Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшился этого сдѣлать. Нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили Лермонтова за его нещадившій никого юморъ, старались повліять и на коменданта, и на отца протоіерея въ смыслѣ отказа, какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху ядовитаго покойника, какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Они говорили, что убитый на дуэли—тотъ же самоубійца, и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно [3]). Противъ этихъ интригъ стали дѣйствовать друзья поэта. Они уговаривали протоіерея... Но онъ колебался... Ильяшенко (комендантъ), на котораго напирали съ двухъ противоположныхъ сторонъ, самъ не зналъ, какъ поступить, и колебался категорически разрѣшить протоіерею предать землѣ убитаго по обряду церковному. На формальный запросъ протоіерея онъ прямо не отвѣчалъ, а, желая отъ себя отстранить всякую отвѣтственность, увѣдомилъ плацъ-маіора, пол-

---

[2]) Томъ 6 «Сочиненій М. Ю. Лермонтова», изданіе Рихтера, 1891 года.

[3]) Да, это мы слышали въ 1870 году отъ священника Василья Эрастова, который, кромѣ этого, говорилъ намъ, что сопровождалъ тѣло поэта въ послѣднее жилище и совершалъ погребеніе протоіерей Александровскій. Онъ же, отецъ Василій, соучаствовать не могъ, такъ какъ выносъ тѣла назначенъ былъ въ 4 часа по полудни, когда въ церкви обыкновенно служили вечерню. («Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10).

ковника Унтилова, 16-же іюля, чтобы тотъ сообщилъ духовенству, возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла поручика Лермонтова. Что сдѣлалъ Унтиловъ, неизвѣстно; но надо полагать, что дѣло о погребеніи рѣшено не было [4]). Тѣмъ временемъ въ Пятигорскъ прибылъ начальникъ штаба, флигель-адъютантъ Траскинъ. Ему сообщили о затрудненіяхъ относительно похоронъ поэта, и что духовенство упорствуетъ, утверждая, что человѣкъ, убитый на поединкѣ — тотъ же самоубійца. Полковникъ Траскинъ авторитетомъ своимъ подѣйствовалъ на протоіерея. Похороны поэта состоялись въ тотъ же день—17 іюля, около 6 часовъ вечера. Друзья, желая придать болѣе торжественности похоронамъ, хлопотали о воинскихъ почестяхъ. Но это разрѣшено не было [5]). На плечахъ товарищей гробъ былъ донесенъ до Пятигорскаго кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи.

Л. И. Тарасенко-Отрѣшковъ сообщилъ слѣдующее [6]). Тотчасъ отправились мы на квартиру Лермонтова. Хатка, которую онъ занималъ, была на дворѣ, въ концѣ улицы, идущей къ горѣ, противъ Машука, со стороны рѣки Подкумокъ. Немногіе, бывшіе тамъ,

---

[4]) Въ числѣ бумагъ, представленныхъ протоіереемъ Александровскимъ слѣдователямъ въ свое оправданіе, находится и отношеніе подполковника Унтилова и прочихъ членовъ состоявшей подъ его предсѣдательствомъ слѣдственной коммиссіи о дуэли, отъ 17-го іюля 1841 года, за № 55, слѣдующаго содержанія: «Вслѣдствіе предписанія пятигорскаго коменданта, окружнаго начальника, подполковника и кавалера Ильяшенко, отъ 16 іюля, № 1367, имѣемъ честь увѣдомить ваше высокопреподобіе, что Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ на дуэли, 15-го числа, убитъ отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ, и потому мы полагали бы, что приключившаяся Лермонтову смерть не должна быть причислена къ самоубійству, лишающему христіанскаго погребенія. Не имѣя въ виду законоположенія, противящагося погребенію поручика Лермонтова, мы полагали бы возможнымъ предать тѣло его землѣ такъ точно, какъ въ подобномъ случаѣ камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ отпѣтъ былъ въ церкви конюшенъ императорскаго двора, въ присутствіи всего народа.

[5]) Это не вѣрно. Отказалъ въ нарядѣ команды на похороны комендантъ. Но когда прибылъ въ Пятигорскъ начальникъ штаба Траскинъ, нарядъ по его разрѣшенію, былъ сдѣланъ отъ 2-го кавказскаго линейнаго баталіона; трубачи же приглашены были частно (разсказъ В. И. Чиляева).

[6]) Разсказъ князя Н. Н. Голицына. Приложеніе XII къ запискамъ Е. А. Хвостовой. Изданіе 2-е, 1870—1871.

сидѣли молча, и когда братъ мой (камеръ-юнкеръ Н. Тарасенко-Отрѣшковъ) спросилъ: живъ ли и гдѣ Лермонтовъ? ему кто-то отвѣтилъ: лежитъ убитый у себя въ комнатѣ. У порога этой комнаты стоялъ какой-то солдатъ, приставленный въ видѣ караула. Зеркало было занавѣшено. На кровати, въ красной шелковой рубашкѣ, лежалъ блѣдный, истекшій кровью Лермонтовъ... Грудь была прострѣлена навылетъ и лужа крови на простынѣ. Съ открытыми глазами, съ улыбкою презрѣнія, онъ казался какъ бы живой, съ выраженіемъ лица — какъ бы разгадавши невѣдомую ему замогильную тайну. Онъ, который былъ такъ невзраченъ, въ этотъ моментъ казался прекраснымъ. Друзья его стали хлопотать, чтобы добиться позволенія похоронить его съ приличной обстановкой... Священникъ обѣщалъ предать тѣло его землѣ по христіанскому обряду; но когда передъ вечеромъ собирались нести покойника, то пришли сказать, что священникъ не рѣшается приступать къ похоронамъ... Пришлось идти его уговаривать... Разсказъ кончается словами: человѣкъ 12 — 14 его пріятелей, военные въ мундирахъ, невоенные во фракахъ, понесли гробъ на могилу. Надъ гробомъ священникъ прочиталъ молитву. Оказалось, что гробъ не могъ войти въ боковую пещеру, сдѣланную на днѣ могилы; тогда какой-то стоявшій вблизи черкесъ спрыгнулъ туда и кинжаломъ пообббилъ землю.

Наиболѣе подробнымъ оказывается разсказъ Н. П. Раевскаго [7]); но мы возьмемъ изъ него только то, что относится къ дѣлу. Часовъ въ 11-ть,—говоритъ онъ,—пріѣхалъ къ намъ Ильяшенко, сказалъ, что гробъ онъ уже заказалъ, и велѣлъ намъ завтра пойти священника попросить. Мы и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта Е. А. Арсеньева — женщина очень богомольная и никогда бы не утѣшилась, если бы ея внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ... На другой день Столыпинъ и я отправились къ священнику единственной въ то время православной церковки въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-попадья, сказала намъ, что слышала она о нашемъ несчастіи, поплакала, тутъ-же прибавила, что батюшки нѣтъ, и что вернется онъ только къ вечеру. Мы стали ее просить, цѣловали у ней ручки, чтобы уговорила она батюшку весь обрядъ совершить. Она намъ обѣщала свое содѣйствіе, а мы, чтобъ ужъ не могла на попятный пойти,

---

[7]) «Нива» 1885 г. № 8.

тутъ же ей и подарочекъ прислали, разныхъ шелковъ тогдашнихъ, и о цѣнѣ не спрашивали [8]). Вернулись домой, а народу много набралось... Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлымъ глазетомъ обили. Мы ужъ собрались тѣло въ него класть, когда кто-то изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ намъ святой воды достать? Посовѣтовали намъ на слободку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть святая вода въ пузырькѣ за образомъ; да у кого-то изъ прислуги нашлось. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и пропѣли всѣ хоромъ «Святый Боже», и покрестились, даромъ что не христіане были, но полагали, что этого недостаточно, и очень безпокоились объ отсутствіи священника... На другой день опять мы со Столыпинымъ пошли къ священнику. Матушка-то его предупредила, но онъ все же не сразу согласился, и пришлось Столыпину ему, вмѣсто 50 рублей, 200 рублей, пообѣщать... Однако, батюшка все настаивалъ на томъ, что, по такой-то де главѣ Стоглава, дуэлисты причтены къ самоубійцамъ, и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается, и хоронить его слѣдуетъ внѣ кладбища. Боялся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали было увѣрять его, что архіерей не узнаетъ, а онъ тутъ и говоритъ: «вотъ, если бы комендантъ далъ мнѣ записку, что въ своемъ донесеніи онъ обо мнѣ не упомянетъ, я былъ бы спокоенъ». Мы попробовали у Ильяшенко эту записочку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнаютъ, что такого человѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить. Сказали мы это батюшкѣ, а онъ опять заартачился. Однако, когда ему еще и икону обѣщали въ церковь дать, онъ обѣщался прійти. А икона была богатая, въ серебряной ризѣ и съ камнями драгоцѣнными, — одна изъ тѣхъ, которыхъ бабушка Михаила Юрьевича ему цѣлый иконостасъ надарила. Мы вернулись съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу — море цѣлое. Всѣ ждутъ, а священника все нѣтъ. Какъ тутъ быть?

---

[8]) Вдова протоіерея Александровскаго, письмомъ, помѣщеннымъ въ «Нивѣ», 1885 г., № 20, протестовала противъ «цѣлованія ручекъ» и «разныхъ шелковъ». Но и самъ отецъ Павелъ отрицалъ передъ слѣдователями полученіе 200 рублей, говоря, что онъ получилъ только 50 рублей, тогда какъ, кромѣ показанія на слѣдствіи о 200 рубляхъ чиновника Рощиновскаго, выдачу этой суммы подтверждаетъ также и Н. П. Раевскій.

Вдругъ изъ публики католическій ксендзъ, спасибо ему, вызвался. «Онъ боится, говоритъ, а я не боюсь, и понимаю, что такого человѣка, какъ собаку, не хоронятъ. Давайте-ка я литію и обѣдню отслужу». Мы къ этому были привычны, такъ какъ въ походъ съ нами ходили по очереди то католическій, то православный священникъ, поэтому съ радостью согласились. Когда онъ отслужилъ, то и лютеранскій священникъ, тутъ бывшій, гробъ благословилъ, рѣчь сказалъ и по-своему сталъ служить. Одного только православнаго батюшки при семъ не было. Уже народъ сталъ расходиться, когда онъ пришелъ и, узнавши, что священнослужители другихъ вѣроисповѣданій служили прежде него, отказался служить, такъ какъ нашелъ, что этого довольно. Насилу мы его убѣдили, что на похоронахъ человѣка грекороссійскаго вѣроисповѣданія полагается и служеніе православное. При выносѣ же тѣла, когда увидѣлъ нашъ батюшка музыку и солдатъ, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался. «Уберите трубачей, говоритъ, нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили». Пришлось хоть на время спрятать музыку. Похороны вышли торжественныя... Послѣ похоронъ былъ поминальный обѣдъ... Тогда же Столыпинъ отдалъ батюшкѣ и деньги, и икону.

Э. А. Шанъ-Гирей напечатала два разсказа о похоронахъ поэта [9]). Въ первомъ она говоритъ: 16 іюля (не 16, 17-го), всѣ знакомыя дамы, исключая Быховецъ съ кузиной, которыя были въ Желѣзноводскѣ, собрались на панихиду и погребеніе; долго ждали священника. Тогда былъ протоіереемъ отецъ Павелъ, всѣми любимый и уважаемый, добрѣйшій священникъ. По уставу, онъ не имѣлъ права хоронить убитаго на дуэли; уступилъ же неотвязной просьбѣ товарищей Михаила Юрьевича, съ условіемъ, чтобы не было никакого народа, и когда пріѣхалъ и увидѣлъ на дворѣ музыку, тотчасъ повернулъ назадъ. Конечно, музыку сейчасъ выпроводили, но уже стоило большаго труда уговорить его вторично. Все же, наконецъ, онъ согласился и хоронилъ Лермонтова, какъ слѣдуетъ, по правиламъ православной церкви... Въ второмъ же, нѣсколько точнѣе опредѣлено понятіе о похоронахъ «по правиламъ православной церкви». На другой день,—говоритъ она,—когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ

---

[9]) «Нива», 1885 года, № 27, и «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

просьбамъ князя Васильчикова и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого народу. Наконецъ, пріѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ. Музыку мгновенно отправили, но за то много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ, все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище...

Такимъ образомъ, изъ послѣдняго разсказа г-жи Шанъ-Гирей видно, что похороны «по правиламъ православной церкви» заключались въ отправленіи надъ тѣломъ почившаго отцомъ Павломъ панихиды и проводахъ гроба до кладбища. То же, нужно думать, подразумѣвалъ и біографъ поэта П. А. Висковатовъ, говоря [10]), что гробъ Михаила Юрьевича былъ донесенъ до кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи. Нельзя же предположить, что подобное опредѣленіе относится только къ одной церемоніи проводовъ гроба и постановки его въ склепъ. Во всякомъ случаѣ, мы, въ статьѣ своей (Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова» [11]), не имѣя точныхъ данныхъ о погребеніи его въ установленномъ порядкѣ, ограничились заявленіемъ такого рода: въ тотъ же день (т. е. 17 іюля), вечеромъ хоронили и тѣло Лермонтова. Много усилій нужно было употребить, чтобы склонить мѣстное духовенство къ исполненію надъ нимъ послѣднихъ молитвословій по христіанскому обряду. Правда, мы слышали еще въ Пятигорскѣ, въ 1870 году, о грустномъ фактѣ, что поэтъ былъ лишенъ обычнаго христіанскаго погребенія по уставу нашей церкви; но, признаться, отнеслись къ подобному слуху недовѣрчиво, тѣмъ болѣе, что священникъ Эрастовъ удостовѣрилъ насъ въ совершенно противномъ, и поэтому ничего о немъ въ печати не заявляли.

Скажемъ болѣе. Тогда же въ Пятигорскѣ мы узнали о другомъ, если не болѣе ужасномъ, то болѣе возмутительномъ фактѣ. В. И. Чиляевъ, подъ честнымъ словомъ, передалъ намъ, что въ то время, когда друзья поэта употребляли всѣ усилія, чтобы добиться разрѣшенія похоронить тѣло Михаила Юрьевича по христіанскому обряду, противная, враждебная сторона предъявила коменданту требованіе о тайномъ ночномъ погребеніи праха поэта,

---

[10]) «Біографія М. Ю. Лермонтова», стр. 434.
[11]) «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 4.

какъ самоубійцы, въ оврагѣ за рѣкой Подкумкомъ, и не иначе, какъ посредствомъ профоса, и что старикъ Ильяшенко имѣлъ твердость отказать ей въ этомъ. При всемъ довѣріи къ словамъ почтеннѣйшаго Василья Ивановича, намъ казалось невѣроятнымъ подобное, чудовищное по своему безобразію, требованіе хотя бы даже личныхъ враговъ покойнаго, и мы также умолчали о немъ какъ и о слухѣ о лишеніи поэта погребенія. Но теперь, видя изъ приведеннаго выше слѣдственнаго дѣла, что существовавшимъ тогда закономъ (370 ст. XIII т.) опредѣлялось: тѣло умышленнаго самоубійцы надлежитъ палачу въ безчестное мѣсто оттащить и тамъ закопать,—мы должны принять во вниманіе, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и требованіе о погребеніи тѣла поэта ночью въ оврагѣ, профосомъ, могло имѣть смыслъ, цѣль и мѣсто.

Но возвратимся къ сути дѣла.

Итакъ фактъ лишенія тѣла поэта погребенія по правиламъ православной церкви въ настоящее время установленъ. Но значеніе этого печальнаго факта до нѣкоторой степени смягчается: во-первыхъ, тѣмъ, что по усопшему, какъ показали на слѣдствіи оба священника, причетниками церкви читалась двое, если не всѣ трои сутки, св. Псалтирь; а, во-вторыхъ, тѣмъ, что до выноса гроба въ склепъ, надъ прахомъ почившаго, въ квартирѣ его, были отслужены панихиды духовенствомъ всѣхъ религій: какъ католическимъ ксендзомъ и лютеранскимъ пасторомъ, такъ и православнымъ священникомъ, съ возженіемъ вокругъ гроба свѣчей въ большихъ церковныхъ подсвѣчникахъ.

Самое погребеніе тѣла поэта по правиламъ православной церкви должно было состояться, такъ какъ протоіерей Александровскій, подвигнутый просьбами друзей поэта, полученіемъ свидѣтельствъ врача и предсѣдателя слѣдственной комиссіи, а главное авторитетнымъ настояніемъ прибывшаго въ Пятигорскъ въ день похоронъ начальника штаба, флигель-адъютанта Траскина, рѣшился, было, совершить его по церковнымъ уставамъ. Приготовленія къ отпѣванію тѣла въ церкви послѣ литургіи, какъ видно изъ заявленія священника Эрастова духовному правленію, были начаты ктиторомъ церкви и причетниками; но исполнить сего не удалось, потому что онъ, Эрастовъ, тому воспрепятствовалъ тѣмъ, что, отслуживъ литургію, какъ чередной, заперъ церковь и унесъ ключи съ собою. Гдѣ онъ былъ со времени окончанія литургіи до начала вечерни — не извѣстно; но только его, какъ видно изъ показанія

отца Павла, нигдѣ отыскать не могли. Послѣ же вечерни, конечно, отпѣвать тѣло было нельзя. А такъ какъ тѣло оставаться долѣе въ квартирѣ не могло—погода стояла жаркая, нарядъ солдатъ былъ сдѣланъ и выносъ назначенъ, то волей-неволей пришлось похоронить великаго почившаго безъ отпѣванія, положеннаго уставами церкви. Неразысканіемъ отца Василья объясняются и долгое неприбытіе протоіерея въ квартиру усопшаго, и его возвратъ при видѣ хора музыки, и всѣ его колебанія. Поставленный въ ложное положеніе и сожалѣя, что не могъ исполнить даннаго обѣщанія, онъ ждалъ, медлилъ, изыскивалъ предлоги для оправданія и въ концѣ-концовъ ничего не могъ сдѣлать...

Но пойдемъ далѣе.

Священникъ Эрастовъ также былъ приглашаемъ чиновникомъ Дмитревскимъ участвовать въ погребеніи, выносѣ и сопровожденіи останковъ поэта до могилы, но отказался подъ предлогомъ неимѣнія времени, а слѣдователямъ показалъ, что изъ боязни отвѣтственности. Въ сущности же тутъ были причины другія. Въ объясненіи духовному правленію онъ упомянулъ, между прочимъ, что протоіерей Александровскій, діаконъ Мадритовъ, причетники и кторъ церкви составляютъ одну партію... Если эти лица составляли одну партію, то, конечно, ту партію, которая признавала возможнымъ похоронить убитаго на дуэли «честнѣ»; а онъ, Эрастовъ, какъ стоявшій внѣ этой партіи, значитъ, примыкалъ къ другой, т. е. противоположной, и, слѣдовательно, дѣйствовалъ въ ея интересахъ. Воспрепятствованіе имъ выносу тѣла поэта въ церковь для отпѣванія вполнѣ подтверждаетъ подобное предположеніе.

Тѣ «вліятельныя личности», не любившія Лермонтова за его «не щадившій никого юморъ», о которыхъ упомянуто выше и которыя не считали предосудительнымъ требовать у коменданта погребенія тѣла поэта ночью въ оврагѣ и не иначе, какъ руками профоса, по словамъ В. И. Чиляева, были люди богатые и ловкіе... Исчезновеніе 17 іюля отца Василья съ церковными ключами, продолжавшееся съ окончанія имъ литургіи до начала вечерни, было не что иное, какъ ихъ мастерской шахматный ходъ въ послѣдней сшибкѣ на турнирѣ съ друзьями поэта. И что же?—партія оказалась ими выигранной: прахъ автора молитвъ: «Я, Матерь Божія», и «Не обвиняй меня, Всесильный», былъ лишенъ послѣднихъ напутственныхъ молитвъ церкви въ жизнь вѣчную...

Но справедливость, — позволимъ себѣ сказать въ заключеніе, — въ мірѣ существуетъ! Тамъ, гдѣ совершилось такое недоброе дѣло, нынѣ воздвигнутъ поэту памятникъ, и духовенство священнодѣйствовало при его открытіи и возглашало: «вѣчную память рабу Божію Михаилу»...

15 Апрѣля 1895 года
г. С.-Петербургъ.

Висковатовскій списокъ поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ“ въ Императорской публичной библіотекѣ.

I.

Въ 1895 году, вышелъ въ свѣтъ отпечатанный отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1892 годъ, изъ котораго видно, что библіотекѣ этой принесены въ даръ бывшимъ профессоромъ Дерптскаго университета П. А. Висковатовымъ нѣсколько рукописей поэмы М. Ю. Лермонтова «Демонъ», частію въ подлинникахъ, частію въ спискахъ, посвященіе къ поэмѣ и два письма къ г. Висковатову: графини Берольдингенъ и протоіерея Базарова.

Относительно принесенныхъ въ даръ библіотекѣ бумагъ, въ отчетѣ сказано:

а) Очеркъ «Демона» 1838 года. Рукопись въ листъ на 19 листахъ. Писана писарскимъ почеркомъ. Заглавіе поэмы и дата на первомъ листѣ (1838 г. Сентября 8 дня) сдѣланы самимъ Лермонтовымъ, въ текстѣ поэмы имъ вписаны цѣлые стихи, сдѣлано пять подстрочныхъ примѣчаній и нѣсколько поправокъ отдѣльныхъ словъ. Его же рукою написано и посвященіе В. А. Бахметевой. Эту рукопись, подаренную Лермонтовымъ В. А. Бахметевой, рожденной Лопухиной, П. А. Висковатовъ получилъ отъ Е. Д. Лопухиной, рожденной Голохвастовой, снохи пріятеля Лермонтова, Алексѣя Александровича Лопухина.

б) Рукопись «Демона», писанная въ 1840 или 1841 году, (въ датѣ на листѣ 31-мъ, ясно читается три первыя цифры 184..., послѣдняя же цифра стерлась), въ 4-ю долю листа, 31 листъ. Рукопись писана на синей бумагѣ, (съ водянымъ знакомъ 1823 или 1825 года), вся рукою писца, схожею съ тою, которой написано

уцѣлѣвшее въ бумагахъ баронессы А. М. Гюгель, рожденной Верещагиной, посвященіе къ «Демону». Немногочисленныя помѣтки и поправки, сдѣланныя въ текстѣ рукописи, отъ времени въ значительной степени стерлись и отъ покрытія ихъ впослѣдствіи лакомъ, съ трудомъ могутъ быть прочтены; но, на сколько видны, представляютъ сходство съ почеркомъ послѣднихъ по времени собственноручныхъ рукописей поэта. Редакція, помѣщенная въ настоящей рукописи, должна быть признана за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ переработку этой поэмы самимъ поэтомъ. Подробности объ этой рукописи «Демона», а также о предыдущемъ очеркѣ этой поэмы 1838 года см. въ статьѣ Висковатова «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова и ея окончательная вновь найденная обработка», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 года, Мартъ; въ замѣчаніяхъ Висковатова по поводу «Демона», напечатанныхъ въ III томѣ изданныхъ подъ его редакціей сочиненій Лермонтова (Москва, 1891 г.); и протоколъ экстреннаго засѣданія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, 8 февраля 1892 года. (Сбор. этого отдѣленія, т. 53).

в) Посвященіе къ «Демону», сопровождавшее послѣднюю передѣлку этой поэмы, посланную В. А. Бахметевой, (рожденной Лопухиной), и найденное въ бумагахъ баронессы А. М. Гюгель (рожденной Верещагиной). Это посвященіе писано тою же рукою, какъ предшедствующая рукопись «Демона» 184... года.

г) Два письма къ П. А. Висковатову, по поводу находившейся у А. М. Верещагиной рукописи «Демона» протоіерея І. І. Базарова, изъ Штутгарда, отъ $^{2}/_{14}$ Апрѣля 1889 года, и графини Бероль-дингенъ (дочери А. М. Верещагиной), отъ 3 іюля 1884 года.

Съ бумагами этими мы, благодаря любезности и вниманію директора Императорской публичной библіотеки, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, А. Ѳ. Бычкова и обязательному содѣйствію и предупредительности консерватора отдѣленія рукописей И. А. Бычкова, ознакомились, тщательно ихъ изслѣдовали, свѣрили съ другими лермонтовскими рукописями и пришли къ слѣдующимъ выводамъ.

Рукопись «Демона» съ помѣткою: 1838 года Сентября 8 дня, пріобрѣтенная г. Висковатовымъ отъ Е. Д. Лопухиной,—документъ подлинный и сомнѣній никакихъ онъ не возбуждаетъ, чего нельзя сказать относительно другихъ двухъ документовъ, т. е. списка «Демона», относимаго къ 1840—41 годамъ, и посвященія. О рукописи же 1838 года мы замѣтимъ только, что хотя въ отчетѣ публичной

библіотеки и заявлено, что рукою Лермонтова на ней написано и посвященіе В. А. Бахметевой, но въ рукописи написано только посвященіе, а кому оно предназначается—не сказано.

Второй списокъ «Демона», аттестованный за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ переработку этой поэмы самимъ поэтомъ,—представляетъ дѣйствительно послѣднюю переработку поэмы», но только не самимъ поэтомъ, а кѣмъ-то изъ его двойниковъ, еще незнаемыхъ, но славныхъ... Это — манускрипт замѣчательный и любопытный, всестороннему разсмотрѣнію и оцѣнкѣ котораго по достоинству мы настоящую статью и посвящаемъ.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изслѣдованію, намъ предстоитъ ознакомиться съ третьимъ документомъ, на сходствѣ почерка котораго со спискомъ «Демона» 1840 — 41 годовъ основана подлинность послѣдняго. Документъ этотъ—посвященіе къ поэмѣ «Демонъ», найденное будто-бы въ бумагахъ А. М. Гюгель. Оно написано на отдѣльномъ листѣ грубой канцелярской полубѣлой бумаги, крупнымъ писарскимъ почеркомъ съ инициалами лица, кому посвящено, именно: В. А. Б. Послѣдняя буква нѣсколько разъ карандашемъ перечеркнута и замѣнена буквою Л. Дата и подпись подъ посвященіемъ оторваны. Уцѣлѣла только верхняя часть одной изъ заглавныхъ буквъ подписи, похожая на верхушку буквы *П*, или *Т*, но никакъ не *М* и Л. Содержаніе посвященія тоже, что и въ рукописи поэмы «Демонъ» 1838 года, но съ добавленіемъ, въ видѣ эпиграфа, четырехъ стиховъ изъ посвященія 1831 года. Въ надписи на обложкѣ посвященія, г. Висковатовъ говоритъ, что оно сопровождало послѣднюю передѣлку поэмы «Демонъ», посланную В. А. Бахметевой, въ 1840 или 1841 году, и писано однимъ почеркомъ со спискомъ этой передѣлки, найденнымъ имъ въ Петербургѣ. Въ надписи же на самомъ посвященіи сказано только, что оно взято изъ бумагъ А. М. Верещагиной. Прямого, непосредственнаго значенія сему документу г. Висковатовъ не придаетъ, но онъ присваиваетъ ему значеніе косвенное, т. е. тожество почерка, которымъ будто-бы написано какъ это посвященіе, такъ и списокъ послѣдней переработки поэмы «Демонъ», найденный имъ въ Петербургѣ случайно. Въ отчетѣ публичной библіотеки за 1892 годъ, заявлено: въ описаніи рукописи «Демона», относимой къ 1840—41 годамъ,—что рукопись эта писана рукою писца, *схожею* съ тою, которою написано посвященіе, а въ описаніи посвященія — что оно писано *того же* рукою, какъ рукопись «Демона» 1840—41 года.

Нужно думать, что подобное удостовѣреніе сдѣлано со словъ г. Висковатова, но схожесть почерка, признаваемая въ одномъ документѣ, не можетъ въ тоже время представлять его полнаго тожества въ другомъ. Слѣдовательно, удостовѣреніе это не имѣетъ надлежащей силы. По внимательномъ разсмотрѣніи и сличеніи почерковъ этихъ манускриптовъ, мы нашли нѣкоторыя общія черты сходства въ характерѣ ихъ письма, замѣчаемыя обыкновенно въ писарскихъ почеркахъ одной школы; но признать ихъ за почеркъ одного лица, писавшаго оба документа,—ни въ какомъ случаѣ не считаемъ возможнымъ. Разница въ стилѣ буквъ и строеніи письма слишкомъ замѣтна. Такъ, напр. заглавныя буквы въ Посвященіи имѣютъ широкій размахъ, большую округлость и росчеркъ съ петлями; а въ поэмѣ—онѣ болѣе просты, прямы и угловаты, такъ что не только полнаго тожества, но и рельефной родственной схожести почерка признать за ними нельзя. Независимо этого, представленное въ публичную библіотеку Посвященіе возбуждаетъ еще сомнѣніе и въ томъ отношеніи, что оно никогда въ рукахъ В. А. Бахметевой, отъ которой его, по словамъ г. Висковатова, получила г-жа Гюгель, не было и быть не могло. Предположеніе это основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) Посвященіе написано на такой бумагѣ, на какой великосвѣтскимъ дамамъ поэты посвященій не преподносятъ. б) Въ немъ не обозначено: кому оно преподнесено, а выставлены только одни иниціалы имени, отчества и фамиліи г-жи Бахметевой; причемъ послѣдняя буква *Б* нѣсколько разъ перечеркнута карандашемъ и сверхъ помарокъ написано размашистое *Л*. Подобнаго отношенія къ «своей Мадоннѣ» не могъ себѣ позволить Лермонтовъ, гвардейскій офицеръ и поэтъ-джентельмэнъ. Иниціалы обыкновенно ставятся, когда стихи предназначаются въ другія руки, или же для печати. Но когда они преподносятся лицу, которому посвящены, то прописывается имя, отчество и фамилія этого лица, или же посвященіе пишется въ автографѣ безъ обозначенія, кому оно принадлежитъ. Доказательствомъ сказаннаго можетъ служить то, что на рукописи поэмы «Демонъ», съ датою: 1838 г. Сентября 8 дня, преподнесенной Лермонтовымъ то же В. А. Бахметевой, посвященіе написано поэтомъ въ концѣ рукописи собственноручно, но ни имени, отчества и фамиліи лица, кому посвященіе предназначается, ни иниціаловъ ихъ не сдѣлано. и в) Подпись посвященія, или другое что, чѣмъ оно было закончено,—оторвано. Обстоятельство это, само по себѣ совершенно ничтожное, наводитъ, однако, на мысль, что на

оторванномъ лоскуткѣ бумаги были какіе-нибудь признаки совершенно иного происхожденія сего документа. Очень можетъ быть, что г. Висковатовъ, при массѣ собранныхъ имъ матеріаловъ, относившихся къ поэмѣ «Демонъ», перемѣшалъ ихъ и представилъ въ публичную библіотеку, по ошибкѣ, не бахметевское посвященіе, а другой, какой-либо съ него списокъ. Но такъ или иначе, только документъ этотъ не имѣетъ того значенія, какое ему приписывается.

Покончивъ съ посвященіемъ, перейдемъ къ самой рукописи поэмы, относимой, по времени приписываемаго ей происхожденія къ 1840 или 1841 годамъ.

Прежде всего мы обратимъ вниманіе на ея внѣшность и представительность, чтобы опредѣлить признаки дѣйствительнаго ея достоинства. Всѣ подлинныя рукописи сочиненій Лермонтова. хранящіяся въ Императорской публичной библіотекѣ, какъ напр.: «Княгиня Лиговская», «Бояринъ Орша», «Черкесы», «Герой нашего времени», «Люди и страсти» и др. писаны на тетрадяхъ листоваго формата, бѣлой, полубѣлой или сѣрой бумаги, безъ перенумеровки страницъ и подписи. Даже преподнесенная въ 1838 году г-жѣ Бахметевой рукопись поэмы «Демонъ» подписи поэта не имѣетъ. Настоящій же манускриптъ представляетъ явленіе совершенно противоположнаго свойства. Это—тетрадь, и даже не тетрадь, а только отрывокъ отъ какой-то другой большой тетради, что свидѣтельствуютъ картонная съ небольшимъ загибомъ на корешокъ обложка, оклеенная мраморной бумагой, — съ одной только стороны и висящія съ другой обрывочки веревочекъ, на которыхъ большая тетрадь была переплетена. Бумага въ ней грязная, синяя, съ водяными знаками 1823 или 1825 года.. Форматъ—согнутаго вдвое полулиста, или, точнѣе сказать,—въ четвертку листа. Обернута она въ полулистъ бѣлой бумаги, приклеенный къ послѣднему листу той стороны тетради, гдѣ нѣтъ картонной мраморной обложки. Страницы ея перенумерованы: до конца поэмы (съ 1 до 60-й)—карандашемъ, а далѣе (61—69) — чернилами. При первомъ взглядѣ на этотъ обрывокъ тетради получается впечатлѣніе, что онъ оторванъ отъ какой-нибудь, изобиловавшей въ концѣ не писаннымп листами, большой, старой архивной тетради, и оторванъ не съ лицевой стороны, а съ противоположоой, т. е. задней, гдѣ имѣлись неписанныя страницы, перевернутъ справа на лѣво, и затѣмъ уже на обращенныхъ въ лицевыя заднихъ страницахъ этого обрывка тетради написана поэма «Демонъ». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ поэмы имѣетъ

карандашныя поправки, а подъ послѣднею строфою выставлена дата и сдѣлана подпись, тоже карандашомъ «Лермонтовъ». Вся эта карандашная работа полустерта, испачкана и покрыта лакомъ. Вотъ какой видъ представляетъ изъ себя пресловутая рукопись, имѣвшая, по словамъ г. Висковатова, назначеніе—быть посланной г-жѣ Бахметевой, но, въ виду ошибокъ писаря, вызвавшихъ карандашныя исправленія, замѣненная вновь переписанной. Одинъ бѣглый, внѣшній обзоръ этой рукописи возбуждаетъ уже сомнѣніе въ принадлежности ея поэту: вѣдь онъ такихъ обрывковъ отъ тетрадей для своихъ работъ не употреблялъ, а тѣмъ болѣе не могъ взять для отправленія къ г-жѣ Бахметевой, черновыхъ рукописей не подписывалъ и датъ на нихъ не ставилъ. Самъ г. Висковатовъ сознавалъ это и въ Послѣсловіи своемъ, написанномъ на послѣднихъ страничкахъ рукописи, задался вопросомъ: почему Лермонтовъ выбралъ такую бумагу (съ водяными знаками 1823 года), и тетрадь со столь плохимъ переплетомъ? Но вопросъ этотъ остался открытымъ: глубокомысленный профессоръ ограничился только восклицаніемъ: не было ли здѣсь какого-либо юношескаго воспоминанія, связаннаго съ годами перваго знакомства съ Варенькой?!?.. Не входя въ разсмотрѣніе подобнаго игриваго предположенія профессора, мы, однако, не можемъ не замѣтить, что Лермонтову въ 1823 году было только 8 лѣтъ отъ роду и амурными шалостями онъ тогда еще не занимался, что первая любовь его въ 1825 году была не Варенька, а какая то дѣвочка на Кавказѣ, и что любовью къ Варенькѣ поэтъ воспылалъ только въ концѣ 1830 года. Впрочемъ, одно уже безпокойство, выказанное г. Висковатовымъ при сопоставленіи имени поэта и этой грязной архивной тетради, должно служить подтвержденіемъ нашего предположенія, что тетрадь эта въ рукахъ поэта быть не могла.

Но пойдемъ въ нашемъ изслѣдованіи далѣе.

Первая страница (бывшая, вѣроятно, въ большой архивной тетради послѣдней), представляетъ изъ себя только узкую оторванную по длинѣ страницы полоску, остальная же часть ея, нужно думать, вслѣдствіе бывшихъ на ней еще въ старой тетради какихъ-либо надписей, оторвана. На оторванномъ клочкѣ страницы сдѣланы надписи о принадлежности тетради профессору Висковатову и о передачѣ ея въ Императорскую публичную библіотеку въ февралѣ 1892 года. Со слѣдующей 2-й страницы начинается поэма «Демонъ». Она занимаетъ 60 страницъ. Писана поэма крупнымъ писарскимъ

почеркомъ, но такими чернилами, какія для письма вообще не употребляются. Это было какое-то особо приготовленное съ извѣстной цѣлью снадобье. Строки, имъ написанныя, не смотря на сохранившуюся мѣстами черноту и блескъ, пожелтѣли, расплылись и образовали изъ себя широкія водянистыя полосы. Г. Висковатовъ, въ своемъ послѣсловіи, написанномъ на послѣднихъ страницахъ тетради, говоритъ: «Меня всегда поражали эти чернила. Приходило даже на мысль, не влитъ-ли былъ въ нихъ уксусъ, для приданія имъ вида выцвѣтшаго. И мнѣ мимолетно приходила мысль, что это — поддѣльная рукопись, но обстоятельства, при которыхъ я ее пріобрѣлъ, дѣлали это невѣроятнымъ. Я снесъ рукопись въ химическую лабораторію Дерптскаго университета, и мнѣ сказали, что въ чернилахъ много раствора адскаго камня... На синей бумагѣ произошелъ процессъ химическій, отчего она побѣлѣла, и, вѣроятно, это стало тотчасъ замѣтнымъ, почему вторая копія, отъ коей сохранилось посвященіе въ бумагахъ Верещагиной (Гюгель), уже писана другими чернилами, но, очевидно, тою же рукою».

Пріостановимся на мгновеніе на этихъ откровенныхъ, но неосновательныхъ изліяніяхъ профессора.

Заявленіе его о томъ, что онъ сознавалъ, что найденная имъ рукопись поддѣлана, весьма характерно—при стремленіи доказать ея достовѣрность. Но мы отмѣтимъ только подобную непослѣдовательность профессора, и займемся вопросомъ: могли ли обстоятельства, при которыхъ пріобрѣтена рукопись, сдѣлать предположеніе о поддѣлкѣ ея невѣроятнымъ. Изъ статьи г. Висковатова «Демонъ, поэма М. Ю. Лермонтова, и ея окончательная, вновь найденная обработка», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 3, видно, что пріобрѣтеніе этой рукописи совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

«Въ началѣ 1880-хъ годовъ — пишетъ профессоръ: — я работалъ въ архивѣ одного изъ нашихъ правительственныхъ учрежденій. Мнѣ было разрѣшено просмотрѣть секретное дѣло о Лермонтовѣ. Старикъ-писарь дѣлалъ мнѣ выписки. Какъ-то разъ онъ сказалъ мнѣ:

— Вы вотъ изволите заниматься Лермонтовымъ, а у меня есть его сочиненіе «Демонъ».

— Принесите.

И когда на другой день старикъ принесъ мнѣ поэму, я былъ удивленъ цвѣтомъ бумаги и чернилъ, свидѣтельствовавшихъ о

давности рукописи. Занятый прочтеніемъ секретнаго дѣла, я только перелистовалъ нѣсколько страницъ и увидѣлъ знакомый текстъ, раздѣленный на главы.

— Откуда вы получили эту тетрадь?

— Отъ свояка. Онъ говорилъ, что переписывалъ ее офицеру, тетрадь у меня давно. Прежде ее у меня переписывали, а нынче все уже напечатано.

Я пріобрѣлъ тетрадь и сложилъ ее съ другими до времени общаго разбора. Когда въ 1887 году, я, наконецъ, принялся за дѣло, то этотъ списокъ, къ моей радости, оказался давно желаннымъ и разыскиваемымъ спискомъ».

Вотъ исторія пріобрѣтенія г. Висковатовымъ пресловутой рукописи послѣдней якобы обработки поэмы. Но гдѣ тутъ обстоятельства, которыя могли-бы сдѣлать предположеніе о поддѣлкѣ ея невѣроятнымъ? Напротивъ, все: обстановка, источникъ и самая процедура купли рукописи,—говоритъ не въ пользу рукописи. Профессоръ такъ обрадовался пріобрѣтенію, какъ онъ выразился, «давно желаннаго и разыскиваемаго» списка, что не счелъ нужнымъ распросить писаря: кто такой былъ свояк его, который переписывалъ списокъ, когда онъ его переписывалъ, какому офицеру и гдѣ? Онъ даже не указалъ въ статьѣ своей: въ какомъ учрежденіи и отъ какого писаря пріобрѣтенъ имъ списокъ, чтобы желающіе могли провѣрить сообщенные имъ факты. Тьма и тайна облекаютъ всѣ эти профессорскія сказанія и, конечно, ничего не говорятъ въ ихъ пользу.

Принятая профессоромъ система удостовѣренія своего списка заключается въ привлеченіи и толкованіи въ ея пользу всякихъ, нейдущихъ даже къ дѣлу, подробностей и постороннихъ обстоятельствъ, игнорированіи всего, говорящаго противъ списка, уклоненіи въ сферу догадокъ и предположеній, ни на чемъ не основанныхъ, и, наконецъ, въ изысканіи такихъ доказательствъ, которыя, при внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, доказываютъ совершенно противное. Все это, конечно, нарушаетъ правильность и стройность нашего изслѣдованія; но что дѣлать, мы должны идти по слѣдамъ профессорскаго мышленія и опровергать замѣчаемыя неточности и неправильныя толкованія, иначе нашъ трудъ былъ бы не полонъ. Оговорившись такимъ образомъ, мы перейдемъ ко второму пункту вышеприведенной выписки изъ Послѣсловія г. Висковатова.

Профессоръ говоритъ, что въ синей бумагѣ произошелъ про-

цессъ химическій, отчего она побѣлѣла и, вѣроятно, это стало тотчасъ, т. е. по написаніи рукописи, замѣтнымъ, почему вторая копія, отъ коей сохранилось Посвященіе въ бумагахъ Гюгель, уже писана другими чернилами, но, очевидно, тою же рукою. Относительно разсужденія о чернилахъ замѣтимъ, что если-бы висковатовская рукопись была написана растворомъ адскаго камня въ началѣ сороковыхъ годовъ и тогда-же стала выцвѣтать, то къ нашему времени, т. е. къ девяностымъ годамъ, въ ней едва-ли-бы что нибудь можно было разобрать изъ написаннаго: строки текста, написаннаго растворомъ адскаго камня, превратились-бы въ сплошныя, желтыя, водянистыя полосы. Между тѣмъ письмо рукописи, не смотря на лежаніе ея у профессора въ сыромъ погребѣ и разные эксперименты, на видъ довольно свѣжо и въ желтыхъ полосахъ, окаймляющихъ строки, ясно видны всѣ, мѣстами даже черныя и блестящія, буквы, которыми написанъ текстъ поэмы.

Всматриваясь въ это толстое, жирное, еще лоснящееся кое-гдѣ письмо, невольно убѣждаешься, что перевернутый задомъ на передъ отрывокъ старой архивной тетради обогатился текстомъ вновь обработанной поэмы не полвѣка слишкомъ тому назадъ, какъ увѣряетъ профессоръ, а много, много, если лѣтъ десять, а то такъ и менѣе того. Что-же касается заявленія г. Висковатова о томъ, что вторая копія, отъ коей сохранилось Посвященіе въ бумагахъ Гюгель, уже написана другими чернилами, но, очевидно, тою-же рукою,—мы можемъ положительно сказать, что никакой копіи съ найденнаго профессоромъ текста поэмы «Демонъ» въ рукахъ В. А. Бахметевой не было, и сказаніе объ этомъ есть ничто иное, какъ догадка профессора.

Въ статьѣ «Демонъ и пр.», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1889 г., № 3, г. Висковатовъ говоритъ: «Между бумагами А. М. Верещагиной (Гюгель), присланными мнѣ изъ-за границы, находился и листъ съ Посвященіемъ къ «Демону», писанный тѣмъ-же почеркомъ, какъ и рукопись, о которой идетъ рѣчь. Очевидно, этотъ листъ составляетъ отдѣльное Посвященіе къ поэмѣ, посланной въ новой обработкѣ къ В. А. Б. Онъ уцѣлѣлъ, а рукопись «Демона», какъ писала дочь Верещагиной, пропала. Тождественность почерка списка «Демона» съ уцѣлѣвшимъ въ бумагахъ Верещагиной посвященіемъ къ утраченному экземпляру поэмы, равно какъ и помѣтка на нашей рукописи «переписать»,—побуждаетъ насъ сдѣлать слѣдующее предположеніе. Въ 1840 или 1841 г.,

Лермонтовъ въ бытность свою въ Петербургѣ, приказалъ снять копію со вновь пересмотрѣннаго и передѣланнаго текста «Демона», чтобы послать его, какъ и прежде, В. А. Б. Первая копія была сдѣлана не удачно, и поэтъ, исправивъ промахи, да вписавъ карандашемъ то, что переписчикъ не съумѣлъ разобрать, приказалъ сдѣлать еще списокъ, который и выслалъ В. А. Б.;—первая-же неудачная копія осталась въ рукахъ переписчика». Выводъ, конечно, оригинальный, но онъ высказанъ въ видѣ предположенія, и только впослѣдствіи профессоръ въ своихъ статьяхъ, въ академическомъ рефератѣ и въ послѣсловіи къ поэмѣ сталъ говорить о немъ, какъ о совершившемся фактѣ. Пріемъ слишкомъ утрированный и смѣлый. Но у г. Висковатова, какъ оказывается, свои принципы, взгляды и правила по отношенію къ пропагандѣ найденнаго имъ списка. Чтобы опровергнуть въ самомъ корнѣ вышеизложенное предположеніе профессора, возведенное имъ впослѣдствіи на степень факта, мы приведемъ нижеслѣдующія доказательства. Найденный г. Висковатовымъ списокъ поэмы «Демонъ», по его словамъ, есть ничто иное, какъ первая копія съ исправленной поэтомъ рукописи, предназначавшаяся для отсылки къ В. А. Б., но непосланная вслѣдствіе дурной ея переписки. Этого не могло быть потому, что копія эта написана на обрывкѣ отъ старой архивной тетради изъ грубой и грязной, синей бумаги, съ одной половинкой картонной обложки, и, слѣдовательно, не могла быть предназначаема къ поднесенію великосвѣтской дамѣ, которую такъ возвышенно и самоотверженно любилъ поэтъ. Не могъ онъ также послать ей и второй копіи съ этого исправленнаго карандашемъ списка, потому, что Лермонтовымъ былъ посланъ В. А. Бахметевой, въ 1841 году, изъ Петербурга, не этотъ списокъ, а другой — подлинный, съ котораго печаталось (сдѣланъ былъ первый наборъ) рѣдчайшее нынѣ Карлсруэское изданіе поэмы «Демонъ» 1856 года. Фактъ этотъ будетъ разсказанъ нами ниже, а пока, въ подтвержденіе его, мы приведемъ нижеслѣдующую выдержку изъ письма протоіерея І. І. Базарова, написаннаго къ П. А. Висковатову, изъ Штутгарта, $^{2}/_{14}$ Іюня 1889 года, и принесеннаго послѣднимъ въ даръ императорской публичной библіотекѣ. Вотъ что писалъ отецъ протоіерей: «Въ статьѣ вашей «Демонъ», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», говоря объ изданіи этой поэмы въ Карлсруэ, въ 1857 году, г-мъ Ф—мъ, вы выражаете сожалѣніе, что не могли напасть на слѣдъ издателя. Позвольте мнѣ, если это васъ интересуетъ, какъ лично

участвовавшему въ этомъ изданіи, пояснить вамъ, что г. Ф—въ, былъ никто иной, какъ генералъ Алексѣй Илларіоновичъ Философовъ, бывшій воспитателемъ великаго князя Михаила Николаевича и состоявшій при немъ въ 1859 году, когда великій князь сдѣлался женихомъ баденской принцессы Цециліи, затѣмъ великой княгини Ольги Ѳеодоровны, и вслѣдствіе этого весьма часто пріѣзжавшій съ великимъ княземъ въ Карлсруэ. Здѣсь, по моему предложенію, онъ обратился къ Гасперу, у котораго тогда печаталась моя «Библейская исторія», а прежде «Лексиконъ» Рейфа и «Одиссея» Жуковскаго съ предисловіемъ, съ предложеніемъ напечатать «Демона» Лермонтова, въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ поднесенъ былъ и мнѣ, но теперь неизвѣстно кѣмъ зачитанъ. *Рукопись-же, съ которой была издана эта поэма Философовымъ, была доставлена ему, какъ вы уже знаете, Александрою Михайловною Гюгель*, съ которой Алексѣй Илларіоновичъ былъ въ родствѣ, по женѣ своей Столыпиной, и мать г-жи Гюгель, Верещагина, была тоже Столыпина. Куда дѣвалась самая рукопись—до сихъ поръ трудно сказать. Если она не осталась забытой въ типографіи Гаспера, то еще можно поискать и у наслѣдниковъ А. И. Философова»... Такимъ образомъ, констатируется фактъ, что съ присланнаго поэтомъ В. А. Бахметевой, въ 1841 году, списка «Демона», переданнаго ею А. М. Гюгель, печаталось первое Карлсруэское изданіе поэмы 1856 года, и если-бы ей былъ присланъ текстъ висковатовскаго списка, то онъ и былъ-бы напечатанъ. Но напечатанъ—подлинный текстъ поэмы.

Возвращаясь за симъ къ изслѣдованію письменъ висковатовскаго списка, мы остановимся на сдѣланныхъ въ немъ карандашныхъ исправленіяхъ и подписи поэмы, г. Висковатовъ, въ статьѣ «Демонъ и пр.» («Русск. Вѣстникъ», 1889 г., № 3), удостовѣряетъ, что поэтъ собственноручно исправилъ и подписалъ сказанный списокъ. «Для меня, говоритъ онъ, разбиравшаго большое количество рукописей Лермонтова, не подлежитъ сомнѣнію, что исправленія и подпись сдѣланы рукой поэта, желая предохранить его поправки отъ дальнѣйшей порчи, я покрылъ ихъ лакомъ. Для большой-же наглядности на поляхъ выставилъ карандашомъ трудно читающіяся слова». Но испугавшись такого категорическаго опредѣленія, тутъ-же, нѣсколько далѣе дѣлаетъ оговорку: «правда, карандашъ отъ времени постерся и поэтому трудно утверждать съ достовѣрностію, что это написалъ самъ поэтъ; но сходство почерка не подлежитъ сомнѣнію». Въ

Послѣсловіи-же къ поэмѣ, на послѣднихъ листахъ тетради, профессоръ вновь удостовѣряетъ, что карандашныя помѣтки принадлежатъ поэту, и за симъ уже во всѣхъ другихъ заявленіяхъ высказывается за несомнѣнность почерка поэта. Весьма характеристично при этомъ то обстоятельство, что при всякомъ случаѣ, когда не можетъ встрѣтиться возраженій, г. Висковатовъ высказывается за достовѣрность почерка. Но если встрѣчается оппонентъ, возражающій противъ этого, какъ напр. въ полемикѣ съ А. С. Суворинымъ, профессоръ бьетъ отбой и, вмѣсто щита, выставляетъ свою оговорку. («Новости» 1891 г., № 296). Но это все только къ слову. Мы тщательно изслѣдовали упомянутыя выше карандашныя упражненія, сопоставили ихъ съ предоставленными въ наше распоряженіе начальствомъ публичной библіотеки, другими, подлинными Лермонтовскими рукописями и письмами, и пришли къ тому заключенію, что всѣ эти упражненія приписаны Лермонтову по недоразумѣнію или заблужденію. Въ дѣйствительности-же, по изслѣдованіи карандашныхъ работъ, получились совершенно иные результаты, а именно: а) на стр. 2-й, передъ началомъ посвященія Кавказу, находится большое, какъ-бы нарочно затертое пятно, покрытое лакомъ, изъ подъ котораго у лѣваго края пятна виднѣется росчеркъ крышки какой-то начальной буквы, далѣе, къ срединѣ, въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, находятся двѣ черты, какъ-бы палочки буквы *р* и въ концѣ правой стороны пятна—широкій откидной къ верху росчеркъ буквы *ъ*. Эти чуть замѣтные слѣды какой-то надписи, по сдѣланному тутъ-же г. Висковатовымъ истолкованію, слѣдуетъ принимать за бывшее будто-бы тутъ слово: «*переписать*». Не обладая даромъ предвидѣнія, ниспосланнаго профессору свыше, мы не станемъ оспаривать его предположенія о томъ, что тутъ было написано. Но по сохранившимся чертамъ бывшей помѣтки можемъ утвердительно сказать, что помѣтка эта не могла быть писана рукой поэта. Во первыхъ потому, что занятое ею мѣсто, отъ заглавной до послѣдней буквы, по сличенію и сдѣланному нами обмѣру циркулемъ, заключаетъ въ себѣ почти вдвое болѣе пространства, чѣмъ занималъ обыкновенно поэтъ въ своихъ рукописяхъ для такихъ-же десятибуквенныхъ словъ, какъ слово «переписать» Во вторыхъ потому, что росчеркъ крышки начальной буквы бывшей надписи и широкій далекій отбросъ вправо росчерка послѣдней буквы *ъ* противорѣчатъ общему характеру почерка поэта, въ особенности—послѣдній росчеркъ. Лермонтовъ никогда не писалъ буквы *ъ* съ большимъ гори-

зонтальнымъ откидомъ верха росчерка вправо. Всѣ его *г* въ подлинныхъ рукописяхъ имѣютъ выбросъ кверху прямой, или-же съ небольшимъ загибомъ крючка—влѣво, къ началу строки. б) На стр. 3, противу захеренной строфы, стоитъ покрытое лакомъ слово: «*надо*». Оно написано размашисто и занимаетъ бо́льшее мѣсто, чѣмъ въ подлинныхъ рукописяхъ поэта занимаютъ обыкновенно слова въ четыре буквы. При чемъ и самый строй буквъ не нормаленъ и разнится въ основныхъ чертахъ письма отъ подлиннаго почерка поэта. Такъ, букву *н* Лермонтовъ писалъ обыкновенно похожею на *и*, т. е. поперечинка ея начиналась въ нижнемъ концѣ первой палочки и подымалась въ діагональномъ направленіи кверху другой палочки; а въ висковатовскомъ спискѣ перекладинка начата отъ средины первой палочки. Буква *д* далеко отставлена отъ *а* и загнута въ выбросѣ кверху низко и широко, тогда какъ крючекъ буквы *д* въ подлинныхъ рукописяхъ поднимается надъ строкою выше и загибается уже и круче. Буква *о* написана съ отбросомъ росчерка вправо, а Лермонтовъ обыкновенно писалъ *о* въ концѣ слова круглое. в) На стр. 5, слово «*въ пространствѣ*» написано такими низенькими, подобными волнообразной чертѣ, буквами, что оно и не напоминаетъ даже дѣйствительнаго почерка поэта. г) На стр. 8, слово «*тылкой*» такъ же, какъ и слова на первыхъ страницахъ, написано разгонистымъ почеркомъ, поэту несвойственнымъ, а краткій знакъ надъ буквой *и* изображенъ длинной чертой съ большимъ отбросомъ вправо, между тѣмъ какъ Лермонтовъ писалъ его: или коротенькой черточкой, или же круглымъ крючкомъ. д) На стр. 11, въ покрытомъ лакомъ пятнѣ что-то начертано, г. Висковатовъ опредѣляетъ это словомъ: «*алмазный*», можетъ быть опредѣленіе это и правильно, только буквы, которыми оно начертано, чужды почерку поэта. е) На стр. 12, въ словѣ «*узорчатый*» буква *з* изображена почти безъ загиба въ серединѣ и не похожа на лермонтовское *з* съ большимъ загибомъ крючка; краткое же надъ *и* въ концѣ слова сдѣлано, какъ и на стр. 8 тетради, длинной чертою съ отбросомъ, что́ вообще несвойственно почерку поэта. ж) На стр. 13, надъ зачеркнутымъ словомъ «*катилися*» виднѣется какая-то волнообразная черта съ одной начальной буквой *в*; но такого рода письма мы въ рукописяхъ поэта не встрѣчали: почеркъ его вообще отличается ясностью и отчетливостью написаннаго, и з) Исправленіе прочихъ словъ въ текстѣ списка, какъ напр., на стр. 13, — «*думой*», на стр. 15 — «*обведена*» и «*ушами*», на стр, 16 — «*удалой*», на стр. 17 — «*въ*

тишинѣ» и «*чуть слышно»*, на стр. 50—«*видъ»* и др., имѣетъ тѣже основныя черты, какъ указано нами выше, поэтому мы говорить о нихъ, т. е. повторять уже сказанное, не будемъ и перейдемъ прямо къ датѣ и подписи. Сдѣланная на 60-й страницѣ, подъ послѣдней строфой поэмы, карандашемъ дата «*18....*» и подпись «*Лермонтовъ*» положительно чужды почерку поэта. Цифру *1* онъ писалъ съ почеркомъ и нѣкоторымъ уклономъ вправо, а здѣсь стоитъ прямая палочка и безъ почерка. Цифру *8*, написанную напр. въ датѣ лопухинскаго списка «Демонъ» три раза (1838 г. Сентября 8), мы видимъ начертанную слѣва съ загибомъ верхняго ея крючка на право, а здѣсь какъ разъ наоборотъ, она зачата справа и крючекъ выведенъ въ лѣвую сторону цифры. Третьей цифры, по мнѣнію г. Висковатова, изображающей *4* и положенной имъ въ основаніе предположенія, что списокъ исправлялся въ 1840 или 1841 годахъ,—въ дѣйствительности не существуетъ. Рядомъ съ цифрой *8*, красуется подъ лакомъ темное, какъ будто нарочно затертое, пятно, въ которомъ видѣть цифру *4* можетъ только одно пылкое всевидящее воображеніе профессора. Что же касается сдѣланной подъ строфами поэмы подписи, то несообразность ея становится ясной при первомъ же внимательномъ на нее взглядѣ. Начальная буква *Л* выведена въ ней съ закругленіемъ вверху, тогда какъ поэтъ писалъ ее всегда въ верхнемъ концѣ остро. Буква *р* въ длинной палочкѣ коротка, а въ сгибѣ росчеркъ приподнятъ, что̀ противорѣчитъ общему характеру стиля лермонтовскаго почерка. Остальныя буквы, послѣ слишкомъ расширеннаго *м*, безформенно прочерчены съ небольшимъ крючкомъ вмѣсто росчерка въ концѣ. Между тѣмъ поэтъ, какъ извѣстно, когда подписывался полной фамиліей, выписывалъ четко всѣ буквы, среди которыхъ особенно было замѣтно *в*, съ выброшенной изъ строки кверху петлей, и хорошо написанный *ъ* съ большимъ круглымъ росчеркомъ въ завиткахъ внизу подписи. Но что болѣе всего поражаетъ въ этой подписи — это сама подпись. Зачѣмъ она поставлена подъ спискомъ, оставленнымъ, какъ заявилъ самъ профессоръ, послѣ его переписки, въ рукахъ писаря? Поэтъ вообще не подписывалъ своихъ черновыхъ рукописей, для чего же ему нужно было подписать списокъ, брошенный у переписчика?

Вотъ факты, которые мы добыли, и выводы, къ которымъ пришли при внѣшнемъ осмотрѣ и изслѣдованіи найденнаго г. Висковатовымъ и принесеннаго имъ въ даръ Императорской публичной

библіотекѣ, списка поэмы «Демонъ». Не будемъ распространяться о нихъ. Они очевидны всякому и сами собою краснорѣчиво говорятъ противу его достовѣрности, какъ списка послѣдней редакціи, исправленнаго поэтомъ собственноручно. Жалкую роль чужака-самозванца играетъ онъ въ собраніи автографовъ геніальнаго поэта, находящихся въ великомъ нашемъ національномъ книгохранилищѣ, и, глядя на него, невольно удивляешься тому непонятному ослѣпленію, съ которымъ онъ профессоромъ принятъ, пропагандированъ и сданъ въ библіотеку за подлинную рукопись поэта.

Но не смотря на это, мы не считаемъ себя вправѣ ограничиться однимъ только внѣшнимъ осмотромъ и изслѣдованіемъ сказаннаго списка. Для полноты предпринятаго нами труда, намъ предлежитъ еще разсмотрѣть доводы, которые приведены г. Висковатовымъ въ пользу его принятія и разрѣшить вопросъ: соотвѣтствуетъ ли замыслу и міровоззрѣнію поэта та идея, которая, по словамъ профессора, будто бы придана Лермонтовымъ поэмѣ, при ея пресловутой «послѣдней переработкѣ».

II.

Доводы, объясненія и разсужденія г. Висковатова относительно подлинности найденнаго имъ списка, изложены: а) въ статьѣ «Демонъ», поэма М. Ю. Лермонтова и ея окончательная, вновь найденная обработка», напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1889 г., № 3; въ «Предисловіи» и нѣсколькихъ словахъ по поводу поэмы «Демонъ», напечатанныхъ въ III томѣ «Сочиненій М. Ю. Лермонтова», изд. Рихтера, 1891 года; и в) въ докладѣ отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, въ экстренномъ засѣданіи его 8 Февраля 1892 года, напечатанномъ въ «Сборникѣ этого отдѣленія», 1892 года, томъ 53. Сущность сихъ документовъ одинакова, они отличаются другъ отъ друга только въ силѣ, полнотѣ и убѣдительности изложенія. Но основаніемъ двухъ послѣднихъ служитъ первая статья. Во всякомъ случаѣ мы начнемъ разсмотрѣніе поставленныхъ г. Висковатовымъ тезисовъ съ академическаго его доклада, и только въ случаѣ пропуска въ немъ

какихъ-нибудь рогатыхъ подробностей, (безъ чего дѣло, конечно, не обошлось), мы будемъ тревожить и тексты упомянутыхъ выше статей. Такимъ образомъ, мы надѣемся, намъ не встрѣтится затрудненій обнять, изучить и освѣтить свѣтомъ истины казуистическую тьму, наполняющую статьи и докладъ профессора.

Рефератъ г. Висковатова въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ.

При жизни Лермонтова, поэма его «Демонъ» не появлялась въ печати ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ. Впервые отрывки изъ нея появились въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 года, но полностью она сдѣлалась извѣстной публикѣ еще при жизни поэта изъ рукописныхъ списковъ, ходившимъ по рукамъ, особенно среди молодежи. Только въ собраніи сочиненій Лермонтова, вышедшемъ подъ редакціей С. С. Дудышкина вполнѣ напечатанъ полный текстъ «Демона». Затѣмъ онъ перепечатывается безъ всякихъ измѣненій, хотя и съ замѣнами однѣхъ мѣстъ другими и перестановками, въ цѣломъ рядѣ изданій «Собранія сочиненій поэта», выходившихъ подъ редакціей П. А. Ефремова. Текстъ поэмы постоянно видоизмѣнялся съ каждымъ новымъ изданіемъ, но вообще его печатали съ разныхъ списковъ, не поэта рукою писанныхъ, и допускались произвольныя исправленія и добавленія. Какъ первый издатель сочиненій Лермонтова Дудышкинъ, такъ и продолжатель его дѣла г. Ефремовъ не считали нужнымъ упоминать о самой рукописи, изъ которой они извлекали для своихъ изданій основной текстъ поэмы. Только въ послѣднихъ изданіяхъ собранія сочиненій Лермонтова, начиная съ 1880 года, г. Ефремовъ сталъ указывать въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ тексту поэмы, что дѣлалъ исправленія текста по рукописи, принадлежащей О. И. Квисту, поправленной самимъ Лермонтовымъ въ 1840 году. Но означенный списокъ поэмы совсѣмъ неисправленъ самимъ поэтомъ и поправки въ немъ сдѣланы уже черезъ третьи руки. Да и въ немъ г. Ефремовъ допускалъ произвольныя измѣненія. Такимъ образомъ *текстъ поэмы*, печатавшійся въ Россіи вплоть до 1891 года, *не можетъ считаться достовѣрнымъ*. Еще въ большей степени можно сказать это объ изданіяхъ, появившихся за границею, изданіяхъ весьма неточныхъ, ошибочныхъ и спутанныхъ. Исключенія представляютъ лишь изданія 1856 и 1857 годовъ, вышедшія въ Карлсруэ и Берлинѣ. (Г. Висковатовъ ошибается: оба эти изданія вышли въ Карлсруэ), послужившія основаніемъ и для большинства изданій, появившихся въ

1891 году въ Россіи. Но какъ было доказано, (объ этихъ доказательствахъ въ рефератѣ профессора ничего не говорится, но мы приведемъ ихъ, какъ курьезъ, и опровергнемъ ниже), и это изданіе, сдѣланное будто бы съ «своеручной рукописи» Лермонтова, *не заслуживаетъ довѣрія*. Сами редакторы новыхъ изданій, признавая текстъ изданія, вышедшаго въ Карлсруэ точнымъ, не слѣдуютъ ему безусловно, а видоизмѣняютъ его. Указавъ на несостоятельность текстовъ въ изданіяхъ Маркса, Кушнерева и Пряшникова, Гербека и другихъ, (указанія эти мы приведемъ и опровергнемъ ниже), профессоръ представилъ объясненія, какъ составлялись списки поэмы переписчиками и любителями поэзіи. Лермонтовъ работалъ надъ поэмою съ 1829 года и до самой своей смерти. Она нѣсколько разъ передѣлывалась имъ. Любители, встрѣчая списки разныхъ лѣтъ и различныхъ ступеней художество обработки, по своему вкусу соединяли ихъ и часто ставили рядомъ то, что являлось только передѣлкою и должно было замѣнить прежнее. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Висковатова, въ рукахъ издателей сочиненій Лермонтова находились только подобные любительскіе списки, да первые, писанные рукою поэта, юношескіе очерки поэмы 1829—1833 годовъ. Послѣднихъ же подлинныхъ рукописей поэмы у нихъ не было, и поэтому текстъ «Демона» во всемъ рядѣ изданій, начиная съ 1860 года и кончая изданіями въ 1891 году, грѣшатъ промахами.

Но это не такъ, совсѣмъ, совсѣмъ не такъ! Исторія поэмы «Демонъ» такова.

Поэтъ, вопреки мнѣнію профессора, работалъ надъ текстомъ поэмы сравнительно очень немного времени. Въ 1829 году у него появилась первая мысль создать поэму, и онъ, какъ художникъ, въ теченіи первыхъ 3—4-хъ лѣтъ сдѣлалъ нѣсколько пробныхъ эскизовъ, которые его, конечно, не удовлетворили и были имъ оставлены, какъ многое, надъ чѣмъ останавливалась въ юности его творческая мысль и, по неудовлетворительности первыхъ штриховъ набросанныхъ эскизовъ, имъ было до поры, до времени отложено. Около пяти лѣтъ «Демонъ» лежалъ въ портфелѣ, Лермонтовъ совсѣмъ не занимался имъ, трудясь надъ другими, менѣе сложными произведеніями и дѣлая первые шаги въ жизни и свѣтѣ. Только Кавказъ, куда онъ сосланъ былъ въ 1837 году, вновь воодушевилъ его воззвать къ жизни этотъ грандіозный образъ врага всего свѣтлаго и чистаго во вселенной, и онъ создалъ его въ 1838 году. До-

казательствомъ этому можетъ служить находящійся въ публичной библіотекѣ лопухинскій списокъ поэмы, съ собственноручной датой поэта: «1838 г. Сентября 8 дня». Но и въ этомъ году Лермонтовъ не много времени могъ посвятить «Демону», такъ какъ задумалъ и началъ «Героя нашего времени» и написалъ «Думу», «Бѣглеца», «Кинжалъ» и другія стихотворенія. Окончательную же редакцію поэмѣ Михаилъ Юрьевичъ далъ въ 1840 году и привезъ ее оконченную и собственноручно переписанную въ Петербургъ, въ началѣ 1841 года. Здѣсь «Демонъ» былъ переданъ А. А. Краевскому, для напечатанія въ «Отечественныхъ Запискахъ», изъ типографіи котораго поэма поступила въ цензурный комитетъ и получила разрѣшеніе на напечатаніе ея съ большими, впрочемъ, купюрами [1]). Засимъ она поступила въ наборъ и набрана, но напечатана въ журналѣ не была, не «по причинамъ отъ редакціи независящимъ», какъ заявилъ А. А. Краевскій въ январьской книжкѣ 1842 года, а потому, что рукопись поэтомъ была взята изъ типографіи обратно. Причиною же востребованія рукописи была та, что нѣкоторыя высокія особы пожелали ознакомиться съ поэмой, и Михаилъ Юрьевичъ счелъ нужнымъ еще разъ пересмотрѣть ее, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя измѣненія [2]), отдалъ исправленную поэму переписать каллиграфу, и переписанный имъ списокъ представилъ ко двору чрезъ генерала (тогда, кажется, еще только флигель-адъютанта) А. И. Философова. По прошествіи нѣкотораго времени, списокъ, удостоившійся прочтенія высокихъ особъ, былъ возвращенъ поэту, и за симъ «Демонъ» никакимъ уже дальнѣйшимъ измѣненіямъ не подвергался. На вторичную просьбу А. А. Краевскаго дозволить тогда же напечатать поэму въ «Отечественныхъ Запискахъ», Лер-

---

[1]) Что рукопись «Демона», вопреки увѣреніямъ г. Висковатова, была пропущена въ 1841 году цензурой,—удостовѣряется: а) разсказомъ Д. А. Столыпина; б) заявленіемъ А. П. Шанъ-Гирея (статья его «М. Ю. Лермонтовъ», въ «Русск. Обозрѣніи», 1890 г. № 8) и в) тѣмъ, что рукопись, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, не могла поступить въ наборъ безъ разрѣшенія цензуры, но она была набрана, доказательствомъ чему служатъ корректурные листы, хранящіеся въ Лермонтовскомъ музеѣ, слѣдовательно разрѣшеніе было дано.

[2]) Измѣнены: VI и VIII строфы 1 части, I, V, IX и X строфы 2 части и нѣсколько стиховъ въ другихъ строфахъ. Причемъ въ списокъ не помѣщенъ и діалогъ Тамары съ Демономъ: «зачѣмъ мнѣ знать твои печали», какъ нецензурный по тому времени.

монтовъ согласія не изъявилъ, по просьбѣ бабушки своей Е. А. Арсеньевой, которая находила совѣты и настоянія А. Н. Муравьева пріостановиться печатаніемъ «Демона», по нѣкоторымъ соображеніямъ, небезъосновательнымъ. При послѣднемъ отъѣздѣ своемъ на Кавказъ, 2 Мая 1841 года, Лермонтовъ никакихъ рукописей съ собою не взялъ; но всѣ бумаги, въ томъ числѣ и поэму «Демонъ» въ двухъ экземплярахъ,—собственноручную рукопись, со сдѣланными въ ней въ Петербургѣ, въ 1841 году, измѣненіями, и возвращенный, по прочтеніи высокими особами, списокъ,—оставилъ у А. П. Шанъ-Гирея, сказавъ ему: «Демона мы печатать погодимъ, оставь его пока у себя.[3]). Послѣ смерти Михаила Юрьевича, первый экземпляръ поэмы, т. е. собственноручную рукопись, г. Шанъ-Гирей передалъ ближайшему родственнику поэта съ матерней стороны и его личному другу, Дмитрію Аркадьевичу Столыпину, (брату сопровождавшаго поэта на Кавказъ Алексѣя Аркадьевича Столыпина); а второй, т. е. списокъ, послалъ г. Алопеусу, чрезъ товарища своего по артиллерійскому училищу Обухова, (отъ этого Обухова получилъ копію списка и О. И. Квистъ, достовѣрность которой такъ неосновательно высмѣиваетъ въ своихъ статьяхъ г. Висковатовъ). Кромѣ находившихся у Шанъ-Гирея двухъ подлинныхъ автографовъ «Демона», послѣ смерти поэта, остались еще: а) копія со списка, представленнаго высокимъ особамъ, поднесенная Лермонтовымъ бабушкѣ Е. А. Арсеньевой и увезенная ею въ с. Тарханы; б) копія съ того-же списка, посланная поэтомъ В. А. Бахметевой, которая подарила эту копію, вмѣстѣ съ прочими лермонтовскими бумагами, пріятельницѣ своей А. М. Верещагиной (Гюгель), а сія послѣдняя передала ее въ 1856 году генералу А. И. Философову, отпечатавшему «Демона» въ Карлсруэ, и в) списокъ и корректурные листы, оставшіеся у А. А. Краевскаго. Изъ всѣхъ сихъ документовъ самымъ полнымъ и точнымъ была собственноручная рукопись поэта, переданная г. Шанъ-Гиреемъ Д. А. Столыпину. Списокъ, врученный Обухову, для передачи Алопеусу, и снятыя съ него копіи для Е. А. Арсеньевой и В. А. Бахметевой, нѣсколько сокращенъ противу первой собственноручной рукописи поэта, такъ, напр., по цензурнымъ условіямъ того времени, изъ него исключенъ діалогъ Тамары съ Демономъ: «зачѣмъ мнѣ знать твои печали?» и нѣкоторые стихи смягчены.

---

[3]) Статья г. Шанъ-Гирея «М. Ю. Лермонтовъ» въ «Русск. Обозрѣніи», 1890 г., № 8.

А оставшіеся въ рукахъ А. А. Краевскаго списокъ и корректурные листы, (принесенные имъ впослѣдствіи въ даръ Лермонтовскому музею), есть ничто иное, какъ воспроизведеніе текста, привезеннаго поэтомъ съ Кавказа, и набраннаго въ типографіи издателя «Отечественныхъ Записокъ» еще до послѣдняго исправленія его въ Петербургѣ, въ 1841 году, по случаю представленія поэмы для прочтенія высокимъ особамъ. Вотъ въ чемъ заключается разница въ дошедшихъ до издателей текстахъ подлинной рукописи «Демона». Но изъ того, что въ текстахъ существуетъ разница, нельзя еще заключать, какъ это дѣлаетъ г. Висковатовъ въ своихъ статьяхъ и рефератѣ, что подлинной рукописи въ рукахъ издателей не было, что всѣ изданія въ Россіи напечатаны съ любительскихъ сборныхъ списковъ и поэтому «*достовѣрными*» признаны быть не могутъ. Прослѣдимъ, однако, до конца обстоятельства, сопровождавшія появленіе текста подлинной рукописи въ печати и его распространеніе, и уяснимъ себѣ: на сколько заявленія профессора справедливы? Послѣ смерти Лермонтова, «Демонъ», какъ произведеніе опальнаго поэта, полностію къ печати не дозволенъ, но отрывки изъ него появились въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ концѣ 1842 года. Они напечатаны по оставшимся у Краевскаго корректурнымъ листамъ. Въ такихъ-же отрывкахъ поэма появилась и въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій М. Ю. Лермонтова, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1857 году. Имѣя въ виду, что поэма въ полномъ объемѣ, по цензурнымъ условіямъ, въ русской печати появиться не можетъ, генералъ-адъютантъ Алексѣй Илларіоновичъ Философовъ, бывшій воспитателемъ великаго князя Михаила Николаевича и находившійся съ нимъ за границей, возымѣлъ намѣреніе издать «Демона» полностію въ Карлсруэ. Баронесса А. М. Гюгель, (урожденная Верещагина)—этотъ старый испытанный другъ поэта, въ гостинной которой возникла первая мысль объ изданіи «Демона» за границею, предложила г. Философову находившійся у нея бахметевскій списокъ поэмы, и изданіе ея, при содѣйствіи протоіерея І. І. Базарова, было начато съ этого списка у придворнаго типографа Баденскаго двора Гаспера. За симъ Алексѣй Илларіоновичъ обратился къ Д. А. Столыпину съ просьбою о высылкѣ къ нему, въ Карлсруэ, находившейся у него подлинной полной рукописи «Демона», что имъ и было исполнено. Такимъ образомъ, великое произведеніе русскаго поэта въ первый разъ узрѣло свѣтъ въ Карлсруэ, въ 1856 году. Оно набиралось съ бахметевскаго списка и потомъ дополнено выносками и прокорректировано

съ высланной Д. А. Столыпинымъ рукописи. Это изданіе, называвшееся впослѣдствіи первымъ Карлсруэскимъ изданіемъ, вышло въ небольшомъ числѣ экземпляровъ «для избранныхъ» и было преподнесено высокимъ особамъ, подъ покровительствомъ которыхъ оно могло быть допущено въ Россію. Второе изданіе «Демона», по одобреніи перваго, состоялось тоже въ Карлсруэ, въ слѣдующемъ 1857 году. Въ немъ, какъ неимѣвшемъ уже спеціальнаго назначенія, издатель воспропзвелъ присланную Д. А. Столыпинымъ собственноручную рукопись поэта во всей ея неприкосновенности. Вслѣдствіе сего, между сими двумя основными изданіями поэмы пропзошла нѣкоторая разница въ текстѣ [4]), и кромѣ того, въ первомъ изданіи, корректированномъ нѣмцами-корректорами, не вполнѣ владѣвшими русскимъ языкомъ, оказались опечатки и неточная передача нѣкоторыхъ словъ [5]). Все это дало поводъ къ отрицанію г. Висковатовымъ подлинности изданія и игнорпрованію его существованія. Заявленія его по сему предмету мы разсмотримъ и опровергнемъ ниже. А въ подтвержденіе того, что второе Карлсруэское изданіе поэмы печаталось съ подлинной собственноручной рукописи поэта приведемъ слѣдующее удостовѣреніе. На одномъ изъ экземпляровъ карлсруэскаго изданія, именно втораго изданія 1857 года, Дмитріемъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ сдѣлана такая надпись: «Рукопись эта, переданная мнѣ А. П. Шанъ-Гиреемъ, написана рукой Лермонтова, въ чемъ можно удостовѣриться по статьѣ Акима Павловича, помѣ-

---

[4]) Разница эта показана выше. (См. примѣч. 2, на стр. 60).

[5]) Такъ, напр., въ 1 изданіи было напечатано: части 1, въ строфѣ IX, — «*призракъ*», вмѣсто: «*признакъ*»; въ стр. XII, — «*надъ скалой*», вмѣсто: «*подъ скалой*»; части 2, въ стр. III, — «*грьшницы*», вмѣсто: «*схимницы*»; въ стр. X, — «*мущины*», вмѣсто: «*муэззины*»; въ эпилогѣ — «*плащами*» вмѣсто «*пластами*» и др. Въ виду этихъ опечатокъ и недосмотровъ, второе изданіе поэмы «Демонъ» 1857 года, редактпровано уже протоіереемъ Базаровымъ, и въ немъ, кромѣ немногихъ неразобранныхъ въ рукописи словъ, о чемъ въ выноскахъ подъ текстомъ сдѣланы указанія, всѣ допущенныя нѣмцами-корректорами недосмотры и опечатки устранены. Исключеніе составляетъ одна лишь неточность, допущенная редакторомъ по недоразумѣнію. Это — пресловутое слово: «*рушы*», которымъ отецъ Базаровъ замѣнилъ бывшее въ рукописи и напечатанное въ первомъ изданіи правильно слово: «*раны*». Такимъ образомъ, второе Карлсруэское изданіе поэмы 1857 года, является, за исключеніемъ одной случайной неточности, дословнымъ воспропзведеніемъ собственноручной полной рукописи поэта.

щенной въ журналѣ «Русское Обозрѣніе» за Августъ мѣсяцъ 1890 года. Рукопись эту попросилъ у меня генералъ-адъютантъ Алексѣй Илларіоновичъ Философовъ, по женѣ Аннѣ Григорьевнѣ, рожденной Столыпиной, приходившійся родственникомъ Лермонтову, и напечаталъ ее въ Карлсруэ». И такъ какъ рукопись поэта и бахметевскій списокъ, съ которыхъ печатались Карлсруэскія изданія поэмы утратились, то удостовѣренный подписью Д. А. Столыпина экземпляръ изданія поэмы «Демонъ» и представленъ имъ для храненія въ лермонтовскій музей.

Въ Россіи поэма «Демонъ» въ первый разъ напечатана полностію въ собраніи сочиненій поэта, вышедшемъ подъ редакціей С. С. Дудышкина, въ 1860 году. Это было дословное воспроизведеніе карлсруэскаго изданія, даже съ тѣми же недосмотрами и опечатками, какія допущены въ немъ корректорами Гаспера. Въ послѣдовавшихъ за тѣмъ Глазуновскихъ изданіяхъ сочиненій поэта, въ 1873, 1880, 1882 и 1887 годахъ, поэма «Демонъ» перепечатывалась съ перваго полнаго изданія въ 1860 году съ весьма незначительными исправленіями П. А. Ефремовымъ корректорскихъ ошибокъ карлсруэскаго изданія по списку, подаренному Обуховымъ О. И. Квисту, и въ такомъ видѣ перешла затѣмъ во всѣ изданія, вышедшія въ 1891 году кромѣ нѣкоторыхъ, какъ напр. Маркса, Кушнерева и Прянишникова, Гербека и другихъ, вновь провѣрившихъ текстъ поэмы по карлсруэскому изданію.

Вотъ исторія «Демона». Изложивъ ее, мы можемъ констатировать фактъ, что всѣ вышедшія въ Россіи изданія этой поэмы печатались съ подлинной рукописи, привезенной поэтомъ въ февралѣ 1851 года съ Кавказа и окончательно исправленной имъ весною того же года въ Петербургѣ. Конечно, можно спорить о нѣкоторыхъ стихахъ поэмы, появившихся въ карлсруэскомъ изданіи—этой праматери всѣхъ списковъ, по неразборчивости почерка поэта или по незнанію корректорами русскаго языка, въ неправильномъ изложеніи; или же о томъ, наконецъ, которое изъ карлсрускихъ изданій—первое или второе—болѣе совершенно. Но говорить, приплетая къ дѣлу первые юношескіе наброски поэмы или чуждые изданіямъ любительскіе списки, говорить бездоказательно, что *текстъ поэмы печатавшихся въ Россіи изданій не можетъ считаться достовѣрнымъ*,—значитъ, покушаться на истину, топтать ее въ грязь и дѣлать редакторовъ этихъ изданій людьми, дѣла незнающими.

Карлсруэскому изданію г. Висковатовъ не только не дѣлаетъ над-

лежащей оцѣнки, но даже не удостаиваетъ его и должнаго вниманія. Въ академическомъ докладѣ онъ сказалъ только, что изданія 1856 и 1857 годовъ, вышедшія въ Карлсруэ и Берлинѣ, (онъ не зналъ даже, что оба изданія вышли въ Карлсруэ!) — *какъ имъ доказано*, не заслуживаютъ довѣрія. Но гдѣ это было доказано и чѣмъ? Обращаемся къ статьямъ его «Демонъ и пр.» (Русскій Вѣстникъ», 1889 г. № 3) и «Нѣсколько словъ по поводу поэмы «Демонъ», (т. III соч. Лермонтова, 1891 года изд. Рихтера) и находимъ такое доказательство. «Однимъ изъ самыхъ полныхъ текстовъ— пишетъ профессоръ:—считался, да и считается еще текстъ отдѣльнаго изданія поэмы «Демонъ», вышедшаго въ Карлсруэ, въ 1857 году. Это изданіе представляетъ большую библіографическую рѣдкость. Лермонтовскій музей тщетно старался пріобрѣсть экземпляръ. Въ публичной библіотекѣ онъ находится подъ витриною между рѣдчайшими изданіями. Издатели и имъ пользовались (т. е. вмѣстѣ съ любительскими списками). На заглавномъ листѣ этого изданія значится: «Переписана съ первой своеручной рукописи, съ означеніемъ сдѣланныхъ на оной перемарокъ, исправленій и измѣненій. Оригинальная рукопись такъ чиста, что перелистывая оную, подумаешь, что она писана подъ диктовку или списана съ другой». Ужъ эта замѣтка показываетъ, что издатель плохо зналъ, какъ Лермонтовъ трудился надъ «Демономъ», и что первая рукопись (1829 или даже 1830—31 годовъ) имѣла совершенно иной видъ. Самое курьезное то, что на рукописи помѣчено: Сентября 13, 1841 года. Лермонтовъ скончался 15 Іюля 1841 года, и такъ рукопись была имъ разсмотрѣна и исправлена черезъ мѣсяцъ (не черезъ два-ли?) послѣ кончины!»... Вотъ все, что профессоръ счелъ нужнымъ сказать въ доказательство негодности изданія. Но какое-же это доказательство? Вѣдь это только замѣтка по поводу надписи на заглавномъ листѣ изданія, но о самой поэмѣ въ этой замѣткѣ ни одного слова не сказано; а если о поэмѣ въ этой замѣткѣ ни одного слова не сказано, то почему же она признана негодной, т. е. незаслуживающею довѣрія? Мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе и истолкованіе значенія подобной аргументаціи профессора, такъ какъ это слишкомъ очевидно каждому. Но мы не можемъ не возразить по существу висковатовской замѣтки: разъясненіе сути дѣла, въ интересахъ истины, необходимо. Въ надписи на изданіи говорится: «*съ первой своеручной рукописи*», но не съ *перваго очерка поэмы*, находящагося въ школьныхъ тетрадяхъ поэта и рукописи

никогда не составлявшаго. Доказательствомъ чему можетъ служить текстъ рукописи, при первомъ взглядѣ на который легко убѣдиться, что между этимъ текстомъ и первымъ очеркомъ поэмы ничего общаго не имѣется. *Первою рукописью* поэма названа въ надписи издателемъ потому, что послѣ смерти Лермонтова, осталось двѣ рукописи за его подписью, переданныя имъ при отъѣздѣ на Кавказъ г. Шанъ-Гирею: одна—собственноручная, которой дано названіе: *первая*, а другая—каллиграфически переписанная для прочтенія высокихъ особъ и называвшаяся: *второю*. Помѣта же: «13 Сентября 1841 года» не означала времени послѣдняго разсмотрѣнія поэмы авторомъ, но опредѣляла время, когда она, по смерти поэта, была передана А. П. Шанъ-Гиреемъ законному наслѣднику поэта Д. А. Столыпину.

Сужденія г. Висковатова и объ изданіяхъ, вышедшихъ въ Россіи, также тенденціозны. Ему нужно, во что бы то ни стало, ихъ дискредитировать, и онъ идетъ къ намѣченной цѣли стремительно и прямолинейно. Указывая на первоначальныя изданія поэмы подъ редакціей гг. Дудышкина, Ефремова и другихъ, профессоръ умалчиваетъ о происхожденіи этихъ изданій, т. е. о томъ, что они печатались съ подлинной рукописи поэта, вышедшей въ свѣтъ въ Карлсруэ, и обрушивается на редакторовъ за то, что они пользовались юношескими очерками поэмы и любительскими списками, что годы, къ которымъ они относили время окончательной обработки поэмы, показаны неточно, или что списокъ О. И. Квиста, съ котораго П. А. Ефремовъ сдѣлалъ исправленія нѣкоторыхъ словъ въ поэмѣ, недостовѣренъ, такъ какъ г. Квистъ, хотя и отмѣтилъ на обложкѣ своего списка, что это – копія съ оригинала, исправленнаго рукой Лермонтова, но могъ ли онъ, будучи на школьной скамьѣ въ 1840—41 гг. знать, что исправленія принесенной ему тетради дѣйствительно сдѣланы рукой поэта? Откуда зналъ онъ его почеркъ? Зналъ ли этотъ почеркъ товарищъ его, Обуховъ, получившій рукопись тоже еще отъ другого лица? Всѣ эти замѣчанія казуистичны и злы, но неосновательны или ложны. Они витаютъ и носятся надъ поверхностью сути дѣла, затрогиваютъ мелочи и детали, но самой поэмы не касаются. А по деталямъ, хотя бы онѣ и оказались не вполнѣ соотвѣтственными, нельзя дѣлать заключеній о существѣ предмета. Допустимъ, что редакторы датировали въ своихъ изданіяхъ поэму неправильно (г. Ефремовъ напр. поставилъ 1834 годъ, вмѣсто 1838), а нѣкоторыя слова въ нихъ напечатали неточно, — но чтожъ изъ этого?

Поэма подлинная, написанная и исправленная поэтомъ собственноручно — таковою же поэмою и остается, и уничтоженію, кажется, не подлежитъ. На какомъ же основаніи профессоръ, не коснувшись значенія поэмы, сдѣлалъ выводъ, что текстъ печатавшихся въ Россіи изданій ея не можетъ считаться достовѣрнымъ? Всѣ высказанные имъ, по поводу деталей и мелочей, взгляды весьма эфемерны и ничтожны, такъ что надежнымъ основаніемъ ничему служить не могутъ; даты, на которыя онъ ссылается, не имѣютъ того значенія, какое онъ желалъ бы имъ придать; «спаиваніе списковъ» могло существовать въ рукописяхъ, находившихся въ рукахъ любителей, но такихъ рукописей въ рукахъ С. С. Дудышкина, П. А. Ефремова и другихъ редакторовъ собраній сочиненій поэта не было. Что же касается списка О. И. Квиста, по которому г. Ефремовъ сдѣлалъ исправленіе нѣкоторыхъ словъ въ изданіи поэмы 1880 г., то онъ имѣетъ за собой несомнѣнную достовѣрность, такъ какъ г. Квистъ получилъ его отъ брата г. Обухова, которому, какъ выше сказано, каллиграфически написанный для прочтенія высокихъ особъ списокъ былъ врученъ А. П. Шанъ-Гиреемъ для передачи г. Алопеусу.

Сужденія и выводы г. Висковатова о послѣднихъ изданіяхъ поэмы въ 1891 году такъ же своеобразны и тенденціозны, какъ и выше приведенные. Всѣ сіи изданія, безо всякихъ стѣсненій, отнесены имъ къ числу «*недостовѣрныхъ*». Но почему? А вотъ почему... «Сами редакторы новыхъ изданій, говоритъ профессоръ въ академическомъ докладѣ, признавая текстъ изданія, вышедшаго въ Карлсруэ, точнымъ, не слѣдуютъ ему безусловно, а видоизмѣняютъ его». Какія же такія ужасныя и злонамѣренныя измѣненія открылъ въ нихъ г. Висковатовъ? А вотъ какія.

а) Въ изданіи Маркса, вышедшемъ подъ редакціей А. Н. Введенскаго, редакторъ заявилъ, что многое въ изданіи въ Карлсруэ, 1856 года, было плохо разобрано, а въ изданіи 1857 года введены уже добавленія, а потому онъ и позволилъ себѣ исправить эти неточности. Вотъ причина, почему изданіе это опорочено. Но основательно ли это? Разница въ текстѣ карлсруэскихъ изданій, какъ мы говорили выше, произошла потому, что первое изданіе печаталось, съ цѣлію преподнесенія его нѣкоторымъ высокимъ особамъ, по бахметевскому списку, нѣсколько сокращенному самимъ поэтомъ, а второе изданіе воспроизвело уже полную подлинную рукопись. Допустимъ, что г. Введенскому объ этомъ извѣстно не было и онъ счелъ нужнымъ оговориться по поводу встрѣченнаго имъ разногла-

сія и исправить неточности, допущенныя въ изданіи нѣмцами-корректорами. Но изъ-за этихъ исправленій, возстановлявшихъ достоинство изданія, развѣ возможно дискредитировать поэму и относить изданіе къ числу недостовѣрныхъ? Кажется, нельзя. Но у г. Висковатова своя мѣрка: цѣль оправдываетъ средства.

б) Изданіе Кушнерева и Пряшишникова, редактированное П. А. Ефремовымъ и Н. Н. Буковскимъ, профессоръ громитъ за напечатаніе стиха: «*столпообразныя раины*», а не «*руины*», какъ напечатано въ карлсруэскомъ изданіи, и упрекаетъ г. Ефремова въ томъ, что онъ стоялъ прежде за форму «*руины*». Между тѣмъ, въ томъ же академическомъ докладѣ, при восхваленіи текста своего списка, г. Висковатовъ стоитъ за слово «*раины*», и говоритъ, что оно введено въ кушнеревское изданіе изъ квистовскаго списка. Но разсужденіе это доказываетъ только то, что профессоръ недостаточно знакомъ съ рукописями поэмы. Въ собственноручной рукописи поэта 1841 года, съ которой снятъ и бахметевскій списокъ 1841 года, въ лопухинскомъ спискѣ 1838 года и въ спискѣ В. Г. Бѣлинскаго 1846 года — вездѣ стоитъ слово: «*раины*». Въ карлсруэскомъ изданіи поэмы 1856 года также было напечатано «*столпообразныя раины*». Но при выпускѣ въ свѣтъ втораго изданія 1857 года, протоіерей Базаровъ, редактировавшій сіе послѣднее изданіе, усомнился въ правильномъ употребленіи термина: «*раины*» и замѣнилъ его болѣе понятнымъ ему словомъ: «*руины*». Въ такомъ видѣ оно перешло потомъ и въ печатавшіяся у насъ изданія. Если же правильность слова: «*раины*» въ кушнеревскомъ изданіи нынѣ возстановлена, то это произошло не потому, что стихъ исправленъ по квистовскому списку, а потому, что редакторы сказаннаго изданія перепечатали цѣликомъ текстъ карлсруэскаго изданія, но не послѣдній, болѣе совершенный и полный 1857 года, а сокращенный 1856 года. Но перейдемъ къ дальнѣйшимъ умозаключеніямъ и толкованіямъ г. Висковатова. Редакторы кушнеревскаго изданія, не ограничиваясь перепечаткой карлсруэскаго изданія, сличили его съ находящимся въ Румянцевскомъ музеѣ спискомъ В. Г. Бѣлинскаго и заявили о полномъ тожествѣ ихъ. Чтобы разрушить обаяніе подобнаго заявленія, профессоръ обратилъ свои удары на списокъ Бѣлинскаго. «Въ немъ, заявилъ онъ, встрѣчаются невозможные варіанты» и привелъ слѣдующій примѣръ: вмѣсто стиха: «но если ты обманъ тая», у Бѣлинскаго значится: «но если ты обманъ — то я»... Открытіе, конечно, ужасное!.. На основаніи одного этого

стиха можно было бы порѣшить со спискомъ; но профессоръ идетъ далѣе и находитъ въ спискѣ Бѣлинскаго примѣчаніе такого рода: «такъ какъ поэма эта была авторомъ переправляема, то въ различныхъ спискахъ, ходящихъ по рукамъ, нѣкоторыя мѣста въ ней болѣе или менѣе разнятся между собою. Здѣсь прилагаются всѣ такія мѣста». Примѣчаніе это вызываетъ у профессора вполнѣ оригинальное замѣчаніе: «если бы Бѣлинскій списывалъ текстъ свой съ автографа Лермонтова, онъ бы это высказалъ, а не говорилъ о различныхъ спискахъ, которые, очевидно, имѣлъ передъ собою»... И онъ авторитетно закончилъ его восклицаніемъ: «*Такимъ образомъ и редакція кушнеревскаго изданія поэмы не выдерживаетъ критики*». Изумительная игривость мысли! Кому придетъ въ голову подобный выводъ? Но профессору онъ кажется вполнѣ логичнымъ и цѣлесообразнымъ. Попытаемся, однако, взглянуть на дѣло болѣе здраво. Въ стихѣ: «но если ты—обманъ, то я»... никакого варіанта, не только «невозможнаго» нѣтъ. Это, вѣроятно, простая описка, происшедшая вслѣдствіе неразборчивости почерка текста, съ котораго списокъ былъ списанъ. Что рукопись Бѣлинскаго списана съ автографа Лермонтова — доказывается тѣмъ, что она тожественна съ текстомъ карлсруэскаго изданія поэмы, перепечатаннымъ въ кушнеревскомъ изданіи. Слова Бѣлинскаго о томъ, что поэма была авторомъ исправляема и что въ различныхъ спискахъ, ходящихъ по рукамъ, нѣкоторыя мѣста въ ней разнятся между собою,—имѣютъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, который имъ придалъ профессоромъ: Бѣлинскій мотивировалъ ими приложеніе къ своему списку другихъ, извѣстныхъ ему варіантовъ нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы. Но этого г. Висковатову не угодно было видѣть и онъ сдѣлалъ совершенно противоположное предположеніе и заключеніе.

в) Объ изданіи Гербека, вышедшемъ подъ редакціей г. Болдакова, г. профессоръ отозвался, что оно представляетъ изъ себя болѣе другихъ совершенное возсозданіе карлсруэскаго изданія; но такъ какъ редакторъ заявилъ, что онъ принялъ въ нѣкоторыхъ очень немногихъ стихахъ чтеніе того или другого изъ сопоставленныхъ имъ списковъ сказаннаго изданія, 1856 и 1857 годовъ; то и въ изданіи Гербека г. Висковатовъ ничего другого не усмотрѣлъ, какъ только «*произволъ личнаго вкуса и соображеній*». Объ остальныхъ затѣмъ изданіяхъ поэмы въ 1891 году, между которыми находятся и солидныя изданія, какъ напр., вышедшія подъ

редакціей А. М. Скабичевскаго, П. В. Быкова и др., профессоръ никакихъ отзывовъ не далъ, такъ какъ всѣ они, по его словамъ, оказались ничѣмъ инымъ, какъ только перепечатками прежнихъ изданій. Нужно ли что либо говорить о подобныхъ критическихъ пріемахъ!

Изъ этихъ фактовъ и указаній становится вполнѣ яснымъ, что стремленія профессора къ низведенію всѣхъ вышедшихъ, со времени смерти поэта, изданій «Демона» на степень сомнительныхъ и недостовѣрныхъ, — ничего, кромѣ улыбки сожалѣнія, не возбуждаютъ. Онъ поставилъ себѣ задачей — доказать, что въ теченіе 50 слишкомъ лѣтъ со времени смерти Лермонтова, Россія не только не знала и не имѣла поэмы «Демонъ», но и не интересовалась ею, дозволяя какимъ-то: Дудышкинымъ, Ефремовымъ, Пыпинымъ, Введенскимъ, Скабичевскимъ, Быковымъ, Буковскимъ, Болдаковымъ и другимъ, невѣдомымъ ей людямъ, не имѣвшимъ никакого понятія о предпринимаемыхъ ими изданіяхъ, брать первые юношескіе очерки поэмы, сдабривать ихъ извлеченными изъ разныхъ любительскихъ списковъ, искалѣченными и обезображенными варіантами, и преподносить ей весь этотъ изготовленный ими демоническій фаршъ за самовѣрнѣйшій текстъ поэмы, за послѣднее слово творчества великаго поэта. Доказать это ему было необходимо для того, чтобы дать ходъ темному, Богъ знаетъ гдѣ отысканному имъ списку «послѣдней обработки» поэмы. И вотъ, преслѣдуя подобную цѣль, онъ ополчается на всѣ изданія сочиненій Лермонтова, старается дискредитировать подлинную рукопись поэмы, блуждая по пословицѣ: «вкругъ ея да около», — и въ результатѣ... впрочемъ, о результатѣ мы распространяться не будемъ: онъ очевиденъ всякому.

Слѣдующимъ, подлежащимъ нашему обсужденію, вопросомъ является—культъ и апофеозъ, воздвигнутые профессоромъ своему «Лжедемону».

III.

Повѣствованіе г. Висковатова о чудномъ обрѣтеніи списка «послѣдней обработки» поэмы разсказано нами выше. Гдѣ и отъ кого пріобрѣтенъ покупкою этотъ списокъ — профессоръ не счелъ нужнымъ сообщить. Таинственно, какъ магъ сѣдой, онъ повѣдалъ

только, что драгоцѣнное сокровище это пріобрѣтено имъ отъ писаря въ архивѣ... Источникъ, съ точки зрѣнія ученаго изслѣдователя, конечно, весьма почтенный и солидный. Но въ такомъ важномъ и серьезномъ дѣлѣ, какъ находка собственноручнаго автографа Лермонтова, за который выдаетъ профессоръ своего случайнаго найденыша, для вящшей его доказательности, слѣдовало бы обставить достовѣрность его долговременнаго храненія и чудеснаго обнаруженія всѣми возможными способами, какими только располагаетъ свѣтъ и гласность. Но профессоръ, напротивъ, предпочелъ темноту и тайну. Такимъ образомъ, мы имѣемъ предъ собою — дитя, вполнѣ достойное своего происхожденія. Оставляя въ сторонѣ легенду о чудѣ его появленія въ свѣтѣ, такъ какъ никакихъ данныхъ для провѣрки этой легенды у насъ не имѣется, мы, поневолѣ, должны приступить прямо къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ культа пресловутаго найденыша. Начнемъ *ab ovo*, съ опредѣленій профессора о зачатіи и развитіи идеи, положенной въ основаніе поэмы авторомъ, и затѣмъ универсально имъ будто бы разработанной въ его (т. е. висковатовскомъ) спискѣ.

«Все, написанное Лермонтовымъ, говоритъ г. Висковатовъ, пережито имъ самимъ, и въ этомъ отношеніи онъ можетъ считаться поэтомъ въ высшей степени субъективнымъ. Только въ послѣдній годъ передъ кончиной, когда талантъ его сталъ крѣпнуть, замѣтенъ поворотъ къ болѣе спокойному, объективному творчеству. Но чѣмъ юнѣе былъ поэтъ, тѣмъ болѣе его произведенія носятъ чисто автобіографическій характеръ. Первый очеркъ «Демона» поэтомъ сдѣланъ, когда ему было 15 лѣтъ, и этотъ очеркъ, и ближайшіе къ нему изъ послѣдовавшихъ имѣютъ вполнѣ автобіографическое значеніе. Поэтому и необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя событія изъ жизни поэта. Между дѣвицами, окружавшими Михаила Юрьевича въ юности, наиболѣе сильное и прочное впечатлѣніе произвела на него Варенька Лопухина, и онъ увлекся ею. Между тѣмъ отъ одной изъ бабушекъ (Хостатовой), пріѣзжавшей съ Кавказа, Лермонтовъ наслушался разсказовъ о жизни и вѣрованіяхъ горцевъ. Его умъ поразило повѣрье о томъ, что духъ зла можетъ вернуться къ добру, если будетъ любимъ непорочной дѣвой». И вотъ подъ вліяніемъ будто бы этой любви и бабушкиныхъ разсказовъ, поэтомъ написаны первые очерки «Демона». Это говорится въ статьѣ «По поводу «Демона», (т. III, соч. поэта, изд. Рихтера, 1891 г.), а въ біографіи поэта (т. VI того же изд.), профессоръ поясняетъ: «поэма «Демонъ»,

особенно въ первыхъ очеркахъ, вся проникнута изображеніемъ душевныхъ бурь поэта и его любви къ чудной дѣвушкѣ, отъ коей онъ ждалъ спасенія, въ коей видѣлъ для себя оплотъ отъ мрачныхъ думъ и настроеній души. Въ себѣ видѣлъ поэтъ демона, въ Варенькѣ—ясное, безгрѣшное существо, которое одно можетъ вернуть его къ небесамъ, т. е. къ правдѣ и добру... Самую поэму, вновь и вновь передѣлывая, онъ посвящаетъ Варенькѣ уже со втораго очерка 1830 года. Удаляясь воображеніемъ въ страну предковъ своихъ—въ Испанію, (не Испанія, а Шотландія была страной предковъ Лермонтова!) Михаилъ Юрьевичъ и мѣсто дѣйствія «Демона» переноситъ туда же; женщина же, которую любилъ Демонъ, является въ образѣ испанки-монахини». Далѣе, въ статьѣ «По поводу «Демона», говорится, что ссылка въ 1837 году вновь познакомила Лермонтова съ красотами Кавказа, съ его жизнью, сказаніями и вѣрованіями, и что все это вмѣстѣ пробудило въ поэтѣ воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ и разсказы бабушки, и поэтъ рѣшается вновь передѣлать поэму и перенести мѣсто дѣйствія изъ Испаніи на Кавказъ. Только теперь испанская монахиня обращена была въ грузинку Тамару; но весь замыселъ хранитъ еще на себѣ автобіографическія черты. Въ такомъ видѣ Лермонтовъ въ Сентябрѣ 1838 года, передаетъ рукопись «Демона» съ новымъ къ нему посвященіемъ Варварѣ Александровнѣ. Но уже творчество его начинаетъ получать иной характеръ, У поэта проявляется склонность къ эпическому объективному творчеству. Доказательствомъ чего можетъ служить посвященіе къ поэмѣ 1840 года, относящееся уже къ Кавказу, а не къ любимой женщинѣ, которой были посвящены прежніе субъективные очерки. За тѣмъ въ такъ называемомъ самомъ полномъ текстѣ «Демона» явились слѣды позднѣйшей обработки. Тутъ прибавилась клятва Демона въ томъ, что онъ отрекся отъ зла и встрѣчается весьма характерное обращеніе къ нему Тамары, указывающее на знакомство ея съ преданіемъ о возможности для Демона возвратиться къ добру, какъ только онъ полюбитъ и будетъ любимъ непорочнымъ существомъ.

Этимъ оканчиваются опредѣленія профессора о зачатіи и первоначальномъ развитіи идеи «Демона». Разсказы его о томъ, какъ онъ томился и прозрѣвалъ сознаніемъ, что еще должна быть обработка сюжета, гдѣ субъективный, личный элементъ первыхъ набросковъ уступилъ мѣсто эпическому элементу, какъ онъ, подъ вліяніемъ этого сознанія, сталъ настойчиво искать автографа или ис-

правленной самимъ поэтомъ переработки поэмы, и какъ онъ пріобрѣлъ массу всевозможныхъ списковъ въ собственность, однимъ словомъ всю эту великую эпопею отысканія «Демона»—мы опустимъ и перейдемъ прямо къ возсозданію профессоромъ культа и апофеоза своему случайному найденышу. Идея «Демона» въ висковатовскомъ спискѣ не переработана, а искажена до неузнаваемости; но это-то, по увѣренію профессора, и составляетъ ея особенную прелесть. «Вмѣсто строфъ, говоритъ онъ, изображающихъ волненія земной страсти, появляется изображеніе души Тамары, волнуемой мыслями, среди коихъ все болѣе и болѣе пробивается мечта о слышанномъ въ дѣтствѣ преданіи, что непорочная дѣва можетъ вернуть къ добру злаго духа. Она то рыдаетъ и молится въ душевномъ волненіи, то ее охватываетъ радостная дума. Былое встаетъ изъ мрака забвенія. Душа полна неясныхъ сновъ. Воспоминанія дѣтства и преданія старины охватываютъ ее. Къ нему летятъ ея мысли. Онъ стоитъ передъ нею съ развѣнчаннымъ челомъ, отъ нея ждетъ спасенія, не смѣя любить и вѣровать. Если вспомнить, что Демонъ не смѣетъ войти въ святую обитель, что онъ, «наскучилъ зломъ» и «вспоминаетъ прежнихъ братій», что онъ, впервые увидя Тамару, ощутилъ опять любовь, то понятно, что мысль о Тамарѣ является въ Демонѣ связанною не съ желаніемъ дѣлать зло, а съ желаніемъ переродиться и подъ ея защитою вернуться къ добру... Демонъ въ глубокой тоскѣ стоитъ у порога и чуя, вѣяніе Бога, какъ бы ожидая свершенія судебъ, не рѣшается поднять головы. Наконецъ, поднявъ взоръ, видитъ ангела и борьба его получаетъ иной видъ и значеніе,—не то, что читается въ печати, гдѣ ангелъ играетъ жалкую роль — роль испуганнаго бѣглеца, уступающаго Демону мѣсто боя, по первому его слову: «она моя!» Въ новомъ спискѣ иначе. Ангелъ знаетъ о древнемъ преданіи и, предоставляя судъ Богу, на котораго ссылается Демонъ, удаляется. Онъ уступаетъ мѣсто не злому духу, а падшему своему собрату, ссылающемуся на волю Божію. Новая строфа открывается описаніемъ, какъ Тамара прислушивается къ гордой рѣчи Демона въ отвѣтъ на слова Херувима, какъ она охвачена чуднымъ страхомъ и, вспоминая преданіе, не знаетъ, принять-ли гордую рѣчь за оскорбленіе неба, или за исполненіе высшихъ предначертаній его. Когда-же она, наконецъ, увѣрилась въ искренности словъ Демона, что она «къ добру и небесамъ могла-бы его вернуть словомъ», потребовала отъ него клятвы въ отреченіи отъ зла и Демонъ клянется. Этимъ объясняется, по-

чему душа умершей Тамары уносится ангеломъ на небо: она пала жертвой заблужденія, а не порочныхъ началъ. Ее, на ряду съ личной любовью, увлекали мечты добра и любви къ благу, и небо простило ей ради этой общей любви къ міру, ради ея страданій изъ-за чистыхъ, хоть и обманчивыхъ увлеченій».

Относительно Демона профессоръ говоритъ, что онъ отнюдь не является Сатаною, т. е. главнымъ владыкою и повелителемъ тьмы и зла. Въ доказательство этой мысли г. Висковатовъ приводитъ два стиха изъ очерка 1830—31 годовъ:

Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ Сатаною...

и

Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ...

и дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе своего найденыша: «это—духъ, въ коемъ еще мерцаютъ свѣтлыя стороны, онъ еще не забылъ дней существованія «въ жилищѣ свѣта» и зло ему порою наскучаетъ, онъ уже давно «сѣетъ его безъ наслажденія». Въ такомъ Демонѣ возможно и появленіе желанія вернуться къ источнику свѣта. Его, чуткаго къ красотѣ, Тамара поражаетъ сходствомъ съ прежними собратьями. Тогда-то вдругъ охватываетъ его любовь, и вмѣстѣ съ нею порывъ къ добру и небесамъ... Но въ самый сильный, важный моментъ порыва любви, когда, кажется, онъ достигаетъ желаннаго счастья и касается райскихъ дверей, одѣтыхъ святымъ покровомъ любви Тамары, онъ, въ силу свойствъ своего необузданнаго темперамента, необходимо долженъ очутиться далеко—далеко отъ цѣли. Тутъ-то и высказывается, какъ не сродны ему стали чувства его братій, выясняется, что всѣ мечты его о сближеніи и возвратѣ къ прежнему должны остаться только мечтами—не болѣе. Это необходимо вытекаетъ изъ всего прошлаго, изъ всего совершившагося съ нимъ отъ вѣка и до встрѣчи съ Тамарой. Возврата нѣтъ! Любовь, которая Тамарѣ открыла райскія двери, не могла привести Демона къ счастью и спасенію».

Красиво, сильно и увлекательно сочиняетъ г. Висковатовъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи указать на то впечатлѣніе, которое производитъ помпезность, сила и красота профессорскихъ разглагольствованій на общественное мнѣніе. Такъ, напр. литера-

турное общество, въ которомъ профессоръ читалъ свой докладъ въ маѣ 1888 года, признало, что предъявленныя имъ измѣненія въ текстѣ «Демона» не представляютъ ни по содержанію, ни по формѣ, ничего такого, что слѣдовало-бы предпочесть печатному (т. е. подлинному Лермонтовскому) тексту, и не могутъ служить доказательствомъ правильности воззрѣнія докладчика на этотъ новый варіантъ. (Отчетъ о засѣданіи предсѣдателя общества Исакова. «Новое Время» 1888 г. № 4378). Между тѣмъ отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, въ экстренномъ засѣданіи своемъ 8 февраля 1892 года, высказалось совершенно въ противномъ духѣ. Присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи лица, какъ видно изъ протокола засѣданія, признали достовѣрность вновь найденнаго списка. Причемъ, однако, ими выражено сожалѣніе, что всѣ карандашныя поправки въ немъ совершенно исчезли вслѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ могли-бы служить подкрѣпленіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ была исправлена. Но признавая напечатанную г. Висковатовымъ за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до-сихъ поръ и притомъ лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, указывающую на совершенно новую концепцію сюжета, не только намѣченную, но частію и выполненную, присутствовавшіе въ засѣданіи лица пришли къ заключенію, что если-бы продлилась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился-бы и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился-бы на передѣлку или выправку поэмы. Приводя оба эти противоположныя мнѣнія, въ интересахъ свободы слова и истины, мы, однако, стѣсняться ими не намѣрены, какъ не намѣрены и касаться ихъ. Каждый можетъ судить объ извѣстныхъ предметахъ по своему. Но никакія мнѣнія и рѣшенія, хотя-бы даже цѣлыхъ корпорацій извѣстныхъ дѣятелей, не должны мѣшать правильному теченію предпринятаго нами изслѣдованія о значеніи висковатовскаго списка поэмы. По этому, мы пойдемъ своей дорогой до конца. Выше мы привели доводы профессора въ пользу идеи и культа «Лжедемона», а теперь—разсмотримъ и оцѣнимъ ихъ основательность и солидность по достоинству.

Начнемъ съ того, что ни первые наброски «Демона», ни окончательно отдѣланные потомъ строфы поэмы не имѣли никакого автобіографическаго значенія и личныхъ отношеній поэта къ Варенькѣ Лопухиной не касались. Заявленіе профессора, что Лермонтовъ — поэтъ субъективный, и только лишь въ послѣдній годъ

передъ кончиной, когда талантъ его сталъ крѣпнуть, въ немъ сталъ замѣтенъ поворотъ къ болѣе спокойному объективному творчеству,— поверхостно и не точно. По мелкимъ стихотвореніямъ, стихотвореніямъ шалости и каприза чувства, нельзя опредѣлять значенія поэта, для этого нужно брать болѣе серьезныя его произведенія. Напримѣръ, кому не извѣстно, что одновременно съ первоначальными тремя очерками поэмы «Демонъ», набросанными въ 1829—1833 годахъ, Михаилъ Юрьевичъ написалъ поэмы: «Литвинка», «Аулъ Бастунджи», «Измаилъ-Бей», «Каллы», «Хаджи Абрекъ» и «Бояринъ Орша». Слѣдовательно, и въ эти годы, т. е. въ годы юности, онъ не ограничивался цикломъ субъективныхъ пѣснопѣній, но обнималъ творческой мыслію всю сферу безконечнаго и избиралъ для своихъ поэмъ и драмъ сюжеты эпическіе. Даже въ мелкихъ его стихотвореніяхъ начала тридцатыхъ годовъ находятся піесы объективныя, какъ-то: «Поле Бородина», «Опять вы, гордые, возстали», «По небу полуночи ангелъ летѣлъ», «Бѣлѣетъ парусъ одинокій», «Ты могъ быть лучшимъ королемъ», «Два великана» и др. Но г. Висковатовъ все это игнорируетъ и низводитъ поэта исключительно на степень пѣвца любви и скорби личной. Гдѣ-же тутъ логика? У всѣхъ великихъ поэтовъ, какому-бы времени и народу они ни принадлежали, доминирующею темой ихъ лучшихъ произведеній была, есть и будетъ—любовь. Но изъ этого нельзя дѣлать заключенія, что во всѣхъ этихъ произведеніяхъ воспѣты личныя чувства и увлеченія поэтовъ. Тѣмъ менѣе это можетъ быть допущено въ отношеніи Лермонтова. Во первыхъ потому, что любовь его къ Варенькѣ Лопухиной ничего общаго съ соблазномъ Демономъ Тамары не имѣетъ: любовь Лермонтова была слишкомъ идеальна. А во вторыхъ и потому, что «Демонъ» задуманъ поэтомъ и очерченъ не подъ вліяніемъ любви къ Варенькѣ, какъ увѣряетъ профессоръ, а гораздо ранѣе. Первый очеркъ «Демона» сдѣланъ въ 1829 году, а увлеченіе Варенькой началось у поэта въ концѣ 1830 года. Въ 1829 году поэтъ былъ влюбленъ въ Анну Столыпину, которой въ этомъ году написано стихотвореніе «Не привлекай меня красой», а позднѣе—«Дереву». Лѣтомъ 1830 года онъ ухаживалъ за Катенькой Сушковой, и только осенью этого года Михаилъ Юрьевичъ увлекся Варенькой Лопухиной. (Въ 1835 г. вышла замужъ за Бахметева). Къ первому очерку «Демона» сдѣлано посвященіе: «Я буду пѣть, пока поется», и только второй очеркъ 1830—31 годовъ посвященъ поэтомъ «Своей Мадоннѣ». Но

въ каждомъ посвященіи нужно отличать риторическія тропы и фигуры отъ цѣли и сущности. Цѣль и сущность посвященія Варенькѣ «Демона» совершенно не тѣ, которыя приданы имъ профессоромъ. Они опредѣляются стихомъ: «Пріими мой даръ, моя Мадонна!» Лермонтовъ приносилъ ей въ даръ лучшее произведеніе своего творчества и хотѣлъ одного—чтобы она признала въ немъ поэта, а не подобіе Демона... Вотъ этой простоты-то профессоръ и не уразумѣлъ... Далѣе г. Висковатовъ говоритъ, что въ первоначальныхъ очеркахъ поэмы, мѣсто дѣйствія было въ Испаніи, и монахиня изображена испанкой, и только въ очеркѣ 1838 года сцена перенесена на Кавказъ и испанская монахиня обращена въ грузинку Тамару. Но въ первыхъ очеркахъ нѣтъ никакихъ указаній, что похожденія Демона происходятъ въ Испаніи и монахиня—испанка. Говорится только, что мрачный искуситель вступилъ въ обитель подъ горою близъ сѣдой равнины моря, но Кавказъ лежитъ между двумя морями. Говорится, что монахиня сидѣла въ кельѣ «*съ испанской лютнею въ рукахъ*»; но сидѣть съ испанской лютней еще не значитъ быть испанкой или въ Испаніи: испанская лютня можетъ быть вездѣ—и въ Бразиліи, и въ Польшѣ, и въ Бирмѣ, и на Кавказѣ. Первые очерки поэмы нельзя разсматривать какъ законченное произведеніе. Это—детальные эскизы для задуманнаго поэтомъ сюжета большой поэтической картины, и въ эскизахъ этихъ не было даже надобности изображать мѣсто дѣйствія, дѣлались только общіе штрихи концепціи поэмы. Перенести сцену въ Испанію — могло придти въ голову только г. Висковатову, но Лермонтовъ объ этомъ никогда и не думалъ. Съ дѣтства его душой владѣлъ Кавказъ, доказательствомъ чему могутъ служить начатыя имъ еще въ юности поэмы: «Аулъ Бастунджи», «Измаилъ-Бей», «Каллы» и «Хаджи Абрекъ». Къ Кавказу стремились всѣ его мысли и «Демонъ» долженъ былъ апофеозировать его суровыя картины. Но все это стремленіе и привязанность къ Кавказу возникли отнюдь не съ бабушкиныхъ сказокъ (бабушки Хостатовой), какъ разсказываетъ сказки профессоръ, а потому, что поэтъ еще въ дѣтствѣ, именно въ 1825 году, былъ на Кавказѣ и полюбилъ его, а двукратная ссылка его туда, сроднила его съ нимъ душою. Могла-ли тутъ быть рѣчь объ Испаніи и испанской монахинѣ?... Идея «Демона», положенная въ основу очерка 1829 года, и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ измѣненій, развитая въ такой грандіозный образъ «злого духа,» какимъ мы его видимъ въ послѣдней редакціи поэмы, окончательно исправленной въ 1841 г.,

(Карлсруэское изданіе), совершенно противоположна тому, что навязано ему въ лицѣ «Лжедемона», т. е. этой нелѣпой и до крайности смѣшной тенденціи обладанія красавицей-грузинкой не съ желаніемъ увлечь ее на путь грѣха, а съ цѣлію нравственно переродиться и, подъ эгидою любви невинной дѣвушки, вернуться къ добру и небесамъ. Вотъ какъ опредѣляетъ эту идею самъ Лермонтовъ въ своихъ замѣткахъ для памяти между строфами стиховъ перваго очерка: а) «Демонъ узнаетъ, что ангелъ любитъ одну смертную. Демонъ *узнаетъ и обольщаетъ ее,* такъ какъ она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. *Демонъ обольстилъ ее,* разсказывая, что Богъ несправедливъ и прочую свою исторію», и б) *Демонъ влюбляется въ смертную* (монахиню), и она, наконецъ, его любитъ; но Демонъ видитъ ея ангела-хранителя *и отъ зависти и ненависти рѣшается погубить ее.* Она умираетъ. Душа ея улетаетъ въ адъ, и Демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой». Такимъ образомъ, обольщеніе и пагуба монахини Демономъ были положены въ основу еще перваго очерка поэмы и проведены поэтомъ до конца. Правда, набрасывая эскизы предположеннаго грандіознаго облика злаго духа, въ одномъ изъ первыхъ очерковъ, Лермонтовъ сдѣлалъ попытку зачертить Демона болѣе симпатичнымъ и допустить возможность возврата его къ добру и полученія имъ отъ небесъ прощенія. Онъ написалъ:

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ быть,
Внушилъ бы Демонъ сожалѣнье,
И благодарное прощенье
Ему бъ случилось получить.
Но поздно . . . . . .
Умѣло зло укорениться
Въ его душѣ съ давнишнихъ дней:
Добро не ужилось бы въ ней,
Его присвоить, имъ гордиться
Не могъ бы Демонъ никогда.

Но это ни что иное, какъ эскизъ, зачерченный между прочимъ и впослѣдствіи оставленный, какъ несоотвѣтствующій задуманному поэтомъ типу. Въ очеркѣ 1838 года и послѣдовавшей затѣмъ окон-

чательной редакціи поэмы. Демонъ является уже во всемъ своемъ величіи зла и мести небу, убійцей жениха Тамары и ея обольстителемъ въ монастырѣ. Онъ овладѣваетъ наивной дѣвушкой, нашептывая ей слова обмана, что она можетъ возвратить его добру и небесамъ, и что, одѣтый святымъ покровомъ любви, онъ предстанетъ тамъ какъ ангелъ новый въ блескѣ новомъ. Все: полныя соблазна и коварства рѣчи, обѣщанія и клятвы — пущено въ ходъ и злой духъ торжествуетъ. Въ подлинномъ текстѣ поэмы ничего не говорится ни о горскихъ повѣрьяхъ, ни о легендѣ, Тамара пала какъ жертва наивности и довѣрія. Но профессору нѣтъ до этого никакого дѣла. Его восхищаетъ отброшенный поэтомъ эскизъ, — эта мгновенно блеснувшая и потухшая въ умѣ поэта искра вдохновенія, и онъ предается ей душою. Выбравъ изъ отброшенныхъ Лермонтовымъ строфъ и лживыхъ клятвъ и увѣреній Демона, нѣсколько отдѣльныхъ, имѣющихъ каждый свое, совершенно иное значеніе, стиховъ, онъ сопоставляетъ ихъ и рисуетъ въ своихъ статьяхъ и рефератѣ, комичный въ высшей степени образъ собирающагося покаяться дьявола. Это, говоритъ г. Висковатовъ, — духъ, который не забылъ ни прежнихъ братій, ни дней былыхъ въ жилищѣ свѣта, духъ, которому зло наскучило, и если онъ съѣстъ его, то съѣстъ безъ наслажденія. Его, чуткаго къ высшей женской красотѣ, Тамара поражаетъ сходствомъ съ прежними собратьями; онъ вдругъ ощущаетъ любовь и вмѣстѣ съ нею, порывъ къ добру и небесамъ, желанье вернуться къ источнику свѣта... Конечно, вся эта демоніада смѣшна и нелѣпа до пошлости, но она выдается за «послѣднюю обработку» поэмы, за окончательное слово эпическаго творчества, и на людей, недостаточно знакомыхъ съ идеей, положенной въ основаніе подлинной поэмы, не можетъ не произвесть извѣстнаго впечатлѣнія. Какъ же не пожалѣть объ этомъ!.. Далѣе г. Висковатовъ, желая, вѣроятно, порисоваться еще большей оригинальностію взгляда, говоритъ, что Демонъ отнюдь не является владыкой и повелителемъ тьмы и зла, а только подвластнымъ Сатанѣ и его служителемъ, и въ доказательство приводитъ два стиха изъ первыхъ очерковъ поэмы:

Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ Сатаною...

и

Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ...

Такимъ образомъ, по мнѣнію профессора, Демонъ является — дьяволомъ низшаго разряда, мелкимъ бѣсомъ, вертящимся передъ заутреней... Но такъ ли это? Приведенные профессоромъ стихи были написаны въ томъ эскизѣ, о которомъ мы говорили выше, и впослѣдствіи поэтомъ отброшены, слѣдовательно они никакого значенія не имѣютъ. Мало ли что художникъ можетъ чертить въ первоначальныхъ эскизахъ, но не по эскизамъ составляется сужденіе о картинѣ, а по тому окончательному рисунку, который воспроизведенъ въ ней. Эпиграфомъ къ поэмѣ, въ одномъ изъ первыхъ очерковъ ея, поэтъ взялъ нѣсколько строкъ изъ бесѣды Каина съ Люцифером, («Каинъ» поэма Байрона), и С. С. Дудышкинъ, редактировавшій первое, съ полнымъ текстомъ «Демона», изданіе сочиненій Лермонтова, въ 1860 году, говоритъ въ предисловіи къ нему, что идеалъ «Демона» заимствованъ поэтомъ у Байрона. Описаніе Люцифера у Байрона и Демона у Лермонтова сходно до мелочей, точно такъ, какъ Люциферъ Байрона есть ничто иное, какъ двойникъ Сатаны Мильтона. На Люцифера, по словамъ Дудышкина, нельзя смотрѣть безъ удовольствія, смѣшаннаго со страхомъ, его нельзя убѣгать, въ его взглядѣ есть какая-то неодолимая притяжаемость, онъ ужасаетъ и прельщаетъ въ одно и тоже время. Онъ похожъ на прозрачную ночь съ безчисленными звѣздами, и звѣзды эти влекутъ къ себѣ незамѣтно. Онѣ не ослѣпляютъ, но на нихъ нельзя смотрѣть иначе, какъ съ глазами, полными слезъ. Таковъ и Люциферъ. Онъ всегда кажется несчастливымъ. Для его дѣйствій не существуетъ времени: онъ можетъ вѣчность вмѣстить въ одинъ часъ и часъ сдѣлать вѣчностью. «Для меня лишь существуетъ полное знаніе»,—говоритъ онъ гордо. Чтобы понять Люцифера—этотъ прототипъ Демона, мы приведемъ слѣдующій небольшой діалогъ изъ «Каина».

Каинъ. Духъ гордый, ты говоришь дерзко. И надъ тобой, какъ ни величественъ ты кажешься, есть власть.

Люциферъ. Нѣтъ! Клянусь небомъ, гдѣ царствуетъ начало добра, бездной и неизмѣримостью міровъ и жизни, гдѣ мы дѣлимъ власть съ нимъ, — нѣтъ! У меня есть побѣдитель, правда, но нѣтъ высшаго надо мной. Ему поклоняются всѣ, но не я. Я до сихъ поръ сражаюсь съ нимъ, какъ сражался въ небесахъ. Впродолженіе всей вѣчности, въ непроницаемыхъ безднахъ смерти, въ безграничныхъ царствахъ пространства, въ безконечности вѣковъ, — все, все я буду оспаривать у него. Міръ за міромъ, звѣзда за звѣздой, все-

ленная за вселенной будутъ колебаться въ своемъ равновѣсіи до тѣхъ поръ, пока эта борьба не прекратится, что̀ только послѣдуетъ, когда одинъ изъ насъ погибнетъ. А кто можетъ уничтожить наше безсмертіе или нашу непримиримую ненависть?

Вотъ идея и духъ, положенные въ основу характера и дѣйствій Демона нашимъ геніальнымъ поэтомъ. Это — титанъ, всевластный князь тьмы и вождь нечистыхъ силъ, а не дьяволъ низшаго разряда, не сатанинскій вершникъ, не мелкій клоунъ-бѣсъ, вертящійся передъ заутреней, котораго подставляетъ на его мѣсто г. Висковатовъ. Въ доказательство правильности сдѣланнаго нами опредѣленія, мы можемъ сослаться на слова, вложенныя поэтомъ въ уста Демона:

Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность?..

или:

Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ...

или:

Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братій мнѣ подвластныхъ...

Похоже ли это на тѣ штрихи, блики и очертанія, которыми профессоръ обрисовываетъ намъ своего найденыша? Вообще строфы подлинной рукописи поэмы, какъ извѣстно, отличаются стройностью мысли, грандіозностью образовъ и художественностью сочетанія деталей съ основной идеей концепціи. Ничего подобнаго висковатовскій списокъ не представляетъ изъ себя. Это — ничто иное, какъ жалкая компиляція изъ разныхъ списковъ дивной поэмы. Большинство строфъ его, составляющія фонъ картины или описаніе персонажей и обстановки, хотя и сохранены, но всѣ тѣ строфы или отдѣльные стихи, которые противорѣчатъ проводимой въ немъ идеѣ куртизанства Демона съ цѣлію якобы возврата къ добру и небесамъ, — или подобраны изъ прежнихъ, отброшенныхъ поэтомъ, очерковъ «Демона», или же подсочинены составителемъ списка. Какъ примѣръ подобной лоскутной подборки и сметки, приведемъ выдержки изъ VII и VIII строфъ 2 части этого пресловутаго списка.

Строфа VII.

И входитъ онъ, любить готовый, Съ душой открытой для добра, И мыслитъ онъ, что жизни новой Пришла желанная пора. Неясный трепетъ ожиданья, Страхъ неизвѣстности нѣмой, Какъ будто въ первое свиданье Спознались съ гордою душой.	Взято изъ списка 1838 года.
Минуя образъ озаренный, Проникнулъ въ келію смущенный	Взято изъ списка 1831 года.
Духъ отверженія и зла;	Взято изъ списка 1833 года.
И сталъ недвижимъ у порога́,	Изъ списка 1833 года.
И чуя вѣяніе Бога,	Подсочиненъ составителемъ списка.
Не смѣя приподнять чела,	Изъ списка 1833 года.
На грудь склонился головою, Томимъ невѣдомой тоскою.	Подсочинены составителемъ списка.

Строфа VIII.

Но взоръ онъ поднялъ—ангелъ нѣжный,	Подсочиненъ.
Въ одеждѣ легкой бѣлоснѣжной, Стоитъ съ блистающимъ челомъ,	Изъ списка 1830 года
Хранитель схимницы прекрасной	Изъ списка 1838 года.
И отъ врага съ улыбкой ясной Пріосѣнилъ ее крыломъ. Они невинны, чисты оба!	Изъ списка 1830 года.
Онъ смотритъ—ненависть и злоба Мгновенно пробудили страсть, Исчезнулъ ясный рой мечтаній,	Подсочинены.
Вѣка вражды, вѣка страданій	Изъ списка 1829 года.
Надъ нимъ свою явили власть.	Подсочиненъ.

Херувимъ.

Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!

} Изъ списка 1838 года.

Демонъ.

Оставь ее. Межъ ней и мною
Не становись, она моя!

} Передѣлка списка 1838 года.

Мы связаны судьбой одною.

} Подсочинепъ.

И ей, какъ мнѣ, не ты судья.

} Передѣлка списка 1838 года.

Подъ чарой ясной благостыни
Я счастье лучшихъ дней ловлю,

} Подсочинены.

Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
Здѣсь я владѣю, я люблю.

} Изъ списка 1838 года

Г. Висковatовъ восхищается этой рыночной мозаикой и рекомендуетъ намъ прослѣдить, какъ работалъ поэтъ... Но почтенный профессоръ, вѣроятно, не вполнѣ основательно изучилъ творчество поэта, или же по обыкновенію расчитываетъ на простоту и наивность читателя. Михаилъ Юрьевичъ былъ поэтъ въ полномъ значеніи этого слова, а не жалкій стихокропатель. Никогда онъ не возвращался на отбросы, съ цѣлію выудить изъ нихъ подходящій стишокъ для замѣны не вполнѣ удовлетворявшаго его, никогда не унижался до сметки цѣлыхъ строфъ изъ лоскутковъ старья. Если что-либо изъ написаннаго имъ ему не нравилось, онъ это передѣлывалъ, но, какъ истинный поэтъ, вмѣсто неудовлетворявшихъ его строфъ, писалъ новыя. Для примѣра приведемъ XVI строфу 2 части поэмы «Демонъ». Первоначально она начиналась стихомъ: «Едва послѣдній стихъ прочли надъ прахомъ дочери Гудала». Ее смѣнила строфа, имѣвшая вначалѣ: «Едва на жесткую постель Тамару съ пѣньемъ опустили»; а сію послѣднюю замѣстила строфа: «Въ пространствѣ синяго эфира, одинъ изъ ан-

геловъ святыхъ летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ». Вотъ какъ работалъ поэтъ! Мы можемъ отвѣтить г. Висковатову, а не такъ, какъ онъ рекомендовалъ намъ. Авторъ «Іоанна Грознаго», графъ А. К. Толстой, въ одномъ изъ писемъ своихъ, говоритъ, что главная заслуга художника, въ какомъ-бы-то ни было искусствѣ, состоитъ не въ томъ, чтобы создавать, а въ томъ, чтобы зачеркивать. По его словамъ, нужно умѣть понимать, что сдѣлалъ хорошаго, и быть неумолимымъ для остального, уничтожать, зачеркивать все, что по совѣсти не считаешь хорошимъ. Такимъ-то именно поэтомъ-художникомъ и былъ Лермонтовъ. Онъ понималъ, что выходило изъ-подъ его пера хорошимъ, а менѣе удовлетворительное зачеркивалъ и уничтожалъ безъ сожалѣнія. Что-же касается отбросовъ, то онъ на нихъ никогда не возвращался.

Оканчивая на этомъ разсмотрѣніе висковатовскаго списка съ точки зрѣнія его культа и апофеоза, мы приходимъ къ заключенію, что списокъ этотъ никогда въ рукахъ Лермонтова не былъ и ему не принадлежалъ. По всей вѣроятности, онъ составленъ досужими людьми съ какими-нибудь особенными цѣлями въ недавнемъ времени. Приведенныя въ его пользу, въ статьяхъ и рефератѣ профессора, данныя слишкомъ ярки и тенденціозны, и свидѣтельствуютъ только объ одномъ—что профессоръ былъ увлеченъ найденною имъ рукописью до самозабвенія. Конечно, мы не допускаемъ мысли, что рукопись «Лжедемона» могла увидѣть свѣтъ инымъ путемъ, кромѣ удостовѣреннаго профессоромъ; но вѣдь и самъ профессоръ въ данномъ случаѣ могъ быть жертвою обмана со стороны фальсификаторовъ рукописи. Въ статьяхъ своихъ «Демонъ и пр.», и «По поводу Демона», г. Висковатовъ сознается, что долго и настойчиво искалъ или подлиннаго автографа поэмы, или исправленной самимъ поэтомъ переработки ея, что въ рукахъ его перебывало много десятковъ списковъ и что онъ пріобрѣлъ большое количество ихъ въ собственность. Подобный усиленный спросъ на списки «Демона» и неустанное розыскиваніе подлиннаго автографа, конечно, не могло не вызвать въ досужихъ людяхъ соображенія, и они воспользовались имъ въ своихъ интересахъ. При знакомствѣ съ писарями архивовъ присутственныхъ мѣстъ, имъ не трудно было отыскать въ архивныхъ дѣлахъ какую-нибудь старую тетрадь изъ бумаги двадцатыхъ годовъ, оторвать отъ нея заднюю половину или треть, съ остаткомъ чистыхъ неписанныхъ страницъ и картонной задней обложкой, перевернуть этотъ отрывокъ отъ тетради задомъ—напередъ,

начертать въ немъ расплывчатыми изъ адскаго камня (какъ удостовѣряетъ профессоръ о своей тетради) чернилами и крупнымъ писарскимъ почеркомъ, исправленный «рукою мастера» текстъ поэмы. Затѣмъ продержавъ смастеренную такимъ образомъ рукопись нѣсколько времени въ сыромъ погребѣ или подвалѣ, чтобы чернила расплылись и пожелтѣли, и сдѣлавъ въ ней карандашныя поправки,—предложитъ такой драгоцѣнный манускриптъ, чрезъ услужливаго писарька, жаждущему «подлиннаго автографа» профессору. Комбинація вполнѣ возможная, и г. Висковатовъ, какъ собиратель списковъ «Демона», могъ сдѣлаться жертвой ловкой продѣлки. Что подобныя продѣлки у насъ существуютъ, мы можемъ привести въ примѣръ поддѣлку однимъ досужимъ шутникомъ нѣсколькихъ главъ изъ 2-й части «Мертвыхъ душъ» Н. В. Гоголя, которыя, подъ видомъ вновь найденныхъ, были присланы въ редакцію журнала «Русской Старины» и тамъ признаны за настоящія и напечатаны такимъ знатокомъ русской литературы, какимъ былъ покойный М. П. Семевскій. Поэтому и пріобрѣтеніе рукописи «Лжедемона» не можетъ быть поставлено въ вину почтенному профессору: ошибка свойственна всякому человѣку. Но мы не можемъ сказать того-же относительно увлеченія профессора пріобрѣтенною имъ изъ сомнительнаго источника рукописью, принятія ея, безъ надлежащей провѣрки и удостовѣренія,—за списокъ послѣдней переработки поэмы, собственноручно исправленный поэтомъ, и, наконецъ, пропаганды и апофеозированія его всѣми возможными и невозможными способами, въ ущербъ истины и достоинства напечатанной въ Карлсруэ, подлинной рукописи поэмы, по отношенію которой онъ не соблюлъ даже должнаго безпристрастія. Все это должно пасть на отвѣтственность профессора. Вѣдь, по словамъ великаго нашего поэта:

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво.

На этомъ мы могли-бы и кончить, такъ какъ общій выводъ изъ всего нами сообщеннаго совершенно нагляденъ и ясенъ, и въ комментаріяхъ не нуждается. Но у насъ есть еще въ запасѣ, (кромѣ приведенныхъ выше) нѣсколько, нелишенныхъ интереса, замѣчаній и указаній Дмитрія Аркадьевича Столыпина, которыя мы и считаемъ долгомъ привести прежде, нежели поставимъ къ предпринятому нами изслѣдованію, неизбѣжную для каждаго дѣла точку.

IV.

Д. А. Столыпинъ, какъ близкій родственникъ и товарищъ Михаила Юрьевича, частенько дѣлилъ съ нимъ досуги въ послѣдній пріѣздъ его съ Кавказа въ Петербургъ, въ 1841 году, и вотъ что онъ говорилъ намъ весною 1892 года, въ Москвѣ, относительно рукописи «Демона» и нѣкоторыхъ сопряженныхъ съ ней вопросовъ.

Рукопись «Демона» переписана начисто Лермонтовымъ собственноручно еще на Кавказѣ. Это была тетрадь большаго листоваго формата, сшитая изъ дести обыкновенной бѣлой писчей бумаги и перегнутая сверху до-низу на-двое. Текстъ поэмы написанъ четко и разборчиво, безъ малѣйшихъ поправокъ и перемарокъ на правой сторонѣ листа, а лѣвая оставалась чистою. Автографъ этотъ поэтъ приготовилъ и привезъ съ собою въ Петербургъ, въ началѣ 1841 г., для доставленія удовольствія бабушкѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Арсеньевой прочитать «Демона» лично, за что она и сдѣлала предупредительному внуку хорошій денежный подарокъ. «Демонъ» читался неоднократно въ гостинной бабушки, въ интимномъ кружкѣ ея друзей, и въ немъ тутъ-же, когда поэтъ сбирался отвезти рукопись къ А. А. Краевскому, для снятія копіи и набора въ типографіи, по настоянію А. Н. Муравьева, отмѣченъ былъ чертою сбоку, какъ неотвѣчающій цензурнымъ условіямъ тогдашняго времени, діалогъ Тамары съ Демономъ: «зачѣмъ мнѣ знать твои печали»? Рукопись «Демона» поэтъ еще разъ просмотрѣлъ и исправилъ, когда ее потребовали для прочтенія ко двору. Сдѣланныя поэтомъ исправленія были написаны на лѣвой чистой сторонѣ тетради, а замѣненныя мѣста въ текстѣ зачеркнуты. Діалогъ Тамары съ Демономъ, и послѣ послѣдняго исправленія, поэтомъ замаранъ не былъ, и хотя изъ копіи, представленной для прочтенія высокимъ особамъ, исключенъ, но въ рукописи остался незамараннымъ, и напечатанъ въ Карлсруэскомъ изданіи поэмы 1857 года, слѣдовательно къ числу отбросовъ, какъ увѣряетъ г. Висковатовъ, отнесенъ быть не можетъ. У Краевскаго «Демона» читалъ поэтъ самъ, но не всю поэму, а только нѣкоторые эпизоды, вѣроятно, вновь написанные. При чтеніи присутствовало нѣсколько литераторовъ и поэму приняли во-

сторженно. Но относительно напечатанія ея поэтъ и журналистъ высказались противоположно. Лермонтовъ требовалъ напечатать всю поэму сразу, а Краевскій совѣтовалъ напечатать эпизодами въ нѣсколькихъ книжкахъ. Лермонтовъ говорилъ, что поэма, разбитая на отрывки, надлежащаго впечатлѣнія не произведетъ, а Краевскій возражалъ, что она за то пройдетъ полнѣе. Рѣшили послать въ цензуру всю поэму, которая, при посредствѣ разныхъ вліяній, хотя и съ большими помарками, но была къ печати дозволена. (Почему рукопись взята отъ Краевскаго и не попала въ печать при жизни поэта—говорилось выше). Поэму не одобрили В. А. Жуковскій и П. А. Плетневъ, какъ говорили, потому, что поэтъ не былъ у нихъ на поклонѣ. Князь-же Вяземскій, князь Одоевскій, графъ Соллогубъ, Бѣлинскій и многіе другіе литераторы хвалили поэму и предсказывали ей большой успѣхъ. Въ обществѣ слава поэмы распространилась, когда списокъ съ нея былъ представленъ, чрезъ А. Н. Философова, ко двору. Ее стали читать въ салонахъ великосвѣтскихъ дамъ и въ кабинетахъ сановныхъ меценатовъ, гдѣ она до высылки поэта на Кавказъ и пользовалась большимъ фаворомъ. Не даромъ еще Шиллеръ говорилъ: «искусство—роскошный цвѣтокъ, растущій для людского блага и счастія».

Изъ тогдашнихъ разговоровъ и отзывовъ о поэмѣ Дмитрій Аркадьевичъ припомнилъ слѣдующіе:

— Скажите, Михаилъ Юрьевичъ, спросилъ поэта князь В. Ѳ. Одоевскій, съ кого вы списали вашего Демона?

— Съ самаго себя, князь, отвѣчалъ шутливо поэтъ, неужели вы не узнали?

— Но вы не похожи на такого страшнаго протестанта и мрачнаго соблазнителя, возразилъ князь недовѣрчиво.

— Повѣрьте, князь, разсмѣялся поэтъ, я еще хуже моего Демона. И такимъ отвѣтомъ поставилъ князя въ недоумѣніе: вѣрить-ли его словамъ, или-же смѣяться его проничному отвѣту. Шутка эта кончилась, однако, всеобщимъ смѣхомъ. Но она дала поводъ говорить впослѣдствіи, что поэма «Демонъ» имѣетъ автобіографическій характеръ. И вотъ эту салонную шутку нынѣ г. Висковатовъ выдаетъ за самостоятельное историческое изслѣдованіе!...

Княгиня М. А. Щербатова, послѣ чтенія у ней поэмы, сказала Лермонтову:

— Мнѣ вашъ Демонъ нравится: я бы хотѣла съ нимъ опуститься на дно морское и полетѣть за облака.

А красавица М. П. Саломирская, танцуя съ поэтомъ на одномъ изъ баловъ, говорила:

— Знаете-ли, Лермонтовъ, я вашимъ Демономъ увлекаюсь... Его клятвы обаятельны до восторга... Мнѣ кажется, я бы могла полюбить такое могучее, властное и гордое существо, вѣря отъ души, что въ любви, какъ въ злобѣ, онъ былъ-бы дѣйствительно неизмѣненъ и великъ.

Вотъ какъ встрѣчалъ свѣтъ не кающагося «грѣшника, а протестанта и соблазнителя «Демона». Но при дворѣ «Демонъ» не стяжалъ особой благосклонности. По словамъ А. И. Философова, высокія особы, которыя удостоили поэму прочтенія, отозвались такъ: «поэма—словъ нѣтъ, хороша, но сюжетъ ея не особенно пріятенъ. Отчего Лермонтовъ не пишетъ въ стилѣ «Бородина» или «Пѣсни про царя Ивана Васильевича»?... Великій-же князь Михаилъ Павловичъ, отличавшійся, какъ извѣстно, остроуміемъ, возвращая поэму, сказалъ:

— Были у насъ итальянскій Вельзевулъ, англійскій Люциферъ, нѣмецкій Мефистофель, теперь явился русскій Демонъ, значитъ нечистой силы прибыло. Я только никакъ не пойму, кто кого создалъ: Лермонтовъ-ли—духа зла, или-же духъ зла—Лермонтова?

Во все продолженіе времени, которое Михаилъ Юрьевичъ прожилъ въ Петербургѣ, въ началѣ 1841 года, всего около трехъ мѣсяцевъ, онъ былъ предметомъ самыхъ заботливыхъ попеченій о немъ со стороны друзей, которые групировались вокругъ него, и онъ, въ отвѣтъ на это, дарилъ ихъ своимъ довѣріемъ и братской откровенностью.

— Мы—говорилъ Дмитрій Аркадьевичъ:—его близкіе родственники и друзья интимные, знали всѣ его шаги въ свѣтѣ, всѣ шалости и увлеченія, знали каждый день его жизни: гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ и даже съ кѣмъ и что говорилъ онъ. Михаилъ Юрьевичъ сообщалъ намъ свои мысли и предположенія, дѣлился съ нами своимъ горемъ, тревогами и сомнѣньями, все, написанное имъ въ это время, мы читали у него прежде, чѣмъ онъ выносилъ изъ дому автографъ свой. Поэтому, могли-ли мы не знать, если-бы онъ задумалъ передѣлать фабулу «Демона» такъ, какъ представляетъ теперь ее профессоръ Висковатовъ, а тѣмъ болѣе, если-бы онъ привелъ подобную мысль въ исполненіе? Но я смѣло утверждаю, что ничего подобнаго не только поэтомъ не сдѣлано, но и въ головѣ у него не было. Допустимъ даже мысль, что мы, т. е. ин-

тимный кружокъ друзей поэта, не знали о томъ, что Михаилъ Юрьевичъ передѣлалъ сюжетъ поэмы. Но какъ-же это могло укрыться отъ литературнаго кружка, въ которомъ поэтъ вращался? Литературные друзья поэта интересовались всѣми его работами, слѣдовательно его передѣлка поэмы не могла-бы пройти ими не замѣченною. Или-же передѣлка совершена втайнѣ ото всѣхъ? Но для чего нужна была такая тайна? Вѣдь если-бы поэтъ нашелъ-бы почему-либо нужнымъ передѣлать Демона—этого титана тьмы и злобы. зиждителя соблазна и грѣха, въ кающагося грѣшника онъ-бы прежде всего сообщилъ объ этомъ своимъ друзьямъ, чтобы подготовить къ задуманной имъ передѣлкѣ общественное мнѣніе и обезпечить ей успѣхъ въ свѣтѣ. И мы, его друзья и живые свидѣтели тѣхъ немногихъ ясныхъ дней, когда Михаилъ Юрьевичъ озарялъ и наполнялъ собою общество, и всѣ тѣ кружки, среди которыхъ онъ вращался, конечно, поддержали-бы въ свѣтѣ новую концепцію его поэмы. Но ничего подобнаго, повторю, тогда не было, и никто нигдѣ не слыхалъ объ этомъ. Какимъ-же образомъ теперь могъ появиться неизвѣстный въ то время списокъ кающагося «Демона»? Неужели поэтъ передѣлалъ поэму для того только, чтобы послать ее для прочтенія г-жѣ Бахметевой, а черновую рукопись бросить у переписчика? Но у Варвары Александровны находился списокъ съ настоящей рукописи, который, какъ извѣстно, легъ въ основаніе Карлсруэскаго изданія «Демона». Слѣдовательно, всѣ разглагольствованія на подобную тему не имѣютъ никакого основанія. А между тѣмъ имъ вѣрятъ даже ученые люди. Г. Висковатовъ имѣетъ особый даръ: онъ беззавѣтно увлекается самъ и другихъ увлекаетъ за собою.

Когда рѣчь зашла о признаніи отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ висковатовскаго списка достовѣрнымъ, Дмитрій Аркадьевичъ съ особеннымъ оживленіемъ сдѣлалъ слѣдующія, весьма характеристичныя замѣчанія:

— Какъ послѣдній, оставшійся въ живыхъ представитель правъ поэта, какъ личный его другъ, товарищъ и близкій родственникъ, и, наконецъ, какъ человѣкъ, къ которому перешла послѣ смерти Михаила Юрьевича подлинная рукопись «Демона», я, при всемъ моемъ уваженіи къ ученымъ трудамъ и заслугамъ Я. К. Грота и его товарищей, не могу признать правильными: ни принятаго ими способа разсмотрѣнія и оцѣнки достоинства найденнаго профессоромъ Висковатовымъ списка, ни ихъ изумительнаго рѣшенія. Засѣданіе,

какъ видно изъ протокола, продолжалось только два часа и оно все было посвящено слушанію тенденціознаго доклада референта. Г. Гротъ, какъ филологъ, разсмотрѣлъ только значеніе двухъ словъ «*чара*» и «*ругны*», но изслѣдованія представленной рукописи никакого сдѣлано не было. Да и какое изслѣдованіе можно произвести въ два часа въ общемъ собраніи, гдѣ предъявлено было десятка полтора различныхъ рукописей! Для этого слѣдовало бы назначить особую коммисію, вызвать экспертовъ, поручить составить докладъ лицу, незаинтересованному въ дѣлѣ, и, наконецъ, допустить публичность засѣданія, гдѣ свѣдующіе люди не изъ числа академиковъ могли бы оппонировать референту. Между тѣмъ Я. К. Гротъ ничего подобнаго не счелъ нужнымъ допустить, хотя дѣло шло о лучшемъ произведеніи нашего великаго поэта, которое требовало болѣе серьезнаго къ себѣ отношенія, а не двухъ-трехъ поверхностныхъ словъ. Вопросъ о подлинности висковатовскаго списка и собственноручномъ исправленіи его поэтомъ въ засѣданіи не дебатировался вовсе, а рѣшеніе постановлено, что достовѣрность его признана. На какомъ основаніи достовѣрность признана—ничѣмъ не мотивировано. Между тѣмъ, вслѣдъ за признаніемъ достовѣрности списка, въ протоколѣ выражено сожалѣніе, что почти всѣ карандашныя поправки въ спискѣ исчезли, вслѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ, по словамъ протокола, могли бы служить подкрѣпленіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ исправлена. Что же это такое? Карандашныя помѣтки, которыя должны служить подкрѣпленіемъ предположенія, что рукопись была въ рукахъ поэта и имъ исправлена,—совершенно исчезли, а рукопись признается достовѣрною: на какомъ же основаніи? Дальнѣйшее изложеніе рѣшенія гг. академиковъ еще болѣе изумительно. Говорится, что напечатанный профессоромъ Висковатовымъ списокъ признается за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ и при томъ лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, (это при стертыхъ-то карандашныхъ помѣткахъ!), но если бы продлилась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился бы, и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился-бы на передѣлку или выправку поэмы. Что-же это значитъ? Это значитъ, что представленная на разсмотрѣніе академиковъ «послѣдняя лучшая переработка поэмы» въ сущности никуда не годится. Затѣмъ, какимъ образомъ Я. К. Гротъ и товарищи могли признавать, что поэтъ, если бы остался вживѣ, еще разъ передѣлалъ-бы поэму? Это входитъ скорѣе въ об-

ласть метафизическихъ предположеній, а не научныхъ изслѣдованій и выводовъ. Какъ же это такъ—рѣшительно недоумѣваю, тѣмъ болѣе, что мнѣ положительно извѣстно, что у Михаила Юрьевича такого намѣренія никогда не было. Во всякомъ случаѣ, я думаю—да иначе думать и не могу, что академики поторопились съ подобнымъ заключеніемъ и впали въ ошибку. Ошибки человѣчеству свойственны, и свойственны не только единичнымъ людямъ, но и цѣлымъ корпораціямъ. Развѣ доктора, не исключая даже самыхъ искусныхъ и знаменитыхъ, не ошибаются при діагнозѣ болѣзней и назначеніи больнымъ лекарствъ? Развѣ суды не постановляютъ несправедливыхъ приговоровъ? Много разныхъ апелляціонныхъ и кассаціонныхъ судилищъ устроено, чтобы исправлять несправедливые приговоры, и не смотря на то, сколько человѣческихъ жизней принесено въ жертву судейскихъ увлеченій и ошибокъ, не говоря уже о разореніи и позорѣ сотенъ тысячъ людей. Почему же академики должны быть исключеніемъ и считаться непогрѣшимыми? Вѣдь они—тоже люди, и подъ вліяніемъ тенденціознаго доклада заинтересованнаго въ дѣлѣ референта могли увлечься и уклониться съ пути истины. А Павелъ Александровичъ — великій магъ и волшебникъ, обойти и увлечь каждаго съумѣетъ.

— Отчего же вы, какъ наслѣдникъ правъ поэта и живой свидѣтель событій, не возвысите своего голоса въ защиту подлинной рукописи «Демона»? вопросили мы взволнованнаго Дмитрія Аркадьевича.

— Да оттого, отвѣчалъ онъ, указавъ глазами на свои, укутанныя плэдомъ, ноги, что я уже не тотъ, что былъ прежде. Сейчасъ я думаю, сбираюсь что-нибудь сдѣлать, а черезъ часъ—лежу, стонаю и охаю, гдѣ-же тутъ хлопотать, въ особенности по такому мучающему меня вопросу. Чтобы написать что-нибудь, нужно собрать мысли, сосредоточиться, воскресить въ памяти многое, уже угасшее, нужно спокойствіе, миръ души, а этого-то вотъ и нѣтъ!.. Но я не отчаяваюсь. При первой возможности, я соберусь и сдѣлаю все, что нужно. Главное, я хочу изложить все это дѣло въ томъ видѣ, какъ оно происходило, подкрѣпить его ссылками и документами, и передать предсѣдателю общества любителей россійской словесности, профессору Тихонравову, для прочтенія въ одномъ изъ засѣданій этого общества. Но этимъ я не хотѣлъ бы ограничиться. Я желалъ бы пожертвовать особый капиталъ на предметъ составленія при этомъ обществѣ особой коммисіи изъ лицъ, редактировав-

шихъ собранія сочиненій Лермонтова и другихъ знатоковъ дѣла, для изслѣдованія и установленія вполнѣ правильнаго текста поэмы «Демонъ». Поясню,—улыбнулся Дмитрій Аркадьевичъ, замѣтивъ выразившееся на моемъ лицѣ недоумѣніе: — въ Карлсруэ отпечатано было А. И. Философовымъ два изданія «Демона»: въ 1856 году—для высокихъ особъ, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ строфъ въ поэмѣ, и въ 1857 году — для всеобщаго употребленія, полнымъ текстомъ по собственноручной рукописи поэта. Первое корректировали нѣмцы, а второе—редактировалъ протоіерей Базаровъ. Между этими двумя изданіями есть разница, во-первыхъ, въ самомъ текстѣ, а во-вторыхъ, вкравшіяся въ нихъ, по недосмотру, опечатки. При выходѣ въ свѣтъ въ 1891 году, по случаю исполнившагося 50-ти лѣтія со дня смерти поэта, новыхъ полныхъ собраній его сочиненій, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Кушнерева и Пряшникова, текстъ «Демона» напечатанъ по карлсруэскому изданію 1856 года, а дополненія и исправленія, вошедшія въ изданіе 1857 года, указаны въ примѣчаніяхъ; тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать наоборотъ, т. е. напечатать текстъ изданія 1857 года, а исключенія показать въ примѣчаніяхъ. Изданія Маркса, Гербека и др. также допустили уклоненія отъ карлсруэскаго изданія 1857 года. Этимъ воспользовался г. Висковатовъ, и въ докладѣ своемъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности академіи наукъ опорочилъ всѣ изданія 1891 года, единственно потому, что текстъ «Демона» у нихъ напечатанъ не одинаково и не у всѣхъ правильно исправлены опечатки. Дабы устранить на будущее время всякій поводъ къ повторенію подобныхъ опорочиваній подлиннаго текста «Демона», необходимо, чтобы коммисія, о которой я упомянулъ вамъ, подъ руководствомъ предсѣдателя общества любителей россійской словесности, разсмотрѣла всѣ изданія и выработала одинъ правильный текстъ поэмы «Демонъ», согласно карлсруэскаго изданія 1857 года, напечатаннаго, какъ я за то ручаюсь, съ единственнаго, оставшагося послѣ смерти Лермонтова и находившагося до 1856 года у меня, подлиннаго автографа поэмы, написаннаго поэтомъ на Кавказѣ въ 1840 году и въ послѣдній разъ исправленнаго имъ въ Петербургѣ, въ 1841 году, и тѣми исправленіями, которыя коммисія признаетъ нужнымъ сдѣлать въ разъясненіе вкравшихся въ карлсруэское изданіе недосмотровъ и опечатокъ. О таковомъ исправленіи долженъ быть составленъ протоколъ съ подробнымъ указаніемъ сдѣланныхъ въ текстѣ поэмы исправленій и источниковъ, послужившихъ тому ос-

нованіемъ. Вотъ моя цѣль, осуществить которую я желалъ бы, хотя бы съ затратой извѣстнаго капитала Я унаслѣдовалъ послѣ кончины великаго русскаго поэта автографъ поэмы «Демонъ» и на мнѣ лежитъ обязанность передать потомству указанія: что именно и гдѣ сохранилось изъ этого автографа; а если обстоятельства поблагопріятствуютъ, то и возсоздать его въ той цѣлости и совокупности, въ какой я его унаслѣдовалъ.

На этомъ разговоръ нашъ прекратился, и мы разстались. Болѣе за тѣмъ намъ встрѣтиться не пришлось. Д. А. Столыпинъ въ 1893 году скончался *). Сдѣлалъ ли онъ что-нибудь для осуществленія своей идеи—намъ неизвѣстно. Но мы—тоже люди сороковыхъ годовъ и тоже ждетъ своей очереди. Поэтому считаемъ долгомъ предать гласности все, что мы слышали отъ почившаго, и думаемъ, что идея его о возстановленіи во всей полнотѣ и достовѣрности подлиннаго текста поэмы «Демонъ» вполнѣ основательна и резонна. Она, намъ кажется, могла бы осуществиться при содѣйствіи нашего литературнаго общества или общества любителей россійской словесности. Вѣдь не можетъ же быть, чтобы на святой Руси никому не было дѣла до того, имѣемъ ли мы полный подлинный и достовѣрный текстъ лучшаго изъ произведеній великаго нашего поэта, или же не имѣемъ...

Январь, 1896 года,
г. С.-Петербургъ.

---

*) Считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую поправку. Въ «Ист. Вѣстникѣ», 1894 г., № 2, въ некрологѣ Д. А. Столыпина, сказано, что онъ участвовалъ въ качествѣ секунданта въ роковой дуэли, которая была гибельна для Лермонтова, это не вѣрно. Ни въ какихъ Лермонтовскихъ дуэляхъ Дмитрій Аркадьевичъ не участвовалъ. Въ одной изъ этихъ дуэлей, именно съ барономъ де-Барантомъ, участвовалъ братъ его—Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ.

Кто виноватъ: В. В. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ или Н. С. Лѣсковъ?

СМЕРТЬ романиста Крестовскаго въ 1895 году вновь возбудила въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати вопросъ о плагіатѣ его романа «Петербургскія трущобы». Въ другое время подобный вопросъ, самъ по себѣ уже праздный, ничего другого, кромѣ смѣха, и возбудить не могъ бы, такъ какъ права В. В. Крестовскаго на авторство «книги сытыхъ и голодныхъ» неоспоримы. Но въ дни мелкихъ общественныхъ интересовъ, съ утомительной скукой нами переживаемыхъ общество радо всякому, хотя бы даже и курьезному факту, дающему возможность посчитаться съ прошлымъ, болѣе жизненнымъ и разностороннимъ. Друзья покойнаго автора пресловутаго романа придали вновь всплывшему на волнахъ современной жизни вопросу о плагіатѣ «Трущобъ» серьезное значеніе. Всѣмъ сонмищемъ своимъ они возстали въ защиту правъ В. В. Крестовскаго, появились письма, фельетонныя замѣтки и глубокомысленныя истолкованія, пошли въ ходъ интервьюверы. Снѣжный комъ всевозможныхъ мнѣній, изслѣдованій и опросовъ катился, какъ упавшая съ горъ лавина, и, разростаясь въ паденіи, погребалъ въ себѣ не только возбудителей вопроса, но и людей, очутившихся подъ нимъ совершенно случайно. Въ числѣ послѣднихъ оказался и покойный поэтъ-сатирикъ Д. Д. Минаевъ, о которомъ извѣстный беллетристъ Н. С. Лѣсковъ, по словамъ интервьювера, будто бы сказалъ, что онъ въ бесѣдѣ съ нимъ съ глазу-на-глазъ сознался, что сплетня о плагіатѣ «Петербургскихъ трущобъ» распространена имъ, по личнымъ его съ Крестовскимъ счетамъ. Много на памяти нашего Ювенала лежитъ упрековъ и на-

реканій, но званья шептуна и сплетника онъ удостоился въ первый разъ. Но такъ-ли это? Столкнуть съ утеса камень въ море—можетъ даже мальчикъ, но вытащить его не такъ легко...

Фельетонистъ газеты «Новости» В. О. Михневичъ, въ № 64 этой газеты за 1895 годъ, опровергаетъ вышеприведенное заявленіе автора «Чертовыхъ кукокъ» и «Фефёлъ». Онъ говоритъ, что «обличительный поэтъ» былъ человѣкъ дурно-воспитанный, взбалмошный и—въ возбужденномъ состояніи—задорный, но, по натурѣ, добродушный, мягкій и на сплетни неспособный. Отношеніе его къ Крестовскому хотя и не были дружественными,—онъ частенько высмѣивалъ романиста и однажды даже имѣлъ съ нимъ непріятное столкновеніе въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ, — но онъ никогда ничего не говорилъ о плагіатѣ «Петербургскихъ трущобъ». Д. Д. Минаевъ, по словамъ г. Михневича, разошелся съ Лѣсковымъ гораздо ранѣе, чѣмъ съ Крестовскимъ и до восьмидесятыхъ годовъ они находились во враждебныхъ между собой отношеніяхъ. Сошлись они послѣ этого, когда оба проживали одно лѣто на дачахъ въ Шуваловѣ. Но и тогда поэтъ-сатирикъ едва-ли могъ сказать что-нибудь Лѣскову о сочиненіи и распространеніи имъ сплетенъ по поводу плагіата «Петербургскихъ трущобъ», такъ какъ Владиміръ Осиповичъ нерѣдко наѣзжалъ въ Шувалово, бывалъ у нихъ на дачахъ и, какъ находившійся съ ними обоими въ хорошихъ отношеніяхъ, тогда же бы могъ узнать объ этомъ. Но онъ ни отъ того, ни отъ другого ничего не слыхалъ, и поэтому, взведенное на Минаева Лѣсковымъ обвиненіе считаетъ «темнымъ, недосказаннымъ, или — еще вѣрнѣе—напрасно наобумъ сказаннымъ».

Я также былъ знакомъ съ поэтомъ-сатирикомъ много лѣтъ, зналъ его коротко, дружилъ съ нимъ, ссорился, расходился, и вновь сходился и дружилъ. Тайнъ у него отъ меня не было и я, мнѣ кажется, могу привести нѣкоторыя соображенія въ разъясненіе «темнаго, недосказаннаго, или напрасно на обумъ сказаннаго» обвиненія.

Личность Д. Д Минаева—этого замѣчательнаго русскаго самородка, о которомъ въ нашей прессѣ или злокозненно молчатъ, или говорятъ одно дурное,—заслуживаетъ болѣе сочувственнаго къ себѣ отношенія. Какъ человѣкъ, это была натура простая, кипучая, дѣятельная и честная, съ большимъ умомъ и недюжинными способностями и добрымъ сердцемъ. Какъ дѣятель, это былъ одинъ изъ выдающихся писателей шестидесятыхъ годовъ, котораго нельзя ни замолчать, ни затереть,—время поставитъ его на предлежащее ему мѣсто.

Послѣдователь и продолжатель Добролюбова, Чернышевскаго, Писарева и другихъ представителей либеральныхъ вѣяній освободительной эпохи, онъ такъ же, какъ и названные передовые провозвѣстники новыхъ идей, считалъ себя призваннымъ руководить общественнымъ мнѣніемъ и бичевать людскіе пороки, слабости и невѣжество, гдѣ бы они и въ комъ бы не встрѣчались. Былъ ли онъ подготовленъ къ подобной миссіи воспитаніемъ — вопросъ другой. Но онъ считалъ себя имѣющимъ къ тому призваніе, и это составляло стимулъ его дѣятельности. Умъ его, по природѣ, былъ остеръ и блестящъ, какъ алмазъ, въ граняхъ котораго каждый предметъ мышленія горѣлъ и отражался своимъ искристо-яркимъ блескомъ; и поэтому большинство его шутокъ, экспромтовъ и выходокъ имѣли особое по тому времени значеніе и мѣтко достигали цѣли. Правда, порою онъ, по свойственной ему прямолинейности, увлекался и переступалъ за грань дозволеннаго; но это его не останавливало, онъ шелъ до конца, бравировалъ и дерзилъ въ силу убѣжденія въ необходимости всегда и всѣмъ безъ различія рѣзать правду-матку, не справляясь: нравится ли это людямъ, или ихъ коробитъ отъ этого. Въ личныхъ сношеніяхъ Дмитрій Дмитріевичъ былъ таковъ же, какъ и въ своихъ сказаньяхъ и писаньяхъ. Онъ смѣялся и высмѣивалъ людей, считая себя, по уму и развитію, высшей противу другихъ силой, дѣлалъ это безо всякихъ стѣсненій, открыто, прямо и добродушно; ему казалось, что своей откровенностью и рѣзкимъ обличеніемъ онъ ничего другого людямъ не приноситъ, кромѣ одной пользы. Злоба и мстительность были ему чужды. Наговоровъ, сплетенъ и неправдъ онъ не терпѣлъ, считая это все дѣло низкимъ и писателя недостойнымъ. Когда же блажь учительства ему надоѣдала, онъ являлся простымъ сердечнымъ человѣкомъ, добродушнѣйшимъ изъ добродушныхъ добряковъ, и самъ первый готовъ былъ смѣяться надъ своимъ призваніемъ—смѣяться по призванію.

Могъ ли подобный человѣкъ имѣть «личные счеты» съ В. В. Крестовскимъ? Едва ли. Скорѣе у Крестовскаго могли быть «счеты» съ Минаевымъ. Но прежде чѣмъ коснуться этого вопроса, послужившаго будто-бы, по словамъ Н. С. Лѣскова, причиной къ сплетнямъ о плагіатѣ «Петербургскихъ трущобъ», необходимо выяснить: въ чемъ заключается суть сказаннаго инцидента и на сколько справедливо самое предположеніе о томъ?

Сущность инцидента заключается въ томъ, что Н. Г. Помяловскій будто-бы ранѣе В. В. Крестовскаго посѣщалъ трущобы отребья

петербургскаго населенія на Сѣнной и написалъ романъ изъ жизни этого люда, и что Крестовскій, по смерти Помяловскаго, присвоилъ рукопись написаннаго имъ романа и выдалъ романъ за свое сочиненіе. Конечно, пущенный объ этомъ слухъ былъ ничто иное, какъ злая шутка, брошенная въ публику недоброжелателями автора «книги о сытыхъ и голодныхъ», полнымъ опроверженіемъ которой могутъ служить нижеслѣдующія выписки изъ біографіи Н. Г. Помяловскаго, составленной его другомъ Н. А. Благовѣщенскимъ. [1]).

«И сталъ онъ (Помяловскій) пропадать по цѣлымъ недѣлямъ,— говорится въ біографіи: — и гдѣ пропадалъ онъ—не зналъ никто... Оказалось, что онъ все это время проживалъ гдѣ-то на Сѣнной, въ самомъ центрѣ безчувственнаго разврата и нищеты непсходной. Безвыходно жилъ онъ тамъ въ кабакахъ, грязныхъ харчевняхъ, публичныхъ домахъ, въ какихъ-то отвратительныхъ катакомбахъ, при одномъ разсказѣ о которыхъ вчужѣ ужасъ беретъ. Онъ знакомился и кутилъ съ этими лицами, изучалъ ихъ съ психологической точки зрѣнія, выпытывалъ у нихъ прошлое; тамъ у него появились пріятели, съ которыми вмѣстѣ онъ гулялъ и попадалъ даже на съѣзжую... «Вотъ ужо—объяснялъ Н. Г. Помяловскій свои похожденья на Сѣнной автору біографіи:—я выставлю эти картинки на показъ нашему обществу, пусть полюбуется»... Дѣйствительно, продолжаетъ біографъ, онъ тогда задумывалъ новый романъ, еще невыяснившійся, непринявшій опредѣленной формы, но въ которомъ, между прочимъ, предполагалъ описать эти наблюденія надъ павшимъ человѣчествомъ»... Далѣе въ біографіи говорится: «Но, кажется, онъ жилъ на Сѣнной и искалъ приключеній съ простой цѣлію развлечься чѣмъ-нибудь отъ какой-то гнетущей его тоски»... [2]) Въ примѣчаніяхъ же къ роману Помяловскаго «Братъ и сестра» находится слѣдующая оговорка Благовѣщенскаго: «судя по разсказамъ покойнаго объ идеѣ романа, въ рукописи очень многаго не достаетъ, такъ, напримѣръ, во второй части романа онъ хотѣлъ въ картинахъ выставить жизнь публичныхъ домовъ, нравы пад-

---

[1]) См. полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго.

[2]) Изъ письма М. В. Шевлякова, напечатаннаго въ газетѣ «Новое Время», № 6803, видно, что Помяловскаго нерѣдко можно было встрѣтить въ трущобныхъ кабакахъ и распивочныхъ, но онъ являлся въ этихъ мѣстахъ вовсе не затѣмъ, чтобы «наблюдать», а исключительно по влеченію къ спиртнымъ напиткамъ.

шихъ женщинъ и вообще всѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ похожденій на Сѣнной, но этихъ картинъ въ рукописи нѣтъ».

Изъ вышеприведенныхъ выписокъ становится яснымъ, что Н. Г. Помяловскій никогда не писалъ романа изъ жизни обывателей Петербургскихъ трущобъ, что онъ его только задумывалъ написать, но мысль объ этомъ никакой реальной формы не приняла и о появленіи ея сохранилось только одно пріятное воспоминаніе у его почтеннаго біографа. Слѣдовательно всѣ остроумныя предположенія и разсказы о томъ, что В. В. Крестовскій воспользовался помяловскою рукописью и выдалъ ее за свое сочиненіе не имѣютъ никакого основанія и составляютъ ничто иное, какъ праздный вымыселъ.

Но откуда, быть можетъ, поинтересуется читатель, возникло подобное нелѣпое сказаніе, находящее себѣ откликъ даже въ наше время, т. е. спустя тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ его возникновенія?

Покойный писатель Н. В. Успенскій, въ 1865 году, говорилъ мнѣ, что «bon-mot» о плагіатѣ «Петербургскихъ трущобъ» вылетѣло изъ редакціи «Современника». Когда романъ этотъ появился въ 1864 году на страницахъ «Отечественныхъ записокъ» А. А. Краевскаго, супруга И. И. Панаева, Александра Яковлевна, была отъ него въ восторгѣ. На похвалы ея роману, Н. А. Некрасовъ, не особенно благоволившій тогда къ В. В. Крестовскому, съ усмѣшкой отозвался, что основная мысль романа принадлежитъ не ему, а Н. Г. Помяловскому, который, можетъ быть, не чуждъ также и красотъ ея развитія. Отзывъ этотъ былъ подхваченъ приспѣшниками, которыхъ вездѣ находится не мало, преувеличенъ и разросся, наконецъ, до обвиненія Крестовскаго въ плагіатѣ рукописи романа. Разсказъ Успенскаго подтвердилъ и извѣстный беллетристъ В. А. Слѣпцовъ, на одномъ изъ вечеровъ въ собраніи художниковъ, гдѣ онъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ ставилъ спектакли. Разговоръ вышелъ какъ-то случайно за ужиномъ, въ присутствіи художника Н. Ф. Досса, автора «Тарантаса» графа В. А. Соллогуба, актера И. И. Монахова и другихъ лицъ. Послѣдній принялъ сторону Крестовскаго и горячо сказалъ Слѣпцову:

— Мало ли что вы тамъ выдумаете съ Некрасовымъ, а мы вамъ и должны вѣрить!.. Нѣтъ, мы не такіе легковѣрные... Можетъ быть, и вашъ Помяловскій задумывалъ писать что-нибудь изъ трущобной жизни; но онъ ничего не написалъ... А то, что напи-

салъ Крестовскій, исключительно принадлежитъ ему, т. е. его замыслу, труду и наблюденіямъ. Я это знаю хорошо отъ самаго Крестовскаго.

Вотъ источникъ происхожденія неосновательныхъ слуховъ, послужившихъ къ такимъ невыгоднымъ для репутаціи Крестовскаго заключеніямъ, указавъ на который, я возвращусь къ Д. Д. Минаеву и постараюсь, по возможности, уяснить отношенія его къ автору «книги о сытыхъ и голодныхъ».

Въ литературѣ В. В. Крестовскій и Д. Д. Минаевъ появились почти одновременно въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Первый работалъ въ «Библіотекѣ для чтенія», «Свѣточѣ», «Русскомъ Мірѣ», «Отечественныхъ запискахъ» (перваго періода); а послѣдній — въ «Современникѣ», «Искрѣ», «Русскомъ словѣ» и другихъ журналахъ. Какъ представители различныхъ направленій, они общаго между собой ничего не имѣли, но въ обществѣ встрѣчались, обмѣнивались мыслями и взглядами, и порой даже покучивали вмѣстѣ. Но поэтъ-сатирикъ, по свойственной ему натурѣ, не упускалъ, конечно, случая пощипать юнца-беллетриста, посмѣивался надъ нимъ и, какъ болѣе сильный діалектикъ и острословъ, побивалъ его. Съ теченіемъ же времени, когда реализмъ и позитивизмъ заняли въ прессѣ господствующее положеніе, онъ началъ относиться къ нему, при встрѣчахъ, неиначе, какъ съ улыбкой снисходительности и въ веселой компаніи позволялъ себѣ, подшучивая надъ нимъ, щедро разряжать свой неистощимый запасъ острыхъ каламбуровъ и колкихъ эпиграммъ [3]); романистъ-же или скромно отшучивался, или бралъ шапку и уходилъ. Такъ продолжалось лѣтъ десять. Вдругъ авторъ «По дорогѣ», «Петербургскихъ трущобъ» и другихъ замѣчательныхъ произведеній, имѣя почти 30-ть лѣтъ отъ роду, задумалъ поступить въ военную службу, и въ 1868 году былъ принятъ юнкеромъ въ Ямбургскій уланскій полкъ. Журналисты-либералы отнеслись къ подобному запоздалому, по ихъ словамъ, проявленію шовинизма неодобрительно, и Дмитрій Дмитріевичъ, при первой-же встрѣчѣ съ

---

[3]) Приведу, для примѣра, сказанный имъ экспромтъ по поводу выхода въ свѣтъ особымъ изданіемъ «Петербургскихъ Трущобъ»:

Къ роману этому, друзья, не будьте строги,
Привелъ въ немъ авторъ треповскіе взгляды:
Герои всѣ его посажены въ остроги,
А героини вписаны... въ разряды.

воиномъ-романистомъ, такъ отдѣлалъ его, что дѣло у нихъ чуть не дошло до личнаго столкновенія въ публичномъ мѣстѣ. Я присутствовалъ при этой встрѣчѣ. Вотъ что произошло тогда между писателями-антагонистами.

Были мы какъ-то съ поэтомъ-сатирикомъ въ Александринскомъ театрѣ, и послѣ спектакля поѣхали на вечеръ къ одному общему нашему пріятелю, жившему на Литейной. Стояла глубокая осень. Вечеръ выдался вѣтряный и снѣжный. Дмитрій Дмитріевичъ, бывшій въ шляпѣ и пальто на ватѣ, прозябъ и захотѣлъ выпить водки. Не долго думая, мы свернули на Пантелеймоновскую улицу, зашли въ гостинницу «Старый Пекинъ», куда въ то время частенько заглядывали литераторы. Выпивъ въ буфетѣ по рюмкѣ горькой и пройдя затѣмъ въ большое зало, мы увидѣли В. В. Крестовскаго въ юнкерской формѣ, сидѣвшаго за уставленнымъ разными питіями столикомъ съ двумя офицерами и однимъ статскимъ. Компанію эту я зналъ. Офицеры были: одинъ—Александрійскій гусаръ Петръ Петровичъ Лундышевъ, а другой — извѣстный впослѣдствіи Колеминъ; статскій-же—Сергѣй Сергѣевичъ Шустовъ, банковскій дѣятель и русскій снобсъ. Лундышевъ что-то разсказывалъ, очевидно, забавное, такъ какъ вся комната хохотала. Поэтъ-сатирикъ опустился грузно на стулъ у сосѣдняго столика и, посмотрѣвъ съ усмѣшкой на романиста въ солдатской шинели, при саблѣ и въ шпорахъ, громогласно разразился экспромтомъ:

А, воинъ!... что́, братъ, зарвался
На поприщѣ литературы,—
И тягу далъ, въ солдаты продался!
За сколько?... какъ цѣна на шкуры?

В. В. Крестовскій вскочилъ какъ ужаленный скорпіономъ, повернулся въ полъ-оборота къ поэту и запальчиво возразилъ:

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, я не продался, я добровольно иду служить отечеству вольноопредѣляющимся, или, лучше сказать, юнкеромъ, понимаете-ли вы это?... по крайней мѣрѣ должны понимать: сами были юнкеромъ...

Поэтъ-сатирикъ слушалъ эту горячую реплику со свойственной ему сардонической улыбкой и отвѣтилъ докторально:

Какъ не понять намъ славный родъ
«Сыновъ отечества»—ещё-бы?...
Кровь проливать—одинъ исходъ
Для тѣхъ, кто всѣ прошолъ трущобы!...

— Что?... что ты сказалъ, колотая, безмозглая голова? [4]) вскричалъ, внѣ себя, Крестовскій, наклонившись къ лицу противника.

— Нельзя-ли потише, г. золоторотецъ, возразилъ Минаевъ, поднявшись со стула и устраняя Крестовскаго, иначе я долженъ буду отнестись къ вашей личности.

— Нѣтъ, это—такое оскорбленіе, которое я перенести не могу, завопилъ окончательно вышедшій изъ себя Крестовскій, и схватился за рукоять своей сабли.

Сидѣвшіе съ нимъ офицеры, видя, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ, бросились къ разсвирѣпѣвшему юнкеру съ возгласами: «что вы дѣлаете, Крестовскій?... обнажаете саблю!... да вѣдь васъ предадутъ суду, разжалуютъ въ рядовые и посадятъ въ крѣпость!», оттащили его къ своему столу, усадили и стали его успокоивать. Я-же сталъ уговаривать Минаева перейдти въ кабинетъ. Ко мнѣ присоединился съ такой-же просьбой и Шустовъ, но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

— Зачѣмъ? улыбнулся онъ своей змѣиною улыбкой, мнѣ и здѣсь хорошо. И онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и потребовалъ пива.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, бушевалъ между тѣмъ въ своемъ кружкѣ, красный какъ ракъ, Всеволодъ Владиміровичъ, я этого оскорбленія такъ оставить не могу!... я его вызову на дуэль!... Кто изъ васъ будетъ моимъ секундантомъ?... Лундышевъ, вы не откажетесь?

Лундышевъ молча наклонилъ голову.

— А моимъ секундантомъ будетъ поэтъ-солдатъ, отвѣчалъ, ни къ кому не адресуясь, слышавшій и смаковавшій весь этотъ разговоръ съ особеннымъ наслажденіемъ, какъ любитель всякой пикантности, поэтъ-сатирикъ.

— Такъ ты принимаешь вызовъ? быстро повернулся къ поэту лицомъ покраснѣвшій до синевы отъ гнѣва романистъ-воинъ, тогда пусть секунданты опредѣлятъ условія, часъ и мѣсто встрѣчи!...

— Какъ не принять!... конечно, принимаю, отвѣчалъ проницательный поэтъ и, закуривъ папиросу, прибавилъ:

Я—гражданинъ, а ты—солдатъ, но принимаю
Я вызовъ твой смѣшной и жалкій...

---

[4]) Намекъ на то, что Минаевъ въ 1866 году былъ арестованъ и, сидя въ казематѣ Петропавловской крѣпости, въ сознаніи своей невинности, разбилъ себѣ голову объ стѣну.

Какъ вызванный на бой, оружье избираю
Гражданское я—палки...
У Палкина [5]) сберемся завтра почью въ часъ,
И такъ, бреттеръ, мы ожидаемъ васъ!

Крестовскій растерялся и ничего не отвѣтилъ. Пока въ ихъ компаніи шли шопотомъ переговоры, я напомнилъ Минаеву, что насъ ждутъ, мы поднялись и вышли. Вечеръ мы провели у пріятеля весело. Предстоящая дуэль являлась событіемъ и служила темой для разговора. Поэтъ-сатирикъ былъ великолѣпенъ, блестящъ и увлекателенъ, пародируя дуэль Онѣгина съ Ленскимъ. Бывшій на вечерѣ актеръ Васильевъ Павелъ (извѣстный комикъ), нѣсколько разъ обращался къ нему съ вопросомъ: «почему ты, Дмитрій Дмитріевичъ, не выбралъ оружіемъ билліардные кіи? вѣдь кіемъ можно дѣйствовать съ одной стороны, какъ пикой, а съ другой—какъ кистенемъ»... А куплетистъ Монаховъ (Ипполитъ) со свойственнымъ ему юморомъ, выразилъ за ужиномъ сожалѣніе, о томъ, что Минаевъ не пригласилъ его секундантомъ: «я-бы васъ заставилъ драться, говорилъ онъ, черезъ столъ, уставленный всевозможными питіями, пусть-бы вы фехтовали себѣ и дрались до пробитія головы, но только не касаясь поставленныхъ на столѣ бутылокъ и графиновъ: кто-же коснется или повалитъ на столѣ что-нибудь, тотъ долженъ заплатить за всю назначенную для пиршества послѣ дуэли гарнитуру этого стола»... Вернулись мы домой поздно. Минаевъ заночевалъ у меня и спалъ на другой день чуть не до обѣда. Я-же всталъ по обыкновенію въ 8 часовъ утра, напился чаю, привелъ въ порядокъ бумаги и сталъ собираться идти на службу. Вдругъ у дверей раздался звонокъ, въ передней звякнула сабля, въ столовой зазвенѣли и защелкали дишкантами шпоры и предо мною появился Лундышевъ.

— А, дорогой коллега, здравствуйте!

— Здравствуйте, любезный товарищъ, здравствуйте!...

И опривѣтствовавъ другъ друга по обычаю и перекинувшись двумя-тремя пустыми общепринятыми фразами, мы присѣли къ столу и приступили къ дѣлу.

— Я къ вамъ—началъ съ нѣкоторою торжественностію въ тонѣ Лундышевъ:—за помощью и разрѣшеніемъ вопроса по поводу вчерашняго несчастнаго столкновенія нашихъ друзей. Вѣдь Всеволодъ

---

[5]) Въ ресторанѣ на Невскомъ.

Владиміровичъ и слышать не хочетъ о примиреніи. Ему такъ надоѣли всѣ эти минаевскія выходки и насмѣшки, что онъ желаетъ съ нимъ непремѣнно драться. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, какъ его секунданту, серьезный вызовъ на дуэль.

Я разсмѣялся.

— Покорнѣйше благодарю за честь, отвѣчалъ я Лундышеву съ поклономъ, но вамъ, г. штабсъ-ротмистръ, вѣроятно, небезъизвѣстно, что нижніе воинскіе чины, къ числу которыхъ принадлежитъ теперь и г. Крестовскій, не имѣютъ, по закону, права вызывать кого-либо драться на дуэли. Если-же г. Крестовскій такъ жаждетъ крови, которая составляетъ обыкновенно развязку дуэли, то ему необходимо для удовлетворенія своей страсти, тотчасъ-же оставить военную службу. Тогда только онъ можетъ сдѣлать вызовъ. Вотъ что я прежде всего попрошу васъ передать ему въ отвѣтъ на ваше заявленіе, и за симъ дальнѣйшее разрѣшеніе вопроса о дуэли будетъ зависѣть, конечно, отъ него самого. Это я говорю вамъ оффиціально. А частнымъ образомъ могу присовокупить, что Дмитрій Дмитріевичъ, если даже г. Крестовскій и оставитъ службу, вызова на дуэль не приметъ, но подраться въ рукопашную не прочь. Это я основываю на его словахъ. Вчера на вечерѣ, куда мы съ нимъ поѣхали, разставшись съ вами, онъ при большомъ обществѣ сказалъ слѣдующее:

Съ Крестовскимъ, юнкеромъ лихимъ,
Готовъ я быть въ бояхъ и свалкахъ;
Но драться на дуэли съ нимъ
Могу я только лишь на палкахъ.

Петръ Петровичъ остался вполнѣ доволенъ моимъ отвѣтомъ, и мы разстались, дружески пожавъ другъ другу руки. За обѣдомъ я разсказалъ Дмитрію Дмитріевичу о посѣщеніи меня Лундышевымъ, его вызовѣ и моемъ ему отвѣтѣ. Онъ расхохотался.

— Ну, и что-же? сказалъ онъ, ты все это принялъ за серьезное?... Плохо-же ты знаешь Крестовскаго!... Это—фатъ, ему нужно было заявить передъ сидѣвшими съ нимъ офицерами, что онъ на ногу себѣ наступить никому не позволитъ. А теперь онъ, конечно, будетъ радъ предлогу предать всю эту глупую фанфаронаду забвенію.

И дѣйствительно, дуэль эта такъ и замолкла. Благоразумный романистъ не пожелалъ рискнуть карьерой, онъ махнулъ рукой на случившееся и отправился въ свой полкъ на службу.

Говорили, я слышалъ какъ-то, что у Крестовскаго съ Минаевымъ до этого была еще какая-то встрѣча остраго характера, но объ этой встрѣчѣ я точныхъ свѣдѣній не имѣю, а потому и сказать о ней ничего не могу.

Такимъ образомъ прежнія товарищескія отношенія между поэтомъ-сатирикомъ и романистомъ были нарушены, и затѣмъ они болѣе не возобновлялись. Дѣятельность Вееволода Владиміровича направилась совершенно въ противоположную сторону: онъ отдавался всецѣло службѣ и сопряженнымъ съ нею вопросамъ, проживалъ большей частію въ провинціи, и если наѣзжалъ по временамъ въ Петербургъ, то всячески старался избѣгать встрѣчъ со своимъ неугомоннымъ антагонистомъ. (Минаевъ, по прежнему, пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ посмѣяться и пошутить надъ нимъ). Помню, какъ-то въ началѣ семидесятыхъ годовъ, они встрѣтились въ Палкинскомъ трактирѣ. Крестовскій сидѣлъ съ нотаріусомъ С. А. Ковковымъ и еще какимъ-то статскимъ. Увидя вошедшаго въ зало и направлявшагося къ ихъ столу поэта-сатирика, онъ поспѣшно поднялся со стула, простился со своими собесѣдниками, взялъ фуражку и направился къ выходу.

— Куда-жъ ты, Всеволодъ? закричалъ ему вслѣдъ удивленный его стремительнымъ уходомъ поэтъ.

— Куда глаза глядятъ!... отвѣчалъ мрачно романистъ, чтобы только завтра не пришлось посылать къ тебѣ секунданта съ серьезнымъ вызовомъ на дуэль. [6]).

Въ 1874 году, В. В. Крестовскій написалъ «исторію Ямбургскаго уланскаго полка» и вскорѣ послѣ того былъ прикомандированъ къ Главному штабу, для извлеченія изъ архива матеріаловъ для исторіи Лейбъ-Гвардіи уланскаго Его Величества полка. Въ штабѣ мы съ нимъ встрѣчались часто. Однажды, когда разговоръ зашолъ о новостяхъ литературы и коснулся послѣднихъ произведеній Минаева, я спросилъ Всеволода Владиміровича объ отношеніяхъ его къ поэту.

— Да какія же у меня могутъ быть отношенія съ нимъ— отозвался романистъ:—я его ненавижу... Онъ до такой степени мнѣ антипатиченъ, что я его видѣть не могу хладнокровно... руки такъ и чешутся... мнѣ кажется, я могъ бы его оскальпировать собственноручно...

---

[6]) Крестовскій былъ уже произведенъ въ офицеры.

Отъ Дмитрія же Дмитріевича, напротивъ, я ничего подобнаго не слыхалъ. Правда, онъ не любилъ Крестовскаго, не любилъ, какъ онъ самъ однажды выразился, за его старосвѣтскость, отсталость и непониманіе жизни, относился къ нему свысока и пренебрежительно, какъ относятся старшіе къ младшимъ упрямымъ и строптивымъ товарищамъ; но въ большинствѣ случаевъ всѣ его антипатіи ограничивались сардоническою по его адресу улыбкой и какимъ-нибудь ядовитымъ замѣчаніемъ, безо всякой, впрочемъ, злобы и ненависти, а скорѣе въ силу традицій по привычкѣ.

Все вышеизложенное можетъ служить основаніемъ къ заключенію, что у Д. Д. Минаева никакихъ приписанныхъ ему «личныхъ счетовъ» съ Крестовскимъ не было. Что же касается Всеволода Владиміровича, то у него они могли быть; но до послѣднихъ намъ нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ въ данномъ случаѣ подлежитъ разрѣшенію вопросъ о Минаевѣ.

Заявленіе Н. С. Лѣскова о томъ, что поэтъ-сатирикъ сознался будто бы ему въ восьмидесятыхъ годахъ, что сплетня о плагіатѣ «Петербургскихъ Трущобъ»—дѣло его рукъ, и что онъ распространялъ и будетъ распространять ее самымъ усерднымъ образомъ,—признано В. О. Михневичемъ «темнымъ, недосказаннымъ, или еще вѣрнѣе—напрасно наобумъ сказаннымъ». Но я пойду дальше, я назову его: недобросовѣстнымъ и ложнымъ. Я такъ же хорошо зналъ автора «Чертовыхъ куколъ» и «Фефелъ», какъ и почтенный фельетонистъ «Новостей». Въ 1883 году, когда Лѣсковъ проводилъ лѣто въ Шуваловѣ, а Минаевъ, разойдясь съ женой, поселился у Н. С. Курочкина, жившаго на дачѣ на Парголовскомъ шоссе, я часто посѣщалъ ихъ обоихъ и они бывали у меня. Николай Семеновичъ тогда не посвящалъ еще себя всецѣло мистицизму, вегетаріанизму и толстовщинѣ, а жилъ просто, какъ живутъ обыкновенные люди. Онъ удостоивалъ меня своей дружбой и интимными бесѣдами, въ особенности, когда я заходилъ къ нему по утрамъ на его «гастрономическіе» завтраки. Ему всегда доставляло удовольствіе поточить зубы на косточкахъ друзей-пріятелей, докторально пошутить, отечески разоблачить и постегать. Въ это время онъ примирился съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ, съ которымъ, какъ справедливо замѣтилъ В. О. Михневичъ, съ шестидесятыхъ годовъ находился не въ ладахъ, и поэтъ-сатирикъ бывалъ у него, но не часто. Если бы послѣдній говорилъ тогда что-нибудь Лѣскову о распусканіи имъ сплетенъ по поводу плагіата «Петербургскихъ Трущобъ» изъ-за

личныхъ счетовъ съ Крестовскимъ, то это мнѣ отъ котораго нибудь изъ нихъ было бы извѣстно. И если бы даже они не сказали, то я могъ бы узнать объ этомъ отъ кого-нибудь другаго изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, такъ какъ «распространять сплетню самымъ усерднымъ образомъ»—значитъ: говорить тенденціозную ложь не одному только Лѣскову, но и другимъ людямъ, чтобы сплетня распространилась. Но я ничего объ этомъ не слышалъ; ни отъ постороннихъ, ни отъ Минаева, ни отъ Лѣскова; хотя Николай Семеновичъ не стѣснялся въ то время разсказами о столкновеніяхъ съ редакторами и издателями нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, анекдотами о жадности и скаредности «уважаемыхъ друзей» и исторіей борьбы въ одномъ ученомъ учрежденіи, которое онъ вскорѣ за тѣмъ и долженъ быть покинуть. «Это—византіецъ, грекъ хитрый, не вѣрьте ему», говорилъ про Лѣскова еще въ семидесятыхъ годахъ покойный Е. П. Карновичъ, и я, вѣроятно, не погрѣшу, если сообщеніе Николая Семеновича о распространеніи Минаевымъ сплетенъ по поводу плагіата «Петербургскихъ Трущобъ» назову прямо сочиненною имъ сказкой-небылицею.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведу нижеслѣдующія соображенія.

Слухъ о плагіатѣ, какъ разсказано выше, пущенъ не Минаевымъ, а Н. А. Некрасовымъ, ходилъ онъ по бѣлу-свѣту, какъ всякая сплетня, росъ и ширился, и какъ всякая сплетня, вскорѣ зникъ и умолкъ. Возобновить сплетню въ 1883 году, т. е. спустя 19 лѣтъ послѣ ея возникновенія Минаевъ ни въ какомъ случаѣ не могъ, потому что изъ біографіи Н. Г. Помяловскаго всѣмъ было уже извѣстно, что никакой рукописи о трущобныхъ герояхъ послѣ его смерти не осталось, слѣдовательно и плагіата быть не могло. Если же подобная нелѣпица выплыла на свѣтъ въ 1895 году, то этому была причина, а причина эта—смерть В. В. Крестовскаго, она дала возможность новымъ, незнавшимъ сущности дѣла, досужимъ людямъ заговорить о давно забытыхъ дрязгахъ, какъ о чемъ то, вновь открытомъ ими... Но въ 1883 году никакихъ «уважительныхъ» къ тому поводовъ не существовало, и, конечно, тотъ, кто-бы рѣшился тогда на подобную глупую выходку, былъ бы жестоко осмѣянъ въ печати. Да и самъ Крестовскій въ то время былъ еще живъ и, вѣроятно, не приминулъ бы опровергнуть всякій компрометирующій его слухъ документально.

Но, могутъ мнѣ возразить, имѣлъ же Н. С. Лѣсковъ какіе-ни-

будь поводы къ тому, чтобы сочинить про друга-пріятеля сказку-небылицу?

Безъ сомнѣнія, имѣлъ, могу отвѣтить я на это, ибо нѣтъ дѣйствія безъ причины.

Дружба поэта-сатирика съ авторомъ «Чертовыхъ Куколъ» и «Фефелъ» продолжалась недолго: мѣсяца полтора-два не больше. Въ теченіе лѣтняго сезона 1883 года, она случайно возобновилась, послѣ чуть-ли не 20-ти лѣтней вражды, случайно и окончилась. Но на этотъ разъ друзья-пріятели разошлись уже окончательно и болѣе потомъ никогда не сходились. Причиною тому, если не единственной, то главнѣйшей, нужно считать, конечно, женщину... Была въ это злополучное лѣто у Н. С. Лѣскова женщина, по его словамъ, интелигентная и мечтательная, съ которой онъ дружилъ, но которая имъ, кажется, не особенно была довольна. Встрѣтилась эта женщина у него съ поэтомъ, и поэтъ ей понравился болѣе, чѣмъ прозаикъ. Не долго думая, «мечтательная» дама покинула прозаика и перешла къ поэту. Она принесла поэту ласку, уходъ и попеченіе, бѣдовала съ нимъ въ Петербургѣ, кочевала въ провинціи, и въ концѣ концовъ, когда поэтъ, послѣ долгихъ скитаній, разбитый жизнью и больной, вернулся къ себѣ на родину, она послѣдовала за нимъ и тамъ облегчала его страданія, закрыла ему глаза и прахъ его похоронила. На первыхъ порахъ Николай Семеновичъ подтрунивалъ надъ «сантиментальными ветеранами страсти» и, заходя ко мнѣ, освѣдомлялся: «Ну, какъ поживаютъ молодые?».. Потомъ сталъ проявлять раздражительность и недовольство, и кончилъ тѣмъ, что «вломился въ амбицію» и сталъ считать себя оскорбленнымъ. «Это—говорилъ онъ мнѣ, въ 1883 г., во время совмѣстной поѣздки на имянины къ женѣ Н. А. Лейкина въ Лѣсной:—святотатцы и тати, которые забираются къ намъ въ души и похищаютъ у насъ самое дорогое и священное».. Мистикъ, вегетаріанецъ и апостолъ толстовскаго толка не могъ простить по-христіански обиды, нанесенной его гордости и самолюбію. Черезъ 12-ть лѣтъ онъ отплатилъ за нее другу-пріятелю, и отплатилъ съ лихвою—сказкой-небылицею... Недаромъ, значитъ, Е. П. Карновичъ называлъ его «византійцемъ, грекомъ хитрымъ!»

Августъ 1895 г.
С.-Петербургъ.

Гг. ПОГОДИНЫ И ГАЗЕТА «ЖИЗНЬ».

Въ 1883 году, на горизонтѣ Московской прессы появились новые издатели. Это были: Дмитрій Михайловичъ Погодинъ, сынъ извѣстнаго профессора, историка и славяниста Михаила Петровича Погодина, и жена его Елисавета Ивановна. Имъ разрѣшено было издавать «Московскую Газету». Новые глашатаи истины имѣли хорошія связи въ свѣтѣ, были извѣстны по отцу въ ученомъ и литературномъ мірѣ, и сами по себѣ считались людьми хорошими, добрыми и честными. Но всего этого для изданія ежедневной газеты, изданія новаго, которому нужно было проложить дорогу и создать реномэ для существованія, — оказывалось недостаточнымъ. Дмитрій Михайловичъ, лично, какъ писатель, никакими трудами извѣстенъ не былъ. Онъ служилъ по судебному вѣдомству, состоялъ нѣкоторое время судебнымъ слѣдователемъ въ провинціи, но болѣзнь и другія обстоятельства заставили его оставить службу и обратиться къ занятіямъ, болѣе мирнымъ и покойнымъ. Право изданія «Московской Газеты», какъ говорила сама Елисавета Ивановна Погодина, даровано было имъ, благодаря особой внимательности къ ихъ положенію бывшаго тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого, который считалъ Михаила Петровича Погодина своимъ учителемъ и, относясь съ уваженіемъ къ его достославной и полезной дѣятельности, хотѣлъ сдѣлать что-нибудь въ пользу его дѣтей.

«Московская Газета» нѣкоторое время выходила въ свѣтъ, но успѣха не имѣла и вскорости зачахла. Издатели положили въ нее довольно порядочныя средства, но безъ поддержки общества суще-

ствовать не могли и газета съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе хирѣла и кое-какъ влачила свое существованіе.

А. В. Кугловъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1894 года № 4, говоритъ, что дѣла газеты шли настолько дурно, что издатель расчитывался съ сотрудниками «натурою». Онъ привелъ, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ.

Приходитъ нѣкто въ редакцію «Московской Газеты» и проситъ у издателя денегъ.

Издатель руками замахалъ.

— Не могу, ничего нѣтъ. Подождите дня три.

— Нельзя ждать! рѣшительно отвѣчаетъ литераторъ.

— Да что такое?—спрашиваетъ издатель:—на что вамъ такъ понадобилось сегодня?

— Брюкъ—отвѣчаетъ сотрудникъ,—нѣтъ у меня.

— Какъ такъ? изумился издатель, вѣдь вы уже въ брюкахъ?

— Да, говоритъ, въ брюкахъ-то, въ брюкахъ, только никакъ наклониться нельзя, потому-что...

Захохоталъ было издатель, потомъ вдругъ оборвалъ свой смѣхъ, замолкъ и началъ разсматривать сотрудника, мѣряя его глазами съ ногъ до головы.

— Голубчикъ! воскликнулъ онъ весело, да мы съ вами одного роста.

— Ну, одного, отвѣчаетъ тотъ,—что-же изъ этого?

— Голубчикъ, возьмите мои брюки, я только-что третьяго дня купилъ, совсѣмъ новенькіе.

Сотрудникъ невольно смутился, но издатель сталъ его успокоивать.

— Какъ-же вы сами-то безъ брюкъ? озабоченно спросилъ сотрудникъ;

— Голубчикъ, ничего, у меня дома есть другіе.

— Да, но теперь-то какъ-же?

— Ничего, я въ крылаткѣ, невидать. Надѣвайте, примѣривайте, только-бы въ пору, а обо мнѣ не безпокойтесь.

Издатель живо раздѣлся, сотрудникъ тоже и... о восторгъ! брюки пришлись какъ разъ въ пору.

Въ ту самую минуту, какъ издатель хлопалъ по плечу сотрудника, выхваляя свои брюки съ ловкостью апраксинца, вошелъ секретарь и доложилъ, что издателя спрашиваетъ какая-то дама.

— Ахъ, ахъ, сейчасъ!

И полетѣлъ было за секретаремъ въ модномъ пиджакѣ... безъ брюкъ; но сотрудникъ остановилъ его. Тогда онъ надѣлъ на себя крылатку и вышелъ для объясненій.

Разсказъ этотъ могъ-бы характеризовать самымъ наглядным образомъ положеніе редакціи, если-бы былъ переданъ точно. Но одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ этой газеты, на глазахъ котораго описанный г. Кругловымъ фактъ совершился, именно А. Н Сальниковъ, говорилъ мнѣ, что дѣло было нѣсколько иначе.

А. П. Бочаровъ, человѣкъ очень бѣдный, жившій постоянно въ Петровскомъ-Разумовскомъ и приходившій оттуда для занятій въ редакцію пѣшкомъ, дня за два до своихъ имянинъ, обратился къ издателю съ просьбой дать ему въ счетъ заработка авансомъ нѣсколько рублей. Издатель отказалъ, отговариваясь, что денегъ въ кассѣ нѣтъ. Но сотрудникъ не унялся, онъ сталъ доказывать, что можно пробиваться кое-какъ въ обыкновенные дни. Но когда человѣкъ имянинникъ, то онъ долженъ съѣсть хотя кусокъ пирога. Издатель нашелъ его доводы основательными и, желая помочь ему, пригласилъ его къ себѣ на квартиру, гдѣ и далъ ему, вмѣсто денегъ, свои новые панталоны, съ тѣмъ, чтобы онъ заложилъ ихъ и справилъ свои имянины.

Въ подтвержденіе достовѣрности сказаннаго, А. Н. Сальниковъ сослался на секретаря редакціи А. М. Пазухина и сотрудниковъ Марко Ярона и М. Л. Вернера, при этомъ находившихся.

Во всякомъ случаѣ было-ли дѣло такъ или иначе, фактъ расплаты редакціи со своими сотрудниками «натурою» вѣренъ. Онъ вполнѣ характеристично обрисовываетъ положеніе, въ которомъ находились издатели въ началѣ второй половины 1884 года. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что газета продержалась недолго. Въ Августѣ мѣсяцѣ изданіе ея было прекращено.

Но эта неудача не обезкуражила предпріимчивыхъ издателей. Пользуясь всесильнымъ покровительствомъ графа Д. А. Толстого, 30 декабря того-же года они получили разрѣшеніе издавать въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, ежедневную газету «Жизнь». Издательницей была утверждена Елисавета Ивановна Погодина, а редакторомъ Дмитрій Михайловичъ Погодинъ.

Такъ стояло дѣло по оффиціальнымъ источникамъ. Въ сущности-же оно имѣло иную обстановку. Иниціатива изданія газеты «Жизнь» принадлежала не Погодинымъ, но извѣстному московскому адвокату

Ѳедору Никифоровичу Плевако. Онъ находился тогда въ зенитѣ своей славы, но лавры защитника на судѣ обездоленныхъ и угнетенныхъ судьбою его не удовлетворяли, ему хотѣлось стяжать еще славу публициста, и для этого ему нужна была газета, которая-бы его поддерживала и рекламировала. Онъ условился съ Погодиными вести изданіе на свой страхъ, а они должны были числиться отвѣтственными издательницей и редакторомъ.

Кому не извѣстна та бойкая, хлесткая и остроумная передовица «Жизни», въ которой Ѳедоръ Никифоровичъ предначерталъ программу дѣятельности газеты. Но «увы» одной программы для оживленія «Жизни» оказалось недостаточно: газета требуетъ ежедневной усидчивой и кропотливой работы, а знаменитый адвокатъ не могъ посвящать ей столько времени, сколько для успѣха изданія газетѣ было нужно. Надежды на то, что публика, увидя во главѣ изданія знаменитаго юриста и краснорѣчиваго оратора, бросится на подписку и дастъ средства поставить изданіе на широкую ногу,—не оправдались: москвичи, помня пословицу, что не все то золото, что блеститъ, поостереглись, подписки не поддержали и «Жизнь» сѣла... Ѳедоръ Никифоровичъ понялъ, что дѣло проиграно и сталъ относиться къ газетѣ апатично. «Жизнь» очутилась въ рукахъ людей, не заботившихся «объ утріи», и нумера ея выходили одинъ другого безцвѣтнѣй и пустѣй. При такомъ положеніи дѣла, вполнѣ естественно, что газета не могла держаться и 21 марта 1885 года выходъ ея въ свѣтъ былъ пріостановленъ. [1]).

Узнавъ объ этомъ, 30 марта я послалъ письмо Е. И. Погодиной съ предложеніемъ продать мнѣ право изданія газеты «Жизнь», и

---

[1]) Память о знаменитой передовицѣ и пріостановкѣ газеты сохранена мною потомству въ слѣдующемъ стихотвореніи.

Крушеніе «Жизни».

«Жизнь» разбита, словно съ полки
Полетѣвшій внизъ горшокъ,
Самъ, Плевако, магъ, осколки
Подобрать ея не могъ.
А давноль ея программы
Онъ съ амплломбомъ предъявлялъ,
Какъ герой серьезной драмы,
«Мы не мыслимъ—намъ вѣщалъ:--

если она будетъ на то согласна, то опредѣлить условія, на которыхъ продажа можетъ состояться. Она отвѣчала, что передать право согласна, но для опредѣленія условій приглашала меня пріѣхать въ Москву. Я тотчасъ собрался и отправился. 5 апрѣля я пріѣхалъ въ Москву, остановился въ Кокоревской гостинницѣ и

Нашей жизни—безъ кумира,
Человѣка безъ рубля,
Дворянина—безъ мундира,
Парохода—безъ руля,
Государства—безъ границы,
Власти грозной—безъ кнута,
Молодца—безъ молодицы,
И могилы—безъ креста.
Мы не мыслимъ: дня—безъ пищи,
Ночи долгой—безъ игры,
Сапоговъ—безъ голенищей
И кармана—безъ дыры,
Гражданина—безъ закона,
Адвоката—безъ рѣчей,
Ассигновки—безъ талона,
Женщинъ милыхъ—безъ сѣтей.
Мы не мыслимъ: школъ—безъ палки,
Деревень—безъ кабака,
Силача-купца—безъ свалки,
Мужичка—безъ сипяка,
Жизни вольной—безъ заботы,
Узъ супружества—безъ слезъ,
Знаній твердыхъ—безъ работы,
Счастья личнаго—безъ грезъ.
Мы не мыслимъ: игръ—безъ спору,
Дѣла—безъ приличныхъ средствъ,
Важной мудрости—безъ вздору,
Сплетни грязной—безъ сосѣдствъ.
Преступленія—безъ сыщиковъ,
Воли злой—безъ баловства,
И газеты—безъ подписчиковъ,
И суда—безъ удальства!...»
И съ такой программой дивной,
«Жизнь» разбита какъ горшокъ:
И поетъ шефъ экспансивно:
«Чиберики чокъ! чокъ! чокъ!»

Апрѣль, 1885.

въ тоже утро отправился къ Погодинымъ. Они жили тогда на Софійской набережной близъ Каменнаго моста. Дома я ихъ не засталъ, но прислуга сказала, что Елизавета Ивановна пошла къ обѣдни въ Кремль, и скоро возвратится домой. Я оставилъ карточку, сказалъ, что прійду черезъ часъ, и отправился въ храмъ Христа Спасителя.

Возвратясь, я засталъ Елизавету Ивановну дома. Она только что вернулась отъ обѣдни и располагалась приступить къ чаепитію. Это была барыня уже въ лѣтахъ, съ просѣдью въ волосахъ, строгимъ проницательнымъ взглядомъ, властными манерами и жолчной рѣзкой рѣчью. Она одѣта была очень просто, даже бѣдно. Двѣ первыхъ комнаты квартиры, гдѣ она приняла меня, полузавѣшанныя спущенными портьерами и занавѣсками были темны и сумрачны. Вся ихъ мебель: столы, стулья, этажерки, проходы между мебелью и подоконники были завалены и заставлены множествомъ портретовъ и картинъ всевозможной величины, въ рамахъ, рамкахъ и рамочкахъ и даже просто въ свертках. Чай былъ приготовленъ на уголкѣ одного изъ столовъ, заставленнымъ посудой, корзинками и бѣльемъ, покрытыми толстымъ слоемъ пыли.

Елизавета Ивановна, замѣтивъ мое изумленіе, поздоровавшись со мной, поспѣшила пояснить, что у нихъ такой страшный безпорядокъ потому, что Дмитрій Михайловичъ перевезъ на квартиру картинную галерею и нѣкоторыя вещи изъ отцовскаго, знаменитаго въ свое время «древлехранилища», которыя онъ предназначилъ къ продажѣ и частію уже, кажется, запродалъ. Я выразилъ сожалѣніе, что такія замѣчательныя вещи приходится продавать, и эта гордая, свѣтская дама моментально превратилась въ простую мѣщанку плакальщицу. Пригласивъ меня выпить съ нею чашку чаю, она стала изливать предо мной свое горе и жалобы на людей, на судьбу и на сложившіяся дурно обстоятельства. Про мужа она сказала, что онъ человѣкъ добрый, но больной и къ дѣлу неспособный. На издателя Плевако жаловалась, что онъ собралъ подписку, истратилъ ее въ теченіе двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ и отъ дальнѣйшаго выпуска газеты отказался. Сотрудниковъ упрекала въ вымогательствѣ денегъ, денегъ и только денегъ. Москвой была недовольна за ея несочувствіе къ газетѣ и неуваженіе къ памяти М. П. Погодина.

— Сколько у васъ подписчиковъ? Спросилъ я разгоревавшуюся издательницу.

— Положительно я вамъ сказать не могу, всѣ счета находятся

у Ѳедора Никифоровича, но мужъ говорилъ, что подписка небольшая, человѣкъ тысяча, а можетъ быть даже нѣтъ и тысячи.

Слово - за-слово, мы перешли къ обсужденію условій передачи права изданія газеты въ мою собственность. Относительно матеріальнаго положенія газеты, издательница отозвалась полнымъ незнаніемъ, и просила меня переговорить объ этомъ съ Ѳ. Н. Плевако, который вѣдаетъ всей хозяйственной частью изданія. На вопросъ мой: не встрѣтится ли какихъ-либо препятствій со стороны г. Плевако къ передачѣ мнѣ газеты, она сказала, что Ѳедоръ Никифоровичъ будетъ очень радъ развязаться съ изданіемъ, такъ какъ оно ему стало хуже горькой рѣдьки. Что же касается разсчетовъ по подпискѣ, то объ этомъ слѣдуетъ съ нимъ переговорить прежде, чѣмъ мы окончимъ сдѣлку. Изъ дальнѣйшихъ объясненій я узналъ, что Ѳедоръ Никифоровичъ принялъ на себя всѣ расходы по изданію газеты, обязавшись выдавать Дмитрію Михайловичу Погодину, какъ редактору газеты, по 50 р. въ мѣсяцъ, и кромѣ того платить издательницѣ извѣстную сумму за право изданія. Примѣняясь къ существующему порядку изданія, я предложилъ Елизаветѣ Ивановнѣ передать мнѣ газету на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ арендуетъ ее Ѳедоръ Никифоровичъ. Но она отозвалась, что предпочитаетъ продать изданіе, такъ какъ какую бы сумму она ни получила, все же это будетъ нѣкоторая сумма, а теперь она имѣетъ однѣ непріятности и рискуетъ потерять изданіе, ничего не получа за него.

Перейдя на почву продажи изданія, мы остановились на слѣдующихъ условіяхъ: я плачу г-жѣ Погодиной тысячу рублей за передачу мнѣ права изданія и обязуюсь удовлетворить всѣхъ подписчиковъ газеты со дня ея пріостановки по день окончанія подписки. Д. М. Погодинъ долженъ остаться отвѣтственнымъ редакторомъ газеты на тѣхъ же условіяхъ, какія существуютъ въ данное время. Полученныя отъ подписчиковъ деньги поступаютъ по расчету: со дня подписки по день пріостановки газеты—въ пользу г. Плевако, а со дня пріостановки по день окончанія подписки—передаются мнѣ за все число подписчиковъ, которое окажется по книгамъ конторы. Обстановка редакціи и конторы пріобрѣтаются мною по особому соглашенію съ г. Плевако, которому должны быть возвращены и всѣ расходы, сдѣланные для будущаго изданія газеты.

Елизавета Ивановна была очень рада, найдя благопріятный выходъ изъ тяготившаго ее положенія издательницы безъ изданія,

и я тутъ же набросалъ на клочкѣ бумаги основные пункты условія. Когда мы ихъ прочитывали и дополняли двумя-тремя оговорками, вернулся домой и Дмитрій Михайловичъ. Это, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ простой и очень симпатичный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, успѣвшій пожить и развинтиться до индифферентности ко всему. Онъ отнесся очень холодно къ условіямъ передачи газеты, какъ будто дѣло это его не касалось. Но когда Елизавета Ивановна заявила, что нужно сейчасъ же сходить въ контору сахарозаводчика Харитоненко, находившуюся по сосѣдству, и тамъ спросить по телефону Ѳедора Никифоровича: когда его можно видѣть?—онъ тотчасъ отправился, и чрезъ нѣсколько времени вернулся и сказалъ, что Плевако можетъ принять насъ завтра утромъ до 12 часовъ.

Я поднялся. Лавируя между загромождавшими квартиру картинами, я не утерпѣлъ, чтобы не спросить Дмитрія Михайловича: «что это такое?».

— Это - картины и другія вещи изъ нашего древлехранилища,—отвѣчалъ совершенно равнодушно сынъ человѣка, положившаго въ это древлехранилище душу свою,—я перевезъ ихъ сюда, имѣя въ виду продать, да разобраться вотъ никакъ не можемъ: она—и Дмитрій Михайловичъ кивнулъ головою на жену,—ничего не хочетъ дѣлать, прислуга ничего не знаетъ, а мнѣ некогда...

— Нѣтъ, нѣтъ!—перебила мужа Елизавета Ивановна:—онъ неправду говоритъ: это онъ ничего не хочетъ дѣлать, а мнѣ некогда...

— Нельзя ли полюбоваться на сокровища вашего древлехранилища? спросилъ я почтеннаго хозяина.

— Съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Дмитрій Михайловичъ:—но какъ это сдѣлать?.. вѣдь это—хаосъ...

— Я поднялъ одинъ изъ близъ стоявшихъ портретовъ какого-то духовнаго лица, но онъ былъ покрытъ такимъ густымъ слоемъ пыли, что невозможно было опредѣлить: что это за лицо.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше оставьте до слѣдующаго раза, засуетился предупредительный хозяинъ, я уже распоряжусь, чтобы все это привели въ порядокъ. А если хотите ознакомиться съ назначаемыми мною въ продажу картинами, я вамъ дамъ опись. И онъ вынесъ мнѣ изъ слѣдующей комнаты листъ бумаги; на которой значились №№ и фамиліи лицъ, чьи были портреты. Противу нѣкоторыхъ портретовъ, какъ напр: А. С. Пушкина, Н. М. Языкова, кн. П. А. Вяземскаго, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, гр. Е. П. Ростопчиной

и др. была сдѣлана отмѣтка: «Всѣ эти портреты писаны по заказу графа С. С. Уварова, въ хорошихъ рамахъ, золоченыхъ, отличной работы, по 150 р. за экземпляръ». Противу же другихъ никакихъ отмѣтокъ не было.

— Не знаете ли вы—спросилъ я Дмитрія Михайловича:—какихъ мастеровъ и когда написаны всѣ эти портреты? А также подлинники это или копіи?

— Я, право, не знаю, отвѣчалъ онъ, какъ бы сконфузясь такимъ вопросомъ, да и никакихъ свѣдѣній нѣтъ у насъ. Такъ, по памяти, могу сказать вамъ, со словъ отца, что портретъ Шлецера написанъ Веденецкимъ, а Новикова—Боровиковскимъ, а больше не припомню. Помню еще, отецъ говорилъ, что портретъ Шлецера—единственный экземпляръ, другой—въ академіи, что портретъ императора Петра Ш—тоже рѣдкій, но чьей работы,—сказать не могу...

— Но какъ же вы будете продавать, не зная, что вы продаете? Вѣдь вы можете продешевить, продать за безцѣнокъ.

— Не мало у насъ вещей пошло уже за безцѣнокъ:—отозвался съ какой-то равнодушною покорностью судьбѣ Дмитрій Михайловичъ—но что же дѣлать?...

— Какъ что дѣлать! пригласить экспертовъ, художниковъ, знатоковъ, разузнайте, оцѣните и тогда продавайте.

— Все это я знаю, меланхолически проговорилъ съ оттѣнкомъ досады владѣлецъ собранныхъ сокровищъ, но у насъ, въ Москвѣ, не такъ скоро это дѣлается... А намъ нужно скорѣе продать... ну, и продаемъ. Я нѣсколько портретовъ уже продалъ одному изъ мѣстныхъ дѣятелей въ провинціи, но какъ продалъ? почти даромъ отдалъ, но дѣлать нечего, надо продать—и продаешь...

— Вы ему не очень вѣрьте, поспѣшила вмѣшаться подошедшая къ намъ Елисавета Ивановна:—онъ ужасно увлекается, и она поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Условившись съ издательницею «Жизни» поѣхать наутро къ Ѳ. Н. Плевако вмѣстѣ, я откланялся и вышелъ.

Пообѣдавъ у знакомыхъ, часовъ въ 8 вечера, я вернулся къ себѣ, въ гостинницу, и только что успѣлъ разоблачиться, какъ въ дверь постучались и въ номеръ вошелъ Дмитрій Михайловичъ. Я, признаться, не ожидалъ его, въ умѣ быстро промелькнула мысль: «ужъ не съ отказомъ ли?» и я растерянно проговорилъ: «ахъ, это вы?»...

— Не удивляйтесь, пожалуйста, разсмѣялся гость,—это я къ

вамъ съ позднимъ визитомъ, до завтра отложить не хотѣлось, могъ бы не застать, такъ вотъ и пошелъ вечеркомъ, тѣмъ больше, что дѣла то дома не было.

— Ну, вотъ и отлично, садитесь, пожалуйста, отвѣчалъ я, горячо пожимая позднему визитеру руки,—будемъ пить чай...

— Что же, пожалуй,—будемъ пить и чай, отозвался гость, отъ чаю истые, родовитые, коренные москвичи никогда не отказываются.

Я позвонилъ прислугу и велѣлъ подать самоваръ со всѣми принадлежностями, по московскому обычаю. Все это тотчасъ же принесли, и мы усѣлись за чаепитіе.

— А знаете ли, Дмитрій Михайловичъ, обратился я къ гостю, я самъ тоже, какъ вы выразились, истый, родовитый, коренной москвичъ, родился и до поступленія въ службу жилъ въ Москвѣ. Вашего покойнаго батюшку зналъ еще въ сороковыхъ годахъ, когда вы проживали, по характерному простонародному выраженію, въ дѣвичьихъ палестинахъ.

— Да, хорошее это было время—сороковые годы, какъ то меланхолично отвѣчалъ Дмитрій Михайловичъ, я былъ тогда еще ребенкомъ, но все помню... мы вращались тогда въ самомъ кипучемъ водоворотѣ московской жизни, все, что было лучшаго въ обществѣ, любило и ласкало отца. Графы и князья считали за честь пожать руку старика, а гг. Аксаковы, Павловъ, Хомяковъ, Шевыревъ, Щепкинъ, Садовскій, Ленскій, Живокини и сотни другихъ извѣстныхъ дѣятелей были какъ бы люди свои, всѣ бывали у насъ и дружили съ отцомъ. Что же касается Гоголя, Николай Васильевича, то онъ по возвращеніи изъ Италіи, долгое время жилъ у насъ... Вотъ подождите, покончимъ дѣло съ газетой, я поразскажу вамъ много интереснаго, если вы, конечно, интересуетесь старой московской жизнью.

— Еще бы не интересоваться московскою старою жизнью истому коренному москвичу!.. Я бы попросилъ васъ теперь же разсказать мнѣ что-нибудь... ну, хоть о Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ.

— Что же вамъ сказать о Гоголѣ? озаботился вдругъ Дмитрій Михайловичъ, впадая въ раздумье, о Гоголѣ я сказать многого не могу, потому что мы, т. е. я и сестра моя, были тогда еще дѣтьми, и понимать его, какъ слѣдуетъ, не могли.

— Ну, разскажите, напримѣръ, какъ онъ проводилъ время? чѣмъ занимался? что любилъ? какъ обращался съ вами, съ вашимъ отцомъ, со знакомыми? вообще, что вы объ немъ помните?

— Николай Васильевичъ жилъ у насъ въ старомъ домѣ на

Дѣвичьемъ полѣ, въ мезонинѣ, надъ нами. Это была большая, свѣтлая, съ двумя окнами и балкономъ, комната, съ самой простой домашней обстановкой, состоявшей изъ кровати, комода и нѣсколькихъ стульевъ и стола... Здѣсь онъ, когда былъ дома,—а выходилъ изъ дому онъ рѣдко,—проводилъ все время до обѣда, и послѣ обѣда часовъ до семи вечера. Отецъ мой, какъ извѣстно, чуть не боготворилъ его, ему была предоставлена полная свобода дѣйствій, и онъ цѣнилъ это и былъ очень доволенъ. Разъ даже разчувствовался до того, что сталъ благодарить отца, говоря: «Спасибо тебѣ, спасибо за все, большое спасибо!»... и тутъ же, улыбнувшись, прибавилъ: «да вознаградитъ тебя за все это—исторія!»... Мы съ сестрой частенько заходили къ нему по утрамъ и оставались у него подолгу. Онъ не стѣснялся нами, оставляя насъ сидѣть у него, только приказывалъ: «сидѣть смирно и не баловать». Мы и сидѣли—какъ будто насъ въ комнатѣ и не было. Это ему нравилось, онъ подходилъ къ намъ и гладилъ по головкамъ, раздобрившись говорилъ: «ну, поиграйте, дѣти!» и мы начинали рѣзвиться и шалить. Вообще въ домашней жизни, это былъ человѣкъ простой, добрый и снисходительный, но при всемъ томъ не чуждъ странности и эксцентричности: то онъ бывало ласкаетъ насъ и смѣется съ нами, то вдругъ надуется, нахмурится и тогда сиди и не дыши: не то возметъ за ухо и выведетъ вонъ изъ комнаты. По утрамъ онъ не одѣвался, сидѣлъ до обѣда въ домашнемъ костюмѣ, т. е. просто въ сорочкѣ, съ надѣтой поверхъ шерстяной курткой. Куртку эту онъ носилъ даже лѣтомъ, не смотря на жаркую погоду. Вернувшись изъ Италіи, онъ сталъ слишкомъ чутокъ къ сѣвернымъ вѣтрамъ и утренней прохладѣ. Писалъ онъ, по крайней мѣрѣ, по утрамъ, когда мы у него бывали, (послѣ обѣда же онъ никого къ себѣ не допускалъ) очень мало. На столѣ у него мы никогда не видали такой груды всевозможныхъ бумагъ, какая лежала у отца въ кабинетѣ. Даже книгъ у него на виду было мало; свои рукописи и книги онъ берегъ подъ замкомъ, и вообще не любилъ, если прислуга, приходившая убирать его комнату, переворачивала или перестанавливала что-нибудь изъ его вещей, находившихся на столѣ или на комодѣ. Странно было видѣть, намъ, дѣтямъ, что геніальный русскій писатель, какимъ считали у насъ въ домѣ Гоголя, могъ, проводить за вязаньемъ по цѣлымъ утрамъ на спицахъ разныхъ шерстяныхъ вещицъ, какъ то: ермолокъ, шарфиковъ и другихъ бездѣлушекъ, или же за вырѣзываньемъ изъ дре-

весныхъ сучьевъ дудочекъ. У меня долго хранилась подаренная имъ мнѣ дудочка, но когда я однажды попросилъ его связать мнѣ шерстяные чулки, онъ разсердился и надралъ мнѣ уши. Писалъ онъ иногда и при насъ, но какъ-то урывками: сидитъ подъ окномъ вяжетъ или строгаетъ, и передъ нимъ лежитъ клочекъ бумаги и карандашъ. Если ему придетъ въ голову что-нибудь, возметъ карандашъ и запишетъ, и опять примется за вязанье или строганье. Записанную мысль онъ иногда репетировалъ въ полголоса и исправлялъ. По прошествіи нѣкотораго времени, онъ бралъ въ руки исписанный клочекъ бумаги, прочитывалъ его, и если оставался имъ недоволенъ, рвалъ его въ клочки и бросалъ на полъ, а со стола бралъ другой клочекъ и продолжалъ писать на немъ. Если же и это писанье не удовлетворяло его, то онъ поступалъ съ нимъ такъ же, какъ и съ первымъ, и приступалъ къ третьему. Такимъ образомъ на полу рваныхъ клочковъ набиралось немало, и ихъ прислуга, по уходѣ Гоголя изъ комнаты, выметала. Но случалось и такъ, что нѣкоторые записанныя прежде мысли вновь интересовали его, и онъ приказывалъ намъ подбирать брошенные на полъ изорванные клочки бумажекъ и составлять ихъ по написанному. Если попытка удавалась, то онъ хвалилъ насъ, гладилъ по головкамъ и обѣщалъ купить гостинцевъ, чего, вѣроятно, по забывчивости, никогда почти не дѣлалъ. Послѣ полудня, онъ одѣвался и и сходилъ внизъ, заходилъ къ отцу, когда тотъ былъ дома и никого постороннихъ у него въ кабинетѣ не было. Въ противномъ же случаѣ уходилъ гулять въ садъ, который былъ у насъ очень большой, — десятины четыре, если не болѣе. Хорошая погода производила на него всегда хорошее впечатлѣніе, онъ дѣлался веселъ и шутливъ. Но онъ былъ веселъ и шутливъ только въ своемъ домашнемъ кружкѣ. Если же присутствовалъ кто-нибудь чужой или незнакомый, онъ, какъ улитка, уходилъ въ самого себя и не обнаруживалъ никакой жизни, какъ будто все окружающее было ему чуждо, онъ молчалъ или отвѣчалъ односложнымъ *да* или *нѣтъ*. Поѣсть любилъ гастрономично, хотя бы и немного. Малороссійской кухнѣ отдавалъ предпочтеніе. Но, пристрастясь въ Италіи къ макаронамъ, любилъ ихъ кушать и даже приготовлялъ ихъ за столомъ собственноручно, по вывезенному имъ изъ Рима особенному способу. Было ли это лучше—я не знаю; но только всѣ ѣли и похваливали. Въ антрактахъ, между перемѣнами блюдъ, онъ любилъ выламывать изъ хлѣба мякишъ и катать изъ

него шарики, которые или бросалъ въ кого-нибудь изъ сидящихъ за столомъ, преимущественно младшихъ членовъ семьи, или опускалъ въ стаканъ, или же оставлялъ у себя за приборомъ. Послѣ обѣда отецъ самъ собиралъ оставленные за приборомъ шарики и хранилъ, какъ какую-нибудь святыню, въ особомъ ящикѣ, въ одномъ изъ шкафовъ своего кабинета. Такихъ шариковъ собрано было 126, которые долго хранились, но куда потомъ дѣлись—уже не помню. Послѣ обѣда Николай Васильевичъ тотчасъ уходилъ въ свою комнату и запирался въ ней. Что онъ тамъ дѣлалъ, работалъ или спалъ—я не знаю, такъ какъ намъ строго было приказано: въ это время его отнюдь не безпокоить. Къ 7-ми часамъ вечера онъ сходилъ внизъ и гулялъ у насъ въ саду, а если погода неблагопріятствовала, то начиналъ ходить взадъ и впередъ по всей амфиладѣ комнатъ. Сдѣлавъ нѣсколько концовъ туда и сюда, онъ подходилъ къ столу и выпивалъ стаканъ холодной воды. Находившись до-сыта, отправлялся въ кабинетъ, гдѣ отецъ обыкновенно въ это время работалъ, и усаживался въ креслахъ. Если посторонних никого не было, сидѣлъ долго—часъ и больше, но ничего съ отцомъ не говорилъ. Однажды онъ вошелъ въ кабинетъ и опустился въ кресла, не снявъ съ головы шляпы. Старикъ покосился на него, и, не оставляя работы, спросилъ шутливо:

— Ну, что находился?

— Я то находился, а ты-то вотъ—написался ли? отвѣчалъ Гоголь.

— Да ты что-же шляпы то не снимаешь съ головы? перемѣнилъ вдругъ тему разговора отецъ.

— Передъ кѣмъ это? Передъ твоей исторіей что ли? съиронизировалъ Николай Васильевичъ.

— Передъ исторіей—не передъ исторіей, а передъ образами, отвѣтилъ старикъ.

— Передъ образами я всегда сниму, отвѣчалъ уклончиво Гоголь, а вотъ передъ твоей исторіей—навѣрное ужъ не сняль бы, потому что вся твоя исторія—ничто иное, какъ легенда или просто басня....

— Ну, ну, братъ, заврался! перебилъ его отецъ и медленно поднявшись съ мѣста, подошелъ къ нему, снялъ съ него шляпу и положилъ ее передъ нимъ, на столъ. «Вотъ такъ-то будетъ лучше»! проговорилъ онъ кротко, отошелъ къ своему столу и молча принялся за работу. Гоголь посидѣлъ послѣ того недолго и молча вышелъ

Но это не было размолвкой между ними. Это было однимъ изъ характеристичныхъ мгновенныхъ вспышекъ каприза духа великаго писателя. Нервная чуткость и моментальная вспыльчивость его были поразительны. На мой взглядъ онъ уподоблялся тогда мимозѣ, которая при первомъ прикосновеніи къ ней свертывается и уходитъ въ самое себя. Когда къ намъ по вечерамъ пріѣзжали гости, (а любопытныхъ посмотрѣть на автора «Мертвыхъ душъ», или поговорить съ нимъ было не мало), Николай Васильевичъ забивался куда-нибудь въ уголъ, нахмуривался и говорилъ очень мало, приставаній съ участіемъ и предложеній услугъ не любилъ, вмѣсто отвѣтовъ, цѣдилъ сквозь зубы какія-то фразы и старался при первой возможности, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, уйти къ себѣ въ мезонинъ. Когда же собирался извѣстный небольшой кружокъ людей близкихъ, Гоголь какъ будто преображался, вся его мнительность и напускная мизантропія исчезала, и онъ становился веселъ и пріятенъ: разговаривалъ, шутилъ и смѣялся. Даже, я помню, раза два читалъ что то изъ своихъ новыхъ сочиненій. Ну, конечно, тогда у насъ былъ праздникъ, и отецъ, выходя изъ кабинета, потиралъ руки и говорилъ: «Ну, слава Богу! развеселился, наконецъ»... Вотъ все, что я въ настоящую минуту могу припомнить о жизни великаго писателя въ нашихъ, какъ вы выразились, дѣвичьихъ палестинахъ.

— А не было ли у Гоголя, во время проживанія въ вашемъ домѣ, какихъ-либо выдающихся случаевъ, скрашивающихъ или отягчающихъ порою жизнь?

— Право, я затрудняюсь разрѣшеніемъ подобнаго вопроса, отвѣчалъ уклончиво Дмитрій Михайловичъ, нужно припомнить, а съ разу какъ-то трудно.

— Ну, что-нибудь изъ первыхъ, пришедшихъ на память, случаевъ.

— Въ деньгахъ Николай Васильевичъ постоянно нуждался, такъ какъ продажа его сочиненій, шла не шибко. Сколько разъ онъ обѣщалъ мнѣ и сестрѣ привезти гостинцевъ, купить игрушекъ или книжекъ, но всякій разъ, когда мы напоминали ему объ его обѣщаніи, отговарился неимѣніемъ денегъ: «подождите, дѣти,—убѣждалъ онъ насъ, гладя по головкамъ:—скоро разбогатѣю я, тогда всего накуплю вамъ». И дѣйствительно, однажды онъ привезъ намъ подарокъ, позвалъ насъ и, смѣясь, далъ какой-то свертокъ: «нате, сказалъ, снесите къ отцу и покажите!...» Отецъ развязалъ, по-

смотрѣлъ и спряталъ къ себѣ въ шкафъ. Что это былъ за подарокъ—я не знаю, только намъ строго на строго было приказано: никакихъ гостинцевъ у Николая Васильевича не просить. Мы расплакались и нѣсколько дней не были по утрамъ у него въ комнатѣ. Тогда онъ, при первой же поѣздкѣ въ городъ, купилъ мнѣ маленькое ружьецо, а сестрѣ—сѣтку для ловли бабочекъ, и на другой день утромъ пошелъ съ нами въ садъ, училъ меня стрѣлять, а съ сестрой бѣгалъ по лужкамъ за бабочками. Но это было только одинъ разъ, и больше мы его дозваться въ садъ для игры съ нами ни коимъ образомъ не могли.

— А случаевъ, имѣющихъ какое либо общественное значеніе не было?

— Были, какъ не быть,—непремѣнно были, но, повторю, всего-то сразу мнѣ не припомнить,—уклонялся отъ разсказа Дмитрій Михайловичъ,—Богъ дастъ будемъ встрѣчаться, тогда я кое-что припомню и сообщу вамъ. Впрочемъ, сегодня, pour la bonne bouche, я разскажу вамъ, какъ Николай Васильевичъ справлялъ у насъ въ домѣ свои именины, которые онъ праздновалъ на лѣтняго Николу, 9 Мая. У него въ Москвѣ, какъ извѣстно, было большое знакомство. Нѣкоторые дома своихъ знакомыхъ онъ посѣщалъ, хотя и не часто, но самъ, за весьма рѣдкими исключеніями, никого не принималъ. Если кому нужно было видѣть его,—пріѣзжали къ намъ, и у насъ съ нимъ видѣлись, у насъ, конечно, пили чай или обѣдали, но Гоголь, по скупости, или неимѣнію средствъ, никого ничѣмъ не угощалъ. Поэтому, въ день своихъ именинъ онъ считалъ долгомъ задать пиръ, по пословицѣ, на весь міръ, чтобы сугубо отплатить друзьямъ за ихъ постоянное радушіе. На именины приглашались всѣ, кто состоялъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Перечислять ихъ всѣхъ я не стану, да и не могу, потому что это было все московское ученое, литературное и художественное société того времени, въ лицѣ наиболѣе выдающихся его представителей, конечно, одного съ авторомъ «Мертвыхъ душъ» направленія или сочувствовавшихъ ему. Приготовленія къ этому пиру обыкновенно начинались за долго до пиршества. Главнѣйшею же заботой при этомъ для Николая Васильевича были меню обѣда и вина. Для составленія перваго онъ приглашалъ къ себѣ на совѣтъ нашего повара Семена, но имъ обыкновенно оставался не доволенъ, и ѣхалъ на совѣтъ къ повару англійскаго клуба Басанину, или къ повару купеческаго клуба Порфирью. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, меню

того или другого утверждалось, но готовить приглашался Порфирій, такъ какъ онъ умѣлъ стряпать всѣ малороссійскія яства и цѣны бралъ, противу Басанина, меньшія. Затѣмъ начинались хлопоты съ винами. Гоголь отправлялся къ виноторговцамъ, выбиралъ, приценялся и соображалъ, но толку изъ этого не выходило. Отецъ мой, видя это, предлагалъ свои услуги, приказывалъ Депре прислать нужное количество вина человѣкъ на шестьдесятъ, и дѣло устраивалось. Гоголь во все это, предшествовавшее пиршеству время находился въ сильномъ возбужденіи и постоянно волновался. Онъ составлялъ и дополнялъ списки приглашенныхъ лицъ, разсылалъ письма, записки, оповѣщенія, и заботился, чтобы всѣ близкіе къ нему люди получили приглашеніе и собрались именно къ обѣду—этому кульминаціонному пункту празднества. Онъ очень огорчался, когда узнавалъ, что тотъ или другой изъ его друзей, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не можетъ быть у него на именинахъ или же когда погода не особенно благопріятствовала предположенному имъ празднику. Тогда, казалось, онъ былъ мученикъ и въ домѣ не давалъ никому покоя. Отецъ, обращавшійся съ нимъ какъ съ ребенкомъ, всегда снисходительно и терпѣливо снисходилъ къ его капризамъ. Но слушая подобное нытье, выходилъ изъ себя, оставлялъ работу и серьезно начиналъ просить его: «Оставь ты меня, пожалуйста, въ покоѣ, вѣдь ты мѣшаешь мнѣ работать».

— Я вижу, восклицалъ обиженно Гоголь, что исторія тебѣ дороже меня!..

Тогда отецъ повертывался къ нему лицомъ, внимательно выслушивалъ всѣ его жалобы и заявленія и, разговоривъ и успокоивъ его, выпроваживалъ изъ кабинета въ садъ или въ другія комнаты дома. Тамъ Николай Васильевичъ уже деспотствовалъ, приставая съ разными вопросами ко всѣмъ встрѣчавшимся ему, нашимъ домашнимъ и прислугѣ. Одного онъ допрашивалъ на счетъ тарелокъ, рюмокъ, ножей и салфетокъ; другого—о количествѣ пива и водки, потребномъ для кучеровъ и прислуги гостей, третьяго—о томъ, всѣ-ли заправлены лампы и свѣчи. Мы, дѣти, тоже привлекались къ совѣту. Насъ онъ спрашивалъ: какія игры и гдѣ мы думаемъ устроить для другихъ дѣтей послѣ обѣда, серьезно обсуждалъ и оспаривалъ насъ, пока мы во всемъ не подчинялись его мнѣнію. Когда же наступалъ завѣтный день, онъ съ ранняго утра былъ уже на ногахъ. Принявъ обычныя поздравленія, нашъ именинникъ шелъ по хозяйству,—осматривалъ, устраивалъ и суетился. Затѣмъ вы-

ходилъ въ садъ, смотрѣлъ на небо, повѣрялъ барометръ, вздыхалъ при появленіи каждой маленькой тучки и, всѣмъ надоѣвъ, усаживался въ кабинетѣ въ кресла и замолкалъ. Гости въ Москвѣ, по обыкновенію, собираются рано, кромѣ, конечно, корчащихъ изъ себя аристократію, которые желая выдѣлиться изъ толпы, пріѣзжаютъ не иначе, какъ передъ самымъ обѣдомъ. Поэтому въ день именинъ Николая Васильевича, наплывъ гостей начинался обыкновенно еще до полудня. (Я болѣе помню послѣдніе его именины). Одѣтый въ новую пару, веселый и довольный, именинникъ принималъ поздравленія въ кабинетѣ; затѣмъ онъ съ гостями выходилъ въ залу къ молебну, который совершалъ у насъ въ домѣ нашъ приходскій священникъ, отецъ Іоаннъ; послѣ молебствія всѣ шли къ завтраку, а вскорѣ начинался и самый обѣдъ. Обѣдали, впрочемъ, на два стола: одинъ накрывался въ большой липовой аллеѣ сада, за который садились любители ранней весенней свѣжести и прохлады, а другой—въ столовой, гдѣ помѣщались люди болѣе солидныхъ лѣтъ, боявшіеся простуды, или прелестямъ весны недовѣрявшіе. Гостей собиралось человѣкъ 60 или 70 не менѣе. Фамилій ихъ всѣхъ я, конечно, припомнить не могу, но думаю, что не ошибусь, если скажу, что трапезу съ именинникомъ раздѣляло большинство его друзей. Были С. Т. и К. С. Аксаковы, С. П. Шевыревъ, М. С. Щепкинъ, П. М. Садовскій, Н. Ф. Павловъ, Н. В. Бергъ, Ю. Н. Бартеневъ, В. И. Живокини, Д. Т. Ленскій, А. Ѳ. Вельтманъ, Ѳ. И. Іорданъ, Н. А. Мельгуновъ и другіе—всѣхъ не перечислишь. Обѣды были, какъ всѣ именинные обѣды, шумны и радостны, но особенностей ихъ я разсказать не могу, такъ какъ, мы дѣти, за большимъ столомъ не сидѣли. Послѣ обѣда варили жженку, приносили еще вина, подавали малороссійскія наливки и варенуху,—и гости дѣйствительно веселились на славу. Разговаривали, шутили, смѣялись, пѣли пѣсни, играли въ горѣлки и въ лапту. Актеръ Садовскій, я помню по просьбѣ именинника, разсказалъ послѣ обѣда два-три разсказа о Наполеонѣ Бонапарте о капитанѣ Копѣйкинѣ, о хмѣльномъ мужичкѣ, у котораго въ ушахъ «муха жужжитъ». Это былъ неподражаемый разсказчикъ, не то, что вашъ И. Ѳ. Горбуновъ, который каррикатуритъ мужика однимъ горломъ. У того былъ жестъ, мимика, выраженіе глазъ, вибрація голоса. Все это декорировало разсказъ и увлекало слушателя. Поэтому оживленіе гостей съ каждымъ разсказомъ возрастало болѣе и болѣе и завершалось, наконецъ, всеобщими рукоплесканіями. Читали и другіе, но кто именно—

теперь уже не помню. Читалъ даже, какъ-то разъ и самъ именинникъ. Читалъ онъ какой-то отрывокъ изъ своихъ сочиненій, но какой именно — сказать вамъ не могу, потому, что тогда я не зналъ еще его сочиненій. Да говоря откровенно, я и интересовался только обстановкой и процедурой чтенія. Помню я, что Николай Васильевичъ читалъ уже вечеромъ, у отца въ кабинетѣ, при свѣчахъ. Видимо онъ былъ въ хорошемъ настроеніи духа и читалъ хотя не особенно громко, но съ одушевленіемъ. Въ кабинетѣ царила въ это время мертвая тишина. Гости сидѣли и стояли группами вокругъ стола, за которымъ читалъ Гоголь, въ нѣсколько рядовъ. Обаяніе чтенія было настолько сильно, что присутствующіе сидѣли и стояли на мѣстахъ, затаивая въ себѣ дыханіе и боясь пошевелиться, что-бы не проронить изъ него ни одного слова, не упустить ни одного штриха, ни одной интонаціи, оттѣнявшихъ рельэфы мастерской бесѣды-чтенія автора—чтеца. Когда послѣдняя фраза была сказана, Николай Васильевичъ быстро окинулъ взоромъ общество, захлопнулъ весело книгу, вскочилъ съ мѣста и выбѣжалъ изъ комнаты. Слушатели кинулись за нимъ толпой и проводили его шумными криками: браво и громкими рукоплесканіями. Провъ Михайловичъ догналъ Гоголя въ саду, обнялъ и расцѣловалъ его, говоря: «да, братъ, это не то, что «муха жужжитъ». Вотъ вамъ одинъ изъ эпизодовъ жизни великаго писателя, имѣющихъ общественное значеніе, но на этомъ сегодня, съ вашего позволенія, я окончу, такъ какъ мнѣ пора домой, да на-первыхъ визитахъ вообще, кажется, и не засиживаются.

Я горячо поблагодарилъ Дмитрія Михайловича за его любезный интересный разсказъ и спросилъ:

— А почему бы вамъ не описать все это подъ видомъ воспоминаній? Я купилъ бы ихъ у васъ для «Жизни». Намъ, если дѣло у насъ сойдется, нужно давать въ газетѣ болѣе интересные матеріалы, чтобы поставить газету на предлежащее ей мѣсто.

— Я уже думалъ объ этомъ, да все вотъ мое нездоровье мѣшаетъ мнѣ приняться за дѣло. Конечно, если поправлюсь, я вамъ кое-что напишу, а если не поправлюсь, то буду разсказывать: пишите ужъ сами.

— Такъ я могу нынѣшнимъ разсказомъ воспользоваться?

— Ну, это, конечно, мелочь, я попрошу васъ принять его отъ меня въ подарокъ. Если же я вздумаю писать «воспоминанія», то у меня матеріалу масса. Есть изъ чего выбрать много хорошаго.

— Благодарю васъ дорогой гость, за вашъ любезный разсказъ, я его напечатаю.

— Очень радъ, что могъ услужить вамъ. А пока до свиданія.

— До свиданія.

На другой день, утромъ часовъ въ 9-ть я заѣхалъ за Елизаветой Ивановной, и мы отправились къ ея замѣстителю по изданію, Ѳедору Никифоровичу Плевако, проживавшему въ то время, по желанію, какъ говорили, властей, за Тверской заставой, на шоссе. Онъ занималъ тамъ небольшой, деревянный, одноэтажный во дворѣ особнячокъ съ мезониномъ, обыкновенной старобарской постройки, на видъ довольно ветхій, но внутри просторный и помѣстительный. Войдя въ пріемное зало, мы были приняты однимъ изъ его помощниковъ, который, узнавъ отъ Елизаветы Ивановны, что мы пріѣхали по приглашенію Ѳедора Никифоровича, тотчасъ же пошелъ доложить ему и онъ чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ намъ. Это былъ видный, сытый мужчина съ полнымъ раздобрѣлымъ лицомъ, смѣющимися хитрыми глазами и авторитетными манерами. Онъ разсыпался въ любезностяхъ передъ Елизаветой Ивановной, добродушно пожалъ мнѣ руку, перекинулся двумя-тремя обычными ходячими фразами и потащилъ насъ въ гостинную, куда вышла довольно полная, бальзаковскаго типа дама среднихъ лѣтъ, съ довольно миловидной, но уже помятой физіономіей купеческой складки, и пригласила насъ къ приготовленному уже ею утреннему кофе. Пока дамы вели свои хозяйственно-дамскіе разговоры, мы съ Ѳедоромъ Никифоровичемъ отошли въ сторону. Я передалъ ему условіе, на основаніи котораго г-жа Погодина изъявила согласіе продать мнѣ право на изданіе газеты «Жизнь». Онъ прочиталъ его со вниманіемъ, и сказалъ, что онъ ничего не имѣетъ противу подобной передачи. Относительно полученія свѣдѣній о числѣ подписчиковъ и вообще о состояніи хозяйственной части изданія онъ просилъ меня обратиться къ секретарю газеты Стрижевскому, которому онъ обѣщалъ тотчасъ же сообщить по телефону. Я обратилъ его вниманіе на то, что мнѣ, согласно условію, нужно будетъ получить подписныя деньги по числу подписчиковъ, со дня прекращенія выпуска нумеровъ газеты, что составитъ порядочную сумму. Онъ отвѣтилъ, что исполнитъ всѣ свои обязательства по отношенію г. Погодиной, но чтобы ихъ выяснить, ему нужно получить отъ секретаря и конторы редакціи расчетъ, по повѣркѣ котораго онъ дастъ окончательный отвѣтъ, почему и просилъ пріѣхать къ нему

денька чрезъ два. На этомъ мы и порѣшили. Елизавета Ивановна была очень рада, узнавъ, что дѣло идетъ на ладъ, она во время поѣздки выразила было сомнѣніе въ возможности возврата г. Плевако подписныхъ денегъ по расчету теперь же, такъ какъ она слышала, что у него въ настоящее время денегъ совсѣмъ нѣтъ. «Иначе бы онъ не остановилъ газету», завершила она разговоръ въ видѣ доказательства. Я не возражалъ ей тогда, и теперь молча пилъ предложенный мнѣ кофе. Кто такая была дама, хозяйствовавшая у Ѳедора Никифоровича, я не зналъ, потому, что меня ей представили, а ее мнѣ не назвали. Думаю, что это, была та знаменитая купчиха-милліонерша, которая впослѣдствіи отказала все свое состояніе на дѣло благотворенія, а г. Плевако назначила душеприкащикомъ. Но навѣрное сказать не могу, такъ какъ въ суетѣ забылъ спросить объ этомъ Елизавету Ивановну. Окончивъ кофе, мы распрощались, условившись пріѣхать опять къ Ѳедору Никифоровичу чрезъ день. Евдокія Ивановна поѣхала на извозчикѣ домой, а я по конкѣ въ Охотный рядъ, гдѣ въ гостинницѣ проживалъ тогда секретарь редакціи газеты «Жизнь» Николай Александровичъ Стрижевскій. Онъ ожидалъ уже меня и встрѣтилъ очень любезно.

— Я вчера узналъ, сказалъ онъ мнѣ, отъ Елизаветы Ивановны, что вы желаете пріобрѣсти газету «Жизнь» и приготовилъ свѣдѣніе о подписчикахъ. Неугодно ли взглянуть.

Присѣвъ къ столу, мы дружескіе побесѣдовали. Онъ разсказалъ мнѣ о положеніи дѣлъ редакціи и просилъ меня сохранить за нимъ, хотя на первое время, мѣсто секретаря. Я обнадежилъ его. Что же касается оклада жалованья, который онъ получалъ, то я сказалъ, что объ этомъ мы поговоримъ, когда дѣло окончательно устроится. Подписчиковъ на газету оказалось: годовыхъ 656, полугодовыхъ 149 и занесенныхъ въ полугодовые позднѣйшей подписки на нѣсколько мѣсяцевъ 155, всего 960 персонъ. Общая сумма подписки при 5 рубляхъ годовой и 2 р. 75 к. полугодовой платы, опредѣлялась въ 4113 рублей. Изъ этой суммы причиталось издателю по день пріостановки выпуска номеровъ газеты, по 21 марта за 80 дней, 915 р., остальные же 3198 р., подлежали передачѣ новому владѣльцу газеты, для удовлетворенія подписчиковъ въ 1885 году. Стрижевскій заявилъ, что въ кассѣ денегъ нѣтъ, такъ какъ вся подписная сумма израсходована еще въ началѣ года, и Федоръ Никифоровичъ въ послѣднее время затрачивалъ на газету свои деньги.

— Какъ же быть?—спросилъ я его,—обязанъ ли Плевако возвратить эти деньги, или же они должны быть возвращены Погодиною?

— Сколько мнѣ извѣстно изъ дѣлъ, отвѣчалъ Стрижевскій, Ѳедоръ Никифоровичъ былъ хозяинъ дѣла, слѣдовательно онъ и долженъ возвратить недостачу подписныхъ денегъ. Но я письменныхъ договоровъ ихъ съ Е. И. Погодиной не знаю.

— Чей залогъ лежитъ въ главномъ управленіи по газетѣ?

— Числится за Погодиной, но чьи именно внесены ею деньги—не знаю.

— Чья обстановка редакціи и конторы, и сколько на это затрачено?

— Обстановка вся г-жи Погодиной, но старая и не важная. Цѣны ей я не знаю, но на мой взглядъ, если принять ее всю въ ста рубляхъ, то г-жа Погодина въ обидѣ не будетъ.

Отправившись затѣмъ въ большой Московскій трактиръ позавтракать, я встрѣтился тамъ съ Ѳ. Н. Плевако, который, отправляясь въ судъ, на защиту, заѣхалъ въ трактиръ съ своей дамой, «перекусить, какъ онъ самъ выразился, чего-нибудь легонькаго». Онъ подсѣлъ къ моему столу и сталъ разспрашивать о мопхъ предположеніяхъ по изданію газеты. Главнѣйшимъ же образомъ его интересовалъ вопросъ: можетъ ли онъ по прежнему участвовать въ газетѣ такъ же свободно, какъ и прежде. Конечно, мнѣ ничего не оставалось болѣе отвѣтить, какъ только то, что я почту за особую честь имѣть въ газетѣ такого руководителя, какъ Ѳедоръ Никифоровичъ; но если онъ пожелаетъ получать слишкомъ большой гонораръ, то онъ можетъ поставить меня въ затрудненіе, такъ какъ я вообще большими средствами не обладаю.

— Ну, мы съ вами въ этомъ отношеніи, вѣроятно, сойдемся, разсмѣялся знаменитый московскій юристъ и ораторъ, такъ какъ я не знаю еще, какъ мы съ вами расчитаемся при передачѣ газеты.

Я хотѣлъ было показать ему взятый у Стрижевскаго расчетъ и спросить его: можетъ ли онъ уплатить при передачѣ газеты деньги? Но онъ, какъ будто предугадывая подобный вопросъ, живо поднялся съ дивана, извинился, что онъ торопится въ судъ и, пожавъ мнѣ руку, покровительственно замѣтилъ, что мы, вѣроятно, скоро увидимся. Я напомнилъ ему, что мы обѣщались быть у него черезъ день, и онъ, кивнувъ мнѣ головой въ знакъ согласія, перекочевалъ къ своей дамѣ.

Въ назначенное время мы съ Елизаветой Ивановной сдѣлали

вторичный визитъ къ г. Плевако. На этотъ разъ пріемъ былъ оказанъ намъ болѣе торжественный и оффиціальный. Изъ пріемнаго зала провели насъ не въ гостинную, а въ сосѣднюю справа комнату, нѣчто въ родѣ совѣщательнаго кабинета, гдѣ работали помощники Ѳедора Никифоровича. Тамъ мы прождали около получасу, пока, наконецъ, удостоились лицезрѣнія серьезнаго и смотрѣвшаго на этотъ разъ Юпитеромъ юриста. Медленными шагами, какъ-бы усталый отъ занятій и удрученный заботами, подошелъ онъ къ намъ, поздоровался, извинился и, пожавъ намъ крѣпко руки, взялъ стоявшій у стѣны стулъ, повернулъ его и, молча, подсѣлъ со стороны Елизаветы Ивановны. Я вынулъ изъ кармана расчетъ о подписныхъ деньгахъ и подалъ ему. Онъ развернулъ его, пробѣжалъ глазами и, возвративъ мнѣ, сказалъ:

— Да, я знаю этотъ расчетъ, онъ составленъ правильно; но, Елизавета Ивановна, обратился онъ къ сосѣдкѣ, я имѣю вамъ кое-что сказать: потрудитесь, пожалуйста, пройти ко мнѣ.

И они вышли въ другую комнату. Минутъ черезъ пять Елизавета Ивановна вышла и сообщила мнѣ, что передача газеты можетъ состояться. Сегодня мы можемъ поѣхать къ нотаріусу Боборыкину и велѣть ему приготовить къ завтрашнему дню потребныя для того бумаги, а завтра утромъ пріѣдемъ подписать и окончимъ, такъ какъ Ѳедоръ Никифоровичъ обѣщался быть тоже завтра у нотаріуса и привезти туда деньги. А сегодня онъ очень занятъ и извиняется, что не можетъ выйти попрощаться.

— Что же! отлично! отозвался я на это; если вамъ угодно, то мы можемъ прямо отсюда поѣхать къ нотаріусу.

И мы отправились. Послѣ полудня былъ составленъ у нотаріуса Боборыкина черновой договоръ о передачѣ мнѣ г-жою Погодиной права на изданіе газеты «Жизнь» на вышеприведенныхъ условіяхъ, въ 3 часа мы его подписали и просили приготовить бѣловой на завтра къ 11-ти или 12-ти часовъ утра. Затѣмъ, чтобы переговорить о деталяхъ передачи, конторскаго имущества, найма помѣщенія для редакціи и конторы газеты, долговъ и др. Елизавета Ивановна пригласила меня отобѣдать у ней запросто. Я съ удовольствіемъ принялъ ея приглашеніе и обѣщался пріѣхать, если это не стѣснитъ гостепріимныхъ хозяевъ, къ 5 часамъ.

— Нѣтъ, мы обѣдаемъ раньше, отозвалась Елизавета Ивановна, мой мужъ не можетъ такъ долго голодать: онъ человѣкъ больной. Поѣдемте прямо отсюда.

Отказываться было не ловко, и мы отправились. Дмитрій Михайловичъ ожидалъ насъ съ большимъ нетерпѣніемъ и, конечно, былъ очень радъ, узнавъ, что дѣло кончено и подписано.

— Ну, вотъ, ну, вотъ,—онъ радовался съ наивностью малаго ребенка,—мы, наконецъ, хоть будемъ жить покойнѣе; а то, вѣрите ли, съ ногъ сбились, ни толку, ни порядку, ни денегъ! Это не газета была у насъ, а какая-то язва!.. Жилы всѣ вытянула, измучила совсѣмъ: нынче непріятность, завтра непріятность—просто хоть ложись да умирай!

— Ну, что ты обезкураживаешь Петра Косьмича! взметнулась на мужа Елизавета Ивановна:—вѣдь дѣло еще не кончено совсѣмъ, онъ можетъ раздумать и отказаться. Пойдемте лучше за столъ.

— Я не откажусь отъ газеты, отвѣчалъ я, идя къ столу, потому что къ работѣ и непріятностямъ привыкъ. Но какъ это Дмитрій Михайловичъ собирается жить покойнѣе: вѣдь онъ остается у меня редакторомъ?

— Ну, какой я буду у васъ редакторъ, шутилъ развеселившійся хозяинъ, усаживаясь за столъ—вы берете меня только для блезиру. Вся моя работа будетъ заключаться въ одномъ—получать отъ васъ жалованье, да развѣ еще наградныя.

Обѣдъ былъ самый простой. Подали сперва супъ, потомъ кусокъ жаренаго мяса, а для десерта Елизавета Ивановна вынула изъ шкафа три апельсина. Послѣ обѣда усѣлись за кофе. Хозяйка пыталась было завести рѣчь о хозяйственныхъ расчетахъ по редакціи, но я попросилъ ее отложить этотъ разговоръ до завтра, когда дѣло окончательно будетъ устроено. Мнѣ хотѣлось извлечь что-нибудь изъ запаса памяти Дмитрія Михайловича, и я попросилъ его разсказать мнѣ что-нибудь изъ его дѣтскихъ воспоминаній о жизни въ «дѣвичьихъ палестинахъ».

— Да что-же я вамъ разскажу? погрузился въ раздумье хозяинъ,—знакомство у насъ было такое обширное, что я, право, не знаю даже, чтобы разсказать вамъ поинтереснѣе?

— Все равно, что прійдетъ въ голову, то и разскажите; ну, хоть о комъ-нибудь изъ славянофиловъ?

— Сознаюсь откровенно, отозвался съ улыбкой Дмитрій Михайловичъ, для меня было бы гораздо пріятнѣе, если бы мы пошли теперь немножко пройтись: погода такая великолѣпная, а утро я все просидѣлъ дома. Пойдемте-ка!

— Съ большимъ удовольствіемъ.

И, поблагодаривъ хозяйку за любезный пріемъ и угощенье, я сказалъ ей, что завтра въ 11 ч. утра я заѣду, чтобы отправиться къ нотаріусу. Затѣмъ мы съ хозяиномъ одѣлись и вышли изъ дому.

— Куда же пойдемъ? спросилъ я Дмитрія Михайловича, выйдя на улицу.

— Да пойдемте въ Александровскій садъ. (Погодины въ то время жили на набережной близъ Каменнаго моста).

— Пойдемте!

— Вотъ вы заинтересовались славянофилами—началъ дорогою разговоръ почтенный мой сотоварищъ,—а знаете ли что, славянофилы—соль русской земли, могучіе богатыри всей великой нашей отчизны, о нихъ нельзя разсказывать анекдоты, о нихъ можно дать эпическій разсказъ, героическую повѣсть, дивное сказаніе. Это—были люди не отъ міра сего, апостолы великихъ идей, благовѣствовавшіе непонимавшимъ ихъ язычникамъ, гонимые ими и кончавшіе жизнь, преслѣдуемые злымъ рокомъ до конца. Знаете-ли вы, что Константинъ Аксаковъ, любившій болѣе всего на свѣтѣ Россію, умеръ на чужой сторонѣ (на островѣ Занте, куда его послали врачи); что онъ, боготворившій свой родной русскій языкъ, умирая долженъ былъ исповѣдываться и читать запричастныя и предсмертныя молитвы на французскомъ языкѣ (исповѣдывавшій его священникъ-грекъ никакого иностраннаго языка, кромѣ французскаго не зналъ). Ю. Ѳ. Самаринъ умеръ среди нѣмцевъ, съ которыми онъ всю жизнь воевалъ. Можетъ ли что-нибудь быть убійственнѣе этого для людей, посвятившихъ всю жизнь на служеніе дорогой своей родинѣ? Нѣтъ, я не могу, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, говорить о славянофилахъ. Отецъ мой былъ, какъ вы знаете, славянофилъ до мозга костей и онъ завѣщалъ мнѣ не призывать всуе и не профанировать славянской идеи.

Въ это время мы проходили нижнимъ Кремлевскимъ садомъ, я предложилъ Дмитрію Михайловичу присѣть на скамейку.

— Нѣтъ, пойдемте дальше, въ большомъ саду, я покажу вамъ скамейку, гдѣ покойный отецъ мой плакалъ.

Пришли въ большой садъ и близъ выхода изъ сада на Никитскую, откуда видѣнъ фасъ университетскихъ зданій, съ правой стороны дорожки онъ указалъ мнѣ на погодинскую скамейку.

— Вотъ здѣсь, — проговорилъ онъ съ чувствомъ, на сей скамьѣ, отецъ мой часто сиживалъ и не разъ плакалъ, обращая взоры къ университетской церкви, когда ему приходилось бѣд-

ствовать, будучи студентомъ, и страдать, сдѣлавшись профессоромъ и ученымъ, плакалъ онъ здѣсь и со мною, когда потерялъ мою мать... И знаете ли, я самъ плакалъ здѣсь, когда подавляла меня болѣзнь и немощь безсплія, когда сердце рвалось на части вслѣдствіе сознанія тщетности борьбы... Впрочемъ, это очень грустный мотивъ для бесѣды: пойдемте, пройдемтесь.

— Не лучше ли зайти въ «Компанейскую» попить чайку «подъ машиной?»

— Пожалуй, только сперва пройдемтесь немножко.

И мы прошлись два раза по большой аллеѣ, Дмитрій Михайловичъ молчалъ, явно его томила какая-то грустная дума, а я не хотѣлъ прерывать ее. Впрочемъ, прекрасная погода и свѣжесть вешняго вечера скоро повліяли на расположеніе духа моего сотоварища, и онъ, разсмѣявшись, сказалъ весело:

— Ну, чтожъ, теперь можно, пожалуй, пойти и «подъ машину».

Но попасть «подъ машину» намъ не удалось: въ «Компанейской» какъ на грѣхъ, всѣ столы въ большомъ залѣ были заняты. По неволѣ пришлось ограничиться мѣстомъ въ отдаленной угловой комнатѣ и заняться разговорами.

— Не можете ли вы, Дмитрій Михайловичъ, сказать мнѣ, спросилъ я моего собесѣдника, разливая поданный съ московскими принадлежностями чай, что подвигнуло Н. В. Гоголя такъ рѣзко перемѣнить направленіе мыслей, въ послѣдній періодъ его дѣятельности, и сдѣлаться мистикомъ и проповѣдникомъ клерикализма?

— Признаться, я никогда не интересовался подобнымъ изслѣдованіемъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Дмитрій Михайловичъ, но думаю, что вліяло на него всего болѣе духовенство. Не смотря на то, что Николай Васильевичъ жилъ у насъ совершенно изолированно, и, какъ я уже говорилъ вамъ, гостей у себя никогда не принималъ, духовенству доступъ къ нему былъ всегда открытъ. Помню, подъ конецъ его послѣдняго пребыванія у насъ въ домѣ, нѣсколько священниковъ посѣщало его и онъ любилъ бесѣдовать съ ними по долгу. У него бывали: нашъ мѣстный приходскій священникъ, добродушный и весьма религіозный отецъ Іоаннъ, знаменитый проповѣдникъ изъ Твери отецъ Матвѣй, о которомъ Гоголь отзывался съ большимъ уваженіемъ, какой-то соборный изъ Кремля сакелларій, имени его не помню, ходили два монаха изъ Чудова монастыря и какой-то странникъ-грекъ съ Афона. Отецъ косился на это

и даже выговаривалъ не разъ Гоголю, но мать моя покровительствовала его пріемамъ духовенства, и поэтому отцы духовные старались попадать къ нашему отшельнику въ такіе часы дня, когда отецъ былъ въ отсутствіи. И Николай Васильевичъ посмѣивался потомъ надъ отцомъ и поддразнивалъ его:

— А у меня опять попы были, о твоемъ здоровьи освѣдомлялись, просили кланяться. Жалуются, что ты мало жертвуешь имъ...

— Ну, ужъ ты оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ, перебивалъ его отецъ и углублялся въ свои лѣтописи.

— Исторія для тебя, конечно, важнѣе религіи, продолжалъ шутить его Гоголь, ходя изъ угла въ уголъ по кабинету.

Но отецъ, по обыкновенію, молчалъ, и только перо его усиленнѣй начинало скрипѣть по бумагѣ. Больше объ этомъ я вамъ сказать ничего не могу, что бы не наврать по пустому. Впрочемъ, припомнился мнѣ отвѣтъ Гоголя извѣстной поэтессѣ, графинѣ Ростопчиной, которая, будучи у насъ на вечерѣ, когда А. Н. Островскій читалъ въ первый разъ свою комедію «Банкрутъ», (переименованную впослѣдствіи въ «Свои люди-сочтемся»), по окончаніи чтенія, подошла къ Николаю Васильевичу и спросила его: «отчего онъ сдѣлался такимъ отшельникомъ-бирюкомъ и не бываетъ у ней?»

— Зачѣмъ? процѣдилъ сквозь зубы сконфуженный авторъ «Мертвыхъ душъ»,—я не понимаю васъ, вы не понимаете меня; я чуждъ циклу вашихъ идей, вы—моему»... Это были слова «бирюка-отшельника», но проповѣдникъ еще формировался.

Бесѣда сдѣлалась оживленнѣе. Я попросилъ Дмитрія Михайловича разсказать мнѣ что-нибудь объ этомъ вечерѣ.

— Вечеръ—какъ вечеръ, самый обыкновенный, у насъ не разъ бывали такіе вечера, началъ онъ рѣчь свою, прихлѣбывая глотками изъ стакана чай съ московскими принадлежностями; но онъ былъ чреватъ послѣдствіями: Островскій, послѣ чтенія, получилъ громадную извѣстность; піесѣ, запрещенной цензурой, исхлопотали разрѣшеніе, а поэтесса графиня Ростопчина, жившая до того времени обыкновенной великосвѣтской жизнью, начала устраивать у себя въ домѣ литературныя чтенія и музыкальные вечера. Въ сущности, вечеръ этотъ, дѣйствительно, вышелъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ, какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и по составу собравшагося на немъ общества. Тутъ было все, что считалось тогда солью литературныхъ и артистическихъ московскихъ кружковъ: старые славянофилы, молодая редакція «Москвитянина», независимые и

безпринципные, или, какъ называли ихъ тогда: «цыганы». Приманкою служила неразрѣшенная цензурой къ печати комедія Островскаго «Банкрутъ». Александръ Николаевичъ, только что начавшій тогда свою писательскую миссію, написалъ новую піесу, въ которой мастерскими штрихами очертилъ неизвѣстный еще въ то время массѣ публики, купеческій бытъ и его своеобразные взгляды, нравы и дѣятельность. Цензура наложила на нее свое veto и въ обществѣ заговорили объ ней. Мой отецъ, какъ извѣстно, всегда старавшійся подать руку помощи заявившему себя чѣмъ-нибудь таланту, сочувственно отнесся къ затруднительному положенію молодаго автора и устроилъ вечеръ для прочтенія подвергшейся запрещенію комедіи, на который и была приглашена вся бывавшая у него интеллигенція Москвы. Это было, если не ошибаюсь, въ 1849 году, на масляной недѣлѣ. Чтобы затушевать истинный поводъ приглашенія, устроены были блины, чтеніе же устроилось какъ бы случайно, послѣ масляничной трапезы. Чтеніе происходило у отца въ кабинетѣ. Въ углу, подъ окнами, за столомъ, читали: мужскія роли—актеръ Садовскій, а женскія—самъ авторъ. Нужно ли говорить, что это было за чтеніе, вы, безъ сомнѣнія, обоихъ чтецовъ слыхали. Всѣ акты были прослушаны собравшимся обществомъ съ полнымъ вниманіемъ; казалось, что это были не слушатели, а мертвецы. Когда же чтеніе окончилось, раздались аплодисменты, и хаосъ восторга смѣнилъ царствовавшее дотолѣ безмолвіе. Всѣ поздравляли и жали руки краснѣвшаго и потуплявшаго глаза въ землю автора. На что Гоголь, и тотъ призналъ въ молодомъ писателѣ талантъ и не маленькій, а графиня Ростопчина пригласила Александра Николаевича прочитать еще разъ эту піесу у ней въ домѣ, для чего и назначила особый вечеръ. На этомъ не позволите ли мнѣ остановиться, тѣмъ болѣе, что чаи нами окончены и мнѣ пора возвратиться домой.

Удерживать долѣе обязательнаго разсказчика я не хотѣлъ, и мы распрощались.

На другой день мы съ madame Погодиной ѣздили къ нотаріусу; бумаги были готовы, но Ѳедоръ Никифоровичъ не пріѣхалъ. На вопросъ по телефону, будетъ ли онъ, получился отвѣтъ, что, вмѣсто него, пріѣдетъ Стрижевскій, котораго онъ уже отправилъ. Въ ожиданіи его прибытія мы съ Елизаветой Ивановной отправились въ сосѣднюю гостинницу выпить по чашкѣ кофе. Издательница «Жизни» задумалась и начала выражать сомнѣнія на благопріятный

исходъ нашего дѣла, и, дѣйствительно, пріѣхавшій вскорѣ Стрижевскій передалъ г-жѣ Погодиной просьбу Плевако отложить подпись бумагъ до завтрашняго дня, такъ какъ онъ сегодня очень занятъ и пріѣхать къ нотаріусу не можетъ. Дѣлать нечего, скрѣпя сердце мы возвратились къ нотаріусу и заявили ему объ этомъ. Затѣмъ попрощались и разошлись до слѣдующаго утра. Но и слѣдующее утро не принесло намъ ничего хорошаго. Елизаветы Ивановны дома я уже не засталъ, а нотаріусъ Боборыкинъ, къ которому я отъ нея поѣхалъ, сообщилъ мнѣ, что Ѳедоръ Никифоровичъ внезапно вызванъ по дѣламъ въ Екатеринославъ и сегодня въ ночь выѣхалъ. Вернется же не ранѣе двухъ недѣль. Дѣло, значитъ, затянулось, волей-неволей пришлось сѣсть у моря и ждать погоды. Что тутъ дѣлать? Ѣду вполыхахъ къ Елизаветѣ Ивановнѣ—и вдругъ узнаю отъ нея, что дѣло о продажѣ газеты придется отложить, такъ какъ ей, предварительно продажи ея, нужно еще получить на то разрѣшеніе со стороны цензуры.

— Кто вамъ сказалъ?

— Мнѣ сказали...

— Да кто-же, кто?

— Сказали... не все-ли это равно—кто? Такъ нужно, говорятъ...

— На сколько мнѣ извѣстно по цензурному уставу, переходъ изданій изъ однихъ рукъ въ другія свободенъ, о немъ только доводится до свѣдѣнія главнаго управленія, которое и объявляетъ объ этомъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

— Я вѣдь этого ничего не знаю... но мнѣ говорятъ...

— Въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ дѣлать представленіе о разрѣшеніи на передачу, нужно справиться: правду ли вамъ сказали?

— Я тоже думаю. Но гдѣ же справиться?

— Въ цензурномъ комитетѣ. Вамъ тамъ скажутъ положительно.

— Ну, хорошо, я поѣду завтра и узнаю.

Дня чрезъ два ко мнѣ зашелъ Дмитрій Михайловичъ.

— Жаль мнѣ васъ, сказалъ онъ мнѣ, дружески пожимая руку, дѣло ваше не выгоритъ.

— Отчего?

— Во-первыхъ, затрудненія со стороны Ѳедора Никифоровича, онъ возлагаетъ обязанность расчитаться съ вами въ подписныхъ деньгахъ на насъ; а во-вторыхъ, у насъ есть болѣе выгодное,

чѣмъ ваше предложеніе. Впрочемъ, все это я вамъ сообщаю конфиденціально для свѣдѣнія, потому что говорить открыто не уполномоченъ. Но вы зайдите какъ-нибудь къ женѣ, и она вамъ объяснитъ все досконально.

— Какое же предложеніе и отъ кого? Конечно, это не секретъ?

— Я не знаю, скажетъ ли вамъ жена, но я не вижу въ этомъ секрета. Признаюсь вамъ откровенно, что для меня было бы гораздо пріятнѣй, если бы вы пріобрѣли газету «Жизнь»; но вы знаете, изданіе не мое, а съ женой мнѣ спорить не приходится. Дѣло въ томъ, что одинъ господинъ, кто онъ—это все равно, купилъ нашу типографію, и теперь проситъ отдать ему газету. На первыхъ порахъ онъ хочетъ взять ее въ аренду, а потомъ, когда дѣло пойдетъ, онъ купитъ ее и заплатитъ, конечно, много дороже вашего.

— А если не пойдетъ дѣло?... Тогда вы и того не получите, что я даю вамъ.

— Ну, это—дѣло не мое. Переговорите съ женою, какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ.

Изъ сказаннаго я понялъ, что дѣло мое проиграно: лицо, купившее типографію, имѣетъ большее, нежели я, значеніе въ главахъ г-жи Погодиной, и потому, обѣщавъ Дмитрію Михайловичу завтра же повидаться съ Елизаветой Ивановной, удержалъ его пить чай съ московскими принадлежностями.

— А ну-ка, дорогой гость, обратился я къ Дмитрію Михайловичу, когда кипящій самоваръ съ приборомъ появился на столѣ, разскажите мнѣ въ утѣшеніе что-нибудь изъ вашихъ воспоминаній.

— Пожалуй—отвѣчалъ мнѣ съ любезной предупредительностью гость. Въ прошлый разъ мы остановились на вечерѣ графини Ростопчиной. Я вамъ раскажу кое-что объ этой барынѣ. Первый разъ я былъ у нея, на вечерѣ съ отцомъ, а потомъ ходилъ уже одинъ, не смотря на то, что считался еще «мальчикомъ»... Біографію этой дамы вы, навѣрно, знаете, а потому повторять ее я не стану, опишу только ея внѣшность, какою она была въ мое время, т. е. когда я ее узналъ. Не смотря на свои 35 лѣтъ отъ роду, графиня Евдокія Петровна казалась еще вполнѣ красивой и соблазнительной женщиной. Средняго роста, стройная, подвижная, какъ ртуть, здоровая, бѣлая и румяная, съ большими навыкатѣ, черными, заглядывавшими прямо въ душу, глазами, сочными, кра-

сивыми губами и хорошо развитымъ бюстомъ, она могла еще привлекать и чаровать людей всевозможныхъ племенъ, нарѣчій, состояній. «Въ первой молодости своей», она была извѣстна въ свѣтѣ только какъ графиня, супруга сына знаменитаго Московскаго главнокомандующаго, но не какъ поэтесса; конечно, всѣ знали, что она пишетъ стихи, но не особенно высоко цѣнили ихъ, особенно въ Москвѣ. Но когда она написала, находясь за границей, символическую балладу «Наспльственный бракъ» и когда ее, рабу Божію, по напечатаніи баллады въ «Сѣверной Пчелѣ», вызвали въ Петербургъ, сдѣлали ей надлежащее въ III-мъ отдѣленіи внушеніе и водворили на жительство въ Москвѣ,—слава ея пронеслась по всей матушкѣ Россіи, и графиня Евдокія Петровна стала знаменитостью. Тогда ее у насъ—я говорю о Москвѣ—не только стали читать, но и почитать. Въ салонѣ ея появилась не только знать и литераторы, но и артисты, художники, путешественники и всѣ заѣзжіе изъза моря знаменитости, начиная отъ піанистовъ и балеринъ до престижидаторовъ включительно. Вотъ въ это-то время и я бывалъ у ней. Хорошая она была барыня, только съ артистами ладить не умѣла, выкидывали они у ней разныя штуки. Напримѣръ, хотя бы Сѣверцевъ, этотъ косматый, нечесаный, грубый и глупый, всѣсвѣтный путешественникъ, какую штуку съ ней сыгралъ (разсказъ о его выходкѣ я слышалъ отъ него самого). Онъ часто посѣщалъ въ числѣ прочихъ вечера графини. Пріѣхавъ однажды чуть ли не послѣ ужина, онъ началъ извиняться, что опоздалъ. Графиня имѣла неосторожность отвѣтить: «ну, что же, я люблю, кто поздно ко мнѣ пріѣзжаетъ». Чрезъ нѣсколько времени, Сѣверцевъ пріѣзжаетъ къ ней въ домъ часа въ четыре ночи. Всѣ спали. Онъ велитъ разбудить графиню, и когда она, полуодѣтая, съ просонья, выбѣжала къ нему въ испугѣ и стала его спрашивать: «что съ нимъ случилось?» онъ хладнокровно отвѣтилъ.

— Ничего, графиня, успокойтесь. Я пріѣхалъ потому, что вы намедни сказали, что любите тѣхъ, которые поздно пріѣзжаютъ.

Какъ вамъ нравится подобная шутка? Затѣмъ извѣстный Бартеневъ, Юрій Никитичъ, тотъ такъ даже дерзости позволялъ себѣ говорить ей въ глаза. Получивъ однажды приглашеніе отъ нея пріѣхать къ ней запросто, онъ грубо отвѣтилъ ей:

— А ты бы, графиня, сперва псовъ-то своихъ привязала на цѣпь.

— Какихъ псовъ? допытывалась недогадливая графиня.

— Сама знаешь какихъ... четвероногіе-то псы не очень у тебя зубасты, да, какъ псы, и умны къ тому же.

Что вы скажете о подобной любезности?

— А вечеръ съ Островскимъ удался у ней? спросилъ я Дмитрія Михайловича.

— Да это было почти буквальное повтореніе нашего вечера, только въ болѣе роскошной обстановкѣ. Впрочемъ, разница была еще въ томъ, что у насъ были блины, а у ней—ужинъ, и что кромѣ чтенія Островскаго, она сама прочла нѣсколько главъ своей излюбленной «Нелюдимки».

— А Гоголь былъ у ней на этомъ вечерѣ?

— Нѣтъ, не былъ. Не были также и Шевыревъ, Аксаковы, Павловъ, Щепкинъ и нѣкоторые другіе, слышавшіе піесу у насъ на вечерѣ.

Самоваръ между тѣмъ потухъ. Его подогрѣли и на столѣ появилась новая порція чаю со всѣми онерами.

— Не много ли будетъ? замѣтилъ робко Дмитрій Михайловичъ, искоса поглядывая на свой дымившійся паромъ стаканъ.

— Да вѣдь мы почти ничего не пили, отвѣтилъ я, разсыропивъ слишкомъ сладкій чай водой, самоваръ перемѣнили потому, что онъ простылъ.

— А приборъ почему перемѣнили?

— Потому что первый сдѣлался негоднымъ.

— Какой вы—софистъ, право! размѣялся Дмитрій Михайловичъ, прихлебывая горячій чай—а все таки я долженъ вамъ сказать, что такихъ барынь, какъ эксцентричная графиня Евдокія Петровна, въ настоящее время уже нѣтъ, хотя всевозможныхъ чудачекъ и нынѣ очень много. Это была наша madame de Севинье, или madame de Рекамье; ея салонъ посѣщали: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Крыловъ, Жуковскій, графъ Соллогубъ, Тургеневъ, Гоголь, Аполлонъ Григорьевъ, Мей, Филипповъ, Эдельсонъ, Островскій, Писемскій, Тургеневъ, Майковъ, Бергъ, Григоровичъ, Павловъ, артисты: Садовскій, Щепкинъ и Самаринъ, художники: Брюлловъ, Рамазановъ, баронъ Клодтъ, композиторы: Глинка, Верстовскій и Варламовъ. Изъ иностранцевъ—Рашель, Маріо, Віардо-Гарсія, Листъ, Контскій, Шульгофъ, Фанни Эльслеръ. Она была богата, жила великолѣпно со всѣми барскими причудами. У ней читали, пѣли, играли, козировали и даже говорили простымъ «россійскимъ» языкомъ. Къ ней пріѣзжали—людей посмотрѣть, себя

показать. Для каждаго, входившаго въ ея гостинную, даже для такихъ зеленыхъ юношей, какимъ былъ я въ то время, у ней находилось: ласковое слово, привѣтъ, дружеская улыбка, пожатіе руки, и каждому у ней было тепло, весело, пріятно, и, главное—сытно. Людей именитыхъ она цѣнила по достоинству и выдѣляла ихъ изъ толпы со свойственнымъ ей умѣньемъ: такъ напримѣръ на мѣсто, гдѣ у нея сидѣла Рашель, она не позволяла никому садиться, любезно говоря: «тутъ сидѣть нельзя: тутъ вчера сидѣло божество». У кого теперь изъ московскихъ вельможъ или богатыхъ тузовъ—помѣщиковъ можете вы встрѣтить подобный пріемъ интеллигенціи?... Ни у кого... А почему?... А потому, что графиня, не смотря на всѣ ея эксцентричности, была сама интеллигентна. Я не вижу нынче подобныхъ ей аристократокъ. Укажите мнѣ если можете, на кого-нибудь изъ современныхъ интеллигентныхъ дамъ въ высшемъ обществѣ. Ужъ не цыганка-ль княгиня Г., или не пѣвица-ль княгиня Ц.? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Теперь интеллигенцію высшаго общества смѣнилъ посконный затасканный мѣшокъ съ золотомъ; онъ допускаетъ къ себѣ науку, литературу и художества, но только на козлы или на запятки, а рядомъ съ собой въ экипажъ не сажаетъ. Какъ же, выходитъ, теперь не пожалѣть, что типъ интеллигентной русской барыни, какою была въ свое время графиня Евдокія Петровна, у насъ совершенно выродился!... Мнѣ, по крайней мѣрѣ, сознаюсь, очень жалко... Я нѣсколько лѣтъ до поглощенія меня университетомъ, пользовался ея широкимъ гостепріимствомъ, и въ ея интимномъ кружкѣ пріобрѣлъ много друзей. Впрочемъ, все это—«дѣла давно минувшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой». А мнѣ не пора ли и на покой? Больному человѣку не слѣдуетъ долго засиживаться въ гостяхъ. Прощайте, милый человѣкъ!

— Зачѣмъ прощайте? до свиданія.

— Ну, до свиданія, такъ до свиданія. Когда же увидимся?

— Я завтра буду у васъ утромъ.

— Прекрасно. Только женѣ пожалуйста не говорите, что я сегодня у васъ чаепитничалъ.

На этомъ словѣ мы попрощались и мнѣ болѣе не пришлось видѣть Дмитрія Михайловича. Свиданіе съ Елизаветой Ивановной состоялось на другой день. Она заявила мнѣ откровенно, что продать газету она согласится только подъ условіемъ, если я откажусь отъ требованія раздѣла подписныхъ денегъ, т. е. предоставлю ей

воспользоваться ими, а удовлетвореніе подписчиковъ приму на себя.

— Но на такихъ условіяхъ, возразилъ я сребролюбивой издательницѣ, вы не найдете серьезнаго покупателя.

— Да мнѣ пожалуй и не нуженъ онъ, улыбнулась Елизавета Ивановна, я, признаться, передумала даже продавать газету. Къ чему? Я получу отъ Ѳедора Никифоровича деньги, и могу сама повести ее, или же при посредствѣ лица, купившаго у меня типографію.

— Но гдѣ же и въ чемъ именно у васъ гарантія успѣха? Если вы не хотите продать газеты, то—отдайте ее мнѣ въ аренду на 12 лѣтъ. И я развилъ передъ ней выгоды такого дѣла въ сравненіи съ сотовариществомъ невѣдомаго покупщика типографіи, который можетъ окончательно загубить «Жизнь».

— Все это хорошо, конечно, отвѣчала Елизавета Ивановна, какъ бы сконфуженно, и я вамъ готова вѣрить, но знаете ли, что я уже рѣшила и дала слово В. Н. Бестужеву, купившему у меня типографію, издавать газету при его посредствѣ.

— Вы и мнѣ давали слово: это—еще не причина.

— Но я нахожу его предложеніе болѣе выгоднымъ.

— Подумайте, впрочемъ, я еще останусь въ Москвѣ съ недѣлю. Если что надумаете, сообщите мнѣ въ гостинницу: я тотчасъ явлюсь. А пока позвольте пожелать вамъ всего лучшаго.

— Да, я подумаю, отвѣчала мнѣ съ тяжелымъ, вздохомъ, Елизавета Ивановна.

И мы разстались.

Но призыва я напрасно ждалъ, его не послѣдовало, и чрезъ недѣлю я вернулся въ Петербургъ. Такимъ образомъ покушеніе мое на «Жизнь» мнѣ не удалось. Но и бѣдная« Жизнь» не воскресла.

Новая редакція вела ее отвратительно, не имѣя не малѣйшаго понятія о своемъ дѣлѣ. Она напечатала даже повѣсть А. С. Пушкина «Пиковая дама» за произведеніе какого-то новаго автора, съ его плагіатной подписью имени, котораго я впрочемъ, не помню. При такихъ порядкахъ, газета влачила все лѣто жалкое существованіе и, наконецъ, въ октябрѣ того же года безвременно почила. Узнавъ объ этомъ, я отъ души пожалѣлъ и несчастную издатель-

ницу, и несчастную газету, имѣвшую всѣ шансы на долгое и полезное существованіе, если бы судьба послала ей разумныхъ руководителей. Вотъ эпитафія, которою я почтилъ память послѣдней.

Эпитафія газетѣ «Жизнь».

Угасла «Жизнь», жизнь юная, на вѣкъ...
Бутонъ тепличный, жаждавшій разцвѣта,
Тебя сгубилъ жестокій человѣкъ,
Лишивъ тепла, заботъ любви и свѣта...

Ноябрь 1885 года.

РУМЕЛІОТЪ.

ВЪ ОБЩЕСТВѢ онъ былъ извѣстенъ подъ общей племенною кличкой—румеліотъ. Въ интимныхъ же кружкахъ онъ слылъ за близкаго родственника князя Вогодпреса,—говорили даже, что это — его побочный сынъ, прижитый имъ съ одною русскою барынею, жупровавшею по Европѣ, во время всеобщаго поклоненія наполеонизму послѣ Крымской войны, и присланный въ Россію отцомъ для окончанія образованія и составленія связей. Его звали Тодоръ Добропулаки, но на визитныхъ его карточкахъ, подъ какой-то фантастической короной съ мантіей и аллегорическими никому неизвѣстными звѣрями, въ родѣ апокалепсическихъ, значилось: «*Тодоръ Тодоровичъ Добровъ, изъ Филиппополя*». На видъ это былъ чрезвычайно милый и симпатичный, молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, высокій, стройный, красивый, съ большими, черными на выкатѣ глазами и маленькими, тоненькими иглообразными, черными же усиками. Его крупная мужественная фигура, смуглыя выразительныя черты лица, маленькія, красивыя, какъ бы выточенныя руки, мягкій, звучный грудной голосъ, изящныя женственныя манеры, искренность и простота обращенія съ первой же встрѣчи располагали къ нему всякаго, а живой воспріимчивый отъ природы умъ, извѣстный свѣтскій лоскъ, предупредительность и любезность дѣлали его въ обществѣ пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ прекрасно танцовалъ, отлично дрался на рапирахъ и шпагахъ, стрѣлялъ въ туза и считался однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ. Среди дамъ имѣлъ успѣхъ, по выраженію одного остряка, злокачественный.

Профессіи его никто не зналъ, да, кажется, онъ ни къ какой профессіи и не принадлежалъ. Брался за все, но по врожденной

южанамъ живости характера, ни на чемъ сосредоточиться не могъ, и только вездѣ и всюду, какъ онъ самъ объяснялъ, испытывалъ свои львиныя силы.

Онъ гдѣ-то служилъ, т. е. былъ причисленъ къ какому-то министерству, но нашелъ это несвойственнымъ своему характеру и вышелъ въ отставку. Состоялъ при какомъ-то присяжномъ повѣренномъ, въ качествѣ атташе, но скоро соскучился и бросилъ. Ударился въ технику и плавалъ съ Александровскимъ въ подводной лодкѣ, леталъ съ Костовичемъ на воздушномъ шарѣ; когда же въ техническомъ комитетѣ возгорѣлась война, штурмовалъ совѣтъ, и рекомендовалъ Кузьминскаго болгарамъ. Пошла мода на филантропію—и не было ни одного благотворительнаго общества, гдѣ-бы онъ не членствовалъ, заглядывалъ, по временамъ, на биржу, покровительствовалъ скотамъ, нисходилъ въ міръ искусствъ, наукъ и художествъ, знакомился съ артистами и артистками и самъ обращался, когда нужно было, въ любителя-лицедѣя. Но все это служило ему, для извѣстныхъ цѣлей, показною декоративною обстановкою, въ дѣйствительности-же онъ былъ болгарскимъ политическимъ корреспондентомъ, переписывался съ вожаками партіи дѣйствія и сообщалъ имъ все, что успѣвалъ здѣсь провѣдать.

Лучшимъ его другомъ считался драгоманъ Мильтіадъ-Бей, съ которымъ онъ постоянно гулялъ по Невскому подъ ручку. По вечерамъ къ нему собирались сербы, греки, румыны и вообще люди, которыхъ можно употребить для извѣстныхъ цѣлей.

Изъ всего, и изъ всѣхъ и каждаго онъ умѣлъ извлекать выгоду. Я его встрѣчалъ у Маріи Осиповны Асланбековой, съ которой онъ давно уже водилъ тѣсную дружбу. Прошлымъ лѣтомъ я жилъ, по обыкновенію, у себя въ «Озеркахъ». Кто не знаетъ этотъ благословенный уголокъ, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, въ благодатномъ оазисѣ трехъ озеръ, между Лѣснымъ, Коломягами и с. Парголово, прорѣзываемый двумя дорогами: Финляндской желѣзной и Выборгскимъ шоссе, и окаймленный двумя громадными старыми парками: Шуваловскимъ и Удѣльнымъ. Уголокъ этотъ возникъ весьма недавно, чрезвычайно быстро обстроился и овладѣлъ всеобщей симпатіей. Оптимисты предсказывали, что со временемъ онъ сдѣлается соперникомъ Павловску. Въ его вокзалѣ играли оркестры, дирижируемые Главачемъ, Флиге и Энгелемъ, и привлекали многочисленную публику; но покупка вокзала увеселительною компаніею трехъ генераловъ положила конецъ

развитію счастливаго уголка, и «Шувалово» зажило буржуазною жизнію. Ни елагинскій пуантъ, ни крестовскій яхтъ-клубъ съ его гонками, ни новодеревенскіе театры-вертепы, ни Павловскій вокзалъ, ни Петергофскія и Царкосельскія скачки не нарушаютъ здѣсь мирнаго сна дачника, желающаго возстановленія силъ, свободы и покоя: все далеко и несподручно. Здѣсь можно только гулять, купаться, удить рыбу и кататься на лодкѣ. О театрѣ и музыкѣ, стоящихъ здѣсь, теперь, на невысокой степени развитія, даже не говорятъ. Вотъ сюда-то, прошлымъ лѣтомъ, по совѣту доктора, переѣхала на дачу и Марья Осиповна Асланбекова.

Я бывалъ у ней по сосѣдству запросто, узналъ короче Тодора Тодоровича и оцѣнилъ по достоинству беззавѣтную, незнавшую границъ, словомъ, неземную привязанность къ нему Марьи Осиповны. Марья Осиповна принадлежала къ числу натуръ экзальтированныхъ, самолюбивыхъ, сильныхъ и крайне самонадѣянныхъ. Она была единственная дочь зажиточнаго новороссійскаго помѣщика, воспитывалась въ Смольномъ, кончила курсъ съ золотою медалью и, потерявъ вскорѣ мать, сдѣлалась полновластной хозяйкой въ домѣ старика отца, извѣстнаго въ свое время лихого черномора-моряка, любившаго свою ненаглядную Марусю до безумія. Живая, бойкая, начитавшаяся романовъ, Маруся хотѣла жить полною жизнію и, не найдя для себя идеала въ провинціи, убѣдила отца переѣхать съ нею на жительство въ Петербургъ. Здѣсь она встрѣтилась случайно съ Тодоромъ Тодоровичемъ и полюбила его со всею страстностью южной натуры, искренно и всецѣло предавшись порыву первой страсти.

Молодые люди познакомились, сблизились, и, наконецъ, объяснились въ любви. Добровъ, не теряя времени, обратился къ отцу и просилъ руки его дочери, разсчитывая получить за ней богатое приданое. Но старикъ Аслабенковъ не особенно жаловалъ молодого румеліота, не имѣвшаго, по его мнѣнію, никакихъ правъ на обладаніе его дочерью. Послѣ долгаго раздумья, послѣ нѣсколькихъ попытокъ образумить свою упрямую Марусю, онъ изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы бракъ состоялся не ранѣе, какъ черезъ годъ, когда Тодоръ Тодоровичъ устроится такъ или иначе въ обществѣ.

Юный болгаринъ не хотѣлъ подчиниться подобному рѣшенію, онъ былъ не изъ тѣхъ, у кого легко вырвать изъ рукъ намѣченную добычу. Посѣщая домъ на правахъ жениха, въ два-три мѣсяца онъ увлекъ пылкую дѣвочку и овладѣлъ ею совершенно.

Старикъ Асланбековъ не пожелалъ быть свидѣтелемъ нравственнаго униженія своей дочери и уѣхалъ въ помѣстье, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Имѣніе послѣ него осталось небольшое, но чистое, долгами необремененное. Марья Осиповна поручила его попеченію Тодоръ Тодоровича, и онъ, конечно, съумѣлъ распорядиться имъ по своему. Отъ имѣнія вскорѣ осталось одно только воспоминаніе, а деньги исчезли какъ дымъ. Вопросъ о бракѣ палъ самъ собою, да и не такое тогда было время, чтобы поднимать вопросъ о бракѣ. Марья Осиповна начала посѣщать Бестужевскіе курсы, и предалась занятіямъ. Добровъ журировалъ, но не покидалъ и ее, такъ какъ у ней было еще кой-что уцѣлѣвшее отъ порядочнаго когда-то состоянія.

Она отдавала ему все, что имѣла, отказывая иногда себѣ въ необходимомъ, проводила дни и ночи за работою, переводила трактаты иностранныхъ ученыхъ о воспитаніи, писала отчеты о трудахъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ, сочиняла разсказы для дѣтей. Ея труды стали обращать на себя вниманіе публики, критика заговорила о нихъ и матеріальное ея положеніе до извѣстной степени упрочилось.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ и годъ—другой пробѣжали незамѣтно. На дачу въ Шувалово она переѣхала, чтобы отдохнуть, собраться съ силами и зимой снова приняться за усиленный трудъ. Ей улыбалась уже надежда зажить безъ нужды, тѣмъ болѣе, что и самъ Тодоръ Тодоровичъ не сталъ уже такъ безпощадно вымогать у нея денегъ.

Но Тодоръ Тодоровичъ, переставъ вымогать деньги, сталъ болѣе равнодушно относиться къ прелестямъ своей экъ-невѣсты. Визиты его на дачу значительно сократились и съ каждой недѣлею онъ сталъ все рѣже и рѣже бывать у прелестнѣйшей Марьи Осиповны. На глазахъ ея появились слезы, слезы обманутой любви, слезы самыя обильныя и самыя жгучія. Упреки, жалобы и вздохи смѣнили такъ часто раздававшійся прежде ея живой, безпечный смѣхъ. Лѣто—это чудное, жаркое, красное лѣто проходило быстро, и еще быстрѣй уносило ея молодое, такъ много обѣщавшее и бурями страстей, до сихъ поръ, не омраченное еще, счастіе.

Наступилъ августъ. Семейные дачники потянулись въ городъ, чтобы дать дѣтямъ возможность посѣщать учебныя заведенія. Бессемейные же продолжали наслаждаться послѣдними днями столь рѣдкаго въ Петербургѣ теплаго и ведренаго лѣта. Сижу я какъ-то утромъ за чайнымъ столомъ на балконѣ своей дачи и пробѣгаю

газеты. Вдругъ кто-то позвонилъ у парадныхъ дверей. Жанъ-Жакъ бросился отворить двери, въ столовой зашуршало шелковое платье, и мальчикъ робко доложилъ мнѣ, что пришла Марья Осиповна и желаетъ меня видѣть.

— Марья Осиповна! и такъ рано! теперь еще нѣтъ 10-ти часовъ!.. гдѣ-жъ она?

— Въ серебряномъ кабинетѣ.

— Попроси подождать... и дай мнѣ скорѣй одѣваться!

Не успѣлъ я пройти въ спальную и притворить за собою двери, слышу стукъ и окрикъ: «къ чему вы задумали разодѣваться, выходите въ халатѣ, какъ есть, вы мнѣ очень нужны!»

— Сейчасъ, Марья Осиповна, мнѣ нужно одѣться, чтобы ѣхать въ городъ.

— Ну, такъ скорѣй же! скорѣе! торопила она меня, стуча въ дверп.

Набросивъ на плечи сюртукъ и расчесавъ бороду, я вышелъ къ ней.

— Что случилось?.. вы больны?—спрашиваю я ее, приглашая сѣсть въ кресло,—на васъ лица нѣтъ, такъ вы блѣдны...

— Постойте, дайте съ силами собраться, я не могу говорить... Я всю ночь плакала какъ ребенокъ, да и теперь, какъ я только вспомню, слезы невольно подступаютъ къ глазамъ,—и она горько заплакала.

— Да что у васъ за горе? разскажите... довѣрьтесь... быть можетъ, я могу быть вамъ чѣмъ нибудь полезенъ...

— Да, да, можете быть полезнымъ... Я затѣмъ и пришла къ вамъ, чтобы вы помогли мнѣ... И она схватила меня за руки, и крѣпко сжимая ихъ, какъ будто кто-нибудь хотѣлъ оторвать ее отъ меня, наклонилась ко мнѣ и вскрикнула: Теодоръ оставилъ меня!..

— Кто вамъ сказалъ это?

— Онъ самъ!

— Что же онъ? влюбился въ другую?

— Нѣтъ.

— Или заговорило въ немъ чувство ревности? возбудилось подозрѣніе въ невѣрности? нашлись поводы къ неудовольствію?

— Ничего подобнаго не бывало.

— Такъ что же за причина?—И со всей предупредительностью любезнаго хозяина, я усадилъ ее въ кресло.

— Моя бѣдность... У меня ничего нѣтъ,—говорила она, обли-

ваясь слезами...—все что было, я отдала уже ему... Здоровье пошатнулось, я столько работала, столько перенесла... Свѣжесть блекнетъ... Ему скучно со мной, онъ пресытился... я ему надоѣла!... я ему опротивѣла!... Мое присутствіе тяготитъ его. Мой видъ возбуждаетъ въ немъ досаду и злобу. Вчера вечеромъ онъ сказалъ мнѣ, что если бы его судъ приговорилъ въ наказанье провести со мной двадцать четыре часа, то онъ выбросился бы въ окно!.. Изъ устъ его я услышала свой смертный приговоръ... Онъ самъ произнесъ его мнѣ и такъ безпощадно... послѣ всего, что я для него сдѣлала!..—И она откинулась на спинку кресла и судорожно захохотала.

Я не зналъ, что дѣлать; ея истерическій нервный смѣхъ смѣнился рыданіями. Она плакала, кричала, произносила безсвязные звуки, обращалась съ упреками къ небу, кляла день рожденія. Это былъ ураганъ скорби, ужаса и отчаянія, и всѣ мои усилія успокоить ее—оказались напрасными. Я передалъ ее на руки женщинъ и удалился. Чрезъ нѣсколько времени она позвала меня.

— У меня есть къ вамъ просьба, для нея-то я и пришла къ вамъ... исполните-ли вы ее?

— Если могу.

— Послушайте. Онъ васъ такъ уважаетъ... вы знаете все, что я для него сдѣлала... Я хочу поговорить съ нимъ при васъ... Быть можетъ, онъ постыдится высказаться предъ вами такимъ, каковъ есть. Не думаю, чтобы у него хватило на это духа и безстыдства. Передъ вами онъ сробѣетъ. Почемъ знать, какъ могутъ подѣйствовать на него мое отчаяніе и ваше присутствіе. Можете вы поѣхать къ нему со мной.

— Извольте.

— Ну, такъ поѣдемъ.

Она была такъ разстроена, что ѣхать съ ней на поѣздѣ желѣзной дороги оказывалось не вполнѣ удобнымъ, и я послалъ за экипажемъ. Черезъ часъ мы отправились въ городъ въ каретѣ. Забившись въ уголъ, она всю дорогу молчала, я тоже не тревожилъ ее вопросами. Но по мѣрѣ приближенія къ Петербургу, я замѣтилъ, что въ ней происходитъ страшная внутренняя борьба: она что-то говорила сама съ собой, руки ея дрожали, зубы начинали стучать какъ въ лихорадочномъ ознобѣ, колѣна бились другъ о друга.

— Вернемся домой, сказалъ я ей участливо, вы нездоровы. Поѣздка эта еще болѣе разстроитъ васъ.

— Да, я стала ужасно нервна, но я должна быть у него,— отвѣчала она съ твердостью,—хочу увидѣться еще хоть разъ съ нимъ.... Какъ знать? быть можетъ я умру скоро...

И мы поѣхали.

Въ 12 ч. дня мы вошли въ квартиру Доброва и застали его сидящимъ за телеграммой въ Филиппополь, въ халатѣ и фескѣ. Онъ привѣтствовалъ меня легкимъ движеніемъ руки и продолжалъ свое дѣло. Потомъ всталъ, отправилъ человѣка подать составленную имъ телеграмму, подошелъ ко мнѣ, крѣпко пожалъ руку и сказалъ: «вотъ, батюшка, убѣдитесь, насколько наши дамы сумазбродны!... Зачѣмъ она притащила васъ ко мнѣ?»

Не успѣлъ я отвѣтить ему, какъ онъ обратился съ упреками къ Маріѣ Осиповнѣ.

— Что вамъ еще нужно, сударыня, отъ меня? Вѣдь я уже объяснился съ вами. Я сказалъ вамъ, что больше не люблю васъ... Я сказалъ вамъ это съ глазу на глазъ, вамъ желательно, чтобы я повторилъ это при свидѣтелѣ—извольте! Торжественно и всенародно заявляю, что я васъ разлюбилъ, что любовь къ вамъ, когда-то сильная и пламенная, погасла въ моемъ сердцѣ, и можете быть увѣрены, погасла ко всѣмъ женщинамъ вообще. Если- бы я сдѣлалъ подобное заявленіе другой женщинѣ, она не рѣшилась бы меня преслѣдовать своей любовью, а вы!...

— Я желала бы знать, за что вы перестали любить меня?

— Этого я и самъ не знаю... Любилъ я васъ, не зная за что, и разлюбилъ, не зная за что... Знаю только, что страсть прошла, и прошла безвозвратно. И что такое подобрая страсть? Юношеское увлеченіе, отъ котораго чѣмъ скорѣе отдѣлаться, тѣмъ лучше.

— Но нѣтъ-ли за мной какой-нибудь вины?

— Вины за вами я никакой не знаю.

— Быть можетъ, вы имѣете причины упрекнуть въ чемъ-нибудь мое поведеніе?

— Ни въ чемъ рѣшительно. Вы были для меня самой вѣрной, честной, любящей женщиной, какую человѣкъ можетъ пожелать себѣ.

— Быть можетъ, я не сдѣлала для васъ чего-нибудь такого, что могла сдѣлать?

— Не думаю.

— Конечно, вамъ извѣстно, что я пожертвовала для васъ старикомъ-отцомъ, который съ горя умеръ?

— Да.

— Состояніемъ?
— Не спорю.
— Годами тяжелаго труда, здоровьемъ?
— Очень можетъ быть.
— Честью, репутаціей, спокойствіемъ?
— Не отвергаю.
— И за все это вы прогоняете меня?
— Что дѣлать, необходимо.
— Почему же необходимо? Неужели вы могли возненавидѣть меня?
— Къ сожалѣнію, да!
— Я стала ненавистна ему! О, Боже, ненавистна!.. Послѣ этого я становлюсь самой себѣ гадка!.. а!.. ахъ!.. и смертная блѣдность покрыла ея лицо, губы побѣлѣли, зубы стиснулись, голова опрокинулась на спинку кресель, нервная дрожь пробѣжала по тѣлу, съ ней сдѣлался продолжительный обморокъ.

Пока я хлопоталъ привести ее въ чувство, Добровъ равнодушно ходилъ по комнатѣ и курилъ сигару.

— Нельзя-ли послать за докторомъ? обратился я къ нему, вѣдь она можетъ умереть.

— Женщины отъ такихъ пустяковъ, не умираютъ, отвѣчалъ онъ улыбаясь, это все вздоръ, дайте ей воды и она сейчасъ очнется. Вы не знаете нашихъ дамъ, онѣ могутъ всякія штуки продѣлывать надъ собою.

— Да вы взгляните, она совсѣмъ безъ чувствъ.

— Пренепріятная сцена! надѣюсь по крайней мѣрѣ послѣдняя. Чего она ко мнѣ лѣзетъ! Любилъ я ее, а теперь не хочу, ну, и пусть убирается къ чорту.

— Какъ же такъ убираться къ чорту? Развѣ порядочный человѣкъ можетъ обобравши женщину, посылать ее къ чорту?

— Что же мнѣ дѣлать? Я такъ же бѣденъ, какъ и она.

— Какъ что дѣлать? Соединить свою бѣдность съ ея бѣдностью, до которой, впрочемъ, довели ее вы—вотъ что! Не нужно забывать ни ея привязанности къ вамъ, ни того, что она для васъ сдѣлала.

— Благодарю покорно! отвѣчалъ Добровъ, ставши въ позу и низко поклонившись. Помножить бѣдность на бѣдность, выйдетъ нищета въ квадратѣ, отчего ни ей легче не было бы, ни мнѣ. Что же касается того, что она для мена сдѣлала, то за это я квитался съ нею потеряннымъ для нея временемъ, заплатилъ ей самой

дорогой монетой жизни—первой молодостью. Возясь съ ней, я ничего не могъ сдѣлать, чтобы мнѣ выдѣлиться изъ толпы, я остался тѣмъ же, чѣмъ былъ. А мнѣ уже скоро 25 лѣтъ. Пора подумать о себѣ, иначе будетъ поздно...

И онъ любезно раскланялся со мной, пошелъ переодѣться, и отправился на свою обычную утреннюю прогулку. Пришлось самому посылать за докторомъ и отвезти больную домой, на городскую квартиру, такъ какъ на дачу она ѣхать не могла.

Спустя нѣсколько времени я встрѣтилъ Тодора Тодоровича на Невскомъ; онъ сказалъ мнѣ, что на-дняхъ же уѣзжаетъ на родину, гдѣ событія, по всей вѣроятности, помогутъ ему схватить капризную фортуну на бѣгу. Между тѣмъ, какъ впослѣдствіи оказалось, онъ уѣхалъ съ одной пожилой купчихой-вдовой въ Новгородъ, гдѣ она обѣщала предоставить въ его распоряженіе и домъ, и средства для устройства кафе-шантана *à la Семейный садъ*.

Подобныя вѣсти еще болѣе огорчили Марью Осиповну. Она сидѣла дома въ какомъ-то оцѣпѣненіи и не могла работать. Заказанныя ей статьи доставлены къ сроку не были и она осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Началось прозябаніе. Помощь друзей доставила ей маленькую меблированную комнатку у одной изъ подругъ ея, Агнесы Каэтановны Сіоницкой, содержавшей заработками на урокахъ себя и двухъ старушекъ—мать и бабушку. Заботы и уходъ вѣчно веселой и всѣмъ довольной Агнесы Каэтановны много способствовали къ оживленію Марьи Осиповны. Чрезъ нѣсколько недѣль она гуляла уже въ скверѣ и начинала подумывать о работѣ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ она сѣла за работу и началась обычная трудовая сѣренькая жизнь литературной труженицы.

Но вотъ въ одно изъ воскресеній посѣтила ее одна знакомая старушка, изъ числа тѣхъ всесвѣтныхъ всезнаекъ, которыя занимаются соединеніемъ любящихъ сердецъ. За кофе она начала разсказывать петербургскія новости и, между прочимъ, сообщила Марьѣ Осиповнѣ, что ея Теодоръ, обобравъ новгородскую Марѳу-Посадницу, вернулся въ Питеръ и жируетъ.

— И какъ это ему все удается,—расписывала старуха-всезнайка, попивая кофеекъ,—женщины табунами за нимъ ходятъ. То жена церковнаго старосты на Петербургской сторонѣ изъ-за него съ сестрой родной разодралась, то дочь банкира-жида отъ папаши со шкатулкой къ нему сбѣжала, то вотъ на-дняхъ невѣсту онъ у

одного чиновника захороводилъ и сманилъ... Денегъ куры не клюютъ, горстями разбрасываетъ...

Разсказъ этотъ растравилъ только-что начинавшую заживать рану въ сердцѣ Марьи Осиповны. Распросивъ старуху, гдѣ ютится въ Петербургѣ по возвращеніи любвеобильный румеліотъ, она на утро, не сказавъ никому ни слова, отправилась на поиски своего возлюбленнаго. Въ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ онъ постоянно бывалъ, ей сказали, что его нѣтъ, что онъ больше недѣли какъ получилъ важныя телеграммы и уѣхалъ на родину, и когда вернется—неизвѣстно. Въ двухъ-трехъ домахъ ничего не сказали, въ двухъ-трехъ домахъ сказали—чего не слѣдовало говорить. Поиски Тодора Тодоровича кончились весьма трагически: Марья Осиповна, возвратясь домой въ самомъ дурномъ настроеніи духа, рѣшилась покончить съ собой и ночью принявъ настой фосфорныхъ спичекъ, отравилась.

Отправленная въ больницу, она промучилась тамъ еще нѣсколько недѣль и умерла отъ сильнаго нравственнаго потрясенія. Почти передъ самою смертью, она была крайне обрадована полученіемъ отъ Тодора Тодоровича письма изъ Филиппополя, въ которомъ онъ увѣдомлялъ ее, что Румелія воскресла для новой жизни, что онъ, бывшій румелійскій агентъ въ Петербургѣ, получилъ видный постъ въ новомъ болгарскомъ управленіи и что для полнаго счастія ему недостаетъ только ее, такъ много любившей и такъ много принесшей ему въ жертву. «Если ты не не навидишь меня—писалъ онъ ей:—пріѣзжай, я возвращу тебѣ мой долгъ сторицею, и за любовь воздамъ вѣчной преданностью и обожаніемъ. Много женщинъ любилъ я, но подобной тебѣ я не находилъ и не найду...» Бываютъ же такіе, неподдающіеся никакому анализу, скачки въ любви у южанъ...

Когда ей прочитали это письмо, она всплеснула руками и зарыдала. Рыданія перешли въ истерику, истерика—въ горячку и бредъ... Черезъ недѣлю ея не стало. Не слишкомъ-ли поздно оцѣнилъ пылкій и страстный румеліотъ любовь русской женщины: она умерла въ то время, когда онъ схватилъ наконецъ капризную фортуну на бѣгу и рѣшилъ начать новую жизнь, вполнѣ достойную славянина.

Августъ, 1886 г.
С.-Петербургъ.

ПИСЬМО КЪ ГЕНЕРАЛУ ФОНСЕКА.

Положительно въ восторгѣ отъ васъ, старый, дорогой мой другъ, и, должень сознаться, недоумѣваю, когда это вы имѣете время и успѣваете, вводя новые порядки въ подчинившейся вамъ обширной и богатой странѣ, слѣдить за всѣми событіями въ Европѣ вообще, и въ Россіи и Франціи въ особенности. И что болѣе всего меня изумляетъ,—это то, что вы обращаете особенное вниманіе на нашу домашнюю жизнь, на наше внутреннее развитіе, и, главное, на всѣ тѣ мѣры, которыя принимаются у насъ правительствомъ и органами городскаго и земскаго самоуправленія для развитія, укрѣпленія и процвѣтанія національнаго нашего самочувствія, труда, дѣла и богатства. Отъ вашего опытнаго административнаго взгляда не ускользнули ни капитальнѣйшая реформа настоящаго царствованія—устройство мѣстнаго управленія, ни столкновеніе въ средѣ московскихъ законовѣдовъ-юристовъ, окрещенное чрезвычайно мѣтко одною нашею газетою «избіеніемъ юридическихъ младенцевъ», ни посѣщеніе нашихъ столицъ королемъ теноровъ Мазини. Все васъ интересуетъ—и вы просите объяснить значеніе фактовъ, желаете знать связь между наиболѣе выдающимися явленіями общественной жизни и, наконецъ, задаете такой серьезный и важный вопросъ: къ чему стремится Россія и что ей нужно?

Тяжелыя вериги вы возлагаете на рамена мои, достоуважаемый синьоръ. Чтобы удовлетворить желаніе ваше вполнѣ, т. е. правдиво, искренно и всесторонне, нужно написать нѣсколько громадныхъ фоліантовъ, для чего у меня нѣтъ ни достаточно свободнаго времени, такъ какъ жизнь требуетъ ухаживаній за нею, ни тѣхъ многосторонних спеціально-научныхъ знаній, которыя необходимы

для серьезнаго изслѣдованія тысячи вопросовъ, интересующихъ васъ. Поэтому, слагая съ себя всякую юридическую непогрѣшимость, буду писать къ вамъ, дорогой сэръ, въ отвѣтъ на заданные вами вопросы и вообще о животрепещущихъ новостяхъ нашей внутренней жизни, по стольку, по сколько могу, ни на одну іоту болѣе или менѣе, такъ вы и знайте, сериниссиме и иллюстриссиме эчеленца!

Затѣмъ, приступимъ къ дѣлу.

Мѣра, принятая совѣтомъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ противу ихъ помощниковъ не только не нарушаетъ ихъ интересовъ, но, напротивъ, вполнѣ цѣлесообразна и легальна. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на это столкновеніе большинство нашего интеллигентнаго общества. Прежде всего обратимъ вниманіе на слѣдующіе факты. Что такое былъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго? Это былъ только что вылупившійся изъ яйца научной подготовки птенецъ, по отношенію патрона игравшій роль высиженнаго курицей утенка. Едва оперившись, онъ вылеталъ изъ подъ крыла матери-насѣдки и бросался въ мутные потоки городскихъ каналовъ жизни, плавалъ въ нихъ, гулялъ на волѣ, ловилъ червячковъ и нерѣдко погибалъ унесенный теченіемъ волнъ или подъ ударомъ хищнаго ястреба. Польза отъ него обществу была такая же, какъ и польза отъ утенка, т. е. надежда, что онъ современемъ превратится въ утку. Конечно, вездѣ и во всемъ есть исключенія, и среди помощниковъ находились очень дѣльные и достойные молодые люди, но большинство ихъ—а рѣчь идетъ о большинствѣ—только и знало, что жупировало, ухаживало за женами своихъ патроновъ или другими молодыми дамами, играло въ винтъ или на тотализаторѣ, и вело дѣла—на ихъ взглядъ, выгодныя и юридически и нравственно честныя. Общественное положеніе помощника было завидное: онъ ни отъ кого не зависѣлъ, дѣлалъ только то, что хотѣлъ, позировалъ вездѣ и всюду съ апломбомъ знатока—юриста и дѣльца, оставаясь внѣ всякаго контроля, и неумудренный опытомъ жизни, не обладая достаточно твердой силой воли, при первомъ соблазнительномъ искушеніи падалъ и увлекалъ въ своемъ паденіи кліентовъ. Не слѣдовало ли прекратить подобное анормальное положеніе цѣлаго класса людей, имѣющихъ предназначеніе быть опорой слабому и защитникомъ обиженному и гонимому? Московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ очень хорошо понялъ, что дальнѣйшее попустительство можетъ привести къ очень печальнымъ

послѣдствіямъ и принялъ мѣры. Согласитесь сами, генералъ, не то же ли самое вы дѣлаете въ Бразиліи? Нѣкоторые присяжные повѣренные, остались, конечно, недовольны, и обжаловали принятые совѣтомъ мѣры въ судебной палатѣ. Что-жъ! есть ли на свѣтѣ хоть одна практически принятая мѣра, которая не вызвала бы чьего нибудь протеста? Это всего лучше должно быть извѣстно вамъ, эччеленца. Что же касается тѣхъ «*бѣдныхъ*» помощниковъ, какъ вы называете подлежащихъ отчисленію, то они ничего оттого не потеряютъ. Напротивъ, даже выиграютъ. Всѣ они могутъ поступить на открывающіяся вновь вакансіи участковыхъ начальниковъ, такъ какъ всѣ они—юристы, всѣ—практики, и всѣ имѣютъ, или могутъ имѣть цензъ. Пожелаемте же имъ, дорогой другъ, всякаго успѣха и счастія!

Мѣстная реформа имѣетъ глубокій смыслъ и большое значеніе для русской жизни. Съ освобожденіемъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, общественное ихъ самоуправленіе первоначально находилось въ вѣдѣніи мировыхъ посредниковъ. Съ теченіемъ же времени институтъ посредниковъ былъ упраздненъ и надзоръ за сельскою администраціею былъ порученъ особымъ присутствіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. Всѣ же прочія функціи крестьянской жизни, ихъ быта, занятій и семейныхъ дѣлъ оставались внѣ всякаго наблюденія и попеченія. Сельскій староста, волостной старшина и богиня разума, своя собственная, традиціонная, деревенская, управляли и заправляли нашими мужичками и всѣмъ ихъ достояніемъ, заботились о ихъ нуждахъ и вели ихъ по пути гражданственности и преуспѣянія. Такая оригинальная гегемонія, дала, какъ говорятъ, очень плачевные результаты. Въ крестьянскій міръ проникла праздность и шатаніе мысли, появился разгулъ и пьянство, нравственность пала и мужикъ, пренебрегая трудомъ, бѣднялъ, хозяйство его ницплось и пауперизмъ и бродяжество, развиваясь, стали пускать въ сельскомъ людѣ свои ядовитые корни. Нужно было остановить начавшееся разложеніе ячейка государства—крестьянской общины, потребность сильной руководящей власти сказалось слишкомъ наглядно,—и вотъ правительство, наконецъ, пожелало урегулировать нетерпимую ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ распущенность. Потребность въ этомъ сознавалась давно, и даже въ минувшемъ царствованіи были сдѣланы кой какія попытки къ принятію нужныхъ мѣръ. Но вся честь инициативы и проведеніе въ жизнь утвержденной въ законодательномъ

порядкѣ реформы мѣстнаго управленія принадлежитъ всецѣло покойному графу Д. А. Толстому и его преемнику И. Н. Дурново. Эти государственные люди стали на высоту принятой ими на себя задачи, потрудились и подарили Россіи свой серьезный и глубокообдуманный трудъ. Ихъ заслуги отечеству, конечно, оцѣнитъ потомство по достоинству, когда оно пожнетъ плоды посѣяннаго ими, а мы, какъ пахари, можемъ только радоваться, что нива, наконецъ, вспахана и засѣяна. Мы знаемъ зерно—какое посѣяно, и знаемъ, что оно можетъ дать, но каковъ будетъ урожай—воля Божья!

Участковые начальники введены пока въ шести губерніяхъ, въ прочихъ губерніяхъ они будутъ вводиться постепенно, по мѣрѣ открытія государственнымъ казначействомъ потребныхъ для того средствъ, такъ что можно надѣяться, что часть губерній получитъ участковыхъ начальниковъ въ концѣ нынѣшняго, а другая часть—въ будущемъ году.

Введеніе мѣстнаго управленія поднимаетъ духъ нашихъ дворянъ-землевладѣльцевъ и встрѣчено всѣми сочувственно, кромѣ, конечно, тѣхъ особей, которые заинтересованы существующимъ порядкомъ вещей. Оппозиція этихъ протестантовъ можетъ быть охарактеризована такъ:

Нашъ земецъ въ тревогѣ: реформа созрѣла,
Въ участки начальниковъ ждутъ,
Убрать «*міроѣда*»—рѣшенное дѣло:
Живновскій съ Налетовымъ пьютъ.

* * *

— Ремонты ослабнутъ, вздыхаетъ подрядчикъ;
— Мѣста и доходъ отпадутъ,
Акцизъ не оплатишь, томится кабатчикъ,
Дерновъ съ Колупаевымъ пьютъ.

* * *

— Суды мировые закроютъ, окладамъ,
Прибавкамъ, разъѣзднымъ—капутъ,
Іудушка плачетъ, придя къ камерадамъ,
Лузгинъ съ Подхалимовымъ пьютъ.

* * *

— Что будетъ—то будетъ, но пусть кулебяку,
Сокуровъ рѣшаетъ, пекутъ:
Послѣдній кусъ земскій съѣдимъ не безъ смаку,
Удавъ съ Корепановымъ пьютъ.

* * *

И вотъ кулебяку ѣстъ земецъ пашъ толстый,
Грясучкины рѣчи ведутъ,
Дыба съ Колупаевымъ дѣлаютъ тосты:
«За будущій рубль»—и всѣ пьютъ.

Вотъ сущность всѣхъ протестовъ. Но какая новая мѣра—повторю—не вызываетъ чьего-нибудь протеста? Если бояться протестовъ, то ничего нельзя предпринимать. Поэтому, вы, вѣроятно, порадуетесь, сэръ, узнавши, что число протестантовъ весьма незначительно, и что реформа приводится въ исполненіе при искреннемъ сочувствіи большинства народонаселенія.

Мазини въ Петербургѣ производитъ фуроръ, гораздо больній, эчеленца, чѣмъ та испанка, которая, помните, пѣла намъ въ Пуэблѣ, у Донъ-Энрико, когда мы съ вами шли на выручку бѣднаго Максимиліана, и у ногъ которой засидѣлись немножко долѣе, чѣмъ слѣдовало, и опоздали въ Кверетаро. Король теноровъ особенно хорошъ былъ въ «Фаворитѣ» и «Искателяхъ жемчуга». Послѣднюю оперу онъ бралъ для своего бенефиса. Всѣ мы, конечно, а наши дамы въ особенности отъ него въ восторгѣ, и результатами своей поѣздки въ Россію Мазини недоволенъ быть не можетъ: онъ уже переслалъ черезъ Ліонскій банкъ на родину до 100,000 рублей, и говорятъ, болѣе 100,000 руб. увезетъ еще съ собою. Вѣдь это, сэръ, 800,000 пезетовъ—премія, приличная даже для особы болѣе крупнаго ранга.

Изъ этого, мой дорогой другъ, вы можете заключить, что Россія не такъ бѣдна, какъ говорятъ иностранные публицисты. Обращу просвѣщенное вниманіе ваше на то, что нашъ государственный бюджетъ въ настоящемъ году 970 мил., а въ будущемъ, вѣроятно, достигнетъ милліарда рублей. Столько же, если не болѣе, мы плотимъ еще земскихъ, городскихъ, нотаріальныхъ и судебныхъ сборовъ, обложеній и пошлинъ, да еще столько же, если еще не больше, наѣзжающимъ къ намъ пѣвцамъ, пѣвицамъ, балеринамъ, престижидаторамъ и своимъ доморощеннымъ жидамъ—ростовщикамъ, собирающимъ съ насъ деньги подъ разными предлогами: однѣ берутъ за доставляемыя намъ удовольствія, другія—за пользованіе средствами, которыя предоставляютъ намъ для полученія удовольствій. Въ общемъ итогѣ это составитъ три милліарда рублей, или двѣнадцать милліардовъ пезетовъ: какая страна, сэръ, платитъ болѣе?

Засимъ, чтобы отвѣтить вамъ, дорогой другъ мой, на вопро-

сы: къ чему стремится Россія? и что ей нужно? я позволю себѣ набросать программу нашихъ національныхъ задачъ для мирнаго развитія великой сѣверной имперіи.

Возсоединиться съ нашими славянскими братьями, конечно, составляетъ нашу исконную, завѣщанную намъ вѣками, мечту, но пока—только мечту, такъ какъ событія въ Европѣ еще достаточно не назрѣли. Распространяться, слѣдовательно, объ этомъ нечего. Мечта—пока останется мечтою. Завладѣніе Константинополемъ, не смотря на всю заманчивость нашей завѣтной миссіи—водрузить на куполѣ Св. Софіи крестъ, вмѣсто полумѣсяца, для подарка грекамъ—по выраженію князя Бисмарка, не стоитъ костей одного померанскаго гренадера. Основаніе же тамъ новой русской столицы, вдали отъ народа, отъ центровъ его силы, жизни и дѣятельности едва ли можетъ удовлетворять чувствамъ любящаго свое отечество русскаго человѣка. Намъ нужны проливы для выхода въ Средиземное море, но не Константинополь. Жить «*на отлетѣ*», «*на огородахъ*», «*на задворкахъ*», какъ выражается нашъ народъ, мы не любимъ. Насъ не удовлетворяетъ даже созданная нами самими столица на берегахъ Невы. Всѣ наши стремленья и помыслы, всѣ наши завѣтныя мечты и думы заключаются въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе выбраться изъ него, уйти къ себѣ на старое пепелище, туда, гдѣ собиралась и создавалась Русь—въ Москву Бѣлокаменную. Москва была колыбелью Руси и должна сдѣлаться ея сердцемъ. Когда это случится—скоро сказка говорится, не скоро дѣло дѣлается,—мы не знаемъ, но вѣруемъ и исповѣдуемъ, что это должно быть, и будетъ, будетъ потому, что интересы Россіи—рано или поздно—заставятъ это сдѣлать. Петербургъ хорошъ, великъ, красивъ, лежитъ на красавицѣ Невѣ, близь моря, у окна въ Европу, онъ лучше всѣхъ другихъ русскихъ городовъ, но для него нельзя жертвовать интересами Россіи. Пусть онъ принесетъ Россіи жертву, а не Россія для него. Всѣ другіе портовые города: Рига, Ревель, Архангельскъ, Владивостокъ, Одесса, Батумъ живутъ для Россіи, почему же Петербургъ долженъ быть исключеніемъ? Развѣ потому, что онъ обстроился лучше другихъ городовъ, но это не причина: онъ обстроился на счетъ всей Россіи и долженъ чѣмъ нибудь вознаградить ее за это. Raison d'être его существованія могъ быть уважителенъ, когда Петръ прорубалъ окно въ Европу, и позднѣе, когда Россіи нужно было кокетничать съ своею милою обворожительной сосѣдкой. Онъ былъ необходимъ для

связей съ Европой, когда Москву отдѣляло отъ нея пространство разстоянія, но теперь, когда въ семьѣ народовъ мы заняли подобающее намъ мѣсто и въ заискиваніяхъ надобности не имѣемъ, когда желѣзныя дороги и телеграфъ уничтожили разстояніе,—роль его оказывается сыгранной, и русскому народу приходится рѣшать вопросъ о бытіи столицы не съ точки зрѣнія ея наружной сановитости и красоты, а пользы для развитія и процвѣтанія имперіи. Такъ, по крайней мѣрѣ понимаетъ всякій любящій родину русскій человѣкъ, исключая космополитовъ, которые не прочь считать столицей Руси Парижъ или Нью-Іоркъ. Но о такихъ почтенныхъ господахъ рѣчи нѣтъ. Не забудьте, сэръ, что я отвѣчаю по вашему вопросу и указываю только: куда мы стремимся. Слѣдовательно, вопросъ находится еще въ области теоріи.

Резюмирую сказанное. Когда мѣстная реформа будетъ осуществлена во всѣхъ ея деталяхъ, когда русская жизнь войдетъ въ уровень своего нормальнаго теченія, когда въ массѣ народа глубоко укоренятся чувства самосознанія и самоуваженія,—перенесеніе столицы въ Москву явится дѣломъ настоятельно необходимымъ. Конечно, безъ борьбы, и борьбы продолжительной и упорной, оно состояться не можетъ, но въ концѣ концовъ осуществиться должно, и осуществится.

Но вы, достопочтенный другъ мой, быть можетъ, улыбнетесь и скажете: изъ-за чего вы такъ хлопочете? не все ли равно, гдѣ будетъ ваша столица—въ Москвѣ, или въ Петербургѣ: отъ этого вы ни богаче, ни славнѣе не будете.

Да, генералъ, если смотрѣть поверхностно, какъ смотритъ теперь и большинство нашихъ соотечественниковъ, то окажется, что вы правы и отъ перенесенія столицы мы не будемъ ни богаче, ни славнѣе. Но если вдуматься и посмотрѣть на вопросъ, какъ говорилъ знаменитый нашъ народный философъ, Кузьма Прутковъ,—въ корень, то должны получиться совершенно иные результаты. Отъ перенесенія столицы изъ Петербурга въ Москву мы будемъ и богаче и славнѣе.

Почему такъ, вы, быть можетъ, улыбнетесь снова, сэръ?

А вотъ почему.

Подъ именемъ перенесенія столицы, истинный русскій патріотъ не подразумѣваетъ только перенесенія административнаго центра. Онъ разумѣетъ перенесеніе вмѣстѣ съ тѣмъ и могущества Петербурга, т. е. могущества морскаго порта. Москва должна быть соеди-

нена съ Кронштадтомъ морскимъ каналомъ такой глубины, чтобы самые глубоко сидящіе океанскіе пароходы чудовищи могли разгружаться на Москвѣ рѣкѣ, у Бабьегородской плотины, или тамъ, гдѣ найдутъ еще болѣе удобное для того мѣсто. Отъ Москвы между тѣмъ, сэръ, должны пройти желѣзныя дороги: одна—въ Китай до Пекина, другая въ Индію до Кветты, или другого какого-нибудь пункта Англо-Индскихъ желѣзныхъ дорогъ, третья—въ Архангельскъ, и четвертая до Владивостока. Такимъ образомъ, Москва сдѣлалась бы узломъ всемірной торговли и сундукомъ всесвѣтныхъ капиталовъ. Поняли ли, синьоръ, для чего нужно намъ пожертвовать красавцемъ Петербургомъ съ его прихотливыми морскими окрестностями и дачами: старушкѣ Москвѣ Господомъ Богомъ предназначено не только собрать Русь, но и обогатить ее и поставить во главѣ міровой производительности, обмѣна и торговли. Задача, надъ которой; кажется, слѣдуетъ поработать!

Но вы, я предугадываю уже, опять зло улыбаетесь, сэръ. Вы качаете головой и готовы раздавить меня вопросомъ: гдѣ мы возьмемъ денегъ? Вѣдь денегъ на все это нужно много.

Много, сэръ! дѣйствительно, много, даже очень много! Но если мы ихъ найдемъ, то они современемъ не только сами себя возвратятъ намъ, но еще, я думаю, принесутъ и хорошіе проценты. Проценты эти обогатятъ Россію. Вотъ объ нихъ то и думаетъ теперь истинный русскій гражданинъ, а не о расширеніи нашей, и безъ того обширной, территоріи, хотя бы на счетъ братьевъ-славянъ: когда мы будемъ богаты, они сами прилѣпятся къ намъ.

Но вы все таки продолжаете улыбаться, сэръ, думая, гдѣ же мы возьмемъ столько денегъ? Русскій народъ бѣденъ...

Да, синьоръ, русскій народъ, дѣйствительно, считается самымъ бѣднымъ народомъ въ мірѣ въ смыслѣ владѣнія золотомъ. Но онъ не такъ бѣденъ разумомъ, сэръ, и имѣетъ въ своемъ распоряженіи кое-что изъ естественныхъ даровъ природы, въ родѣ хлѣба, лѣса, пеньки, сала, керосина, рудъ и пр. Не забудьте при этомъ, достоуважаемый другъ мой, что народъ русскій, при всей своей бѣдности, какъ я привелъ уже выше, находитъ возможнымъ платить ежегодно податей, налоговъ и обложеній три милліарда рублей, или двѣнадцать милліардовъ пезетовъ.

Обращаясь къ деталямъ проекта, могу привести въ пользу его слѣдующія соображенія. Морской каналъ въ Москву мы можемъ прорыть сами, собственными средствами, такъ какъ ни рабочихъ

рукъ, ни хлѣба для нихъ намъ занимать не придется. Если учредится общество Московскаго морскаго канала, по примѣру Суэзскаго, то оно можетъ прорыть его на одни облигаціи, оставивъ всѣ акціи у себя дома. Все, что нужно для прорытія Московскаго канала, нашлось бы въ Россіи, и намъ не пришлось бы занимать для этого ни одного золотого пятифранковика за границей. Наши кредитные билеты одни бы сдѣлали дѣло, а акціи и облигаціи общества Московскаго канала нашли бы себѣ мѣсто въ сундукахъ русскихъ толстосумовъ. Что-же касается желѣзныхъ дорогъ: Русско-Китайской, Русско-Индской, и Русско-Океанійскихъ, то для постройки ихъ потребуется заемъ, но онъ, вѣроятно, найдетъ себѣ помѣщеніе у друзей нашихъ во Франціи и Сѣверной Америкѣ. Такимъ образомъ, дѣло можетъ устроиться, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ мы даже думаемъ. Нужна только сильная инициатива.

Что вы скажете на это, сэръ?

Фантазія! вы подумаете, конечно, съ свойственнымъ вамъ скептицизмомъ, ничего болѣе, какъ фантазія! и улыбнетесь беззвучно.

Но нѣкоторыя фантазіи имѣютъ свойство превращаться въ дѣйствительность, что, конечно, сэръ, вамъ не безъизвѣстно по опыту. Поэтому, можно думать, что и наши фантазіи когда нибудь осуществятся.

Вотъ что я долгомъ считаю отвѣтить вамъ, серениссиме и иллюстриссиме эчеленца, на вопросъ вашъ: что нужно Россіи? Какъ вы примите это заявленіе—дѣло ваше. Но не мѣшаетъ имѣть вамъ въ виду и то обстоятельство, что Москва, Парижъ, и Нью-Іоркъ имѣютъ взаимное дружеское тяготѣніе другъ къ другу, и чего они ни сдѣлаютъ, чего ни достигнутъ, идя рука объ руку къ развитію, преуспѣянію и благу своихъ народовъ.

Внемли Бразилія,
Словамъ Виргилія...

А впрочемъ, примите и пр.

1 Апрѣля
1890 года.

ОБОЗРѢНІЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ СОКРОВИЩЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

а) На академической выставкѣ 1886 года.

«Палачъ» И. Л. Аскназія.

Предъ нами бедуинъ, увѣнчанный вѣнкомъ,
Въ одной рукѣ несетъ на блюдѣ полумаску,
Въ другой — тупой тесакъ, во взорѣ видимъ ласку,
И палача признать едва-ль мы можемъ въ немъ.

«Гомеровская скала» И. К. Айвазовскаго.

Синѣетъ небо, море, горы,
Синѣетъ даже ночи мгла,
И въ синевѣ плѣняетъ взоры
Съ людьми Гомерова скала.

«Ночь въ Бахчисараѣ» Г. П. Кондратенко.

Тиха, свѣтла въ Бахчисараѣ ночь,
Какъ и у насъ, такая же точь-въ-точь.

«Юдиѳь» Зихеля.

Жидовка грязная съ Бассейной иль Фонарнаго
Позируетъ въ пивной для милаго пожарнаго.

«Двѣ аллегорическія фигуры» В. П. Верещагина.

Съ балалайкой и мечемъ
Двѣ фигуры вижу въ горѣ я,
Но не знаю, гдѣ и въ чемъ
Здѣсь таится аллегорія?

«Татаринъ» К. И. Голембіовскаго.

Сюжетъ, достойный русскія страны:
Татаринъ, продающій рваные штаны.

«Тангейзеръ и Венера» С. Р. Растворовскаго.

Авторъ юноша не совладалъ съ задачей:
Вмѣсто рыцаря Тангейзера съ Венерой,
Имъ представленъ: на пригорочкѣ, за дачей,
Буршъ пресыщенный съ кутнувшею гетерой.

«Малъ-мала-меньше» И. А. Пелевина.

Не дурно подобраны крошечки:
Малютка, собачки и кошечки.

«Въ горѣ» М. П. Боткина.

«Въ горѣ» напрасно вы ищете горе,
Трудно его отыскать:
Было-бъ правдивѣе, кажется, «Въ ссорѣ»
Эту картинку назвать.

«Догъ» Р. Ф. Френца.

Несуществующей на свѣтѣ шерсти догъ:
Нарисовать его лишь только Френцъ и могъ.

«Изъ Босфора въ Черное море» Л. Ф. Лагоріо.

Не Черное море бушуетъ волнами,
Кастрюля кипитъ съ молокомъ,
И берегъ роскошный Босфора съ дворцами
Представленъ кисельнымъ бугромъ.

«Портретъ г-жи Спасовичъ» А. Г. Горавскаго.

Костюмъ и поза—типъ провинціалки,
И зеленъ волосъ—точно у русалки.

«Царь Иванъ Грозный и его мамка» К. Б. Венига.

Не Грознаго царя, не «гнѣвъ вѣнчанный»
Ты намъ даешь, художникъ «Стрекозы»,
То—Святополкъ скорѣе окаянный,
Съ извѣстной генеральшей изъ «Грозы».

«Моисей въ пустынѣ» И. Л. Аскназія.

Міръ пустыни, міръ барановъ,
Моисей сидитъ угрюмъ,
И въ баранахъ партизановъ
Для своихъ находитъ думъ.

«Переправа» Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго.

Масляныя волны,
Вишневый песокъ,
И восторга полны
Всѣ плоты и челны:
«Братья, съ нами Богъ!»

«Діана» В. А. Боброва.

Корифейка балетная дѣлаетъ па,
Подражая въ «пуантахъ» самой Петипа.

«**Раненый трубачъ**» Б. П. Виллевальде.

Стѣны—прелесть, камни схожи,
И собачка недурна,
Но трубачъ съ избитой рожей—
Жалкій нищій у окна.

«**Богомолецъ**» Н. А. Кошелева.

Подъ личиной постной богомольца
Сербскаго призналъ я добровольца.

«**Михаилъ Глинскій въ темницѣ**» К. Альхимовича.

Кавказскій плѣнникъ въ обновленной обстановкѣ,
И дѣва горъ предъ нимъ стоитъ, нахмуря бровки.

«**Катуллъ, читающій стихи друзьямъ**» С. В. Бакаловича.

Далматовъ!.. Петипа!.. Своимъ не вѣрю взорамъ:
Катуллъ стихи читаетъ нынѣшнимъ актерамъ!..

«**Идиллія на озерѣ**» Ю. Ю. Клевера.

На озерѣ идиллія—
Вѣдь чѣмъ не шутитъ бѣсъ!—
Взросла какъ тыква—лилія,
Тросникъ превысилъ лѣсъ.

«**Видъ Кавказа съ Чернаго моря**» Г. П. Кондратенко.

Не грозный то Кавказъ, не Черное то море:
То—берегъ Генуи иль Лаго-Маджіоре.

«**Солдатъ въ костюмѣ XV вѣка**» Д. А. Бенкендорфа.

Надѣлъ костюмъ пятнадцатаго вѣка
Солдатъ лихой—чтобы идти на грека.

Три картины: «**Оксана**», «**Малороссіянка**» и «**Каскадная пѣвица**» Х. П. Платонова.

И въ Оксанѣ, и въ Хохлушкѣ, и въ Пѣвицѣ,—
Все съ одною мы встрѣчаемся дѣвицей,
И хотя дѣвица эта недурна,
Но всѣ тщы намъ не можетъ дать она.

«**Дѣти барона М.**» С. К. Кюгельхенъ.

Прелестны дѣвочки, и мальчикъ милъ сынокъ,
Но лучше всѣхъ малютка—мопсикъ-кобелекъ.

Мартъ, 1886.

б) На передвижной выставкѣ 1886 года.

«**Дѣти съ цвѣтами**» А. А. Харламова.

Нищія дѣти и ворохи розъ—
Встрѣтишь-ли въ жизни подобный курьезъ?

«**Адмиралтейская набережная**» А. Г. Бегрова.

Напрасно Александръ Бегровъ
Потратилъ много такъ трудовъ,
Адмиралтейство кроя лакомъ
И наполняя скверикъ злакомъ.

«**Гетманша**» Н. В. Бодаревскаго.

На сценѣ—арсеналъ: братины, стопы, кубки,
Бунчукъ, оружіе—сѣдыхъ вѣковъ собранье,
И Горева, въ костюмѣ гетманши-голубки,
Читаетъ монологъ и ждетъ рукоплесканья.

«Баденъ-Баденъ» А. П. Боголюбова.

На задворкахъ двѣ стѣнки, и это—Баденъ!
Почему же: не Клинъ?.. не Алжиръ?.. не Аденъ?..

«Подъ сводами Колизея» М. П. Клодта.

Арестована дѣвица,
Передъ ней съ водой кувшинъ,
И мечтаетъ баловница:
«Ахъ какъ скучно безъ мужчинъ!»

«Болото» Е. Е. Волкова.

Въ болотѣ—неба синева и позолота;
А въ небесахъ—одна лишь муть и грязь болота.

«Бабушкины сказки» Е. П. Михальцева.

Бабушка дремлетъ, слипаются глазки:
Вздумала внучка ей сказывать сказки.

«Идиллія» Н. Г. Богданова.

Воскресная идиллія въ агоніи,
Утомлены любви весенней данники:
Сыгралъ всѣ пѣсни парень на гармоніи,
Поѣла дѣвушка свои всѣ пряники.

«Портретъ профессора М.» Н. А. Ярошенко.

«То—не профессоръ, говорятъ собраты,
То—сторожъ, стерегущій препараты».

«Прогулка по деревнѣ» Н. Д. Кузнецова.

Не правда-ль: съ сельскихъ франтовъ-кузнецовъ
Срисованъ фатъ вашъ вами, Кузнецовъ?

«Первый караванъ въ Рыбинскъ» В. М. Максимова.

Все есть: суда и пароходъ,
Во флагахъ разноцвѣтъ,
Движенье, суета, народъ,—
Но только Волги нѣтъ!

«Марина Мнишекъ въ тюрьмѣ» Н. В. Неврева.

Моментъ трагическій: въ тюрьмѣ Марина Мнишекъ
Объ умноженіи числа хлопочетъ Гришекъ.

«Портреты генерала Г. и г-жи О.» И. Н. Крамскаго.

Великъ Крамской! его извѣстность такъ громка,
Что безъ ущерба ей, поставить можетъ онъ:
И генерала съ саблей возлѣ верстака,—
И въ бальномъ платьѣ барышню на бастіонъ.

«Тихій сонъ» Н. Я. Быкадорова.

Не любя съ искусствомъ долгихъ споровъ,
Започилъ въ снѣ тихомъ Быкадоровъ.

«Сѣверъ» В. К. Менка.

Сѣверъ!.. Почему югъ названъ сѣвером
Не могли рѣшить мы даже съ Клевером.

«Партія въ карты» В. Е. Маковскаго.

Мыслью новой картина блеститъ —
Видимъ мастера въ ней ветерана:
Задъ широкій, мясистый открытъ
Такъ изящно для перваго плана.

«**Въ дубовой рощѣ**» И. И. Шишкина.

Въ заповѣдной дубовой этой рощѣ
Особенно всѣмъ нравится сукъ тещи.

«**Поздняя осень**» Н. Н. Дубовскаго.

Какая прелесть въ этомъ полотнѣ:
Двѣ мерзлыя вороны на плетнѣ!

Апрѣль, 1886.

в) На академической выставкѣ 1887 года.

«**Ночь на Саймскомъ каналѣ**» И. И. Билибина.

Ночь, луна и каналъ хороши—какъ нигдѣ!
Въ этихъ чудныхъ чухонскихъ мѣстахъ
Отражается мѣсяцъ въ зеленой водѣ,
А вода—въ голубыхъ небесахъ.

«**Марфа и Марія**» Г. И. Семирадскаго.

Художникъ, уведи внутрь храмины людей
И заверни шедевръ: кормленье голубей!

«**Бой подъ Зарабулакомъ**» Н. Н. Каразина.

Ужасный бой!.. кисть бросая, взялъ кистень Каразинъ
И разгромилъ искусство—словно Стенька Разинъ.

«**Изъ области вѣчныхъ снѣговъ**» А. Ф. Петерса.

Къ чему, художникъ, спорить и шутить?—
Твой холстъ—великъ!

Но лучше бы его употребить
На половикъ.

«Монахъ» О. Ѳ. Беггровой.

Экспрессія madame Беггровой
Мотивъ даетъ искусству новый:
Монахъ на скрипкѣ—случай рѣдкій! —
Играетъ въ кельѣ оперетки.

«Наяда» В. А. Боброва.

Дѣвица видная?.. Но сколько желчи, яда
Излилъ, художникъ, ты, назвавъ ее «Наяда»!..

«Унесенный баркасъ» В. Д. Орловскаго.

Четыре этажа зеленыхъ чудовищныхъ волнъ,
Бушуя, срываютъ и топятъ оторванный челнъ.

«Родное гнѣздо» М. С. Ткаченко.

Въ «Родномъ гнѣздѣ»
И яблоки донынѣ
Растутъ вездѣ:
На вербѣ и осинѣ.

«За чтеніемъ» А. Н. Новоскольцева.

За чтеніемъ боярышня сидитъ,
Но точно ли—сидитъ, а не летитъ?..

«Портретъ г-жи У.» И. Ф. Ціонглинскаго.

Другой такой портретъ едва ли гдѣ найдется,
Какъ Янусъ, не лицо, а два, онъ вамъ означитъ:
Взгляните справа—онъ смѣется,
А слѣва—плачетъ.

«Ромео и Джульетта» К. Б. Венига.

Картиною своей увѣрить хочетъ Венигъ,
Что на атласъ Джульетта не жалѣла денегъ.

«Передъ грозою» А. А. Писемскаго.

Сюжетъ—серьезенъ, важенъ, строгъ,
И даже выполненъ не слабо...
Представьте: свѣжій сѣна стогъ,
И на стогу грозы ждетъ баба.

«На дачѣ» І. Е. Крачковскаго.

Въ тѣни деревъ—какъ милы эти сцены!—
Сидятъ и дремлютъ люди-манекены.

«Лѣсъ» В. М. Рѣзанова.

Отдѣланъ «Лѣсъ»—какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ,
На самой яркой шелковой подкладкѣ.

«Memento mori» В. А. Боброва.

Портретъ шедевръ художника Боброва:
Художественный міръ еще не зрѣлъ такого.

«Черкесъ въ степи» П. О. Ковалевскаго.

Четыре крупа,
Четыре зада,—
Какъ эта группа
Мила для взгляда!..

Мартъ, 1887 г.

г) На передвижной выставкѣ 1887 года.

«Княжна Юсупова передъ постриженіемъ» Н. В. Неврева.

Князь Юсуповъ вопрошаетъ
У княжны Прасковьи:
«Какъ ты?.. вотъ монахъ не знаетъ...
Въ добромъ ли здоровьи?»...

«Въ ожиданіи» Н. В. Бодаревскаго.

Все «Въ ожиданіи»—люблю такія сценки!—
Надеждой робкою живетъ;
Боярышня, и конь, и песъ,—все жадно ждетъ...
Себѣ достойныя оцѣнки.

«Портретъ Митрофана Бѣляева» Е. И. Рѣпина.

Одна рука на бородѣ,
Другая же въ карманѣ:
Печать извѣстная вездѣ
На каждомъ Митрофанѣ.

«Боярыня Морозова» В. И. Сурикова.

Старуха на дровняхъ, какъ гаеръ балаганный,
Народъ вокругъ себя собрала и смѣшитъ,
И страстный жестъ ея, лукавый и обманный,
Какъ сальный жестъ шута, коробитъ и мутитъ.

«Парижанка» Ю. Я. Лемана.

Такія дамы есть, быть можетъ, и въ Парижѣ,
Но типъ ихъ, Леманъ, вы могли бъ найти поближе.

«Зимній вечеръ» А. Н. Шильдера.

Въ лѣсочкѣ, подъ яркими солнца лучами,
Краснѣетъ слѣдъ черный телѣгъ,
Краснѣютъ, стыдясь, и деревья предъ нами,
И красенъ поджаренный снѣгъ.

«Цвѣтущій лугъ» Е. Е. Волкова.

Пригорочекъ, усѣянный
Бумажками и тукомъ,
Художникъ нашъ разсѣянный
Назвалъ «цвѣтущимъ лугомъ».

«Пчельникъ» Н. Л. Эллерта.

Все есть: цвѣты, деревья, пчельникъ дорогой,
Но только жизни нѣтъ въ глухой тиши лѣсной.

«Конецъ «Мертвыхъ душъ» Гоголя» М. П. Клодта.

Не Гоголь то «Мертвыя души» сжигаетъ,—
Какой-то въ ночи господинъ,
Озябнувъ, какъ видно, — обои бросаетъ
И свертки картона въ каминъ.

«Коробейникъ» К. А. Савицкаго.

До «Коробейника» безъ короба—
Иной додумался не скоро бы...

«Этюды во Фраскати» Ѳ. А. Бронникова.

Всѣ эти чудные «Этюды во Фраскати»—
Подарокъ елочный для восьмилѣтней Кати.

«Противъ воли постриженная» Н. С. Матвѣева.

«Пострижена»... «прощай!»—боярину веселье...
Но въ келейкѣ зачѣмъ, разбросаны, лежатъ
И ножницы, и прежній дорогой нарядъ:
Неужли постриженье было въ кельѣ?

«Утро» П. А. Брюлова.

Дорожка, садъ и тѣнь—все сдѣлано прекрасно;
Но «утра» я пщу въ тѣни деревъ напрасно.

«Дубы» И. И. Шишкина.

Хорошо насажены
Шишкина «Дубы»,
Но жаль: не посажены
Шишки на дубы.

Мартъ, 1887 г.

д) На академической выставкѣ 1888 года.

«Честь спасена» К. П. Степанова.

Для перевязки ранъ съ плеча спустить
Рубашку рыцарь могъ;
Но для чего его задумалъ обнажить
Художникъ—до сапогъ?

«Послѣднія минуты семейства Годуновыхъ» К. Б. Венига.

Послѣднія минуты Годуновыхъ—
Предъ наступленьемъ въ томъ же году новыхъ...

«Наступленіе субботы» И. Л. Аскназія.

Ветхозавѣтный жанръ, еврейскія работы,
Манера, мастерство,—ихъ не знавали мы;
Но увидавъ теперь, мы скажемъ, для «субботы»,
Одно лишь мѣсто есть—за стойкою корчмы.

«Портретъ г-жи Зеленой» Е. А. Вахтеръ.

Портретъ madame Зеленой—
Портретъ вполнѣ зеленый.

«Этюдъ русскаго боярина» С. И. Крамской.

Художникъ, объясни, сомнѣнья насъ берутъ:
Писалъ этюдъ бояринъ?.. иль бояринъ—самъ этюдъ?..

«Баши-бузуки съ болгарскими дѣвушками» П. Е. Ковалевскаго.

Баши-бузуки Невскаго проспекта—
Не безъ дѣвицъ, конечно, для эффекта.

«Элегія» Н. А. Сергѣева.

Въ кустахъ густыхъ прудокъ,
Чуть видимый сквозь тину,—
Назвать даетъ предлогъ
«Элегіей» холстину.

«У колодца» Сцена изъ жизни помпейской. А. А. Киселева.

Сцена ваша, художникъ, изъ жизни помпейской —
Отзывается сценой изъ жизни еврейской.

«Болото» А. А. Сахарова.

Хорошо «Болото»,
Но въ немъ нѣтъ чего-то...

«Утро мудренѣе вечера» Н. Ю. Селивановскаго.

Не утро вечера — наоборотъ
Выходитъ: вечеръ утра мудренѣе,
И юный школьникъ, скушавъ бутербротъ,
На книжкахъ засыпаетъ веселѣе.

«Съ визитомъ» М. Н. Дьяковой.

Барынька пришла,
Сѣла у стола,
И—одна сидитъ:
Это ль не визитъ?

«Мертвая натура» Э. К. Липгарда

Мертвая натура... о, какъ это ложно!
Кошечки, взгляните, живы—непреложно...

«Березы». Этюдъ В. Е. Воронкова.

Бѣдныя березы
На юру стоятъ,
Ничего сквозь слезы
Намъ не говорятъ.

«На взморьѣ» П. П. Куріаръ.

Охота... но, видно, охоты не видѣлъ художникъ:
Дичь—влѣво, стрѣляетъ же—прямо охотникъ.

«Портретъ купца Семенова» и «Семейство Годунова» Н. П. Шаховскаго.

То не портретъ купца Семенова,
То не семейство Годунова,
Но то—семья купца Семенова,
Портретъ—купчины Годунова.

«Туманъ на Чусовой» Г. Г. Казанцева.

Портретъ «Тумана»
Данъ безъ обмана.

«На берегу озера» А. Д. Кившенко.

Деревня, озеро, и дачники, и лодка,—
Недурно выглядитъ, но лишь для одногодка...

«Мыльные пузыри» Е. Ф. Урлауба.

Лишь только академикъ въ мудрости своей
И могъ додуматься до «Мыльныхъ пузырей».

Апрѣль, 1888 г.

е) На передвижной выставкѣ 1888 года.

«Ночь» М. И. Холодовскаго.

Какія краски! Что за колоритъ!
И что за прелесть тѣнь!
Ночь на землѣ простертая лежитъ,
А въ небѣ—день...

«Биржевой день» А. Г. Беггрова.

На мѣстѣ все: купцы, извощикъ ломовой,
Банкиръ, чухна и жидъ, два зайца-странника...
Но для чего, скажи, художникъ дорогой,
Сюда забрался экипажъ посланника?..

«Буреломъ» И. И. Шишкина.

Не буря тотъ образовала буреломъ:
Медвѣдь сломалъ двѣ елки въ лѣсѣ вѣковомъ.

«Монахъ» Н. К. Бронникова.

Вся публика монаха видѣть рада:
То не простой монахъ—изъ маскарада.

«Разсвѣтъ» Е. Е. Волкова.

Какой разсвѣтъ! разсвѣта нѣтъ...
Но всходъ утра,
Главы склоня, ждутъ два коня
Возлѣ костра.

«Пахарь» И. Е. Рѣпина.

Нашъ пахарь пашетъ безъ слѣда:
Прошелъ—но гдѣ же борозда?

«Наступленіе ночи» И. И. Ендогурова.

Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ:
Одной звѣзды лишь ярокъ слѣдъ.

«Просители» Ф. С. Журавлева.

«Ташкенецъ» Щедрина предъ нами возстаетъ
Во всемъ величіи достоинствъ и красотъ,

И если недостатокъ есть, то лишь одинъ:
Что Журавлевъ въ искусствѣ—не Щедринъ.

«Портретъ А. Г. Захарьина» В. Е. Маковскаго.

При бѣломъ галстухѣ, на сюртукѣ звѣзда:
Во всемъ, Москва, оригинальна ты всегда!

«Стадо свиней» Н. Д. Кузнецова.

Все люди да люди!.. Художникъ людей
Не любитъ... къ чему ихъ?—не надо!
И вотъ онъ рисуетъ намъ стадо свиней—
Семейное русское стадо.

«Монахиня» И. Е. Рѣпина.

То не монахиня—бандитъ,
И кровожаденъ и небритъ...

«Гопъ!.. Гопъ!..» А. С. Степанова.

Къ чему кричать,
Художникъ «гопъ!»
Когда сказать
Приличнѣй: «стопъ!»

«Овцы» Н. Н. Дубовскаго.

Стоитъ старикъ-чабанъ, сидитъ его песъ старый,
И овцы стерегутъ ихъ цѣлою отарой.

«Лѣтняя Петербургская ночь» А. П. Боголюбова.

Картина не дурна
Въ ней бездна полумраку,
И блѣдная луна
Прикрѣплена къ маяку.

Мартъ, 1888 г.

ж) На академической выставкѣ 1889 года.

«Побережье Нарвскаго залива» А. И. Мещерскаго.

Подъ зеленью небесъ, зеленое стекло
Въ громадной рытвинѣ, какъ бы въ котлѣ, варится,
Вскипѣло—и волною на̀ берегъ стекло...
Вотъ что порой у насъ, на Балтикѣ, творится.

«Послѣднія минуты Сократа» Я. С. Гольдблата.

Въ «Послѣднихъ минутахъ Сократа»
Минутъ этихъ нѣтъ у Гольдблата.

«Портретъ г-жи С.» Е. А. Вахтеръ.

Работа женская вполнѣ:
Сидитъ на ручкѣ креселъ дама
И думаетъ, нельзя ль къ веснѣ
Ей къ Буланже поѣхать прямо.

«Присяга евреевъ-новобранцевъ» П. И. Галлера.

Евреи-новобранцы принесли присягу:
Изъ перваго жь сраженія въ кусты дать тягу.

«Недоразумѣніе» Н. Д. Лосева.

По неразумію, она льетъ слезы —
Лелѣя грезы;
По неразумію, и онъ смѣется —
Въ любви клянется.

«Смерть Нерона» В. С. Смирнова.

Нерона тѣнь, за всѣ его дѣла,
Художникомъ наказана достойно:

Досель она проклятья лишь несла,
Теперь насмѣшки несть должна спокойно.

«Передъ преторіей» С. В. Бакаловича.

Творитъ судъ въ Римѣ, подъ Волчицей,
Вѣковъ давно минувшихъ мировой,
Но водворяетъ міръ въ толпѣ десницей,
Какъ и теперь,—городовой.

«Геркулесъ, убивающій гидру» А. А. Васютинскаго.

На думскихъ выборахъ, въ воинственной позиціи,
Заводчикъ Лиговскій бьетъ гидру оппозиціи.

«Въ своемъ саду» А. Е. Рокачевскаго.

Красавица въ своемъ саду
Кого-то ждетъ,
Шутя срывая на ходу
Запретный плодъ.

«Звѣзды догораютъ» Н. А. Сергѣева.

Гдѣ тѣ звѣзды догораютъ?..
Въ небѣ нѣтъ ихъ... Сгасли...
Рано кранъ, знать, запираютъ,
Экономя въ маслѣ.

«Пугало» и «Не купите ли?» О. В. Беггровой.

«Не купите ли пугало?»—вотъ весь запасъ
Идей и творчества Беггровой,—
И съ нимъ должно теперь художество у насъ
Идти впередъ дорогой новой!..

«Изаврійскіе пираты, продающіе добычу» Г. Н. Семирадскаго.

Пираты Невскаго проспекта
Жидамъ красавицъ продаютъ,
Которыхъ раньше, для эффекта,
И соблазнятъ, и оберутъ.

«Шесть офортовъ» А. А. Боброва.

Алексѣй Бобровъ,
Выставилъ офорты,
Словно Кочкуровъ
Праздничные торты.

«Ночь въ Петербургѣ» И. А. Вельца.

И ночь, и луна,—въ ажитаціи объ:
Хоронитъ луну ночь во мракѣ, какъ въ гробѣ;
Луна же лучи погасивъ въ вышинѣ,
Ихъ топитъ, сребрясь и купаясь въ волнѣ.

«Ледовое побоище» А. К. Горбунова.

Художникъ, очевидно, слишкомъ смѣлъ
Въ своей къ побоищу любви:
Даетъ онъ битву намъ и массы тѣлъ,
Но не даетъ ни капли крови.

«Юдиѳь и Олофернъ» В. Е. Савинскаго.

То не картина—ребусъ. Въ семъ гіероглифѣ
Загадку разрѣшить мы можемъ вѣрно:
Предъ нами Франція съ мечемъ—въ лицѣ Юдиѳи
И Буланжс—въ особѣ Олоферна.

«Андромеда» (скульптура) М. Л. Диллонъ.

Дорогая Марья Львовна
Ваша «Андромеда»,
Распростершися грѣховно
Ждетъ присылки плэда.

Апрѣлъ, 1889.

3) На передвижной выставкѣ 1889 года.

«Пересуды» А. Е. Архипова.

Простыя бабы въ сценѣ пересуда
Упрощены до тошноты,
Но нѣтъ въ картинѣ жизненной—о, чудо!—
Присущей жизни простоты.

«Иванъ Царевичъ» В. М. Васнецова.

Въ мурмолкѣ юноша, дѣвчоночка и волкъ
Куда-то въ страхѣ лѣсомъ мчатся,
Но чѣмъ тутъ публика—никакъ нельзя взять въ толкъ!—
Серьезно можетъ восхищаться?..

«На посылкахъ» Н. Г. Богданова.

Художникъ, замысломъ богатъ,
Изобразилъ двухъ поварятъ:
Стоятъ они—какъ ротозѣи,—
И въ этомъ суть и соль идеи.

«Портретъ дочери г-на Б.» Н. К. Бодаревскаго.

Двѣ фигуры на портретѣ—
Крошка-дѣвочка и сучка:

Не поймешь порою въ свѣтѣ
У кого кто дочь, кто—внучка?

«Подъ липами» П. А. Брюллова.

Подъ липами-гигантами—скамья,
Вокругъ скамьи—громады-липы,
Липъ-исполиновъ цѣлая семья
И все—портреты или типы.

«Вёль» (въ Нормандіи), четыре картины А. П. Боголюбова.

Художникъ дорогой, позволь
Пройти молчаніемъ твой «Вёль»:
Онъ жизненъ, ярокъ и хорошъ,
Но вотъ вопросъ: насколько схожъ?

«Ручей», «Прудъ», «Дубокъ» и «Челнокъ» Е. Е. Волкова.

Вся эта прелесть: «Ручейки»,
«Дубки», «Прудки» и «Челноки»,—
Антрша искусства, бездѣлушки,
И не картины, а игрушки.

«Кальвуччи срисовываетъ соколовъ» А. Д. Литовченко.

Соригинальничать Литовченко хотѣлъ—
И на Кальвуччи съ соколами налетѣлъ:
Въ итогѣ—трата время, красокъ, полотна,
Не то ему дала бы «Фрина» иль «Нана».

«Выходъ» Н. Н. Ге.

Трудъ покаянный Ге: художникъ-реалистъ
Въ немъ дебютируетъ—какъ техникъ и стилистъ.

«Этюдъ облаковъ» и «Среди облаковъ» Н. А. Ярошенко.

«Этюдъ облаковъ» и «Среди облаковъ»
Писалъ нашъ художникъ любимый
Средь облака банныхъ горячихъ паровъ,
Иль въ клубахъ табачнаго дыма.

«Портреты Бородина, Глазунова и Щепкина» И. Е. Рѣпина.

Напрасно Рѣпинъ мнитъ, какъ портретистъ, затмить
Въ искусствѣ кисть бравурную Крамского!
Не вòрону орломъ подъ облакомъ парить,
Шпряться въ сферахъ солнца золотого.

«Сироты» М. П. Клодта.

Жалка намъ вдовушка со скорбію своею,
Но вдвое жальче—вѣдьма, что̀ вспитъ надъ нею.

«Дѣвочка съ яблокомъ» и «Дѣвочка съ виноградомъ» А. А. Харламова.

Стоятъ двѣ дѣвочки съ эмблемами предъ нами,
Имъ придант смыслъ таковъ кричащими мазками:
Шалунья съ яблокомъ должна насъ соблазнять,
А виноградомъ—опьянять.

«Сватовство» Н. В. Неврева.

У передвижниковъ и «Сватовство»—
Искусство, не простое баловство.

«Лоси» А. С. Степанова.

Прогрессъ у насъ во всемъ и всюду: лоси—
И тѣ искуствъ на биржѣ стали въ спросѣ,

Въ свой Эрмитажъ, ихъ, какъ породистыхъ бычковъ,
Нашъ меценатъ пріобрѣтаетъ Третьяковъ.

«Свекръ» В. Е. Маковскаго.

Пройдемте мимо, чтобъ не потакнуть грѣху:
Вѣдь это—свекоръ, соблазняющій сноху.

«Подъ печкою зимой» С. И. Свѣнтославскаго.

Ключъ творчества, живою свѣтлою струею,
Въ художникѣ не бьетъ:
Весь плодъ его идей—подъ печкою зимою
Два пѣтуха и котъ.

«Прудъ» Г. Г. Мясоѣдова.

Мясоѣдовъ, неужели
Эта лужа—прудъ
Представляетъ въ самомъ дѣлѣ
Выставочный трудъ?..

«У водопоя», «Овощи» и «Портреты Полѣнова и Титова» Н. Д. Кузнецова.

На все способенъ сталъ художникъ-чудодѣй:
Даетъ намъ водопой и скотъ въ скелетахъ,
Рисуетъ чудные портреты овощей,
И пишетъ овощи въ портретахъ.

«Мининъ» и «Агарь съ Измаиломъ» скульптура В. А. Кавки.

Скульптура ваша, милый Кавка,
Пока еще—зелененькая травка.

Мартъ, 1889.

и) На академической выставкѣ 1890 года.

«Біаррицъ» и «Прибои у Біаррицкихъ скалъ» И. К. Айвазовскаго.

Маринистъ папъ славный живъ,
Но на выставкѣ въ картинахъ
Тонетъ, славу переживъ
На «Біаррицкихъ маринахъ».

«Портретъ m-lle Гейне» А. Н. Новоскольцева.

«Свѣтланы» авторъ даровитый
Воспроизвелъ ее опять
Подъ видомъ свѣтской Афродиты,
Но жизни ей не могъ лишь дать.

«Летучая почта» Е. З. Краснушкиной.

Прелестно! Степь, рядъ мельницъ, постъ, дорога...
Но гдѣ? въ какой степи такъ мельницъ много?

«Заря занимается» А. А. Сахарова.

На днѣ болота грязно-бураго,
Чуть брезжа, вспыхнула заря
И кроетъ дымкой утра хмураго
Сводъ неба блѣдный пустыря.

«Послѣ маскарада» В. А. Боброва.

Шапка кирасира,
Барыня, каминъ,
Но его нѣтъ—сиро:
Гдѣ жь онъ, Марса сынъ?

«У береговъ Африки» Л. Д. Блинова.

Ни Африки, ни береговъ —
Увы! не видно на картинѣ:
Подъ блескомъ желтыхъ облаковъ
Они сокрылися въ пучинѣ.

«Владимірское раззореніе» Н. А. Кошелева.

Монголы и погромъ... но для чего орловъ,
Которыхъ не было у насъ еще въ гербахъ,
И не татаръ—черкесъ съ кинжалами въ зубахъ
Изобразилъ въ погромѣ мудрый Кошелевъ?

«Бояринъ» О. О. Фрейвиртъ-Лютцова.

Боярином едва ли можетъ быть Іуда:
То жидъ сидитъ въ ермолкѣ съ книгою Талмуда.

«Передъ вѣнцомъ» К. Е. Маковскаго.

Невѣста тѣшится послѣдними мечтами,
Дѣвицы вкругъ стоятъ съ разинутыми ртами,
Картина жизненна, все—правда, блескъ и свѣтъ,
Но дружкѣ въ шапкѣ быть—въ свѣтлицѣ бы не слѣдъ.

«У парома» Н. Е. Сверчкова.

Соллогуба «Тарантасъ»
У парома въ Лету.
Злой такой поэмѣ часъ
Снился ли поэту?

«Проклинаніе Лорелеи» И. П. Келлера.

Достойно полотно сюжета здѣсь повѣрьте,
Какъ полотна достоинъ самъ сюжетъ!
Тутъ все есть: страсть, борьба, и женщины, и черти,
И лишь печати дара духа нѣтъ.

«Защита божества» скульптура В. А. Беклемишева.

Мордовцевъ видитъ здѣсь идею,
Но мы не видимъ ничего:
Дана намъ фурія—Богъ съ нею!
Но гдѣ борьба за божество?

«Кочевье Езидовъ» А. Д. Кившенко.

Кочевье нашихъ передвижниковъ-номадовъ,—
Проектъ живыхъ картинъ для зимнихъ маскарадовъ.

«Конкуренты» Н. Н. Каразина.

Паровозъ идетъ въ степь нынѣ,
Конкурентъ ему—верблюдъ,
Вотъ они рядкомъ въ пустынѣ
Въ перевалочку бѣгутъ.

«Въ свободныя минуты» А. А. Киселева.

Въ свободныя минуты баринъ занятъ дѣломъ:
Читаетъ заповѣдь рабамъ своимъ несмѣлымъ.

«Кимвры» скульптура І. Р. Залеманъ.

Академическіе дикари,
Плодъ недоношенный искусства,
Въ которомъ не найдешь и на пари:
Ни мысли, ни красы, ни чувства.

«Заброшенное кладбище» Ю. Ю. Клевера.

Ни тропки, ни слѣда, снѣжокъ прикрылъ рядъ плитъ
И крестъ, подъ коимъ Клевера талантъ зарытъ.

Мартъ, 1890.

«Притихло» Н. Н. Дубовскаго.

Притихло море, въ зыби яхонтовой, синей,
Купается луна, златя изгибы волнъ,
И тонетъ тучъ молочныхъ бѣлый иней,
И слѣдъ браздитъ, плывя лѣниво, утлый челнъ.

«Ночь» А. Н. Шильдера.

Клубомъ пала ночь огромнымъ,
Землю кроетъ мракъ и хмарь,
И пылаетъ въ небѣ темномъ
Мѣсяцъ—газовый фонарь.

«Ночлежникъ» В. Е. Маковскаго.

Ночлежный Аристовскій домъ,
Зима, людъ босъ и нагъ, но храбръ:
Дрожа, ждетъ впуска предъ крыльцомъ,
И пляшетъ—Danse macabre.

«Въ ожиданіи найма» М. И. Зощенко.

На торжищѣ толпа крестьянъ рабочихъ спитъ,
Спитъ въ ожиданіи найма—
Когда отъ пустоты желудка грудь щемитъ,
И пустъ кошель, пуста сума.

«Что есть истина?» Н. Н. Ге.

«Немножко философіи» постичь желая,
Пасторъ ораторъ въ споръ вступаетъ,
И «Что есть истина?» въ жару изнемогая,
Ноговича пытаетъ.

«Ифигенія въ Тавридѣ» А. М. Васнецова.

Не въ Тавридѣ, но въ больницѣ
На Удѣльной, Ифигенія,
Какъ прилично невской жрицѣ,—
Часъ клянетъ рожденія.

«Ночь» П. А. Брюлова.

Ночь влюбленныхъ, мѣсяцъ яркій
Электрическій свѣтъ льетъ,
Дѣва въ кофтѣ ласки жаркой,
Какъ Дріада въ паркѣ ждетъ.

«Портретъ баронессы В. Н. Икскуль» И. Е. Рѣпина.

Фотографическая карточка—раскрашена,
И кисти Рѣпина достойно—пріукрашена.

«Боярыня» А. Д. Литовченко.

Боярыню художникъ написалъ
Красивую и молодую,
Но для чего сверхъ шубы привязалъ
Онъ руку ей чужую?

«Еврей» и «Рыбакъ» Ф. А. Бронникова.

Рыбакъ—какъ-бы еврей, еврей какъ-бы рыбакъ,
Но мѣсто имъ одно обоимъ—bric-á-brac!

«Зима въ лѣсу» И. И. Шишкина.

Зима въ лѣсу, но мы,
Не находя зимы,
Лѣсъ видимъ лишь богатый—
Съ разбросанной вкругъ ватой.

«Прерванный завтракъ» Н. Д. Кузнецова.

Кузнецовъ, какъ новость, вводитъ,
Завтраки свиней,
Самъ, своимъ умомъ доходитъ
До такихъ идей.

«Егорьевъ день» И. И. Гугунава.

Браво! браво! браво!
Милый Гугунава...
Продолжайте! Вашъ
Скотогонный ражъ —
Русп честь и слава!

«Въ мастерской художника» И. М. Пряпшпкова.

Простая комнатка, художникъ топитъ печь,
Стоитъ въ одномъ платкѣ натурщица нагая,
О холодѣ, идетъ повидпмому, рѣчь,—
Но гдѣ тутъ творчество, искусство, мастерская?

«Обозъ» С. К. Піотровскаго.

Мельчаетъ жизнь, искусству чужды мысль и мифъ,
Исчезъ конь-богатырь, забытъ крылатый грифъ,
Духъ мощный творчества убила проза,
Художникъ ниспустился до обоза,
До копировки жалкой—и счастливъ!

«Послѣ дождя» И. И. Левитана.

Только что ниспалъ
Блинный дождь предъ нами,
Рѣчку всю устлалъ
И брега—блинами.

«**По рѣкѣ Окѣ**» А. Е. Архипова.

Разгулъ рѣки. Ока слилася съ небесами,
И по небу плывутъ суда подъ парусами.

«**Не сошлись характерами**» К. А. Савицкаго.

Характерами не сошлися здѣсь, конечно,
Художникъ бойкій и искусство:
Одинъ свободы требуетъ себѣ безпечно,
Другое же—любви и чувства.

Мартъ, 1890.

к) На академической выставкѣ 1891 года.

«**Охота на волка**» Н. С. Самокиша.

Растянутъ псами волкъ матёрый,
По виду же не волкъ—лиса,
Арапникъ щелкаетъ надъ сворой
И псарь несется въ небеса.

«**Свадьба**» Н. К. Пимоненко.

«Дурень» и «дурница».
«Хлопцы», «дидъ», двѣ «жинки»
И на хворостинкѣ
Красная тряпица.

«**Бѣлинскій передъ смертью**» А. А. Наумова.

Перерисована извѣстная картина,
Но смыслъ безъ синяго утраченъ господина.

«Ночной бой подъ Чандыромъ» Н. Н. Каразина.

Мазки, и контуры, и блики
Намъ выданы за «Бой»,
Да, это—бой, и бой великій
Художника съ судьбой.

«Родители Моисея» И. Л. Аскназія.

Родители предъ нами Моисея
Аскназія,
Фамильные портреты—не идея
Фантазія.

«Веселая пѣснь» О. О. Фрейвиртъ-Лютцова.

Веселыя пѣсни поетъ трабадуръ
Предъ дамой дѣльца удалого,
Поетъ онъ—какъ дамскій пѣвецъ-ферлакуръ,
Поетъ и какъ факторъ изъ Шклова.

«Забава» Х. П. Платонова.

Распригожая плутовка,
Чтобы быть еще пригожей,
Покрывается съ головки—
Чѣмъ вы бъ думали?—рогожей!

«При шумѣ волнъ» С. В. Бакаловича

Фальсификація. Художникъ за римлянъ—
Грузинскихъ изъ Москвы намъ выдаетъ цыганъ!

«На Невскомъ» Н. А. Сергѣева.

Картиной этою художникъ
Себя на вѣкъ прославилъ:
Онъ Лихачева домъ, безбожникъ,
На мостъ Аничковскій поставилъ.

«**Клеопатра**» скульптура М. П. Попова.

Все антично, мило, дивно
Въ этой гордой эѳіопкѣ,
Только лишь одно противно:
Это—брюхо двуутробки.

«**Въ луговыхъ заливахъ**» В. Д. Орловскаго.

Лужи, ямы, сѣти, лодка,
Рыбу ловятъ рыбаки:
Для купцовъ Москвы—находка,
Имъ такой сюжетъ съ руки!

«**Лови!**» Ё. А. Вахтеръ.

Лови, художникъ, часъ любви,
Пока огонь горитъ въ крови,
И позабудь въ истомѣ чувства
Неблагодарное искусство!

«**Морозитъ**» А. А. Писемскаго.

Мысль Писемскій имѣлъ изобразитъ намъ стужу,
Но затуманился—и сѣлъ съ идеей въ лужу.

«**Политики**» М. Л. Маймана.

Напрасно назвалъ Майманъ хитроумно
Жидовъ въ кормчѣ «Политики»,
Назвать ихъ было-бъ болѣе разумно—
Космополитики...

«**Жена Макбета**» К. Б. Венига.

Антрепренерша Горева, подъ гнетомъ бѣдъ,
Нисходитъ къ намъ—какъ леди-фурія Макбетъ.

«Табунъ въ степи» Н. Е. Сверчкова.

Подъ именемъ «Степного табуна»
Не постыдится выставить Сверчковъ:
Табунщика съ арканомъ шалуна
И жеребятъ полдюжины головъ.

«Моисей въ пустынѣ (бунтъ евреевъ)» С. Р. Раствоповскаго.

Полотно для декораціи:
Шумъ, возстанье, гвалтъ, угрозы, —
И Мордовцевъ въ ажитаціи
Льетъ, жидовъ смиряя, слезы.

«Въ устьѣ рѣки Наровы» А. И. Мещерскаго.

Въ маринѣ этой есть земля и небеса,
И хмары тучъ налетъ свинцовый,
Прибой волны, птицъ тяга, лодки паруса,
Но устья нѣтъ рѣки «Наровы».

«Въ загородномъ саду Ливадія» Е. П. Судковской.

Загородный кабачокъ
Затесался въ академію,
И ему жрецовъ кружокъ
Дастъ за то, навѣрно, премію.

«Арестъ царевны Софіи» А. А. Карелина.

Въ картину вложенъ трудъ и замыселъ ехидный,
Но нѣтъ правдивости нисколько:
Ареста даже въ ней царевнина не видно,
Есть изолированье только.

«Сортировка перьевъ» А. Д. Кившенко.

Прелесть!... Конча сортировку
Перьевъ, бабы начинаютъ
Межъ собой бомбардировку—
И преуспѣваютъ.

«Собачка больна» А. Г. Горавскаго.

Писать художникъ, все возможно,
Но выставлять на выставку—безбожно.

«Нѣга» скульптура М. Л. Диллонъ.

Нѣга—хмѣля... Въ этой нѣгѣ
Свой увидитъ идеалъ:
Самоѣдъ изъ тундръ Онеги
И Аяна—камчадалъ.

Мартъ, 1891.

л) На передвижной выставкѣ 1891 года.

«Совѣсть» Н. Н. Ге.

Гвоздь выставки!... Іуда Искарьотъ—
Общественная совѣсть...
Такую Ге въ картинѣ сей даетъ
Намъ назидательную повѣсть!

«Уничтоженіе Новгородскаго вѣча» К. В. Лебедева.

О колоколѣ вѣчевомъ художникъ, срамъ!
Понятій не составилъ,
И потому его Царь-Колоколомъ намъ
Въ картинѣ сей представилъ.

«Къ роднымъ» Л. О. Пастернака.

Дѣва съ прибылью къ роднымъ,
Погулявши, возвращается,
Но сюжетомъ дивнымъ симъ
Только Стасовъ восхищается.

«Колдунья (Бронзовый вѣкъ)» Бар. М. П. Клодта.

Въ вѣкъ бронзовый, въ вѣкъ суевѣрнаго пристрастья,
Колдуньи, можетъ быть, и жили въ мірѣ грезъ,
Но были ли тогда червонныя запястья,
Прошивки, сапожки—еще вопросъ.

«На Сѣверѣ дикомъ» И. И. Шишкина.

На сѣверѣ дикомъ нѣтъ синихъ небесъ,
Нѣтъ солнца и тѣни зимой:
Къ чему же, художникъ, вы столько чудесъ
Даете намъ съ вашей сосной?

«Ранній снѣгъ» В. Д. Полѣнова.

«Мертвое море» Полѣновъ далъ снова
Снѣгомъ засыпавши раннимъ,
Съ тропкой-путемъ ко дворцу Третьякова
По морю этому саннымъ.

«Наемъ прислуги» Е. В. Маковскаго.

Нанимается прислуга
Разудалая—семьей;
Въ лицахъ намъ поэму Фруга
Далъ Гогартъ Москвы сѣдой.

«Тайга» М. Д. Васнецова.

Лѣсныя по́росли, вода, кусты, ковыль,
Но дико все—какъ сказки нянюшкиной быль.

«Взятіе снѣжнаго городка» В. И. Сурикова.

Городокъ въ искуствѣ снѣжный
Суриковъ беретъ;
На Козихѣ и въ Телѣжной
Славу создаетъ.

«Юга (Мгла)» Е. Е. Волкова.

Глазастая, какъ вѣдьма кіевская, мгла
Глядитъ на міръ своимъ подслѣповатымъ взоромъ,
И говоритъ какъ бы съ усмѣшкой: «что? зажгла
Я сердце ваше, зритель, жалостью—укоромъ!»

«Борисъ Годуновъ» Н. В. Неврева.

На московскихъ живописцахъ
Отпечатокъ есть особый:
Мыслятъ, числясь въ лѣтописцахъ,
Не башкой они—утробой.

Апрѣлъ, 1891 г.

м) На академической выставкѣ 1893 года *).

«Турниръ» В. В. Мазуровскаго.

Радость бабушекъ—турниръ:
Кони, рыцари и дамы,
Ахъ, какъ жалокъ, грубъ и сиръ
Этотъ весь отжившій міръ—
Родриги и Букингамы!

*) Въ 1892 г. авторъ въ Петербургѣ не находился, а потому и обозрѣнія за этотъ годъ не дано.

«Вечеръ» Ю. Ю. Клевера.

Вполнѣ желанный вечеръ! Рама золотая
И въ ней горитъ багрянцемъ тишь лѣсная.

«Кочегарная на крейсерѣ» П. К. Савелова.

На полотнѣ котлы, пылающіе топки,
Въ рубашкахъ кочегары—демоны съ крюками
Чуть не людей въ огонь бросаютъ для растопки,
И вкругъ картины крики: «адъ! ай, ай!»... «Что съ вами?»

«Нормандскій берегъ» А. С. Егорнова.

Вода, скала и берегъ каменный финляндскій,
Но названъ для чего-то брегъ нормандскій!

«Алеша Поповичъ» А. А. Карелина.

Не полотно, но парусъ цѣлый,
Не рама—портикъ на колоннахъ,
И не Алеша—витязь смѣлый,—
Купецъ въ своихъ садахъ зеленыхъ.

«Башкиры аттакуютъ лагерь» Г. П. Виллевальде.

Профессоръ въ выборѣ сюжета очень ловокъ:
Толпа башкиръ идетъ въ аттаку на торговокъ.

«Парижанка» Алексомати.

Парижанка—изъ Варшавы,
Изъ Бердичева иль Шклова,
Но тѣмъ болѣе ей славы:
«Парижанку» для забавы
Въ ней толпа признать готова.

«Компрометтированный» К. Ф. Саксена.

Компанья, женщина и карты по столамъ,
Но кто скопрометтированъ—загадка,
Такъ что невольно въ умъ придетъ догадка,
Что тутъ скомпрометтированъ художникъ самъ.

«Мгла» Ю. И. Феддерса.

Напрасно удивить насъ Феддерсъ хочетъ «М г л о ю»,
Мглу безъ него что̀ день мы видимъ предъ собою.

«Черное море» И. К. Айвазовскаго.

Воды плещутъ въ небеса,
Неба сводъ упалъ на волны,
Черныхъ тучекъ полоса,
Синь и зелень—хаосъ полный!

«Пари за гладіатора» С. В. Бакаловича.

Въ мужскихъ уборныхъ цирка римскія матроны
Осмотры гладіаторамъ чинятъ,
Бойцы имъ стали нужны нынче—не пижоны,
И вотъ мускуловъ мощь оцѣниваютъ жоны.—
Картина интересная на взглядъ!

«Новый романъ» Ѳ. Ѳ. Бухгольца.

Романъ вишь новый!... Но зачѣмъ
Онъ въ книгу погруженъ совсѣмъ?
Она жъ не смотритъ на него
И ждетъ какъ будто бы кого...

«Водяныя лиліи» Ю. Ю. Клевера.

Не лиліи—блины подъ кучками сметаны:
Вотъ какъ профессора̀ рисуютъ могиканы!

«Сортировка свалки» Ф. А. Чирка.

Сюжетецъ очень жалкій
Здѣсь взятъ Чиркомъ:
Онъ начинаетъ съ «Свалки»,
А чтожъ потомъ?

«Ярилина ночь у древнихъ славянъ» П. А. Свѣдомскаго.

Ярилина ночь у славянъ,
Но только славянъ здѣсь не видно:
Славянокъ лишь пляшущихъ станъ
Бѣснуется ночью безстыдно.

«Въ тѣни березъ» И. Ф. Ціонглинскаго.

Образецъ импресьонизма:
Безвоздушной бѣлиз—призма,
Стволъ березы зеленѣетъ
И подъ нею дѣва млѣетъ...

«Пиръ у Лауры» К. П. Степанова.

Лаура—прелесть, гости сносны,
Но Донъ-Жуанъ—
Какой-то шутъ великопостный,
Лакей Иванъ...

н) На передвижной выставкѣ 1893 года.

«Въ опочивальнѣ» К. В. Лебедева.

Въ опочивальнѣ юноша-супругъ
Фату съ жены снимаетъ молодой,

Въ лицѣ ея тревога и испугъ,—
Не потому ль, что мужъ одинъ съ женой?

«На охотѣ» и «Осенній букетъ» И. Е. Рѣпина.

Представилъ Рѣпинъ намъ съ цвѣтами и ружьемъ
Одну и ту жъ калмычку въ двухъ портретахъ:
Какъ жаль, что только въ двухъ?.. вѣдь можно бъ—съ утюгомъ,
Еще дать, съ тазомъ, или въ эполетахъ.

«Радуга» П. А. Брюллова.

Кустарникъ и ручей, песочекъ, берега,
И небо перевязано тесемкой,
И это названо художникомъ: дуга,—
Не черезчуръ ли громко?

«За щепой» В. А. Маковскаго.

Двѣ дѣвочки присѣли у забора,
Чего-то ждутъ—одна заснула,
Подписано художникомъ: два вора...
Не два ли стража караула?

«Возвращеніе съ заработка» И. В. Тихомірова.

Вернулся молодецъ—пропоица домой,
Да интересъ-то въ томъ для публики какой?

«Исцѣленіе слѣпого» В. И. Сурикова.

Ослѣпъ художникъ самъ, или слѣпыми
Считаетъ насъ,
Являясь на выставку съ такими
Тенденціозными «Слѣпыми»
Въ недобрый часъ.

«На міру» С. А. Коровина.

Мірской судъ волостной крестьянина младого
За что-то высѣчь присудилъ:
Какъ жаль, что для эффекта громового
Художникъ тутъ его не разложилъ!

«Новыя истины» Г. Г. Мясоѣдова.

Собрàлись пашковцы у хана,
И въ ожиданьи достархана
Смакуютъ «новыхъ истинъ» суть—
Вѣдь нужно жъ дѣлать что-нибудь!

«На общественной облавѣ» А. С. Степанова.

Облава—прелесть... мужики,
И бабы, и ребятки
Собрàлися—и чешутъ языки,
Да спины и лопатки.

«Этапъ» А. Е. Архипова.

Картина—вывѣска, пестрятъ мазки и пятна,
И сдать бы на этапъ такой «этапъ»—пріятно.

«Съ базара» М. А. Титова.

Гвоздь выставки!.. но не картина, а шарада:
Двѣнадцать спинъ людскихъ и два коневыхъ зада!
Не передвижники ль то цѣлою толпой,
Открывши выставку, поѣхали домой?...

«Этюдъ» Н. А. Ярошенко.

Этюдъ хорошъ: портьера, личико и губки...
И что за губки... лучше дыни-канталупки!..

о) На академической выставкѣ 1894 года.

«Опричники въ домѣ Земскаго» А. Н. Новоскольцева.

Велико слишкомъ полотно
Художникъ для картины взялъ:
Расплылись мысли—и одно
Что въ немъ онъ далъ—
Искуственный скандалъ.

«Бугоръ Святослава» К. Я. Крыжицкаго.

Бугоръ, и за бугромъ—знакомыя намъ дали...
Но даль мы видѣли, бугра же не видали.

«Сумерки зимою» Ю. Ю. Клевера.

Шедевръ! село и рѣчка подъ снѣгами,
Заря сгорѣла—даль красна,
Два челнока подъ деревами
И на сучкѣ виситъ луна.

«На солнопекѣ В. А. Голынскаго.

Безъ солнца солнопекъ?.. И что ни говори,
Но жаль, что солнопекъ не признанъ *«внѣ жюри»*.

«Въ корчмѣ» О. А. Гофмана.

Для пермяка, корела иль олонца
Картина—диво:
Четыре закутившіе чухонца
Въ корчмѣ пьютъ пиво...

«Венеція» И. К. Айвазовскаго.

Зеленое небо, зеленое море,
И воздухъ зеленый—картина!..
Венеціи нѣтъ лишь: мы въ ней a priori
Зримъ островъ Зеленый Ирина.

«Озерки» и Портретъ доктора Оппенгейма» С. С. Егорнова.

Сходилъ самъ Аполлонъ взглянуть на «Озерки»,
И думалъ лавры дать отъ собственной руки;
Но увидавъ портретъ, сказалъ съ нимъ бывшимъ музамъ:
«*Командируйте-ка художника къ французамъ*»!»

«Ссора на прудѣ» В. А. Голынскаго.

Война у прачекъ на плоту:
Бранитъ та баба эту, эта—ту,
И жаль, что авторъ безшабашный
Намъ не далъ свалки рукопашной.

«Молодой Катуллъ» С. В. Бакаловича.

Римлянинъ въ жаркій день принявши ванну,
На каменной скамьѣ лежитъ подъ простыней:
«*Катуллъ*—художникъ увѣряетъ:—*молодой*»,
А публика лишь видитъ обезьяну.

«Рыбаки на Волховѣ» И. С. Галкина.

Восемь пьяныхъ мужиковъ
Дремлютъ у веревки...
Это—сонмомъ рыбаковъ
Назвалъ безъ обиняковъ
Галкинъ, мастеръ ловкій.

«Первое любовное письмо» К. Ф. Саксена.

Тутъ есть: концепція, рисунокъ, красота:
Письмо и барыпни, конфекты и букетъ,
Надежды, смѣхъ и слезы—мысли острота...
Но все-жъ, какъ ни смотри—картины нѣтъ!

«Горецъ на отдыхѣ» П. О. Ковалевскаго.

Лежитъ на брюхѣ черноморецъ—
Казакъ въ степи и конь при немъ;
А у художника то—горецъ,
Намазъ творящій передъ сномъ.

«Ласточка надъ моремъ» Ю. И. Феддерса.

Нѣтъ моря, нѣтъ неба—туманъ,
Надъ камнями птичка кружится:
То Феддерсъ сюжетецъ, какъ вранъ,
Найти для картины стремится.

«На Шипкѣ» А. Н. Попова.

Бой съ турками не то въ дыму, не то въ эфирѣ,
Не то въ снѣгахъ, не то въ туманѣ;
А, впрочемъ, бой—какъ бой, и въ этомъ смерти пирѣ
Есть жаръ, и паръ, и потъ какъ въ банѣ.

«Портретъ г-жи Мятлевой» Е. А. Вахтеръ.

И вахтера портреты пишутъ,
Но похвалы за то не слышутъ.

«Что не подвластно мнѣ?» О. К. Винцмана.

Что не подвластно, Винцманъ, вамъ?.. искусство,
Идея, замыселъ, и красота, и чувство.

«Охотники» Р. Ф. Френца.

Охотники на молодицъ
На дичь попали:
За стройкой встрѣтивъ двухъ дѣвицъ,
Въ тенета взяли.

«Въ лѣсной глуши» К. П. Кондратенко.

Стволы и пни въ лѣсной глуши
Художника лишили сердца и души.

Забава» А. А. Карелина.

Забава въ теремѣ. Бичъ крѣпостныхъ людей—
Помѣщица отъ скуки дѣвку дрессируетъ,
Которая предъ нею съ бубномъ маршируетъ:
Сюжетъ вполнѣ достойный нашихъ дней.

«Наполеонъ, покидающій армію послѣ перехода чрезъ «Березину« И. С. Розена.

Художникъ Бонапарта для побѣга
Отъ казаковъ сажаетъ въ колымагу,
Когда за массой выпавшаго снѣга
Нельзя дорогой сдѣлать шагу.

«Старый котъ» П. А. Свѣдомскаго.

У римлянки въ мастерской,
Гдѣ раскрашиваютъ маски,
Старый котъ—мастеровой,
Нѣжно ей мурлыча сказки,
Какъ художникъ, проситъ ласки.

п) На передвижной выставкѣ 1894 года.

«Офицерская нянька» В. Е. Маковскаго.

Офицерская нянька—деньщикъ за столомъ,
Наслаждается скромно чайкомъ,
На колѣняхъ ребенокъ брыкается шалый...
Чтожъ? и это—вѣдь юморъ, пожалуй...

«Алкоголикъ» Г. Г. Мясоѣдова.

Нарисованъ меланхоликъ,
Названъ алкоголикъ,
Принятъ, выставленъ радушно,
Но кому все это нужно?..

«Мечты» В. Д. Полѣнова.

На снѣговой скалѣ посаженный казакъ
Мечтаетъ, какъ бы слѣзть оттуда внизъ, но какъ?..

«Заблаговѣстили къ заутрени» барона М. П. Клодта.

Мудрецъ-художникъ развернулся:
Передъ нами: келья, гробъ;
Спавшій схимникъ въ немъ проснулся,
Поднялся—и креститъ лобъ.

«Въ траурѣ» Г. Г. Мясоѣдова.

Она вся въ траурѣ, и горе
Разлито въ платьѣ, въ кружевахъ,
И только нѣтъ его во взорѣ
И на пурпуровыхъ устахъ.

«Хоръ» Н. А. Ярошенко.

Десятокъ мальчиковъ съ разинутыми ртами,
Да пономарь съ косичкой—дирижоръ,
Махающій рукой у нихъ надъ головами,—
И это, видите-ли,—хоръ!..

«Ущелье» Н. Н. Дубовскаго.

Скàлы ущелья—стѣна шоколадная,
Лапись-лазурный кремъ—пикъ,
Съ сахарной пропастью—очень пріятная,
Эта картина невѣроятная,—
Какъ въ ней Дубовскій великъ!...

«Клевета» Н. А. Касаткина.

Бабій судъ дѣвицу судитъ,
Судьи: мама, тетя, баба...
Но всежъ мысль сюжетъ сей будитъ,
Какъ не выписованъ слабо.

«Прибой» Н. В. Досѣкина.

Мыльная пѣна бѣлѣетъ, катится,
Сѣрыя камни встрѣчая, холмится,
Словно чудовище, встала, ростетъ...
Вотъ онъ талантъ-отъ въ чемъ, вотъ!..

«Лѣсъ заснулъ» А. Н. Шильдера.

Здѣсь синевою лѣса сонъ
Изображенъ:
Синѣетъ все: и сводъ небесъ,
И снѣгъ, и лѣсъ.

«**Лѣсное кладбище**» И. И. Шишкина.

Не мало лѣтъ талантъ художнику служилъ
Для воссозданія лѣсовъ на полотнѣ,
А нынѣ на кладбище въ чуждой сторонѣ
Безъ сожалѣнія его онъ уложилъ.

«**Въ нѣкоторомъ царствѣ**» скульптура Л. В. Позена.

Конь стоитъ припавши крупомъ,
Всадникъ взвившись колетъ змѣя:
Шикъ не чуждъ подобнымъ группамъ,
Но не въ дружбѣ съ нимъ идея.

р) На выставкѣ картинъ въ пользу бѣдныхъ художниковъ.

Все—мелочи: цвѣты, головки, два портрета,
Пейзажикъ озера, на нивѣ пароходъ
En masse собраніе хозяевъ комитета,
Пожарище на небѣ, въ море огородъ...
И только лишь великій скотофилъ Сверчковъ,
Историкъ травли, бѣга, скачекъ и охоты,
И портретистъ котовъ, коней, медвѣдей, псовъ,
Спасаетъ публику отъ скуки и зѣвоты.
Pardon!.. Открытіе!.. антикъ нашелся въ залѣ,
Антикъ-шедевръ «искусства фабрики Санъ-Галлп».

Май, 1887.

На частныхъ выставкахъ:

с) **Предъ картиной Сухоровскаго «Магдалина».**

Особа. — Красавица, шедевръ сказали — вздоръ!
Пейзанка!.. ни бекарности, ни шику!..

Творецъ «Наны» себѣ ее въ укоръ
Намалевалъ, или «Нанѣ» же въ пику.

Лицо. — Хотѣлъ профессорства достичь, пріятно,
Рангъ высшій получить, и вотъ сюжетъ
Взялъ подходящій, но рельефа нѣтъ,
Нѣтъ сочности въ картинѣ ароматной.

Особа. Онъ, недалекъ, конечно?

Лицо. — А «Нана»-съ
Какъ имъ была написана пикантно...
И какъ прельщала она насъ...

Особа. — О! та вліяла, батенька, пріятно,
Какъ Секъ-Помри и ананасъ...

Лицо. — Да-съ, именно, вліяла благодатно
Не на профановъ, а на насъ.

Февраль, 1886.

т) На выставкѣ скульптуры Лансере и Обера.

«Богатырь».

Не богатырь, а дряхлый инвалидъ,
Свой, стягъ обнявши, богатырски спитъ.

«Голова изъ «Руслана».

Изъ глубины морей поднявшись,
На солнцѣ грѣется Нептунъ,
И шапку снять съ него, покравшись,
Намѣревается драгунъ.

«Деревенская тройка».

Меренокъ и двѣ кобылки,
Паренекъ и двѣ бобылки,
Мчатся, косы распустивъ,
Хвостъ и гривы закрутивъ.

«Царскій сокольничій».

Съ соколомъ царскій сокольничій
Ѣдетъ на рынокъ невольничій.

«Чабанъ».

Скромный лужокъ близъ Ливадіи,
Нравы счастливой Аркадіи,
И на овцѣ пастушокъ
Пробуетъ свой посошокъ.

«Свиное семейство».

Испытанные ультра-консерваторы,
Столпы хозяйства и кормильцы,
И ихъ приплодъ—жуиры и новаторы
Съ грязцой на пятачковомъ рыльцѣ.

Мартъ, 1886.

у) На выставкѣ картинъ Айвазовскаго.

Банкократъ съ орденомъ на шеѣ.

— Мы шли, чтобъ видѣть всю природу,
А видимъ здѣсь одну лишь воду!

Его супруга.

— За входъ берутъ—ну, и за что же?
Куда ни взглянь, туда, сюда,—
Вездѣ почти одно и то же:
Вода, вода, одна вода.

Сынъ-гимназистъ.

— Не правда-съ!.. вотъ валы какъ стѣны
Встаютъ, взметая горы пѣны...
И люди есть, и есть скоты...

Банкократъ.

— Привыкъ противорѣчить ты!
Не спорь хоть здѣсь мальчишка-ядъ!
Вѣдь не съ тобою говорятъ.

Февраль, 1886.

ф) Передъ картиной Клевера «Лѣсной царь».

Поэтъ.

— Далёкимъ путемъ истомленный, усталый,
Съ ребенкомъ, въ ночной тишинѣ,
По снѣжнымъ сугробамъ, ѣздокъ запоздалый
Несется на борзомъ конѣ.
Березы и сосны стоятъ вѣковыя,
Сіяньемъ залиты луны,
И чудища видятся въ сучьяхъ лѣсныя
То съ этой, то съ той стороны.
Трепещетъ ѣздокъ... оглянулся—«Лѣснаго
Царя» вдругъ узрѣлъ за собой,
И шпоритъ онъ въ страхѣ коня удалаго,
И мчится, поникъ головой.

Мыслитель.

— Оставь, другъ, ты бредни, и лѣшихъ, и страхи,
Луну, мертвецовъ и погостъ:
То съ Масляной скачетъ линеецъ въ папахѣ,
А вслѣдъ за нимъ гонится—Постъ.

Февраль, 1887.

х) Передъ картиной Вейса «Влюбленный левъ».

I.

Влюбленный художникъ, подъ обликомъ льва,
Намъ звѣрскую немощь являетъ:

Дѣвица горитъ вся,—онъ смотритъ едва
И, нервно зѣвнувъ, засыпаетъ.

II.

Не знаемъ мы: влюбленъ ли левъ,
Идея такъ нова...
Но видимъ лишь: одну изъ дѣвъ,
Влюбленную во льва.

Апрѣль, 1887.

ц) Передъ картиной Рѣпина и Айвазовскаго «А. С. Пушкинъ на берегу моря».

Картина въ двѣ руки написана завидно,
Все—прелесть въ частности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, все—въ спорѣ:
Издалека посмотришь—Пушкина не видно,
Вблизи—пропало море.

Сентябрь, 1887.

ч) Передъ картиной Семирадскаго «Фрина».

Забыты «Грѣшница» и «Мученики» нынѣ,
Искусство въ новомъ культѣ ярко блещетъ,
И чувственной красѣ—нагой гетерѣ Фринѣ
Міръ съ Семирадскимъ рукоплещетъ.

Январь, 1889.

ш) На выставкѣ картинъ Франца Жмурко.

Вполнѣ великопостныя картины!..
Гашишъ—не женщины у Жмурки,
Передъ которымъ всѣ «Наны» и «Фрины»,
Всѣ femmes de feu—щепа пль чурки.

Февраль, 1889.

щ) Передъ картиной Сухоровскаго «Въ плѣну».

Въ писаныя женщинъ обнаженныхъ,
Гашишемъ страсти упоенныхъ,
Здѣсь Сухоровскій, не робѣя,
Вполнѣ достигнулъ апогея.
Но есть всему на свѣтѣ мѣра,
И живописцу безпокровныхъ,
Блудницъ безстыжихъ, чистокровныхъ,
Сказать не худо-бъ, для примѣра:
«Художникъ милый, устарѣли
Порнографическія цѣли:
Коль хочешь быть достойнымъ вѣка,
Пиши не дѣвокъ—человѣка!..»

Декабрь, 1889.

ъ) На выставкѣ скульптуры Антокольскаго.

«Ермакъ» (статуя изъ бронзы).

Статуя хороша—всеобщій приговоръ,
Но кто въ ней: вождь, или разбойникъ прежній данъ?
И если вождь—зачѣмъ онъ въ руку взялъ топоръ,
И лука нѣтъ—одинъ со стрѣлами колчанъ?

«Ярославъ мудрый» (горельефъ изъ бронзы).

«Князь Ярославъ» предъ нами «Мудрый»,
Благообразный, среброкудрый,
На «Правдѣ русской» онъ стоитъ,
Но ни полслова намъ!.. молчитъ.

«Спиноза» (статуя изъ мрамора).

Прелестный юноша съ кудрями по плечамъ,
Но для чего? зачѣмъ? какая цѣль
Была его Спинозою представить намъ?
Вѣдь не Спиноза это—Рафаэль.

«Несторъ» (статуя изъ мрамора).

Чертитъ намъ лѣтописецъ Несторъ: «Русь велика,
Обильна наша Русь, но въ ней порядка мало...»
Посаженъ онъ съ мѣшкомъ и фляжкою для шика
На кованый сундукъ—хоть келья ихъ не знала.

«Не отъ міра сего» (статуя изъ мрамора).

Кто помнитъ Марфиньку въ «Обрывѣ» Гончарова,
Увидѣтъ тотъ ее здѣсь можетъ снова:
Предъ нами дѣвушка, кормленье голубей,
Экстазъ, и грезы утра вешнихъ дней.

«Мефистофель» (статуя изъ бронзы).

Ваятель погрѣшилъ неточностью названья,
Помимо можетъ быть желанья,
Но намъ люба игривая метаморфоза:
Явился «Мефистофелемъ» Спиноза.

Февраль, 1893 года.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТЪ А. Г. РУБИНШТЕЙНА.

ИЗВѢСТНЫЙ музыкальный критикъ М. М. Ивановъ, въ статьѣ «Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ», напечатанной въ газетѣ «Новое Время» 14 ноября 1894 года, № 6722, говоритъ, что геніальный піанистъ и композиторъ, будучи 10-ти лѣтнимъ мальчикомъ, въ іюлѣ 1839 года, впервые выступилъ передъ публикою въ залѣ театра московскаго петровскаго парка. Но это не точно. Первый концертъ А. Г. Рубинштейна былъ данъ имъ 11 іюля 1839 года не въ залѣ Петровскаго театра, а въ вокзалѣ Петровскаго парка. Я былъ въ этомъ концертѣ. Мой учитель и другъ, студентъ Назаровъ, имѣлъ два билета; но пріятель, для котораго онъ взялъ второй билетъ, идти не могъ, и онъ предложилъ мнѣ воспользоваться случаемъ послушать, какъ онъ шутливо выразился, «феноменальнаго мальчугана-маэстро». Мнѣ только что исполнилось тогда 12 лѣтъ и ни въ какихъ концертахъ я еще не бывалъ; поэтому предложеніе Назарова я принялъ съ большимъ удовольствіемъ тѣмъ болѣе, что концертъ А. Г. Рубинштейна давался въ пользу бѣдныхъ. А это заявленіе въ то доброе старое время не было еще какъ нынѣ, звукомъ пустымъ и холоднымъ. Вокзалъ Петровскаго парка въ 1839 году только что открылся и считался мѣстомъ фешіонебельнымъ. Государь императоръ Николай Павловичъ, находясь въ Москвѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года, по случаю закладки храма Христа Спасителя, со всей своей блестящей свитой, удостоилъ посѣщеніемъ балъ, данный городомъ въ этомъ вокзалѣ. Концертъ «феноменальнаго мальчугана-маэстро» вышелъ вполнѣ удачнымъ. Вокзалъ былъ полонъ. Первые ряды занимала знать и наиболѣе интеллигентное общество столицы. Концертантъ-ребенокъ былъ выведенъ на эстраду и представленъ публикѣ извѣстнымъ въ то время

всей Москвѣ преподавателемъ музыки Виллуаномъ, подъ руководствомъ котораго проходилъ свое первоначальное образованіе высокоталантливый крошка-піанистъ. Это былъ—какъ сейчасъ смотрю на него—тоненькій, стройненькій и хорошенькій собою небольшаго роста худенькій мальчикъ, съ блѣднымъ типичнымъ личикомъ, большими выразительными глазками и длинными, вьющимися чуть не по плечамъ, кудрями. На немъ былъ дѣтскій костюмчикъ съ короткими, но довольно широкими рукавами, и бѣлая гофрированная рубашечка съ небольшими манжетами и мягкимъ отложнымъ воротничкомъ. Онъ вышелъ съ Виллуаномъ робкими шагами и, поставленный имъ на эстрадѣ впереди себя, сложилъ ручки на груди и застѣнчиво поклонился публикѣ. Его встрѣтили весьма радушно, и когда аплодисменты утихли, онъ еще разъ поклонился публикѣ и торопливо усѣлся за рояль. Исполнилъ онъ съ аккомпаниментомъ оркестра г. Теплова двѣ или три большія піесы, какія—я не знаю, потому что о музыкѣ тогда не имѣлъ никакого понятія и затѣмъ на бисъ сыгралъ нѣсколько маленькихъ піесокъ-соло. Я мало интересовался исполненіемъ этихъ піесъ, меня занимала только процедура его игры. Я смотрѣлъ на маленькаго артиста, какъ на существо, отмѣченное перстомъ Провидѣнія, и внимательно слѣдилъ за всѣми его движеніями. Меня восхищала энергія, быстрота и ловкость его музыкальныхъ манипуляцій. Маленькіе его пальчики съ непостижимой живостью бѣгали, скакали и прыгали по клавишамъ, и извлекали изъ инструмента массу дивныхъ, лившихся прямо въ душу, звуковъ. Самъ онъ, чтобы придать большую силу ударамъ пальцевъ по клавишамъ, то наклонялся напередъ, то передавалъ все тѣло вправо, или влѣво на басы. Потъ обильно увлажнялъ лобъ и щечки раскраснѣвшагося отъ усиленной игры ребенка и падалъ каплями на гофрированную грудь его сорочки. Но онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія и весь отдавался неутомимой пляскѣ пальцевъ по клавишамъ. Казалось, онъ не смотрѣлъ вовсе на лежавшія передъ нимъ ноты, листы которыхъ переворачивалъ стоявшій у рояля Виллуанъ, а игралъ по вдохновенію, такъ какъ взоръ его часто устремлялся вдаль и какъ будто блуждалъ на прокравшемся сквозь занавѣси лучѣ вечерняго іюльскаго солнца... Но вотъ раздался послѣдній, громкій, заключительный аккордъ и маленькій артистъ-феноменъ съ растрепавшимися и прилипшими къ щекамъ, мокрыми кудрями поднялся съ табурета и, отирая потъ платкомъ, скрылся за роялемъ. Раздались шумныя рукоплесканья.

Публика первыхъ рядовъ столпилась у эстрады. Сзади раздались восклицанія: «Рубинштейнъ!.. браво!.. на стулъ!.. покажите намъ его!» И Виллуанъ поднялъ и поставилъ маленькаго маэстро на табуретъ. Рукоплесканія и браво покрыли зало. Нѣкоторыя дамы взошли на эстраду, ласкали, обнимали и цѣловали даровитаго піаниста-ребенка, на устахъ котораго играла самодовольная улыбка и глазки горѣли сознаніемъ перваго достигнутаго имъ въ жизни артистическаго тріумфа. Вотъ какъ началъ свое служеніе искусству извѣстный впослѣдствіи всему образованному міру, геніальный піанистъ и композиторъ А. Г. Рубинштейнъ. Встрѣтясь какъ то съ нимъ случайно у однихъ общихъ нашихъ знакомыхъ въ 1881 году, я напомнилъ ему объ его первомъ концертѣ. Онъ вздохнулъ и сказалъ: «Да, это былъ одинъ изъ лучшихъ дней моей жизни, онъ рѣшилъ мою артистическую карьеру, въ которой я въ моей ранней юности сильно сомнѣвался, и я до нынѣ о немъ часто вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ ..»

Ноябрь 1894 г.

ВЪ ПЕРЕЛОМЪ ВѢКА.

I. Гардемарины.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1849 года, въ жизни морскаго кадетскаго корпуса совершилось одно изъ тѣхъ грустныхъ событій, воспоминанія о которыхъ, не смотря на давность прошедшаго времени, все еще тяжелы и болѣзненны.

Въ одинъ изъ холодныхъ, осеннихъ, ненастныхъ дней, утромъ часовъ въ 11-ть (точная дата числа неизвѣстна), въ квартирѣ директора корпуса, вице-адмирала Казина, были собраны содержавшіеся подъ арестомъ въ различныхъ укромныхъ уголкахъ корпуса, какъ-то: карцерѣ, цейхгаузѣ, банѣ, мертвецкомъ покоѣ и другихъ мѣстахъ, по одиночкѣ, семь старшихъ гардемариновъ, кончавшихъ въ томъ году курсъ и только что въ сентябрѣ мѣсяцѣ возвратившихся изъ послѣдняго практическаго плаванія въ Балтійскомъ морѣ [1]), а именно: Александръ Лихаревъ, Семенъ Левшинъ, князь Михаилъ Хованскій, баронъ Вильгельмъ фонъ-Геллесемъ, Михаилъ Коссаговскій, Павелъ Брылкинъ и Арсеній Калугинъ, каждый въ сопровожденіи особо назначеннаго для того оберъ-офицера.

Причины ареста молодыхъ людей, состоявшагося, впрочемъ, неодновременно, но въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, были слѣдующія: а) первые трое—Лихаревъ, Левшинъ и князь Хованскій, арестованы за то, что заявили во время ужина неудовольствіе на дурную пищу. Неудовольствіе это было заявлено всей гардемаринской ротой, но арестованы только трое, какъ зачинщики; б) баронъ

---

[1]) Гардемарины въ 1849 году плавали на судахъ 2-й флотской дивизіи: Полтавѣ, Выборгѣ, Волѣ, Георгіѣ Побѣдоносцѣ, Феръ-Шампенуазѣ и Константинѣ.

фонъ-Геллесемъ подвергнуть аресту за рѣчь, сказанную въ дортуарѣ, по поводу несправедливыхъ притязаній начальства, что́ признано было за возбужденіе товарищей къ протесту; в) Коссаговскій привлеченъ къ отвѣтственности за отвѣтъ въ дортуарѣ, гдѣ онъ приготовлялъ урокъ, офицеру, приказавшему ему застегнуться на всѣ пуговицы: «что онъ не на службѣ, а при занятіяхъ», что̀ признано было грубостью и дерзостью; г) Брылкинъ—за то, что, идя въ праздничный день съ обѣда, не исполнилъ приказанія дежурнаго офицера—идти въ ногу и равняться, и когда послѣдній хотѣлъ взять его за руку, устранилъ это движеніе, что̀ признано было неповиновеніемъ начальству, и д) Калугинъ—за то, что, желая пожаловаться ротному командиру на одного изъ дежурныхъ офицеровъ, приказавшаго никого не выпускать изъ помѣщенія роты, оттолкнулъ отъ дверей служителя и вышелъ, поддержанный въ этомъ нѣкоторыми товарищами, что̀ признано было чуть ли не воззваніемъ къ бунту.

Гардемариновъ привели въ старыхъ курткахъ и выстроили въ рядъ въ пріемной директора. Это все были молодые люди 17—20 лѣтъ отъ роду, прошедшіе почти весь искусъ обученія и ждавшіе чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ производства въ офицеры. Неожиданная строгость, выказанная по отношенію къ нимъ со стороны корпуснаго начальства, не могла, конечно, не волновать юношей, и въ ряду ихъ проносились возгласы; «смотрите-жъ, духомъ не падать»!.. или: «отвѣчать, братцы, смѣлѣй!»... Когда же имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что пріѣхалъ въ корпусъ его императорское высочество, молодой генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный шефомъ морского кадетскаго корпуса и имѣвшій его въ непосредственномъ своемъ командованіи, для личнаго разбирательства ихъ дѣла, раздался крикъ: «тѣмъ лучше!», и гардемарины повели между собой тихій разговоръ шепотомъ.

Но вотъ раздалась команда: «смирно!», пріемный залъ наполнился служебнымъ персоналомъ корпуса, и изъ отворившихся внутреннихъ дверей директорскихъ аппартаментовъ вышелъ августѣйшій шефъ корпуса въ сюртукѣ съ эполетами и аксельбантомъ. За его высочествомъ слѣдовали директоръ корпуса и адъютантъ государя великаго князя Константина Николаевича, капитанъ 2 ранга князь Голицынъ. Быстро окинувъ взглядомъ собравшихся и отвѣтя поклономъ на привѣтствіе чиновъ корпуса, его высочество̀ гене-

раль-адмиралъ изволилъ пройти по фронту арестованныхъ, и остановился передъ правофланговымъ гардемариномъ Коссаговскимъ. Внимательно посмотрѣвъ на него, великій князь задалъ арестованному два, одинъ вслѣдъ за другимъ, вопроса, скороговоркой: «какъ твоя фамилія»? и «на какомъ кораблѣ плавалъ?». Получивъ надлежащій отвѣтъ, молодой генералъ-адмиралъ перешелъ къ слѣдующему гардемарину и задалъ ему тѣ же вопросы. Отвѣтъ получился удовлетворительный, и великій князь пошелъ по фронту, останавливаясь передъ каждымъ воспитанникомъ и продолжая тѣмъ же порядкомъ начатый вопросъ. Дойдя до нумера шестого, подъ которымъ стоялъ Брылкинъ, его высочество спросилъ:

— Какъ твоя фамилія?

— Брылкинъ,—отвѣчалъ угрюмо гардемаринъ.

— Какъ?

— Брылкинъ.

— Съ кѣмъ ты говоришь?

— Съ его императорскимъ высочествомъ генералъ-адмираломъ.

— А титулъ прибавлять развѣ не нужно при отвѣтахъ?

Гардемаринъ молчалъ.

— На какомъ кораблѣ ходилъ?

— На Полтавѣ.

— На какомъ?

— На Полтавѣ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ великій князь, обращаясь въ полуоборотъ къ сопровождавшимъ его лицамъ, и затѣмъ быстро, повернувшись къ Брылкину, потрепалъ его по плечу и прибавилъ:—прекрасный апшеронецъ будешь!

Долго и внимательно смотрѣлъ его высочество въ лицо гардемарина и, отступя на шагъ или на два назадъ, тихо спросилъ своего адъютанта:

— Брылкинъ! . Брылкинъ!.. а какой это Брылкинъ?

— Это братъ того, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ такъ же тихо князь Голицынъ:—который имѣлъ счастье вмѣстѣ съ вами проходить курсъ ученія.

— И такой сорви-голова!.. жаль!—отозвался, смягчившись, молодой генералъ-адмиралъ и пошелъ далѣе.

Послѣдніе вопросы получилъ фонъ-Геллесемъ и отвѣтилъ на нихъ, какъ слѣдуетъ.

Послѣ этого государь великій князь Константинъ Николаевичъ, отойдя отъ фронта на нѣсколько шаговъ, громко и повелительно

сказалъ гардемаринамъ, что государь императоръ Николай Павловичъ очень огорченъ ихъ проступками и поручилъ ему произвести дознаніе о виновности каждаго и немедленно доложить его величеству, что и будетъ исполнено.

На вопросъ директора: «что съ ними теперь дѣлать?» августѣйшій шефъ корпуса отвѣтилъ: «это—дѣло твое!.. полагаю, что ты ихъ помѣстишь, гдѣ они были, впредь до воспослѣдованія монаршей воли».

Сказавъ это, его высочество простился съ чинами корпуса и удалился во внутреннiе директорскiе покои.

Начальство хлынуло изъ пріемной толпою, сторонясь, какъ зачумленныхъ, кучки несчастныхъ молодыхъ людей, которыхъ тотчасъ же сопровождавшiе ихъ офицеры и отправили въ тѣ же углы и чуланы, гдѣ они сидѣли прежде.

Нѣтъ сомнѣнія, что молодежь, обучавшаяся въ военно-учебныхъ и другихъ привиллегированныхъ заведеніяхъ въ то время, не сознавала, что правительство вынуждено было усилить школьную дисциплину въ интересахъ самихъ же учащихся, шла на проломъ и бравировала въ виду непонятныхъ ей строгостей, стѣснявшихъ ея прежнюю свободу. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что и само начальство сказанныхъ заведенiй, въ особенности въ концѣ сороковыхъ годовъ, мало обращало вниманія на основы воспитанія прежнихъ лѣтъ, пустившія глубокіе корни въ сердцахъ ввѣренныхъ его попеченію юношей, не хотѣло знать ихъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей, и вводя новую систему воспитанія, требовало только отъ нихъ одного—безусловной покорности, страха и исполнительности [1]). Помѣщаемые ниже отрывки изъ разсказа

---

[1]) Приведемъ нѣсколько фактовъ. Такъ: а) въ 1843 году воспитанники института путей сообщенія, возмущенные наушничествомъ на нихъ одного изъ ихъ товарищей, приступили къ обычной въ тѣ времена ручной съ нимъ расправѣ. Произошелъ шумъ, вслѣдствіе котораго явился дежурный офицеръ. Воспитанники встрѣтили его свистомъ и пригрозили: «вышвырнуть его въ окошко». Офицеръ пожаловался директору института. Возникло дѣло, и простая шалость молодыхъ людей въ глазахъ графа Клейнмихеля была уже проявленіемъ духа строптивости и доказательствомъ отсутствія надлежащей дисциплины въ заведеніи. Въ такомъ смыслѣ былъ представленъ имъ докладъ государю императору Николаю Павловичу, и пятеро воспитанниковъ, признанныхъ виновными, разжалованы въ рядовые, и, сверхъ того, троихъ изъ нихъ велѣно наказать

одного изъ участниковъ вышеприведенной несчастной исторіи въ жизни морскаго кадетскаго корпуса могутъ дать намъ нѣкоторыя указанія на это.

Арестованные гардемарины были всѣ старые кадеты. Они чуть ли не всѣ прошли режимъ управленія трехъ директоровъ: по 1842 годъ—адмирала Ивана Ѳедоровача Крузенштерна, съ 1842 по 1848 годъ—вице-адмирала Николая Петровича Римскаго-Корсакова и съ 1848 года — вице-адмирала Николая Глѣбовича Казина. Перваго кадеты звали: «отцомъ роднымъ», втораго—«матерью крестной», а третьяго—«дѣдушкой водянымъ».

Изъ «Очерка исторіи Морского кадетскаго корпуса» Ѳ. Ѳ. Веселаго, мы видимъ, что съ 1826 года этотъ корпусъ имѣлъ счастье находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ государя императора Николая Павловича. Всѣ мельчайшія заботы по воспитанію его величество изволилъ принять на себя. Не было такого уголка въ зданіи корпуса, въ который бы не взглянулъ государь императоръ и не приказалъ привесть его въ должный порядокъ. Въ каждый пріѣздъ его величество изволилъ обходить весь корпусъ. Въ лазаретѣ не было больного, о которомъ бы государь императоръ не собралъ подробныхъ свѣдѣній и не утѣшилъ его милостивымъ словомъ; къ трудно больнымъ, даже только сомнительнымъ, немедленно являлся придворный медикъ. Въ ротахъ его величество изволилъ осматривать постели воспитанниковъ, ихъ платье и бѣлье; пріѣзжая во время кадетскаго стола, изволилъ пробовать кушанье, присутствовалъ въ классахъ и на фронтовыхъ ученьяхъ; освѣдомлялся

розгами въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ института («Русская Старина», 1880 годъ, № 8); б) выпускные кадеты московскаго и 2-го кадетскаго корпусовъ, въ числѣ 14 человѣкъ, отправились въ 1843 году погулять въ Петергофскій садъ и Александрію, но въ одной изъ бесѣдокъ сада пили водку и имѣли столкновеніе съ лейбъ-казакомъ. По жалобѣ послѣдняго, 13 кадетъ были выписаны въ армію юнкерами, а одинъ, наиболѣе виновный, сосланъ рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ («Историческій Вѣстникъ», 1886 года, № 6-й); в) зимой 1848—1849 годовъ, одинъ изъ воспитанниковъ старшаго класса училища правовѣдѣнія, за сочувственное отношеніе къ освобожденію Польши, разжалованъ въ рядовые, съ назначеніемъ въ Орскій линейный батальонъ, а другой, за продерзостныя слова, переведенъ юнкеромъ въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ. («Русская Старина», 1880 г., № 9-й).

о хорошихъ воспитанникахъ и шалунахъ, прилежныхъ и лѣнивыхъ. Нерѣдко изволилъ спрашивать: хорошъ ли тотъ, лучше ли учится другой? При новомъ распредѣленіи ротъ многіе унтеръ-офицеры были выбраны лично государемъ императоромъ, и каждый изъ произведенныхъ въ офицеры и изъ вновь поступившихъ воспитанниковъ представлялись его величеству. Особенно нѣжнымъ попеченіемъ державнаго воспитателя пользовалась малолѣтняя рота, состоявшая изъ дѣтей отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ. Ея императорское величество государыня императрица Александра Ѳеодоровна, ихъ императорскія высочества государь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ нерѣдко вмѣстѣ съ государемъ императоромъ посѣщали корпусъ. Всякаго августѣйшаго гостя, посѣтившаго С.-Петербургъ, его величество привозилъ «любоваться Морскимъ корпусомъ».

Нужно ли послѣ того удивляться, что Морской корпусъ далъ Россіи: Невельскихъ, Головниныхъ, Лесовскихъ, Шестаковыхъ, Кремеровъ, Скрыдловыхъ, Дубасовыхъ, Тыртовыхъ, Басаргиныхъ, Авелановъ и другихъ достойнѣйшихъ моряковъ нашего флота!

Но за всѣмъ тѣмъ печальное событіе 1849 года не могло не набросить тѣни на ближайшую администрацію корпуса. Взглянемъ на причины этого событія съ точки зрѣнія одного изъ участниковъ событія.

Первый въ началѣ сороковыхъ годовъ директоръ корпуса, адмиралъ Иванъ Ѳедоровичъ Крузенштернъ, былъ извѣстный мореплаватель и ученый. На склонѣ лѣтъ онъ получилъ назначеніе—стать подготовителемъ и воспитателемъ нашихъ будущихъ моряковъ, и выборъ былъ болѣе, чѣмъ удаченъ. Никто изъ директоровъ корпуса, въ теченіе столѣтняго слишкомъ его существованія, не пользовался такой любовью и преданностью воспитанниковъ, какъ этотъ дѣйствительный «отецъ кадетъ». По наружности это былъ преклонныхъ лѣтъ, высокаго роста, худой, съ небольшими прядями сѣдыхъ волосъ и безцвѣтнымъ высохшимъ лицомъ, согбенный старецъ, носившій старый, длинный и широчайшій сюртукъ, съ громаднымъ воротникомъ, въ которомъ голова его какъ будто утопала. Но онъ былъ еще весьма энергиченъ и все дѣло воспитанія и образованія въ корпусѣ велъ лично, предоставивъ только строевую часть на отвѣтственность батальоннаго командира. Нравственная его личность была велика: это былъ честный, прямой и всѣмъ доступный человѣкъ. Каждый кадетъ, даже самый маленькій, имѣлъ

къ нему доступъ, выслушивался и всегда находилъ защиту или удовлетвореніе. Даже шалости, если онѣ были разсказаны Ивану Ѳедоровичу самимъ напаливпшмъ, прощались. Строгихъ мѣръ, карцера и розогъ, старый адмиралъ не признавалъ. Если же когда нибудь выпадала необходимость наказать виновнаго, онъ глубокомысленно и методично обводилъ указательнымъ пальцемъ правой руки свой носъ и медленно произносилъ:

— Ну-съ!.. стыдно вамъ-съ!.. За это я взыщу съ васъ строго-съ... и, обратясь къ ротному командиру или дежурному офицеру, говорилъ:—ну-съ!.. наказать его примѣрно-съ!.. Оставить его безъ пирожнаго!..

Въ помѣщеніяхъ ротъ онъ показывался рѣдко, но строевое ученіе и классы навѣщалъ исправно. На ученьяхъ Иванъ Ѳедоровичъ иногда подходилъ къ наиболѣе изнуреннымъ или слабымъ на видъ воспитанникамъ и обращался къ нимъ съ вопросами:

— Ну-съ.. какъ вамъ, милый-съ?.. тяжело-съ вамъ учиться маршировать и пріемамъ-съ?

— Да, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ обыкновенно плаксиво кадетъ,—очень тяжело.

— Ну-съ!.. что же вы, милый-съ, больны?.. и чтоже у васъ болитъ-съ?

— Я страдаю грудью, ваше высокопревосходительство.

Тогда адмиралъ обращался къ командиру баталіона и говорилъ ему:

— Ну-съ!... освободить его!.. ребенку-съ тяжело... нельзя-съ утомлять его!..

Затѣмъ онъ подходилъ къ другому, къ третьему и такъ далѣе, задавалъ такіе же вопросы и, получая почти такіе же отвѣты, старикъ волновался, приказывалъ распустить воспитанниковъ и уходилъ огорченный.

То же повторялось иногда и въ классахъ, которыми руководилъ контръ-адмиралъ (впослѣдствіи вице адмиралъ) Марко Филипповичъ Горковенко, личность въ высшей степени типичная, но вполнѣ добрая и преданная дѣлу образованія. На заявленіе воспитанника объ утомленіи или нездоровьи Иванъ Ѳедоровичъ обращался къ классному начальству и приказывалъ:

— Ну-съ!.. разстегните-съ ему куртку!.. пошлите-съ за докторомъ!...

— Ваше высокопревосходительство, мы отправимъ его въ лазаретъ,—заявило однажды начальство.

— Зачѣмъ-съ?—возразилъ строго и серьезно адмиралъ:—въ лазаретъ не надо-съ!.. мальчикъ можетъ испугаться лазарета и заболѣть серьезно-съ!.. я вамъ-съ говорю: позвать доктора-съ!

Но были, хоть рѣдко, случаи, когда по жалобамъ нѣсколькихъ воспитанниковъ сердобольный директоръ отмѣнялъ и классы.

— Ну-съ!..—говорилъ онъ Марку Филипповичу!—дайте-съ имъ отдохнуть!.. я вамъ-съ пришлю сказать, когда начать-съ!..

При посѣщеніи воспитанниковъ внѣ занятій, кадеты окружали любимаго директора толпой, а нѣкоторые даже цѣловали ему руки.

— Не надо-съ!.. не надо-съ!—лепеталъ умиленный старецъ:—пропустите-съ меня!..—и наклонясь надъ какимъ-нибудь близъ стоящимъ мальчуганомъ, бралъ его за щеки и съ улыбкой задавалъ ему вопросы:—Ну-съ!.. что у васъ, мальчикъ-съ?.. здоровы-съ?.. веселы-съ?..

Въ случаѣ проказъ или какихъ-либо недоразумѣній, всякій воспитанникъ старался укрыться подъ защиту Ивана Ѳедоровича. Онъ бѣжалъ стремглавъ къ «отцу родному», вбѣгалъ прямо въ кабинетъ безъ доклада, бросался передъ изумленнымъ старикомъ на колѣни и со слезами просилъ его защиты. Выслушавъ его разсказъ, «отецъ» старался успокоить виноватаго, бралъ его за голову и старался поднять съ пола, гладилъ руками по головѣ и лицу и говорилъ:

— Ну-съ!.. я вамъ-съ говорю, успокойтесь!.. встаньте-съ!.. я никому не позволю васъ наказать-съ!...

Если же вслѣдъ за нашалившимъ появлялся и жалобщикъ, Иванъ Ѳедоровичъ встрѣчалъ его съ такими словами:

— Хорошо-съ!.. я знаю все-съ!.. я разберу-съ!..

И тѣмъ дѣло и кончалось.

Былъ даже такой случай. Батальоннаго командира, вслѣдствіе какихъ-то съ его стороны неумѣстныхъ требованій или придирчивости, одинъ изъ воспитанниковъ, встрѣтя какъ-то въ корридорѣ, оскорбилъ и, не теряя ни минуты, тотчасъ же явился съ повинной къ директору корпуса. Тотъ его распросилъ, выслушалъ его объясненія и отпустилъ въ роту. Когда же явился потерпѣвшій съ рапортомъ, Иванъ Ѳедоровичъ твердо и настойчиво отвѣчалъ:

— Ну-съ!.. я васъ прошу, оставьте-съ!.. я далъ слово-съ, что наказанія не будетъ, и слово мое сдержу-съ! Я доложу моему государю, что я слово далъ-съ!.. пусть взыскиваетъ съ меня-съ!.. а вы ужъ оставьте-съ!.. я васъ прошу-съ!..

Вотъ традиціи, на которыхъ было основано и зиждилось умственное и нравственное развитіе кадетъ морскаго корпуса въ началѣ сороковыхъ годовъ. Оно, конечно, съ теченіемъ времени подвергалось измѣненію, но традиціи жили въ сердцахъ воспитанниковъ корпуса еще долго послѣ оставленія адмираломъ Крузенштерномъ своей высокогуманной и благодѣтельной миссіи воспитанія и приготовленія къ службѣ будущихъ вождей русскаго флота.

Государь императоръ Николай Павловичъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ разумной и полезной дѣятельности Ивана Ѳедоровича на поприщѣ морской педагогіи. Онъ любилъ его, какъ точнаго и энергичнаго проводника его идей и инструкцій, и извинялъ ему многое, чего не терпѣлъ въ другихъ. Онъ не требовалъ даже, чтобы старикъ тотчасъ являлся по его пріѣздѣ въ корпусъ. Однажды его величество пріѣхалъ во время обѣда воспитанниковъ и прошелъ прямо въ столовую. Иванъ Ѳедоровичъ, узнавъ объ этомъ, заторопился и бросился, какъ былъ, туда, гдѣ находился государь. Онъ бѣжалъ, на сколько позволяли ему дряхлыя ноги, и на ходу застегивалъ пуговицы. Но руки у старика дрожали, и пуговицы его не слушались. Увидя комичное положеніе немогущаго сладить съ костюмомъ директора въ двери столовой, державный гость самъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и, взявъ его за руки, милостиво улыбнулся:

— Не надо, Иванъ Ѳедоровичъ, не застегивай, оставь такъ!..

и, повернувшись, пошелъ съ нимъ мимо столовъ воспитанниковъ.

Въ другой разъ, государь увезъ любимца адмирала въ своей коляскѣ во дворецъ, гдѣ онъ и имѣлъ счастіе быть приглашеннымъ къ императорскому столу, въ интимномъ кружкѣ августѣйшей фамиліи.

Второй директоръ корпуса, вице-адмиралъ Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, былъ блестящій представитель русскихъ моряковъ того времени. Извѣстный при дворѣ, вращавшійся въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ, онъ съумѣлъ снискать себѣ всеобщую любовь и уваженіе, не только въ морской сферѣ, но и внѣ ея. Небольшаго роста, худощавый, подвижный и нервный человѣкъ, лѣтъ 45 съ небольшимъ отъ роду, съ овальнымъ выразительнымъ лицомъ, большими смѣющимися на выкатѣ глазами, съ громкою, живою, порывистою рѣчью, скорой походкой и быстрыми тѣлодвиженіями, онъ представлялъ собою типъ свѣтскаго джентльмена. Вся его фигура дышала самоувѣренностью и самодовольствомъ. Онъ

былъ женатъ на красавицѣ, урожденной Чернышевой-Кругликовой, любилъ общество и удовольствія и жилъ, какъ баринъ, открыто.

По своимъ идеямъ и убѣжденіямъ, Николай Петровичъ принадлежалъ къ кружку людей, по тому времени считавшихся либеральными и гуманными, но строго держался взгляда практической необходимости. Въ обращеніи его съ чинами корпуса, съ кадетами и служителями преобладала вѣжливость и мягкость, но онъ держался съ большимъ достоинствомъ и никакихъ короткостей въ обращеніи съ людьми не допускалъ. У него былъ свой стимулъ для доступа къ человѣческому сердцу. Онъ задался цѣлію—развить въ гардемаринахъ и кадетахъ сознаніе человѣческаго достоинства, чувства патріотизма и долга чести, и для достиженія этой цѣли употреблялъ всевозможныя по тому времени средства.

Въ теченіе шестилѣтняго директорства, вице-адмиралъ Римскій-Корсаковъ, какъ человѣкъ сообразительный и практичный, принялъ и ввелъ много полезныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ. Такъ, укажемъ, онъ, съ цѣлью поощренія прилежныхъ и наказанія лѣнившихся воспитанниковъ, издалъ правила о веденіи записи этихъ воспитанниковъ на красныя и черныя доски; ввелъ различные сроки домашнихъ отпусковъ и предоставилъ кадетамъ право ходить въ отпуски безъ провожатыхъ. Онъ дозволилъ кадетамъ заниматься, внѣ уроковъ и занятій, чтеніемъ всѣхъ разрѣшенныхъ цензурою книгъ и положилъ основаніе кадетской библіотекѣ. Кромѣ того, имъ было обращено особенное вниманіе на физическое и эстетическое развитіе воспитанниковъ: онъ требовалъ не только знанія гимнастики и фехтованія, но и граціи движеній. Съ этой цѣлію имъ поощрялись занятія танцами, а также музыкой и пѣніемъ. Желающіе могли обучаться игрѣ на разныхъ инструментахъ, для чего имъ предоставлено было право приглашать особыхъ приватныхъ учителей. Лучшихъ изъ кадетъ по образованію и свѣтскимъ пріемамъ онъ удостоивалъ пріема у себя, приглашая ихъ въ извѣстные дни на вечера и собранія. Но самой существенной стороной его увлеченій былъ фронтъ и доведеніе кадетъ по фронтовому образованію до высшей степени совершенства. Николай Петровичъ занимался съ кадетами фронтомъ даже болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и, какъ справедливо протестовалъ Маркъ Филипповичъ Горковенко, въ ущербъ даже классныхъ занятій. Но за то посылаемые отъ Морскаго корпуса, въ воскресные и праздничные дни, на разводы ординарцы и вѣстовые постоянно обращали на себя вниманіе го-

сударя императора Николая Павловича и такого знатока военнаго дѣла, какъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а выходившія на смотры и парады роты воспитанниковъ Морскаго корпуса всегда отличались знаніемъ фронта и получали царское спасибо.

Инспекторомъ классовъ, какъ мы говорили выше, состоялъ контръ-адмиралъ Маркъ Филипповичъ Горковенко; это былъ человѣкъ—«не отъ міра сего». Старикъ преклонныхъ лѣтъ, прослужившій въ Морскомъ корпусѣ чуть ли не полвѣка, онъ олицетворялъ въ себѣ всю науку корпуса. Согбенный лѣтами, а не паденіемъ умственныхъ силъ, всегда задумчивый и серьезный, онъ отдавался дѣлу воспитанія кадетъ со всей любовью, какая только можетъ существовать въ сердцѣ фанатика науки. Зимой и лѣтомъ въ одномъ и томъ же костюмѣ—въ длинномъ суконномъ на ватѣ сюртукѣ до пятъ и суконныхъ же сапогахъ на войлочныхъ подошвахъ, онъ вставалъ ранѣе всѣхъ и маленькими старческими шагами, автоматически, двигался по корридорамъ корпуса, входилъ въ классы и осматривалъ, все ли находится въ порядкѣ. Затѣмъ уходилъ и являлся опять, когда начинались занятія. Подходя къ классной комнатѣ, Маркъ Филипповичъ какъ будто преображался. Онъ поднималъ голову, входилъ твердою поступью, держа въ правой рукѣ старую съ огромнымъ козырькомъ фуражку, а въ лѣвой—серебряную жалованную табакерку, и привѣтствовалъ кадетъ стереотипной фразой: «Ну, здравствуйте!».

Кадеты шумно поднимались съ своихъ мѣстъ и, зная слабость старика, громко отвѣчали:

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

«Вѣчный контръ-адмиралъ», какъ звали его въ шутку кадеты, махалъ руками и говорилъ раздраженнымъ голосомъ:

— Болваны!.. чего разорались?.. небось уроковъ не знаете, а орать—охота!.. Садитесь, свинопасы, садитесь! (Клички: болваны, свинопасы и др. подобныя, имѣли смыслъ не брани, а сочувствія).

Затѣмъ онъ пробирался къ первой скамейкѣ, потѣснялъ воспитанниковъ и садился съ краю.

— О чемъ идетъ рѣчь?—спрашивалъ обычнымъ порядкомъ Маркъ Филипповичъ учителя и, получивъ отвѣтъ, говорилъ:—продолжай!

Посидѣвъ немного и сдѣлавъ одно или нѣсколько замѣчаній лектору, онъ поднимался и переходилъ въ слѣдующій классъ. Тамъ повторялась та же исторія, и старикъ, продѣлавъ все, что считалъ

нужнымъ, шелъ далѣе. Такимъ образомъ онъ успѣвалъ посѣтить отъ пяти до десяти классовъ въ день.

До какой степени Маркъ Филипповичъ былъ преданъ наукѣ, приведемъ слѣдующіе два разсказа о немъ.

Однажды, исправляя временно должность директора корпуса, онъ посѣтилъ лазаретъ и, подойдя къ кровати перваго лежавшаго больного воспитанника, спросилъ его:

— Котораго ты класса?

Воспитанникъ былъ очень боленъ, и отвѣтъ за него далъ дежурный.

Слѣдишь ли ты за лекціями и повторяешь ли зады?—задалъ воспитаннику второй вопросъ суровый адмиралъ, на который больной только отрицательно покачалъ головою.

— Ну, какой ты глупый!—отозвался добродушно Маркъ Филипповичъ:—вѣдь ты будешь осломъ, отстанешь отъ товарищей, и трудно тебѣ будетъ догнать ихъ. Возьми записки и книжки, и не все тебѣ спать! почитай, поучись, а на ночь положи ихъ подъ подушку: заснешь—и все упрочится въ памяти.

Но больному было не до науки: на утро онъ умеръ.

Выше мы сказали, что Маркъ Филипповичъ не одобрялъ увлеченій новаго директора строевымъ образованіемъ. Вотъ въ какую своеобразную форму вылилось подобное неодобреніе.

Однажды баталіонъ кадетъ корпуса былъ выстроенъ на плацу для ученья. Николай Петровичъ, торопясь на ученье, бѣжалъ черезъ музеумъ на плацъ. Его встрѣтилъ Горковенко почти у самаго выхода и какъ будто нечаянно спросилъ его:

— У тебя опять ученье [1])?

— Отстаньте, Маркъ Филипповичъ:—отрѣзалъ круто директоръ,—не мѣшайтесь! Вотъ кончатся смотры и парады, тогда и ученья прекратятся.

— А на что тебѣ это?—возвысилъ въ свою очередь голосъ Горковенко:—кого ты готовишь?.. Ословъ. Родители ихъ, отпуская къ намъ дѣтей, говорили: воспитайте ихъ, сдѣлайте ихъ умными людьми, учеными и полезными для службы. А мы съ тобой ихъ

---

[1]) Н. И. Римскій-Корсаковъ въ юности своей былъ кадетомъ въ ротѣ Марка Филипповича и потомъ сдѣлался его начальникомъ. Въ виду подобныхъ отношеній послѣдній говорилъ первому «ты» и позволялъ себѣ читать ему иногда нотаціи.

учимъ ноги вытягивать. Ужъ извини, это не резонъ. За это намъ съ тобой спасибо не скажутъ.

— Маркъ Филипповичъ, да и насъ съ тобой тоже учили, и съ насъ тоже требовали.

— Учили!.. учили!..—вспылилъ старикъ.—А я тебѣ, Николай Петровичъ, скажу правду-матку! ужъ ты не сердись на меня: коли бы я тебя въ свое время училъ, да поролъ бы, такъ и толкъ изъ тебя былъ бы не тотъ!.

Что дѣлать!—размѣялся директоръ: теперь уже поздно, пороть уже нельзя.

— Поздно!.. Поздно!.. а, можетъ, и не поздно!.. Ну, да Богъ съ тобой!.. ты—начальникъ, воля твоя, а все-таки помни: Богу отвѣтъ давать будешь!

И старикъ покорно склонилъ голову и смиренно удалился.

Не останавливаясь на личностяхъ баталіонныхъ командировъ Морскаго корпуса: сперва Я. М. Юхарина, а потомъ П. Я. Терентьева, которые въ жизни корпуса выдающейся роли не играли, мы коснемся только командира гардемаринской роты, капитана 2 ранга барона Александра Александровича де-Риделя, вліяніе котораго на воспитаніе и пробужденіе въ кадетахъ чувствъ самосознанія долга было безспорно. Это былъ мужчина громаднаго роста, весьма тучный и неуклюжій собою. Какъ всѣ крупные люди, онъ плохо распоряжался всѣми членами своего тѣла и, будучи близоруким, казался вообще неловкимъ человѣкомъ. Но это не мѣшало ему имѣть прекрасное сердце, хладнокровный, разсудительный и невозмутимый характеръ. Какъ начальникъ, онъ отличался безпристрастіемъ, справедливостью и гуманнымъ отношеніемъ къ кадетамъ. Всѣ его дѣйствія были направлены къ тому, чтобы поднять въ нихъ духъ самосознанія и личнаго достоинства. Неосновательных жалобъ и наговоровъ онъ не слушалъ и никакихъ придирокъ по службѣ не допускалъ. Всякія недоразумѣнія, происходившія между офицерами и воспитанниками, онъ разбиралъ и устранялъ лично, и жалобщиковъ на его разбирательство никогда не было. Какъ человѣкъ, это былъ доброе и безобидное существо. Оставаясь до старости холостякомъ, онъ жилъ исключительно интересами ввѣренныхъ ему по службѣ дѣтей и посвящалъ свои досуги домашнему хозяйству, среди котораго не малую роль играли его любимыя животныя—кошки.

Чтобы вполнѣ охарактеризовать этого непосредственнаго блюсти-

тельи жизни и будущности кончавшихъ курсъ кадетъ, мы приведемъ слѣдующій случай.

Въ горячее время приготовленія къ экзаменамъ, одинъ изъ старшихъ гардемариновъ, во избѣжаніе шума, всегда царившаго въ дортуарахъ, всталъ какъ-то утромъ ранѣе обыкновеннаго и направился для занятій въ классъ, который въ то время былъ еще запертъ. Въ дверяхъ его встрѣтилъ сторожъ и войти въ классъ не допустилъ, говоря, что начальство открывать классы ранѣе назначеннаго времени не приказываетъ. Воспитанникъ въ горячности выбранился, о чемъ въ то же время и было доведено до свѣдѣнія барона де-Риделя, состоявшаго въ тотъ день дежурнымъ по корпусу. Воспитанникъ ждалъ грозы, но проходитъ день и два—его къ отвѣту не зовутъ. На третій день, отправившись съ ротой въ церковь (шелъ великій постъ, и кадеты говѣли), онъ встрѣтилъ близъ дежурной комнаты барона де-Риделя, который вызвалъ его изъ фронта и увелъ съ собой въ дежурную.

— Позвольте васъ спросить,—обратился баронъ къ кадету съ вопросомъ:—на какомъ основаніи вы позволяете себѣ бранить начальство?

— Какое начальство, г. баронъ, объясните Бога ради?

— Хотя бы меня.

— Да когда же, г. баронъ?

— А вотъ, когда вы хотѣли войти въ классъ, а сторожъ васъ не пустилъ.

— Дѣйствительно, г. баронъ, я тогда выругалъ сторожа, но при чемъ вы тутъ, я не понимаю.

— Какъ причемъ?.. вѣдь я былъ дежурнымъ, и я отдалъ приказаніе никого не пускать въ классъ раньше времени.

— Простите, г. баронъ, выразивъ неудовольствіе на распоряженіе начальства, я не имѣлъ въ виду ничьей личности, тѣмъ болѣе вашей.

— Но вы не отрицаете, что вы позволили себѣ выбраниться?

— Не смѣю отказываться, г. баронъ, но даю вамъ слово, что никого изъ начальствующихъ лицъ я не имѣлъ тогда въ виду. Что же касается васъ лично, то я никогда не позволилъ бы себѣ этого сдѣлать.

— А я вамъ скажу: я и самъ не позволю!.. я и самъ могу съ вами разсчитаться!.. но я не буду васъ наказывать и жаловаться на васъ начальству не пойду: за оскорбленіе моей чести я потребую отъ васъ сатисфакціи.

— Благодарю васъ, г. баронъ, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете; но не могу принять на себя вины въ оскорбленіи васъ.

— Ну, если это такъ, то забудемте объ этомъ!.. но помните, что Ридель за свою честь постоитъ. А теперь идите въ церковь и помолитесь.

Когда воспитанникъ пошелъ, онъ вернулъ его, пожалъ ему крѣпко руку и сказалъ:

— А все-таки спасибо вамъ, что вы не стали отпираться, я— грѣшный человѣкъ: трусовъ и лгуновъ не люблю!.. Помните, что все забыто, и ступайте!

Вотъ лица, въ рукахъ которыхъ находилось до конца сороковыхъ годовъ научное нравственное развитіе будущихъ представителей нашего флота. Но изъ приведенныхъ нами выше характеристикъ ихъ мы не будемъ дѣлать общихъ выводовъ, такъ какъ они всякому образованному читателю сами по себѣ должны казаться рельефными и вполнѣ понятными. Подчеркнемъ только тотъ фактъ, существенно знаменательной для того времени, что начальство не считало невозможнымъ обратиться къ кадету съ требованіемъ сатисфакціи. Намъ могутъ замѣтить, что это уже болѣе, чѣмъ экзальтація. Но при сужденіи о проступкахъ кадетъ, когда наступили иныя времена, иныя требованія, слѣдовало бы все это принять во вниманіе.

Но возвратимся къ кадетской жизни того времени.

Обыденная, будничная, замкнутая жизнь кадетъ въ стѣнахъ корпуса—общеизвѣстна, о ней уже и прежде писали много и подробно. Касаться ея всесторонне мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что она сама по себѣ особаго интереса и не представляетъ. Но мы отмѣтимъ тѣ изъ канувшихъ въ Лету явленій, которыя въ свое время имѣли значеніе въ кадетской жизни, интересовали кадета или воспитывали его въ извѣстномъ строѣ мысли.

Начнемъ съ распоряженія Н. П. Римскаго-Корсакова объ увольненіи воспитанниковъ въ домашніе отпуски безъ провожатыхъ. Изстари въ Морскомъ корпусѣ существовалъ порядокъ, чтобы кадетъ, желающій воспользоваться отпускомъ, заявлялъ начальству, что такіе-то его родные или знакомые желаютъ взять его къ себѣ домой на извѣстные дни; но воспитанникъ отпускался не иначе, какъ по личной явкѣ за нимъ въ корпусъ кого-либо изъ родныхъ или знакомыхъ, или же по присылкѣ за нимъ провожатаго. Процедура увольненія въ отпуски сама-по-себѣ настолько была ориги-

нальна, что о ней стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ субботу или наканунѣ праздника, послѣ утреннихъ классовъ, часовъ въ 12 дня, кадеты, желавшіе воспользоваться отпускомъ, заявляли о томъ ротнымъ командирамъ и, получивъ разрѣшеніе, собирались въ рекреаціонномъ залѣ, въ шинеляхъ, портупеяхъ и киверахъ. Когда же всѣ были въ сборѣ, начинался осмотръ. «Такой-то,—вызывалъ ротный командиръ,—снимите шинель!» (если она была въ накидку). И затѣмъ осматривалъ обмундированіе и снаряженіе кадета спереди. Если все оказывалось исправнымъ, слѣдовала команда: «налѣво кругомъ!»—и кадетъ осматривался сзади. Далѣе командовалось: «поднимите руки!» или: «отставьте такую-то ногу!»—и осматривалось, нѣтъ ли дыръ подъ мышками или прорѣхъ на штанахъ. Обмундированіе, конечно, надѣвалось при увольненіи въ отпускъ новое, а у нѣкоторыхъ наиболѣе состоятельныхъ кадетъ, съ разрѣшенія новаго директора, имѣлось особое свое отпускное платье изъ тонкаго сукна; поэтому вся эта процедура была только излишней формалистикой и тяготила воспитанниковъ, жаждавшихъ съ нетерпѣніемъ скорѣйшаго увольненія. Нужно ли говорить, какъ быстро и отчетливо исполнялись послѣднія команды: «налѣво кругомъ!..», «надѣньте шинель!..», «застегните по формѣ!..», «надѣньте киверъ!..», «застегните чешую!..» (Всякое неудовлетворительное исполненіе команды вызывало замѣчаніе и могло повести даже къ оставленію безъ отпуска). Исполнивъ все, какъ слѣдуетъ, воспитанникъ ждалъ заключительнаго вопроса: «а кто вашъ провожатый?.. и, получивъ его, бросался стремглавъ и приводилъ провожатаго. Если это оказывался родственникъ или лицо, начальству уже извѣстное, то воспитанникъ тотчасъ получалъ билетъ и, счастливый, уходилъ. Если же была прислана прислуга, то она подвергалась опросу: отъ кого она и за кѣмъ прислана? По полученіи удовлетворительнаго отвѣта, прислуга получала наказъ: «воспитанника одного дорогой никуда не отпускать, но доставить въ квартиру того лица, отъ кого она прислана»,—и затѣмъ только кадету выдавался билетъ.

Мѣра эта, конечно, имѣла мѣсто по отношенію малолѣтнихъ кадетъ, которымъ провожатый въ Петербургѣ дѣйствительно могъ быть необходимымъ. Но въ отношеніи примѣненія къ великовозрастнымъ юношамъ, какъ, напримѣръ, гардемаринамъ, находившимся въ корпусѣ, но считавшимся уже на дѣйствительной службѣ, она казалась уже аномаліей и подавала поводъ къ курьезнымъ ненор-

мальнымъ эпизодамъ. Само начальство имѣло весьма смутное понятіе о значеніи провожатаго: ни возраста, ни солидности, ни разумности отъ провожатыхъ не требовалось; кого бы ни прислали родные или знакомые за воспитанникомъ, съ тѣмъ онъ и отпускался. Поэтому сплошь и кряду можно было видѣть, что вслѣдъ за молодцомъ-гардемариномъ, быстро шагавшимъ по тротуару, бѣжала въ припрыжку маленькая дворовая дѣвочка лѣтъ 10—12-ти, въ валенкахъ и материнской кацавейкѣ, или босоногій казачекъ, или же плелась, поминутно оклпкая воспитанника, старая-престарая старушенція-нянюшка. Бывали случаи, что кадеты, по выходѣ изъ корпуса, прогоняли отъ себя присланныхъ за ними провожатыхъ и шли или ѣхали домой одни. Начальство корпуса, встрѣчая иногда такихъ кадетъ, дѣлало видъ, какъ будто оно не замѣчаетъ, имѣются ли при нихъ провожатые, и отступленіе отъ существовавшаго порядка взысканій не влекло. Снисходительность начальства, въ отношеніи свободы увольненія въ отпуски, шла даже далѣе, чѣмъ, казалось бы, слѣдовало. Такъ, кадеты братья Болховскіе брались изъ корпуса ежесубботно пріѣзжавшими за ними двумя молодыми дѣвицами, съ которыми они обрѣтались въ дружественныхъ отношеніяхъ, и начальству не было до того никакого дѣла.

Толчекъ къ отмѣнѣ правилъ объ отпускѣ кадетъ къ роднымъ не иначе, какъ съ провожатыми, далъ слѣдующій случай. Однажды правофланговый воспитанникъ гардемаринской роты Полубояриновъ, дѣтина ростомъ чуть не въ три аршина (государь императоръ Николай Павловичъ не разъ обращалъ на него вниманіе и, хлопая его по плечу, говорилъ: «молодецъ! перерось меня!»), получая отпускной билетъ, былъ спрошенъ ротнымъ командиромъ: «а гдѣ же вашъ провожатый?». Не долго думая, кадетъ отправился въ швейцарскую, гдѣ ожидалъ его присланный за нимъ маленькій мальчикъ-казачекъ, взялъ его сзади подъ мышки, принесъ въ зало и, поднявъ предъ ротнымъ командиромъ наравнѣ съ собою, доложилъ ему: «вотъ мой провожатый!». Начальство растерялось, никакого замѣчанія не сдѣлало и только, замахавъ руками, торопливо повторяло:

— Поставьте его!.. поставьте его!.. что вы дѣлаете?.. Вѣдь вы уроните мальчика и ушибете его!..

Высшее корпусное начальство, до свѣдѣнія котораго была доведена эта выходка, много смѣялось и, говорятъ, даже доклады-

вало объ этомъ государю императору, который и приказалъ отмѣнить непрактичный порядокъ. Съ этихъ поръ изъ кадетъ старшихъ классовъ стали увольняться въ отпуски только тѣ, которые имѣли хорошія классныя отмѣтки (не менѣе 10 по всѣмъ предметамъ), и у нихъ въ билетахъ обозначалось, что они уволены безъ провожатаго.

Не безынтересно также распоряженіе объ экипажахъ. Въ одну изъ зимъ наиболѣе холодныхъ, Н. П. Римскій-Корсаковъ приказалъ, чтобы въ морозъ болѣе 15 градусовъ воспитанники увольнялись въ отпускъ не иначе, какъ въ закрытыхъ экипажахъ. Мѣра эта оказалась для многихъ стѣснительной. За немногими изъ кадетъ могли пріѣзжать собственные экипажи, а большинство должно было нанимать извозчичьи кареты. Но такъ какъ нѣкоторымъ и это было не по средствамъ, а въ отпускъ идти хотѣлось, то кадеты придумали слѣдующую комбинацію. Нѣсколько человѣкъ нанимали одну карету, которая и должна была ожидать ихъ у подъѣзда. Выходили человѣкъ 5—6, садились, отъѣзжали до первой улицы, сворачивали въ нее, выходили изъ кареты и шли домой пѣшкомъ, а карета снова возвращалась въ корпусъ и брала слѣдующій контингентъ уволенныхъ кадетъ, которые, въ свою очередь, продѣлывали то же, что и первые. Такимъ образомъ, карета возвращалась въ корпусъ два-три раза, и послѣдними уѣзжали въ ней тѣ, которымъ дѣйствительно нужно было ѣхать за Неву или куда-нибудь далѣе. Подобныя выходки являлись дѣломъ вполнѣ цѣлесообразнымъ и естественнымъ, такъ какъ начальство корпуса не считало нужнымъ слѣдить за исполненіемъ своихъ распоряженій. Единственнымъ активнымъ наблюдателемъ за правильнымъ примѣненіемъ сказанной мѣры являлся швейцаръ, которому было вмѣнено въ обязанность слѣдить, чтобы воспитанники отправлялись въ отпуски не иначе, какъ въ закрытыхъ экипажахъ, и о неисполняющихъ сего—докладывать начальству. А такъ какъ всѣ воспитанники уѣзжали изъ корпуса въ каретахъ, то и жаловаться было не на кого.

Двѣ дѣвицы, похищавшія ежесубботно изъ корпуса кадетъ братьевъ Болховскихъ, жили въ Коломнѣ. Зимой и лѣтомъ черезъ Неву это было близко, а осенью и весной въ объѣздъ—далеко. Но посѣщенія не прекращались. Дѣвицы эти нанимали особую небольшую квартирку, гдѣ кружокъ знакомыхъ съ ними гардемариновъ иногда собирался и дѣлалъ въ складчину скромныя товарищескія

пирушки. Отсюда молодежь по вечерамъ уѣзжала потанцовать въ какое-нибудь танцовальное заведеніе, гдѣ встрѣчала воспитанниковъ другихъ заведеній, какъ-то: гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, лицеистовъ, правовѣдовъ и пажей, знакомилась съ ними и веселилась, какъ могла. Однажды въ одномъ изъ подобныхъ заведеній у гардемариновъ произошелъ споръ, а потомъ и бой съ юнкерами дворянскаго полка. За моряковъ стали ихъ новые знакомые, въ числѣ которыхъ находились извѣстные въ то время юноши-шалуны братья Жемчужниковы, одинъ пажъ, другой—юнкеръ гвардейской школы, и побѣда, первая побѣда осталась за моряками. Когда рѣшено было отпраздновать ее съ тріумфомъ, братья Жемчужниковы распорядились пиршествомъ посвоему; они взяли десять извощиковъ (дѣло было зимнею порой) въ саняхъ, велѣли связать ихъ попарно рядомъ полостями, насажали барышень и кадетъ и большой процессіей отправились на Петербургскую сторону къ извѣстной въ то время m-me Адамъ.

Къ слову сказать, братья Жемчужниковы были весьма оригинальные и смѣлые проказники. По ихъ словамъ, вотъ какую штуку они продѣлали однажды. Возвращаясь съ какой-то веселой пирушки домой поздней порою, «братцы» (такъ ихъ звали въ шутку моряки) ѣхали по Конногвардейскому бульвару въ закрытомъ экипажѣ. Когда они поровнялись съ домомъ, гдѣ жилъ въ то время извѣстный военный писатель, генералъ Михайловскій-Данилевскій, одному изъ нихъ пришла въ голову мысль подшутить надъ старикомъ (генералъ былъ хорошій знакомый ихъ отца, извѣстнаго сенатора и важной особы, и часто бывалъ у нихъ въ домѣ). Задумано—сдѣлано. Экипажъ остановился у подъѣзда, и одинъ изъ «братцевъ» рѣзко позвонилъ у дверей. Была уже глухая ночь, прислуга вся спала, но на повторившіеся одинъ вслѣдъ за другимъ нѣсколько звонковъ въ домѣ пробудились, и у подъѣзда показался швейцаръ.

— Дома его превосходительство?—спросилъ швейцара сѣвшій снова въ экипажъ «братецъ».

— Дома-съ... что прикажете?

— Я изъ дворца, мнѣ нужно передать генералу приказаніе.

— Въ такомъ случаѣ не угодно ли будетъ вамъ подняться на верхъ и сообщить, что нужно, камердинеру генерала.

— Зачѣмъ?.. Пошли его сюда!

Явился камердинеръ, и ему «братцы» передали, чтобы онъ завтра утромъ доложилъ генералу, что государю угодно, чтобы онъ

завтра же къ утреннему выходу представилъ экземпляръ написанной имъ «Исторіи Отечественной войны».

Былъ ли генералъ на утро во дворцѣ—неизвѣстно, но «братцы» говорили, что былъ, и что имъ за эту шутку досталось.

Случались у молодежи и столкновенья съ полиціей, кончавшіяся иногда весьма курьезно. Приведемъ слѣдующій фактъ.

На Васильевскомъ островѣ проживалъ иностранецъ, коммерсантъ Роопъ, имѣвшій у себя во дворѣ нѣсколько паръ собакъ-водолазовъ. Щенковъ отъ этихъ собакъ онъ дарилъ сосѣдямъ и нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, вслѣдствіе чего водолазовъ развелось въ окрестностяхъ много. Два-три обывателя принесли полиціи жалобу, что эти большія собаки бросаются на людей и пугаютъ ихъ. Оберъ-полицеймейстеръ, генералъ Галаховъ, отдалъ приказъ, чтобы полиція забирала собакъ, если хозяева не будутъ держать ихъ на привязи. Однажды вечеромъ, въ глубокую осеннюю пору, вблизи казармъ Финляндскаго полка проходила компанія молодыхъ людей, состоящая изъ офицера этого полка Дейбнера, двухъ гардемариновъ Болховскаго и Брылкина, студента горнаго корпуса Афендика и еще двухъ-трехъ другихъ лицъ. Впереди компаніи бѣжалъ громадный водолазъ, принадлежавшій офицеру Дейбнеру. Будочникъ, увидя, что собака была не на привязи, накинулъ на нее петлю и хотѣлъ стащить ее въ кварталъ. Компанія протестовала, будочникъ настаивалъ на своемъ правѣ взять собаку. Произошелъ споръ, кончившійся тѣмъ, что будочникъ, невзрачный замухрышка, былъ связанъ той же веревкой, которую онъ накинулъ на собаку, положенъ на спину водолаза и привязанъ къ нему. Затѣмъ подвели собаку къ Невѣ, одинъ изъ компаніи отыскалъ палку, плюнулъ на нее, показалъ ее собакѣ и, бросивъ въ рѣку, крикнулъ: пиль! Водолазъ, не стѣсняясь ношею, бросился въ воду, выкупалъ оравшаго благимъ матомъ бутыря и, поймавъ палку, вернулся къ хозяину. Тогда полицейскаго стража освободили, и компанія съ хохотомъ пошла своей дорогой.

Попадала молодежь и туда, гдѣ ей быть, казалось бы, не слѣдовало. Мы разумѣемъ квартиру извѣстнаго агитатора Михаила Васильевича Петрашевскаго-Буташевскаго. По разсказу участника событія, вотъ какъ это случилось съ ними? Въ зиму 1848—1849 годовъ, ротмистръ, свѣтлѣйшій князь Вигенштейнъ, чуть ли тогда уже не флигель-адъютантъ, ухаживалъ за одной изъ сестеръ гардемарина Брылкина. Пригласивъ однажды его и его сотоварища,

князя Хованскаго, прокатится съ нимъ въ его экипажѣ, онъ предложилъ имъ дорогой заѣхать въ общество избранныхъ молодыхъ людей, извѣстныхъ высшимъ просвѣщеніемъ и либеральнымъ образомъ мыслей, гдѣ можно весело провести время и сдѣлать хорошее знакомство, которое имѣть никому и никогда не мѣшаетъ. Конечно, молодые люди, приняли предложеніе съ восхищеніемъ и, сдѣлавъ прогулку и отобѣдавъ у князя, они поѣхали по приглашенію. Въ квартирѣ Петрашевскаго, довольно хорошо меблированной и освѣщенной, они встрѣтили человѣкъ 10—15 гостей. Князь Витгенштейнъ представилъ кадетъ хозяину дома, и затѣмъ они прошли въ кабинетъ, а кадеты остались въ залѣ. Посреди зала стоялъ большой, раздвинутый и накрытый бѣлой скатертью, столъ, на столѣ кипѣлъ самоваръ, стоялъ чайный приборъ, вино въ граненыхъ графинахъ и разныя закуски. Гости пили, ѣли, сидѣли и стояли кучками, говорили тихо, прохаживались и уходили. Всякій распоряжался самъ, что кому нужно было, то и бралъ. Большинство собравшагося общества по наружности принадлежало къ интеллигентному классу, но былъ какъ будто и лавочникъ. Военный элементъ представляли два молодыхъ безусыхъ офицера, а прочіе присутствовавшіе были въ штатскомъ платьѣ. Появленіе кадетскихъ курточекъ привлекло общее вниманіе, ихъ приняли очень ласково, закидали вопросами и старались угостить на славу. Но взаимныхъ представленій никакихъ не состоялось, всѣ говорили, какъ старые знакомые, и расходились, не прощаясь, такъ что гардемарины возвратились домой, не зная, съ кѣмъ провели вечеръ.

Второй визитъ къ агитатору состоялся, спустя недѣли двѣ или три. Кадетъ Литвиновъ, встрѣтясь случайно на улицѣ съ Брылкиномъ, спросилъ его: не хочетъ ли онъ познакомиться съ Петрашевскимъ?

— Да я уже знакомъ съ нимъ,—отвѣчалъ Брылкинъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Я у него былъ съ Витгенштейномъ.

— Ну, такъ поѣдемъ къ нему?

— Пожалуй.

И они поѣхали. Дѣло было днемъ, въ какой то праздникъ, часовъ въ 12 утра. Петрашевскаго дома не застали, но въ его квартирѣ сидѣло нѣсколько лицъ: кто завтракалъ, кто пилъ кофе. И такъ какъ моряки никого изъ нихъ не знали, то, посидѣвъ немного, скоро ушли домой.

На этомъ, кажется, посѣщенія дома агитатора и кончились, ибо участникъ событія ничего болѣе о нихъ не говорилъ. Практическаго значенія, по всей вѣроятности, они не имѣли, а потому и остались безъ послѣдствій.

Во все время директорства въ корпусѣ вице-адмирала Римскаго-Корсакова, государь императоръ Николай Павловичъ продолжалъ бывать въ корпусѣ обычнымъ порядкомъ. Его величество пріѣзжалъ большей частью отъ 1 до 3 часовъ дня, входилъ съ парадnаго подъѣзда съ Невы и, если воспитанники обѣдали, поднимался по лѣстницѣ до второго этажа и шелъ черезъ рекреаціонное зало и музеумъ въ столовую, гдѣ встрѣчало его дежурное начальство и куда, спустя нѣсколько времени, являлся директоръ и прочій служебный персоналъ корпуса. Августѣйшій посѣтитель проходилъ по столовой залѣ, останавливался у приборовъ нѣкоторыхъ кадетъ для пробы пищи или разспроса воспитанниковъ. Особой пробы, приносимой съ кухни, государь никогда не пробовалъ, говоря: «я попробую у дѣтей». И подойдя къ кому нибудь изъ воспитанниковъ, преимущественно малолѣтней роты, обращался къ нему съ вопросомъ: «а ну, дай мнѣ твою ложку!» (или вилку, смотря по тому, какое было блюдо), и если замѣчалъ на лицѣ мальчика изумленіе, шутливо прибавлялъ: «ты не бойся, я всего не съѣмъ». Затѣмъ, отвѣдавъ пищу, его величество одобрительно кивалъ головою и говорилъ: «да хорошо, кушайте, дѣти, на здоровье!»

Изъ залы государь проходилъ въ лазаретъ, осматривалъ вещи, подходилъ къ больнымъ, распрашивалъ доктора о болѣзни и разговаривалъ съ больными, ободряя ихъ своимъ милостивымъ вниманіемъ и словами. При этомъ иногда разрѣшалъ допустить къ больному для свиданія родителей или родственниковъ его.

Изъ лазарета Николай Павловичъ проходилъ въ роты, но всѣхъ чаще посѣщалъ малолѣтнюю, гдѣ онъ иногда обращался къ воспитанникамъ съ возгласомъ: «дѣти, ко мнѣ!.. дружнѣй валите меня!». Дѣти бросались къ его ногамъ, повисали на его рукахъ, лѣзли на спину и на плечи и старались взобраться какъ можно выше. Чадолюбивый монархъ стоялъ непоколебимо, смѣялся и подбодрялъ малютокъ. Но возня эта никогда не обходилась безъ ущерба для царской одежды: въ концѣ концовъ она оказывалась вся изорванной и ощипанной. Прекращалась игра словами государя: «дѣтки, я сдаюсь!.. будетъ!.. я усталъ!».. и кадеты отступали съ сожалѣніемъ. Финаломъ же такой возни бывало повелѣніе: «отпустить

кадетъ по домамъ на три дня!». А разъ, какъ-то, кадеты былъ отпущены и на пять дней.

Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній его величество привезъ съ собою въ корпусъ генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго. Время выпало послѣобѣденное. Воспитанники находились въ ротахъ. Войдя въ помѣщеніе 2-й роты и проходя мимо воспитанниковъ, стоявшихъ у своихъ кроватей, Николай Павловичъ обратился къ привезенному имъ гостю съ словами.

— Что же ты, Иванъ Ѳедоровичъ, ничего не спросишь моихъ моряковъ?

— Я, ваше величество, и безъ того знаю, что они—умницы,—возразилъ почтительно генералъ-фельдмаршалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! спроси,—настаивалъ государь и, указавъ на висѣвшую на стѣнѣ карту Россійской имперіи, прибавилъ:—а вотъ кстати и карта!

Князь Варшавскій бросилъ взглядъ на одного изъ воспитанниковъ, близъ его стоявшихъ (Греве), и, кивнувъ ему головою, подошелъ къ картѣ, прикрылъ ладонью руки часть карты и спросилъ его:

— А что у меня подъ рукою?

— Кавказъ, ваша свѣтлость,—бойко отвѣтилъ воспитанникъ.

— Ну, Кавказъ, Кавказъ, какой Кавказъ?

— Восточное прибрежье Чернаго моря, ваша свѣтлость.

Фельдмаршалъ улыбнулся, снялъ руку и, оставя на картѣ указательный палецъ, закрылъ имъ одинъ пунктъ и спросилъ:

— Ну, а что у меня подъ пальцемъ?

— Эривань, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ безъ запинки воспитанникъ.

— Молодецъ!—похвалилъ мальчика государь и, обратясь къ генералъ-фельдмаршалу, прибавилъ:—каковъ?

— Русскіе моряки, ваше величество, всегда отличаются,—отозвался князь Варшавскій,—не даромъ же ихъ и учатъ!

Государь разсмѣялся и прослѣдовалъ далѣе.

Такимъ образомъ, реноме воспитанниковъ морского корпуса—«умницы», составилось и съ каждымъ годомъ поднималось и росло.

Въ октябрѣ 1848 года, умеръ Николай Петровичъ Римскій-Корсаковъ, и на его мѣсто директоромъ морского кадетскаго корпуса назначенъ вице-адмиралъ Николай Глѣбовичъ Казинъ. Во

главѣ науки остался Маркъ Филипповичъ Горковенко, но въ общей системѣ управленія произошли большія перемѣны. Новый директоръ былъ человѣкъ совершенно иного закала, чѣмъ его предшественники. Онъ явился въ корпусъ съ предвзятой идеей необходимости подтянуть его, такъ какъ всѣ части управленія, по его мнѣнію, были распущены. Карьеру свою ему удалось сдѣлать строевой службой; онъ, говорятъ, былъ хорошимъ командиромъ гвардейскаго экипажа, но воспитаніе и приготовленіе юношей къ высокому призванію—стать современемъ во главѣ русскаго флота, очевидно, ему было не подъ силу. Въ его глазахъ солдатъ (т. е. матросъ) и кадетъ составляли одно и то же понятіе. И тотъ и другой, по его воззрѣніямъ, должны были быть не чѣмъ инымъ, какъ только манекенами, нѣмыми, безсловесными исполнителями воли начальства. Развитіе, мышленіе и знанія онъ хотѣлъ поставить подъ эгиду дисциплины, если не совсѣмъ замѣнить ихъ ею. Быть можетъ, это и было нужно по тому времени, но онъ не понялъ одного, что всякую новую систему необходимо вводить не съ плеча, а постепенно и разумно. Онъ повелъ дѣло перевоспитанія кадетъ посолдатски—прямо, грубо и безъ всякихъ снисхожденій къ прошлому, и въ скорости достигъ самыхъ плачевныхъ результатовъ.

На видъ, это былъ уже не молодой, лѣтъ за 50 слишкомъ, средняго роста, тучный и обрюзглый мужчина, съ большой лысиной, мутными стеклянными глазами и краснымъ носомъ, вполнѣ похожій, какъ остроумно замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ корпуса, на «мясника въ мундирѣ». Отличительными чертами его личности являлись: напускная важность, косноязычность и брызганье во время разговора, когда онъ начиналъ горячиться, слюнями. Первое появленіе его, въ качествѣ директора корпуса, произвело на всѣхъ непріятное впечатлѣніе. Онъ вышелъ въ большую столовую залу, гдѣ кадеты стояли во фронтѣ, и привѣтствовалъ ихъ посолдатски: «здорово, ребята!».

На послѣдовавшій, вслѣдствіе того, слабый откликъ: «здравія желаемъ, ваше превосходительство», онъ возвысилъ голосъ и прохрипѣлъ строго:

— Государь императоръ меня назначилъ директоромъ вашего корпуса, приказавъ мнѣ поднять его значеніе до настоящаго уровня, что̀ я и исполню свято и неуклонно. Что у васъ дѣлалось, то для меня не обязательно, а я васъ поведу по указанному мнѣ пути.

Надѣюсь, что гг. офицеры будутъ мнѣ въ этомъ надежными и усердными помощниками.

И новые порядки начались.

Командиръ гардемаринской роты, баронъ де-Ридель, былъ вскорѣ удаленъ, и на его мѣсто назначенъ капитанъ 2-го ранга Транковскій. Это тожс былъ человѣкъ уже въ лѣтахъ, довольно высокій, плотный и солидный, въ парикѣ, съ постной, какъ у монаха, физіономіей, желтымъ выцвѣтшимъ лицомъ и черными красивыми усами. Тихій, мягкій и вкрадчивый, какъ іезуитъ, и безсердечный, какъ тюремщикъ, онъ сразу усвоилъ идеи новаго начальника и сталъ примѣнять ихъ съ беззастѣнчивостью безпринципнаго человѣка. Всѣ средства для достиженія предположенной цѣли казались ему хорошими, и въ выборѣ ихъ онъ не стѣснялся. Въ дѣлѣ утѣсненія личности кадета онъ шелъ, какъ говорили, даже далѣе своего прямолинейнаго начальника. Но, не смотря на строгость, доводимую сплошь и рядомъ до грубости и насилія, не смотря на ежедневную мелочную ко всему придирчивость и стѣсненья во всемъ, гардемарины вели себя попрежнему чинно и съ достоинствомъ. Всю зиму 1848—1849 годовъ никакихъ серьезныхъ столкновеній не было. Лѣто 1849 года они провели въ практическомъ плаваніи на судахъ Балтійскаго флота и, только возвратясь въ корпусъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, не устояли подъ давленіемъ новой системы: въ октябрѣ новымъ начальствомъ была принесена ей первая жертва—это тѣ семь юношей, которые, какъ мы сказали въ началѣ статьи, были арестованы и ждали съ безпокойствомъ рѣшенія своей участи.

Но возвратимся къ этимъ несчастнымъ дѣтямъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами посѣщенія корпуса его императорскимъ высочествомъ, генералъ-адмираломъ, арестованные гардемарины были собраны вновь въ рекреаціонномъ залѣ, а рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ музеума, стояла во фронтѣ вся гардемаринская рота. Часа въ три дня пріѣхалъ въ корпусъ исправлявшій въ то время временно должность морского министра, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Поздоровавшись съ гардемаринской ротой, онъ подошелъ къ арестованнымъ и объявилъ имъ высочайшую конфирмацію въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

— Я просилъ у государя императора разрѣшенія всѣхъ васъ перепороть и этимъ ограничить взысканіе. Но на это высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Въ примѣръ всему заведенію, дабы это было памятно и внушительно для всѣхъ, повелѣно: старшихъ гар-

демаринов: Михаила Коссаговскаго, Александра Лихарева, Семена Левшина, Арсенія Калугина, князя Михаила Хованскаго, Павла Брылкина и барона Вильгельма фонъ-Геллесема, разжаловать въ рядовые, съ назначеніемъ: перваго въ оренбургскіе, а остальныхъ шести—въ сибирскіе линейные баталіоны, срокомъ: первыхъ пятерыхъ—на два, а послѣднихъ двухъ—на четыре года.

За симъ всѣмъ прочимъ старшимъ гардемаринамъ, находившимся во фронтѣ въ сосѣдней комнатѣ музеума, графъ Перовскій объявилъ, что государь императоръ, оставаясь недовольнымъ и ими, высочайше повелѣть соизволилъ: лишить ихъ всѣхъ права носить погоны съ якорями впредь до отличной выслуги и выпуска изъ корпуса.

Разжалованныхъ тотчасъ барабанщики остригли посолдатски, сняли съ ихъ куртокъ погоны съ якорями и надѣли на нихъ сѣрыя солдатскія шинели. Имъ не дали даже проститься съ товарищами и отправили ихъ въ Аракчеевскія казармы, откуда они чрезъ нѣсколько дней и отбыли къ новымъ мѣстамъ служенія.

Такъ погибло семь молодыхъ жизней, которыя, если бы не были сломаны въ корнѣ, можетъ быть, принесли бы своей спеціальной службою много пользы отечеству. Мы не будемъ вдаваться въ оцѣнку введенной вице-адмираломъ Казнымъ системы, такъ какъ это вывело бы насъ за границы предпринятаго нами очерка. Замѣтимъ только, что система эта, вѣроятно, не нашла потомъ одобренія и въ высшихъ сферахъ: «адмиралъ-мясникъ» былъ уволенъ отъ должности директора морского кадетскаго корпуса, 8-го апрѣля 1851 года. Всей дѣятельности его было только: два лѣта, четыре мѣсяца и семь дней.

II. «Морячки».

Разжалованные гардемарины прибыли въ Омскъ 6 января 1850 года и зачислены рядовыми: Лихаревъ и Левшинъ въ 4-й, князь Хованскій и Калугинъ въ 5-й, Брылкинъ и баронъ фонъ-Геллесемъ въ 6-й сибирскіе линейные баталіоны, квартировавшіе въ Омской крѣпости, Коссаговскій же изъ С.-Петербурга былъ отправленъ въ Оренбургъ, и о немъ товарищи никакихъ потомъ свѣдѣній не имѣли.

Городъ Омскъ въ то время былъ центромъ военнаго и гражданскаго управленія Западной Сибири, со старой крѣпостью въ изгибѣ рѣки Иртыша, при впаденіи въ него рѣчки Оми, и нѣсколькими форштадтами съ трехъ сторонъ крѣпости, по четвертому же фасу крѣпости протекалъ Иртышъ, за которымъ тогда начиналась уже степь. Крѣпость представляла изъ себя довольно большой, въ нѣсколько десятинъ, параллелограмъ, обнесенный земляным валомъ со рвомъ и четырьмя воротами: а) Иртышскими—къ р. Иртышу; б) Омскими—къ устью р. Оми: в) Тарскими—къ городскому саду и присутственнымъ мѣстамъ, и г) Тобольскими—къ изгибу р. Иртыша. При каждыхъ воротахъ находились гауптвахты, и содержался военный караулъ. Вообще крѣпость, какъ укрѣпленное мѣсто для защиты отъ врага, никакого значенія не имѣла, хотя и была снабжена достаточнымъ числомъ помнившихъ царя Гороха, чугунныхъ, ржавыхъ орудій, съ кучками сложенныхъ въ пирамидку ядеръ, въ отверстіяхъ между которыми ютились и обитали тарантулы, фаланги и скорпіоны. Центръ крѣпости занимала большая площадь, на которой въ недальнемъ отъ Тарскихъ воротъ разстояніи высился массивный, православный крѣпостной соборъ съ церковнослужительскимъ домомъ, а по краямъ площади красовались равнявшіяся чинно и стройно въ шеренги каре различныя казенныя зданія обычной старинной казарменной архитектуры. Тутъ были: генералъ-губернаторскій дворецъ, комендантское управленіе, инженерное управленіе, корпусный штабъ, дома, гдѣ помѣщались начальства сказанныхъ управленій и служащій персоналъ съ семьями, а сзади ихъ—казармы 4, 5 и 6-го линейныхъ баталіоновъ и знаменитый омскій каторжный острогъ. Всѣ эти постройки, за исключеніемъ двухъэтажнаго корпуснаго штаба и баталіонныхъ казармъ, были одноэтажныя, и заѣзжему случайно петербуржцу казались такими мизерными и жалкими, что невольно пробуждали мысль о миѳическихъ постройкахъ тѣхъ, нахлынувшихъ когда-то на Европу, варварскихъ народовъ, о которыхъ профессоръ Харьковскаго университета Михаилъ Петровичъ Клобуцкій, на лекціяхъ въ 1840 году, говорилъ: «чортъ знаетъ откуда пришли, чортъ знаетъ что̀ понадѣлали и чортъ знаетъ куда провалились». Въ крѣпости господствовалъ исключительно военный элементъ: офицеры, солдаты, казаки, деньщики, служителя, фурлеты и каторжные арестанты. Слышался лязгъ оружія, вызовъ караула въ ружье, отданіе чести, стукъ нагруженныхъ провіантскихъ телѣгъ, скрипъ

артельныхъ повозокъ и бряцаніе громыхающихъ арестантскихъ кандаловъ.

На форштадтахъ, или въ такъ называемомъ городѣ, тоже преобладалъ военный элементъ, но преимущественно—служебный или казачій. За рѣчкой Омью располагалось управленіе наказнаго атамана, казачьи полки и батареи, кадетскій корпусъ съ особымъ домомъ для директора, дворянское собраніе, казенная суконная фабрика, на которой работали каторжные гражданскаго вѣдомства, и домъ откупщика, который, какъ извѣстно, въ то время былъ персоной grata. За городскимъ садомъ находились присутственныя мѣста, провіантское вѣдомство, военный госпиталь, гражданскій острогъ и при немъ больница. Но были и частные дома, гостинный дворъ, лавки, трактиры, магазины и солдатскія слободки на окраинахъ. Положимъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ казенныхъ зданій, какъ, напримѣръ, кадетскаго корпуса и двухъ-трехъ купеческихъ домовъ, порядочныхъ строеній и здѣсь было очень мало, но здѣсь жили уже граждане... Здѣсь можно было видѣть порой соперничество Европы съ Азіей, и зоркій глазъ могъ отличить лучъ свѣта въ темномъ царствѣ неподвижности и застоя: здѣсь рядомъ съ кочевникомъ, пригнавшимъ для продажи на рынокъ барановъ, можно было видѣть европейскій костюмъ и порой услышать рѣчь о политикѣ и другихъ животрепещущихъ вопросахъ, что̀ для человѣка брошеннаго судьбой за грань цивилизованнаго міра, было, по тогдашнему времени, дороже золота.

Командиромъ Сибирскаго корпуса и генералъ-губернаторомъ края тогда сидѣлъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, вдовецъ, имѣвшій трехъ взрослыхъ дочерей дѣвицъ, считавшихся богатыми невѣстами, которыя пріѣзжали къ нему погостить, но не нашли Омска достойнымъ своего вниманія и возвратились въ Петербургъ. Это былъ родной братъ извѣстнаго впослѣдствіи главнокомандующаго войсками въ Крыму и намѣстника царства Польскаго, князя Михамла Дмитріевича Горчакова, — вельможа-громовержецъ, имѣвшій большія полномочія въ отношеніи управленія краемъ и примѣнявшій ихъ энергично. Большаго роста, видный и мужественный, онъ держался съ достоинствомъ, но какъ то странно. Взглядъ его былъ суровый и строгій, при встрѣчѣ съ людьми, голова его уходила въ высокоприподнятыя плечи, а прищуриваемые глаза разсматривали человѣка исподлобья и сбоку. Но съ людьми, извѣстными или близкими къ нему, онъ былъ простъ и естественъ, хотя никогда не

упускалъ случая высказать свое надъ ними превосходство. На видъ ему нельзя было дать болѣе 50-ти лѣтъ. Довольно бодрый и подвижной, съ хорошей растительностью на головѣ (если это не былъ парикъ?), онъ казался еще молодцомъ, хотя сутоловатость и скривленье головы на сторону, вслѣдствіе привычки поднимать высоко плечи, какъ будто говорили противное. Носилъ онъ обыкновенно длинный и широкій, какъ мѣшокъ сюртукъ, безъ эполетъ, шинель и съ большимъ козырькомъ фуражку, напяливаемую имъ до ушей, такъ что уши оттопыривались подъ фуражкою. Когда же онъ выходилъ на прогулку, то бралъ въ руки березовую трость или толстую суковатую палку.

Какъ вельможа, онъ особаго рвенія къ занятіямъ по службѣ не прилагалъ, собственной инціативой не отличался и вообще былъ къ дѣламъ апатиченъ и лѣнивъ. Смотровъ и ученій войскамъ не дѣлалъ и ихъ вообще не любилъ. Все его высшее командованіе ограничивалось появленіемъ въ торжественные дни въ парадахъ, а въ будни—пріемомъ у себя дома ординарцевъ и вѣстовыхъ. Управленіе частями войскъ и вообше краемъ шло чрезъ подвѣдомственныхъ ему начальствующихъ лицъ въ обычномъ порядкѣ, для пріема доклада которыхъ у него были назначены особые дни. Но въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ или наиболѣе его интересовавшихъ онъ совѣтовался съ людьми, пользовавшимся его довѣріемъ, какъ, напримѣръ, дежурный штабъ-офицеръ корпуснаго штаба, полковникъ Мартенъ, и совѣтники главнаго управленія по гражданской части Воиновъ и Капустинъ.

Но независимо отъ этого, въ дѣлахъ экстраординарныхъ онъ оказывалъ довѣріе къ совѣтамъ и ходатайствамъ одной пользовавшейся его расположеніемъ особы, которая играла при немъ такую же роль, какую Мина исполняла при графѣ Владимірѣ Ѳедоровичѣ Адлербергѣ. Это была особа съ хорошимъ положеніемъ въ обществѣ, которую посѣщало все мѣстное начальство и знали обыватели не только Омска, но и другихъ городовъ Западной Сибири. У нея были оффиціальные пріемы и домашніе обѣды, на которыхъ почти каждый день обѣдало по десяти и болѣе человѣкъ, заискивавшихъ въ ней для будущаго или прибѣгавшихъ подъ ея защиту въ настоящемъ. Для купцовъ же и людей, не имѣвшихъ солиднаго положенія, у нея полагались аудіенціи чрезъ ея фаворитку. Вообще она отличалась большой практичностью и бралась только за такія дѣла, которыя могла устроить. Всѣ наиболѣе интересные курьезы

по внутреннему управленію и столкновенія, а также всякія дѣла, начиная съ подрядовъ и поставокъ, назначеній, перемѣщеній и командировокъ и кончая взысканіями, слѣдствіемъ и судомъ, имѣли въ ней примирительницу и предстательницу, и рѣдко когда ходатайство ея оставалось безъ послѣдствій. Особенную энергію она проявляла въ дѣлахъ крупныхъ, и заинтересованный зналъ, что если она дастъ слово, то дѣло будетъ сдѣлано. Приведемъ для примѣра такой случай. Екатеринінскій и Маріинскій казенные винные заводы, на которыхъ работали каторжные гражданскаго вѣдомства, находились въ арендномъ содержаніи у нѣкоего еврея Шпейера [1]). Въ главное управленіе поступили доносы о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, практиковавшихся на этихъ заводахъ, и разслѣдованіе по сему предмету было возложено на чиновника особыхъ порученій Каняева. Молодой чиновникъ повелъ слѣдствіе энергично, и когда факты стали уясняться, онъ получилъ отъ Шпейера, вмѣстѣ съ бумагами, объяснявшими дѣло, конвертъ съ 10,000 рублей, въ которомъ находилась лаконическая записка: «чистое содержимое изъ чистаго источника». Былъ ли неопытенъ молодой слѣдователь, или содержаніе конверта его не удовлетворяло,—только онъ, недолго думая, присланный конвертъ со вложеніемъ возвратилъ, при надписи на запискѣ: «содержимое можетъ быть и чисто, но источникъ его сомнителенъ». Тогда умный арендаторъ, чтобы разрѣшить вопросъ о чистотѣ источника, счелъ наиболѣе соотвѣтственнымъ переслать этотъ конвертъ съ «чистымъ содержимымъ» къ упомянутой выше особѣ, и въ результатѣ получилось, что Каняевъ былъ отозванъ и чуть ли еще не поплатился взысканіемъ за неумѣстную притязательность къ арендатору.

Вокругъ князя Горчакова, во главѣ военныхъ управленій въ крѣпости стояли слѣдующія лица.

Начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба Яковлевъ, еще довольно молодой человѣкъ, лѣтъ за сорокъ съ небольшимъ, полный, видный и нѣсколько косноязычный шатэнъ, съ правильными чертами лица и изысканной представительностію въ манерахъ и обращеніи. Онъ былъ «вымуштрованный хо-

---

[1]) Частной выкурки вина въ то время въ Сибири было очень мало. Ее развили потомъ омскій откупщикъ Кузнецовъ и извѣстный предприниматель, бывшій впослѣдствіи тоже откупщикомъ, Поклевскій-Козелъ.

лостякъ» и занимался дѣлами на столько, на сколько требовала того необходимость; свободное же отъ занятій время отдавалъ болѣе пріятному дѣлу—ухаживанію за дамами или козырянью за карточнымъ столомъ.

Корпусный квартирмейстеръ, генералъ-маіоръ генеральнаго штаба баронъ Сюрвельгельмъ, шведъ по рожденію, человѣкъ въ высшей степени гуманный и джентльменъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ былъ высокъ ростомъ, представителенъ, статенъ и красивъ, не старъ годами, имѣлъ задумчивый взоръ, выразительныя черты лица и полныя щеки, на которыхъ лежали небольшими котлетками выхоленныя съ небольшою просѣдью бакенбарды. Служебныя обязанности его оказывались также слишкомъ ограниченными, такъ какъ Сибирскій корпусъ, по мѣткому опредѣленію мѣстныхъ остряковъ, находился «въ спдячемъ положеніи», и баронъ скучалъ своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Вѣроятно, съ цѣлью доставить ему хотя какое-нибудь развлеченіе, супруга его, женщина вполнѣ эмансипированная, прозванная въ шутку «мужчиной въ юбкѣ», была устроительницей и руководительницей всѣхъ доступныхъ по тому времени удовольствій. Она устраивала домашніе спектакли, пикники, кавалькады, поѣздки въ степь и даже скандалы на славу тѣмъ лицамъ, кто не умѣлъ или не хотѣлъ угодить ей въ той степени, какъ она требовала. У нея собирались молодые люди и пожилые, представлявшіе какой либо интересъ, и старались всѣми силами разнообразить удовольствія ея салона. Она ѣздила верхомъ помужски, пила вино наравнѣ съ мужчинами и предпочитала мужское общество времяпрепровожденію съ дамами. Поэтому въ ея гостинной всегда можно было встрѣтить всѣхъ тѣхъ, кто умѣлъ или хотѣлъ повеселиться.

Корпусный инженеръ, генералъ-маіоръ Бориславскій, тучный, круглый и дородный, какъ женщина, малороссъ, весьма радушный хозяинъ и гостепріимный хлѣбосолъ, старательно избѣгавшій всякихъ столкновеній и ссоръ и посвящавшій себя исключительно семейной жизни. Это былъ уже человѣкъ въ лѣтахъ, тяжеловѣсный и обрюзглый, съ круглымъ скуластымъ лицомъ, краснымъ носомъ и рѣдкой растительностью на черепѣ. Двигался онъ медленно и неповоротливо, но въ обществѣ всегда былъ веселъ, разговорчивъ и, какъ лукавый хохолъ, порой язвилъ не безъ комизма. Жена его симпатичная, благообразная и благодушная старушка, очень бойкая и разговорчивая, отличалась умѣньемъ вести домашнее хозяйство.

Любители копченыхъ окороковъ, сала, колбасъ, молочныхъ скоповъ, соленій, вареній и всякаго рода наливокъ нигдѣ ничего не могли имѣть подобнаго, что находили за столомъ у Бориславскихъ. Хлѣбосольные хозяева имѣли нѣсколько человѣкъ дѣтей, но при нихъ въ это время находились три дочери: Анастасія, Софія и Ольга. Послѣднія двѣ вышли потомъ замужъ: Софія—за адъютанта князя Горчакова, Снѣссарева, а Ольга—за сына начальника артиллеріи корпуса, служившаго въ главномъ управленіи чиновникомъ особыхъ порученій, Тарасова.

Дежурный штабъ-офицеръ корпуса, полковникъ Александръ Александровичъ Мартенъ, по своему вліянію на князя Горчакова, имѣлъ большое значеніе въ управленіи. Это былъ человѣкъ большого ума и солидныхъ знаній, но эгоистъ до мозга костей. Онъ никого не любилъ и никого не уважалъ, относился ко всѣмъ, даже къ старшимъ по чину и положенію, какъ-то сурово и высомѣрно, по службѣ былъ взыскателенъ и строгъ, а къ нѣкоторымъ лицамъ—просто недоброжелателенъ. Его боялись не только въ Омскѣ, но и на далекихъ окраинахъ Сибири; говорили, что онъ «безсердеченъ по принципу, и золъ по природѣ». Плотный и сухопарый, средняго роста, съ бѣлобрысыми, стриженными подъ гребенку, волосами, торчавшими, какъ щетина, рыжеватыми усами и недобрыми, смотрѣвшими одними уголками, глазами, онъ производилъ на всѣхъ, имѣвшихъ къ нему дѣло, непріятное впечатлѣніе и бравировалъ этимъ съ усмѣшкой. Но, появляясь въ обществѣ, онъ, какъ говорили мѣстные остряки, встряхивался и, какъ человѣкъ ума недюжиннаго, умѣлъ увлекать слушателей своей бойкой, желчной и злою рѣчью. Жена его Бальбина Гавриловна, женщина бальзаковскаго типа, любившая молодиться и не пренебрегавшая для того никакими средствами, отличалась тоже языкомъ, но только женскимъ, трезвонившимъ и стрекотавшимъ безъ умолку съ утра до поздней ночи, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Она сумѣла такъ устроиться, что раньше другихъ узнавала всѣ городскія новости и разносила ихъ по всѣмъ уголкамъ Омска, считая за особенное для себя счастіе быть всегда и вездѣ первой вѣстницей какого нибудь пикантнаго или ужаснаго событія. Дѣтей у этой знаменитой четы не было.

Комендантомъ крѣпости былъ генералъ-маіоръ Алексѣй Ѳедоровичъ де-Граве, высокаго роста, массивный и тучный старикъ, лѣтъ 60-ти отъ роду, но еще бодрый, крѣпкій и легкій на подъемъ, ве-

селаго и живаго характера съ добродушной улыбкой и громкимъ раскатистымъ смѣхомъ. Онъ имѣлъ круглое, мясистое морщинистое лицо, заплывшіе жиромъ глазки, большую на короткой шеѣ, откинутую назадъ голову, почти лишенную растительности, и громадный животъ. По службѣ онъ особенно не выдавался, такъ какъ не пользовался особеннымъ благоволеніемъ корпуснаго командира, но дѣло свое исполнялъ добросовѣстно и, по возможности, облегчалъ положеніе находившихся въ крѣпостномъ острогѣ арестантовъ. Отличительными его свойствами были любовь къ охотѣ и непомѣрный аппетитъ. Онъ извѣстенъ былъ какъ хорошій охотникъ и стрѣлокъ. Что же касается аппетита, то, по свидѣтельству доктора Крупскаго, такого же, какъ онъ, мастодонта, прожоры и охотника, часто сопутствовавшаго ему въ полеванья, онъ выражался въ ужасной пропорціи. Такъ, однажды, охотясь въ степи, они съѣли за завтракомъ вдвоемъ болѣе 30-ти фунтовъ мяса, изжареннаго на вертелѣ, а вечеромъ съѣли по 30—40 яицъ, сваренныхъ въ крутую, при чемъ было выпито вина изрядное количество. Супруга его—женщина простая и скромная, сторонившаяся, по нѣкоторымъ причинамъ, отъ интимнаго сближенія съ наиболѣе выдающимися личностями омскаго бомонда, собирала вокругъ себя свой небольшой кружокъ людей, приходившихъ къ комендантской четѣ запросто поѣсть сибирскихъ пельменей или сыграть по маленькой въ картишки, и только въ дни торжественныхъ пріемовъ или баловъ она появлялась въ обществѣ, какъ говорили мѣстные остряки, «по обязанности комендантши».

Вотъ лица, которыя, совмѣстно съ бригадными и батальонными командирами 4, 5 и 6 сибирскихъ линейныхъ батальоновъ и плацъ-маіоромъ крѣпости Кривцовымъ, такъ мастерски очерченнымъ Ѳ. М. Достоевскимъ въ «Запискахъ изъ Мертваго дома»,—были: одни непосредственнымъ, а другіе косвеннымъ начальствомъ прибывшихъ въ Омскъ разжалованныхъ гардемариновъ. Но мы съ ними еще встрѣтимся, а теперь посмотримъ, какъ устроились юноши на мѣстѣ своей ссылки.

Принадлежа къ хорошимъ старымъ дворянскимъ фамиліямъ, гардемарины, конечно, имѣли въ Петербургѣ большія связи и знакомства, и такъ какъ они были разжалованы безъ лишенія дворянскаго достоинства и съ выслугою, то сибирское начальство, тотчасъ по прибытіи ихъ въ Омскъ, и получило много писемъ и ходатайствъ объ облегченіи ихъ участи. Люди—вездѣ люди, и въ

Сибири живутъ хорошіе люди, нечуждые гуманныхъ чувствъ и христіанской любви къ меньшимъ заблудшимся или несчастнымъ братьямъ. Такимъ образомъ, юноши нашли себѣ дружескій пріемъ и участіе въ семьяхъ: Калугинъ—корпуснаго штабъ-доктора Залуговскаго; князь Хованскій—своего батальоннаго командира, маіора фонъ-Траубенберга; Левшинъ—начальника жандармскаго управленія, генералъ-маіора Влахопуло; Брылкинъ—главнаго доктора военнаго госпиталя Тропцкаго и баронъ фонъ-Геллессемъ — родственника своего, офицера кадетскаго корпуса, барона фонъ-Штемпеля. Одинъ только Лихаревъ, застѣнчивый и нелюдимый, оставался въ сторонѣ и не поддавался никакимъ приглашеніямъ и зовамъ мѣстной интеллигенціи.

На первое время юноши были помѣщены въ ротахъ своихъ баталіоновъ; но такъ какъ строевую пѣхотную службу они изучили до тонкости еще въ Морскомъ корпусѣ, гдѣ, по особой заботливости о томъ директора Римскаго-Корсакова, воспитанниковъ обучали строю особо назначенные изъ образцоваго пѣхотнаго полка инструкторы, то ихъ отъ строеваго ученья освободили и дали имъ съ дороги мѣсячный отдыхъ. Съ своими новыми товарищами по службѣ они сошлись скоро, и солдатики, встрѣтя ихъ сначала недружелюбно, какъ «дворянчиковъ бѣлоручекъ», съ теченіемъ времени присмотрѣлись къ нимъ и, найдя въ нихъ простыхъ симпатичныхъ людей и знатоковъ строя, что, по тогдашнему времени, цѣнилось высоко, стали относиться къ нимъ добродушнѣй и звали не иначе, какъ «наши морячки».

Между тѣмъ у двухъ-трехъ юношей были также съ собою письма отъ нѣкоторыхъ петербургскихъ вліятельныхъ дамъ къ дамамъ омскаго высшаго общества о принятіи въ нихъ участія и оказаніи имъ покровительства и защиты. Такъ у одного изъ нихъ было письмо отъ директриссы Павловскаго института баронессы Фредериксъ къ сестрѣ ея, супругѣ директора Сибирскаго кадетскаго корпуса, генеральшѣ Александрѣ Родіоновнѣ Шраммъ. Въ первый же праздничный день, послѣ прибытія въ Омскъ, онъ отправился по адресу письма, и послѣ обычныхъ, двухчасовыхъ, въ такихъ случаяхъ, переговоровъ съ прислугою, былъ допущенъ въ аппартаменты ея превосходительства. Его встрѣтила дама высокаго роста, полная, стройная и величественная. Не смотря на довольно зрѣлыя лѣта, она была еще замѣчательно хороша собою. Чѣмъ-то невыразимо-обаятельнымъ дышала вся фигура этой жен-

щины. Свѣтлая блондинка, съ овальнымъ, бѣлымъ, какъ будто высѣченнымъ изъ мрамора, классически-красивымъ лицомъ, живыми, выразительными, ласковыми глазами и женственной, мягкой улыбкой, она граціозно подошла къ юношѣ, привѣтствовавшему её почтительнымъ поклономъ, приняла изъ рукъ его письмо и, тяжело вздохнувъ, сказала:

— Ахъ, Боже мой, такой еще ребенокъ и уже солдатъ!.. Бѣдная мать, какъ она должна страдать за своего мальчика!..

Глубоко растроганный юноша прослезился и потупился. Генеральша взяла его двумя пальцами за подбородокъ, подняла его голову, участливо посмотрѣла ему въ глаза и поспѣшила утѣшить его.

— Ну, успокойтесь!—сказала она ему не безъ сожалѣнія:—вы во мнѣ найдете вторую мать, которая сдѣлаетъ для васъ все, что возможно... Но теперь я на нѣсколько времени оставлю васъ, чтобы прочитать письмо сестры.... А вы пока познакомьтесь съ моими дочерьми, онѣ вамъ будутъ сестрами. Ольга! Лена!—позвала она стоявшихъ въ нѣкоторомъ разстояніи двухъ барышень:—познакомьтесь и займите вашего новаго брата. Конечно, онъ останется у насъ обѣдать.

И она вышла.

Къ обѣду стали собираться гости. Пріѣхали двѣ другія замужнія дочери генеральши Шраммъ: Алина, находившаяся въ замужествѣ за пограничнымъ начальникомъ, генералъ-майоромъ Клейстомъ, и Анна—супруга личнаго адъютанта корпуснаго командира, ротмистра князя Шаховскаго, съ ихъ мужьями, и нѣсколько постороннихъ лицъ. Обѣ дочери были очень красивы; старшая вполнѣ походила на свою мать, но только была нѣсколько еще выше ея ростомъ; а вторая казалась еще лучше матери: ея профиль напоминалъ голову Сафо.

Передъ самымъ обѣдомъ вышелъ въ столовую и самъ хозяинъ дома, генералъ-лейтенантъ Ѳедоръ Андреевичъ Шраммъ. Это былъ средняго роста, довольно полный, лѣтъ 50-ти брюнетъ, съ правильными, довольно красивыми чертами лица, большими голубыми глазами и мягкими, какъ бы заискивающими манерами. Онъ былъ кроткій, довѣрчивый и добрый человѣкъ, но ума не далекаго, говорилъ порусски плохо, съ своеобразнымъ акцентомъ и нѣмецкими оборотами рѣчи, и большимъ фаворомъ у жены-королевы не пользовался. Во всякомъ случаѣ престижъ хозяина дома оста-

вался за нимъ. Онъ вышелъ къ обѣду въ сюртукѣ съ эполетами и, по представленіи ему юноши, принялъ его подъ свое покровительство.

За столомъ генералъ посадилъ «морячка» рядомъ съ собою справа (мѣсто это такъ и осталось за нимъ) и, пока разливали и разносили супъ, онъ любезно началъ съ нимъ бесѣду:

— Ну, что, мой миленькій, вы не попробуете: у васъ въ корпусѣ такой хлѣбъ давали, какой у меня?

Юноша отломилъ кусочекъ хлѣба и положилъ его въ ротъ.

— Ну, мой миленькій,—продолжалъ генералъ,—и соль попробуйте!

Юноша взялъ соли.

— Ну, миленькій, — не отставалъ генералъ,—и квасъ попробуйте!

Юноша налилъ въ стаканъ квасу, попробовалъ и скромно отвѣтилъ:

— Конечно, ваше превосходительство, у насъ все это хуже было.

Въ это время съ другого конца стола, гдѣ возсѣдала хозяйка дома, послышался ея внушительный голосъ:

— Ѳедоръ Андреевичъ, побойся Бога, мальчикъ ничего еще не ѣлъ, а ты его хлѣбомъ потчуешь!

Генералъ сконфузился и, какъ будто извиняясь, отвѣтилъ:

— Я только предложилъ мальчику попробовать, а впрочемъ пусть онъ кушаетъ себѣ на здоровье!

И генералъ притихъ. Обѣдъ прошелъ оживленно, говорили много о новостяхъ дня, о мѣстныхъ событіяхъ, но направленіе и тонъ разговору давала уже генеральша. Ѳедоръ же Андреевичъ только раза два обратился къ юношѣ и сказалъ ему:

— Кушайте, миленькій, кушайте, не стѣсняйтесь!.. я очень люблю, когда мои мальчики (кадеты его корпуса) кушаютъ съ аппетитомъ.

Обѣдъ кончился, и общество разошлось: кто—во внутренніе аппартаменты, кто—по домамъ. «Морячка» попросили къ генеральшѣ въ гостинную, гдѣ она въ короткихъ словахъ дала ему инструкцію, гдѣ и какъ держаться въ обществѣ, и пригласила бывать у ней, какъ у матери, запросто, когда только будетъ время.

И юноша сталъ бывать часто. Зайдя какъ-то въ воскресный день отъ обѣдни часовъ въ 12-ть поутру, онъ встрѣтилъ въ пе-

редней выходившаго отъ генеральши корпуснаго командира. Необходимо замѣтить, что князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ не особенно любилъ посѣщать дома омской аристократіи, но у Александры Родіоновны бывалъ, заходя съ прогулокъ, которыя онъ обыкновенно дѣлалъ въ хорошую погоду по утрамъ отъ 11-ти часовъ до 12-ти, а иногда и до часу по полудни. Онъ зналъ ее давно, чуть ли не до замужества (она была урожденная Окулова), уважалъ ее за обширный умъ, независимость мысли и твердость характера. Но всего болѣе ему нравилось въ ней то, что она говорила ему правду въ глаза безо всякихъ стѣсненій и оспаривала его мнѣнія, не робѣя. Дружбу свою къ ней онъ распространилъ на все ея семейство. Ѳедору Андреевичу онъ покровительствовалъ, старшаго сына Николая зачислилъ къ себѣ адъютантомъ, а обоихъ дочерей благословилъ на новый путь жизни, при выдачѣ ихъ въ замужество.

Князь Горчаковъ обратилъ вниманіе на юношу, вѣроятно, слышавъ о немъ отъ хозяйки дома, подошелъ къ нему и, назвавъ по фамиліи, спросилъ: «онъ ли это?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, погладилъ его по головѣ рукою и сказалъ ему пофранцузски:

— Старайтесь, молодой человѣкъ, заслужить расположеніе вашей новой maman, а все остальное устроится, какъ слѣдуетъ. Идите къ ней, передайте, что я сказалъ вамъ, и знайте, что я о васъ помню.

Александра Родіоновна осталась очень довольна этой встрѣчей и нѣсколько разъ повторила:

— Ну, и слава Богу!.. какъ я рада, что это такъ вышло.

За обѣдомъ она обратилась къ старшей своей дочери со словами:

— Алина, сегодня князь встрѣтилъ у меня нашего мальчика и очень внимательно и ласково къ нему отнесся. Конечно, этого бы не было, если бы князь считалъ ихъ преступниками. Надѣюсь, что и все наше общество, узнавъ объ этомъ, отнесется къ нимъ, бѣднымъ, ласково и сердечно. Кстати, у тебя сегодня вечеромъ пріемъ, возьми его съ собой и познакомь, съ кѣмъ найдешь нужнымъ.

И «мальчикъ» вечеромъ дебютировалъ у генеральши Клейстъ и былъ между прочимъ представленъ бригадному генералу Масловскому.

Дня черезъ три «морячковъ» потребовали въ корпусный штабъ, и начальникъ штаба генералъ-маіоръ Яковлевъ объявилъ имъ, что корпусный командиръ приказалъ зачислить ихъ всѣхъ въ учебную команду, а для жительства помѣстить въ зданіе военно-то-

пографическаго отдѣленія. Затѣмъ генералъ очень любезно разговорился съ ними о ихъ положеніи, нуждахъ, планахъ и надеждахъ, и, отпуская ихъ, сказалъ:

— Помните, господа, что оказанною вамъ милостію князя надо дорожить и стараться оправдать ее усердіемъ къ службѣ, а главное—хорошимъ поведеніемъ.

Полковникъ же Мартенъ, принявшій отъ генерала приказаніе, шутилъ и смѣялся надъ «морячками» въ канцеляріи, называлъ ихъ «птенцами омскихъ дамъ-насѣдокъ» и совѣтовалъ имъ «стараться быть усерднѣе» и «вести себя какъ можно лучше» по отношенію своихъ патронессъ.

Вечеромъ въ тотъ же день для помѣщенія «птенцовъ» была отведена во флигелѣ топографовъ большая, свѣтлая и чистая комната и для прислуживанія имъ назначенъ вѣстовой отъ учебной команды. Покровители ихъ омеблировали это помѣщеніе, снабдивъ его столами, стульями, шкафчиками и кроватями, а также постельными принадлежностями и столовой посудой. Служба ихъ въ учебной командѣ ограничивалась нѣсколькими утренними часами, а съ 12-ти часовъ дня они могли быть свободными, и уходили, куда имъ нужно было, сообщая только, на случай спроса начальства, вѣстовому, гдѣ ихъ найти можно. Такъ прошла зима 1850—1851 годовъ, съ открытіемъ же весеннихъ занятій войскъ, когда батальоны вышли въ лагери, юношей прикомандировали къ военно-топографическому отдѣленію штаба, и они должны были, подъ руководствомъ топографа, произвести практическую съемку части степи, прилегающей къ рѣкѣ Иртышу.

Работу эту они произвели безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ теоретическій курсъ «геодезіи» и употребленіе инструментовъ они прошли еще въ Морскомъ корпусѣ. Осенью, по возвращеніи въ крѣпость, добытые лѣтомъ матеріалы были ими приведены въ порядокъ и представлены корпусному начальству, которое отозвалось о нихъ съ похвалою и благодарило ихъ. На слѣдующую зиму молодежъ стали назначать на службу при батальонахъ и посылать въ караулъ за офицеровъ. Четверо «морячковъ, выписанныхъ на два года, были произведены въ унтеръ-офицеры и нашили юнкерскіе басоны, а остальные двое, выписанные на четыре года, удостоены производства въ слѣдующемъ году.

Юноши успѣли оперится, вытянулись, выровнялись и стали интересными молодыми людьми. Гостепріимныя двери омскихъ

гостинныхъ были предъ ними открыты попрежнему, но только они играли уже въ нихъ болѣе дѣятельную роль, чѣмъ прежде. Мужское общество стало относиться къ нимъ болѣе благосклонно и дружественно, а «золотая молодежь» вынуждена была считаться съ ними, какъ съ соперниками. Но мы не будемъ входить въ подробности свѣтскихъ успѣховъ юношей, такъ какъ это вывело бы насъ далеко за границу предположенной статьи. Ограничимся только общественной и служебной ихъ дѣятельностью и бѣглымъ очеркомъ современныхъ событій.

Генералъ Шраммъ относился весьма любезно къ юному протеже своей супруги. Желая оказать ему свое начальственное вниманіе, онъ сказалъ ему однажды за обѣдомъ:

— Ну, вотъ, мой миленькій, я вамъ будетъ дѣлать сюрпризъ. Приходите завтра въ 10-ть часовъ утра, я васъ возьму мой корпусъ. Мы будемъ слушать классъ, какъ мой милый ученикъ будетъ отвѣчайтъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Вы мнѣ будетъ потомъ говорить, такъ ли хорошо учили вашъ корпусъ, и такой ли умный мальчики, какъ у меня.

Дѣйствительно, на другой день Ѳедоръ Андреевичъ отправился въ корпусъ въ сопровожденіи юноши. Это посѣщеніе можетъ дать самое наглядное понятіе о значеніи и направленіи тогдашняго воспитанія въ Сибирскомъ корпусѣ. Встрѣтивъ дежурнаго по классамъ офицера, генералъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказалъ ему:

— Ну, вы не безпокойтесь, что я привелъ собой солдатъ. Онъ—очень хорошій мальчикъ, онъ также былъ корпусъ и тамъ шалилъ, его государь прислалъ Сибирь. Я его беру собой классъ. А чѣмъ теперь занимаетъ?

— У полковника Павловскаго, ваше превосходительство, теперь идетъ урокъ русскаго явыка.

И офицеръ поторопился отворить дверь и махнулъ рукой, чтобы всѣ встали. Кадеты моментально поднялись съ мѣстъ, повернули головы и устремили на входившее неторопливо начальство взоры. Директоръ корпуса вошелъ и поздоровался съ дѣтьми.

— Ну, мой миленькій, здравствуйте.

— Здравія желаемъ, ваше превосходительство, — отвѣчали бойко кадеты.

— Садитесь, мальчики, садитесь!

И, пройдя къ первой скамейкѣ, генералъ потѣснилъ сидѣвшихъ на ней воспитанниковъ, говоря:

— Ну, мальчики, подвиньтесь, дайте мѣсто вашъ директоръ, онъ будетъ сидѣть своимъ мальчикомъ. И, обратясь къ лектору, онъ любезно добавилъ:—Я привелъ вамъ мальчикъ, этотъ солдатъ, онъ будетъ тоже слушайтъ... А что у васъ идетъ?

— Грамматическій разборъ, ваше превосходительство.

— Вы что—объясняетъ, или спрашиваетъ?

— Спрашиваю, ваше превосходительство. Передъ вашимъ приходомъ я спрашивалъ о глаголахъ, и мы остановились на видахъ глаголовъ.

— А!.. на видахъ глаголовъ!.. карошо!.. продолжайте!..

У доски между тѣмъ стоялъ одинъ изъ воспитанниковъ. Лекторъ обратился къ нему и напомнилъ заданный вопросъ:

— Я васъ просилъ отвѣтить: какіе виды глаголовъ бываютъ?

Воспитанникъ стоитъ, какъ приговоренный къ смерти, не смѣя ни пошевельнуться, ни дышать, и ничего не отвѣчаетъ... Лекторъ, желая вывести ученика изъ забывчивости, кротко и мягко старается навести его на отвѣтъ:

— Вы очень хорошо помните,—говоритъ онъ воспитаннику:—что есть не одинъ видъ глаголовъ, напримѣръ, есть глаголы правильные, есть и другіе виды... да?

— Да,—отвѣтилъ неувѣренно кадетъ.

— Вотъ и прекрасно! Объясните же мнѣ: какіе другіе виды глаголовъ бываютъ?

Мальчикъ топчется, мнется, но молчитъ. Видимо онъ или вопроса не понимаетъ, или не знаетъ, что отвѣтить. Это непріятно подѣйствовало на директора корпуса, онъ всталъ, подошелъ къ воспитаннику и сказалъ ему:

— Ну, мой миленькій, вы не конфузьтесь вашъ директоръ. Слушайте, я вамъ будетъ немножко помогайтъ. У меня есть жонъ, я зову мой жонъ—Сашинька, мой подчиненный говоритъ ей ваше превосходительство, а всѣ дамъ и близкій знакомый называетъ ее: Александра Родіоновна. Ну вотъ, глюпій мальчикъ, поймите теперь: Сашинька, ваше превосходительство и Александра Родіоновна, это—все одинъ человѣкъ и все—мой жонъ!.. Ну, что вы, мальчикъ, молчите?.. я вамъ все сказалъ... Ну, глюпенькій, вотъ вамъ другой видъ глагола!..

Но видя, что мальчикъ, не смотря на разъясненіе, ничего не

отвѣчаетъ, директоръ повернулся къ лектору, гнѣвно взглянулъ на него и вышелъ, не сказавъ ни слова, изъ класса.

Александра Родіоновна, узнавъ объ этомъ, была возмущена до глубины души, задала генералу жестокую головомойку и строго-на-строго приказала, чтобы онъ никогда не упоминалъ ея имени въ классахъ. Когда же случай этотъ сдѣлался достояніемъ городской молвы, полковникъ Мартенъ долго изощрялъ надъ нимъ свое остроуміе и приговаривалъ: «madame Шраммъ, по словамъ ея супруга, обрѣтается въ трехъ видахъ естества».

Вообще генералъ Шраммъ частенько заставлялъ говорить о себѣ въ обществѣ. Онъ не любилъ ходить на вечера, собранія и къ своимъ знакомымъ, только изрѣдка посѣщалъ своихъ замужнихъ дочерей, и то большей частью днемъ. Вечеромъ же выходилъ на прогулку и заходилъ иногда въ кадетскій корпусъ, гдѣ у него воспитывался младшій сынъ Константинъ, и лично наблюдалъ за порядкомъ. Объ одномъ изъ такихъ посѣщеній, онъ разсказывалъ на другой день за обѣдомъ слѣдующее:

— А знаете ли, Сашинька, обратился генералъ къ своей супругѣ, я вчера вечеромъ гулялъ и зашоль корпусъ посмотрѣть, какъ мои мальчики спятъ. Я вошоль дортуаръ, гдѣ нашъ Костинька, и дортуаръ былъ совсѣмъ темный. Я вернуль назадъ, сыскаль солдатъ, и закричаль: «ахъ, ви негодяй, зачѣмъ у васъ нѣтъ огонь?» Онъ побѣжалъ посмотрѣть и сталь оправдывайтъ: «Ваше пр—во, огонь быль, но въ шандаль вся вода выгорѣль»... «Ахъ ви, глюпій шеловѣкъ, я сказалъ, нужно наливайтъ новый вода»... [1]).

На этомъ словѣ его остановила Александра Родіоновна.

— Ахъ, Боже мой, Ѳедоръ Андреевичъ, сколько разъ я просила тебя объясняться точнѣе.

— Ну, что такое, Сашинька, я сказаль непонятно, отозвался робко генералъ, я ничего не сказаль.

— Какъ ничего, Ѳедоръ Андреевичъ, наставительно замѣтила ему супруга, въ дортуарѣ, вѣроятно сгорѣла свѣча, а не вода, о чемъ вамъ и докладывали, а вы, по разсѣянности своей передали намъ объ этомъ совсѣмъ иначе.

---

[1]) Кадетскіе дортуары въ то время освѣщались сальными свѣчами. Во избѣжаніе пожаровъ отъ недосмотра за свѣчами, изобрѣтены были высокіе, аршина въ полтора, оловянные шандалы, въ стволы которыхъ наливалась вода, а посреди воды въ розетки ставились свѣчи.

— Очень можетъ быть, душа мой, согласился генералъ, я имѣетъ такъ много заботъ, и потому я бываетъ разсѣянъ.

Отвѣтъ вполнѣ резонный, но злые языки недруговъ тотчасъ разнесли по Омску, что генералъ Шраммъ освѣщаетъ кадетскій корпусъ не огнемъ, а водою.

Когда генералъ отъ инфантеріи Шлиппенбахъ, присланный по высочайшему повелѣнію для обревизованія управленія краемъ, производилъ инспекторскій смотръ кадетскому корпусу въ лагерѣ, генералъ Шраммъ, идя вслѣдъ за инспекторомъ по фронту, остановилъ его, и обращая вниманіе на стоявшаго въ рядахъ кадетъ младшаго сына своего Константина, сказалъ:

— Ваше высокопревосходительство, позвольте вамъ представить! мой сынъ Костинька, мой собственный сынъ, ваше высокопревосходительство!

— А, улыбнулся инспекторъ, славный, хорошій мальчикъ...

Небезъинтересенъ также и «случай съ козломъ». Ѳ. М. Достоевскій, въ «Запискахъ изъ Мертваго дома», упоминаетъ объ арестанскомъ козлѣ, наученномъ бодаться и бывшимъ утѣхой заключенникамъ. Козелъ этотъ сыгралъ дурную шутку съ генераломъ Шраммомъ. Гуляя однажды вечеромъ, Ѳедоръ Андреевичъ проходилъ мимо острога, у воротъ котораго стоялъ «козелъ-озорникъ». Не обращая на него вниманія, генералъ обошолъ его, и пошолъ далѣе. Козелъ постоялъ нѣсколько минутъ, поглядѣлъ вслѣдъ прошедшаго генерала и вдругъ бросился и нанесъ ему такой сильный ударъ рогами сзади, что онъ едва удержался на ногахъ. Обернувшись назадъ и увидѣвъ козла, стоящаго въ боевой позѣ съ нагнутой головой, генералъ вспылилъ и разразился гнѣвной рѣчью:

— Ахъ, ты, глюпій, ахъ, ты, мерзкій скотинъ! какъ ты смѣль такъ дерзко шютить! Пошоль прочь, негодяй!

И генералъ, поправивъ слетѣвшую съ плеча шинель, пошолъ далѣе. Но не успѣлъ онъ сдѣлать 10—15-ти шаговъ, какъ козелъ налетѣлъ вторично и ударилъ генерала съ такимъ азартомъ, что онъ упалъ. Вскочивъ на ноги, Ѳедоръ Андреевичъ вышелъ изъ себя окончательно. Онъ бросился на острожную гауптвахту и приказалъ караульному офицеру арестовать козла. Козла притащили и заперли въ арестанскую камеру. Вѣсть объ этомъ моментально разнеслась по Омску и дошла до генералъ губернатора. Князь Горчаковъ приказалъ коменданту: козла освободить, а генералу Шрамму написать, что гауптвахты и караулы существуютъ не для животныхъ.

«Козлу-озорнику» не прошла, однако, даромъ эта шутка. Его удалили изъ Омска въ одну изъ казачьихъ станицъ. Полковникъ Кривоноговъ—братъ извѣстной издательницы «собранія иностранныхъ романовъ» Е. Н. Ахматовой, пріютившій изгнанника козла, не упускалъ случая подтрунить надъ «случившимся событіемъ». Какъ только наѣзжали къ нему гости, въ особенности изъ Омска, козелъ являлся на сцену и потѣшалъ гостей. «Козла-озорника» приводили предъ очи высокихъ посѣтителей, и почтенный полковникъ начиналъ представленіе такимъ къ нему обращеніемъ:

— Ну, витязь аршинныхъ роговъ и крѣпкаго, какъ у думнаго боярина, лба, разскажите намъ, какъ вы ополчались на могучихъ враговъ вашихъ?... какъ вы сокрушили славнаго соперника вашего, рыцаря Хведорстрама?

Козелъ, по обыкновенію, стоялъ съ опущенной внизъ головою, какъ будто прислушиваясь къ рѣчи своего патрона.

— Ну, что же вы молчите? ахъ вы, безстыдникъ этакій, продолжалъ пронизировать полковникъ, какъ вы могли рѣшиться на подобное состязаніе? Откуда вы набрались такой неслыханной дерзости? Или васъ не удовлетворяли побѣды въ средѣ великихъ гражданъ острога, что вы рѣшились вступить въ бой съ генераломъ? Что молчите? сознаете свою вину, ну, и прекрасно! мы вамъ дадимъ возможность пострадать за вашу безтактную и безобразную выходку.

И «козла озорника» сводили бодаться съ другими козлами, или выпускали на него собакъ и травили его. Слухи о подобныхъ забавахъ доходили до Омска и давали новую пищу смѣху и остроумію скучавшаго общества.

Но возвратимся къ нашимъ «морячкамъ».

Бригадный командиръ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ, генералъ-майоръ Ѳедоръ Аѳанасьевичъ Масловскій, по представленіи ему юношей, удостоилъ ихъ, по добротѣ своей души, или, какъ мѣстные остряки говорили, «по наитію свыше», особеннаго своего благоволенія. «Птенцы омскихъ дамъ» получили отъ него приглашеніе приходить къ нему ежедневно обѣдать по-двое. Конечно, подобное приглашеніе было бы для нихъ большой честью, если бы оно было сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но не хотѣлъ ли генералъ баловать присланныхъ для исправленія «мальчишекъ», или не считалъ нужнымъ соблюдать салонную утонченную вѣжливость по отношенію къ «нижнимъ чинамъ»,—только приглашеніе прибыть

къ генералу на обѣдъ объявлялось ежедневно въ приказаніяхъ по батальонамъ. Сначала молодежь ходила исправно, генералъ былъ внимателенъ и любезенъ, кормилъ сытно и вкусно, но кто-то въ обществѣ изъ числа оставшихся у милыхъ патронессъ за штатомъ посмѣялся, что «морячки» откармливаются на казенный счетъ, по наряду, и юношамъ это не понравилось. Одинъ изъ нихъ проманкировалъ приглашеніемъ разъ и другой, получилъ вопросъ: почему? на который отвѣтилъ уклончиво, и генералъ счелъ подобный поступокъ продерзостью. Онъ распорядился, чтобы батальонный командиръ ежедневно по утрамъ присылалъ продерзостнаго «птенца» къ нему на квартиру, въ полной походной формѣ, въ качествѣ ординарца, и муштровалъ его по всѣмъ правиламъ военнаго артикула. Такая муштровка продолжалась болѣе двухъ недѣль, и юношѣ приходилось жутко. Но онъ терпѣлъ и тянулся, не смѣя дѣлать никакихъ возраженій противъ требованій службы. Однако, ежедневное утомленіе и напряженіе не могло не повліять на разстройство его здоровья. Главный докторъ военнаго госпиталя Троицкій, въ семьѣ котораго онъ былъ принятъ, какъ дома, замѣтилъ это и сталъ у него допытываться о причинахъ его нездоровья. «Птенецъ» разсказалъ все безъ утайки, и супруга доктора, прелестнѣйшая и добрѣйшая женщина, какихъ судьба посылаетъ на землю только по одной въ десятилѣтіе, при первой же встрѣчѣ съ генераломъ Масловскимъ, повела на него стремительную аттаку, во имя справедливости и человѣколюбія, и разбила его въ пухъ и прахъ. Истязанія «мальчика» кончились, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, кончилось также и откармливаніе «морячковъ» на казенный счетъ по наряду.

Самою тяжелою службой въ это время для молодежи была караульная, въ особенности при нарядѣ ее за офицеровъ въ крѣпостной острогъ. Это — тотъ знаменитый острогъ, который описалъ Ѳ. М. Достоевскій въ «Запискахъ изъ Мертваго дома»; въ немъ содержались въ то время изъ числа петрашевцевъ двое: Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій и Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ. Была ли съ ними знакома молодежь въ Петербургѣ, неизвѣстно, но во время заключенія ихъ въ острогѣ она принимала въ судьбѣ ихъ самое горячее участіе и дѣлала для нихъ все, что только могла.

Крайне печальное зрѣлище представляли изъ себя тогда эти когда-то блестящіе петрашевцы. Одѣтые въ общій арестантскій нарядъ, состоявшій изъ сѣрой пополамъ съ черными куртки—съ желтымъ на спинѣ тузомъ и таковой же мягкой безъ козырька

фуражки—лѣтомъ. и полушубка съ наушниками и рукавицами—зимой, закованные въ кандалы и громыхающіе ими при каждомъ движеніи, по внѣшности, они ничѣмъ не отличались отъ прочихъ арестантовъ. Только одно—это ничѣмъ и никогда нестирающіеся слѣды воспитанія и образованія, выдѣляло ихъ изъ массы заключенниковъ. Ѳ. М. Достоевскій имѣлъ видъ крѣпкаго, приземистаго, коренастаго рабочаго, хорошо выправленнаго и поставленнаго военной дисциплиной. Но сознанье безъисходной, тяжкой своей доли какъ будто окаменяло его. Онъ былъ неповоротливъ, малоподвиженъ и молчаливъ. Его блѣдное, испитое, землистое лицо, испещренное темнокрасными пятнами, никогда не оживлялось улыбкой а ротъ открывался только для отрывистыхъ и короткихъ отвѣтовъ по дѣлу или по службѣ. Шапку онъ нахлобучивалъ на лобъ до самыхъ бровей, взглядъ имѣлъ угрюмый, сосредоточенный, непріятный, голову склонялъ напередъ и глаза опускалъ въ землю. Каторга его не любила, но признавала нравственный его авторитетъ; мрачно, не безъ ненависти къ превосходству, смотрѣла она на него и молча сторонилась. Видя это, онъ самъ сторонился ото всѣхъ, и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда ему было тяжело или невыносимо грустно, онъ вступалъ въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ арестантовъ. С. Ѳ. Дуровъ, напротивъ, и подъ двуцвѣтной курткой съ тузомъ на спинѣ, казался баричемъ. Высокаго роста, статный и красивый, онъ держалъ голову высоко, его большіе, черные, на выкатѣ глаза, не смотря на ихъ близорукость, смотрѣли ласково и уста какъ бы улыбались всякому. Шапку онъ носилъ съ заломомъ на затылкѣ и имѣлъ видъ весельчака даже въ минуты тяжелыхъ невзголъ. Съ каждымъ арестантомъ онъ обходился ласково, и арестанты любили его. Но онъ былъ изнуренъ болѣзнію и зачастую едва могъ ходить. Его ноги тряслись и съ трудомъ носили хилое, разслабленное тѣло. Не смотря на это, онъ не падалъ духомъ, старался казаться веселымъ и заглушалъ боли тѣла остроумными шутками и смѣхомъ.

Но прежде, чѣмъ коснемся мы отношеній «морячковъ» къ содержавшимся въ острогѣ петрашевцамъ, сдѣлаемъ нѣсколько поясненій къ разсказамъ о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся личностяхъ «Мертваго дома». Ѳ. М. Достоевскій говоритъ объ Акимѣ Акимычѣ, что онъ служилъ на Кавказѣ прапорщикомъ и былъ старшимъ начальникомъ какого-то укрѣпленія, гдѣ онъ сосѣдняго мирнаго

князька, за сдѣланное этимъ князькомъ ночное на его крѣпость нападеніе и поджогъ ея, зазвавши, спустя послѣ того нѣсколько времени, въ гости, разстрѣлялъ... Это—былъ Бѣловъ, эсаулъ Кавказскаго казачьяго войска, который, по его разсказу «морячкамъ», временно завѣдывалъ одной изъ пограничныхъ казачьихъ станицъ, вообще по тому времени укрѣпленныхъ. На станицу эту никто не нападалъ и ея не зажигалъ, но изъ-подъ стѣнъ ея горцы угнали выпущенный казаками на пастьбу скотъ. Произведя подъ рукой дознаніе и узнавъ, что это сдѣлали мирные горцы, жившіе по сосѣдству, онъ зазвалъ семь человѣкъ, изъ числа наиболѣе вліятельныхъ среди этихъ горцевъ лицъ, къ себѣ въ гости и не разстрѣлялъ, а повѣсилъ ихъ на гласисѣ укрѣпленія. Вотъ за это-то его судили и сослали на каторгу, а если бы онъ разстрѣлялъ князька за нападеніе и поджогъ крѣпостцы, то онъ скорѣе бы получилъ награду, а не кару въ высшей мѣрѣ. Присланный за отцеубійство дворянинъ былъ подпоручикъ Ильинъ, служившій въ Тобольскѣ въ линейномъ батальонѣ. По рѣшенію суда, за дурное поведеніе онъ былъ приговоренъ къ разжалованію въ рядовые, а по обвиненію въ отцеубійствѣ, за неимѣніемъ достаточныхъ доказательствъ, судъ полагалъ оставить его въ сильномъ подозрѣніи. Но императоръ Николай Павловичъ, на утвержденіе котораго восходила конфирмація военнаго суда, изволилъ положить резолюцію: «отцеубійца не долженъ служить въ рядахъ войскъ. Въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ». Художникъ, доносчикъ и другъ плацъ-майорскаго денщика Ѳедьки—былъ Аристовъ, когда-то принадлежавшій къ кучкѣ золотой молодежи. Прокутивъ въ молодости состояніе и изподличавшись потомъ на добытіи средствъ, онъ поступилъ въ сыщики. Здѣсь, желая сдѣлать поскорѣе карьеру, оговорилъ до десятка неповинныхъ людей въ противоправительственномъ заговорѣ, и когда оказалось по разслѣдованіи, что это все ложь, понесъ то наказаніе, которое злоумышленно готовилъ другимъ. Поляки, пользовавшіеся наибольшими симпатіями въ острогѣ, были Мальчевскій и Жуковскій, сосланные въ каторгу за участіе въ польскомъ жондѣ. Первый принадлежалъ къ числу богатыхъ помѣщиковъ, владѣлъ нѣсколькими имѣніями и былъ, какъ говорили, «паномъ-маршалкомъ». Ненависть его къ русскимъ не знала границъ, но онъ былъ весьма образованный и тактичный человѣкъ, который и въ средѣ нелюбимыхъ людей имѣлъ вѣсъ и силу авторитета. Второй былъ профессоръ упраздненнаго Виленскаго университета, фанатикъ поль-

ской идеи, но, какъ человѣкъ и христіанинъ, дѣйствительно заслуживалъ полнаго уваженія.

Отъ караула при острогѣ требовали, по тому времени, большаго вниманія, энергіи и бдительности. Онъ долженъ былъ не только сопровождать арестантовъ на работы, но и слѣдить за ними во время ихъ нахожденія въ острогѣ. Утренняя и вечерняя повѣрка личнаго состава, наблюденіе за чистотой и порядкомъ въ казармахъ, за недопущеніемъ проноса вина, табаку, картъ и другихъ запрещенныхъ предметовъ, за тишиной и спокойствіемъ среди заключенныхъ, нечаянные осмотры у нихъ и обыски и тому подобное— дѣлали службу начальника караула весьма тяжелой и отвѣтственной. Но «морячки» съ особеннымъ удовольствіемъ шли по наряду за офицеровъ въ караулъ при острогѣ, такъ какъ они имѣли возможность быть на виду у начальства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчать, хотя нѣсколько, тяжелую участь возбуждавшихъ всеобщее сожалѣніе заточниковъ. Сверхъ наряда арестантовъ на работы по крѣпости и въ ея окрестностяхъ, нѣсколько арестантовъ назначалось еще и для работъ при острогѣ. Эти послѣдніе арестанты находились въ распоряженіи караула и оставлялись до посылки куда нужно — или въ кордегардіи, или въ своихъ камерахъ. При такихъ условіяхъ «морячки» всегда могли, для работъ при острогѣ, оставлять тѣхъ заключенныхъ, кого они хотѣли. Обыкновенно, извѣстна была очередь смѣны карауловъ; такъ, напримѣръ, караулъ отъ 4-го батальона, съ Левшинымъ за начальника, долженъ былъ на другой день смѣниться карауломъ отъ 5-го батальона, съ княземъ Хованскимъ за начальника, который, въ свою очередь, имѣлъ быть смѣненъ карауломъ отъ 6-го батальона, съ Брылкинымъ за начальника. Желавшій оставить кого-либо изъ арестантовъ для работъ при острогѣ писалъ о томъ наканунѣ записку начальнику караула, котораго онъ долженъ былъ на утро смѣнить, и тотъ оставлялъ просимаго арестанта въ острогѣ. Такимъ образомъ, Ѳ. М. Достоевскій и С. Ѳ. Дуровъ часто оставлялись для работъ при острогѣ и, по смѣнѣ стараго караула, требовались новымъ начальникомъ въ кордегардію и находились нѣкоторое время въ комнатѣ караульнаго офицера, гдѣ имъ сообщались новости дня, передавались отъ сердобольныхъ людей пожертвованія, и дозволялось чтеніе приносимыхъ молодежью книгъ и получаемыхъ отъ родственниковъ или сотоварищей писемъ изъ Петербурга. Время вызова сообразовалось съ часами, когда посѣщеній начальства не ожидалось;

но на всякій случай въ кордегардіи всегда находился наготовѣ назначенный для сопровожденія ихъ на работы конвойный. Генераламъ Бориславскому, какъ завѣдывавшему всѣми работами арестантовъ, и де-Граве, какъ коменданту крѣпости, было даже сообщено объ этомъ въ частномъ разговорѣ докторомъ Троицкимъ, но они только посмѣялись, посовѣтовавъ ему передать юношамъ, чтобы они все-таки были осторожными.

Характеръ Ѳ. М. Достоевскаго, по разсказамъ одного изъ «морячковъ», былъ вообще несимпатиченъ, онъ смотрѣлъ волкомъ въ западнѣ; не говоря уже объ арестантахъ, которыхъ онъ вообще чуждался и съ которыми ни въ какія человѣческія соприкосновенія не входилъ, ему тяжелы казались и гуманныя отношенія лицъ, интересовавшихся его участію и старавшихся по возможности быть ему полезными. Всегда насупленный и нахмуренный, онъ сторонился вообще людей, предпочитая въ шумѣ и гамѣ арестантской камеры оставаться одинокимъ, дѣлясь съ кѣмъ нибудь словомъ, какъ какой нибудь драгоцѣнностью, только по надобности. Будучи вызванъ «морячками» въ офицерскую комнату, онъ держался съ ними болѣе, чѣмъ сдержанно, на приглашеніе присѣсть и отдохнуть часто отказывался и уступалъ только настоятельной просьбѣ, отвѣчалъ на вопросы неохотно, а въ интимные разговоры и сердечныя изліянія почти никогда не пускался. Всякое изъявленіе сочувствія принималъ недовѣрчиво, какъ будто подозрѣвалъ скрытую въ томъ неблагопріятную для него цѣль. Онъ отказывался даже отъ чтенія приносимыхъ молодежью книгъ и только раза два заинтересовался «Давидомъ Копперфильдомъ» да «Замогильными записками Пикквикскаго клуба», Диккенса, въ переводѣ Введенскаго, и бралъ ихъ въ госпиталь для прочтенія. Докторъ Троицкій объяснялъ его нелюдимость и мнительность болѣзненнымъ состояніемъ его организма, подвергавшагося, какъ извѣстно, эпилептическимъ припадкамъ, и расшатанностью всей нервной системы, хотя на видъ онъ казался здоровымъ, бодрымъ и крѣпкимъ и на всѣ работы ходилъ наравнѣ съ другими. По мнѣнію же «морячка», нелюдимость его происходила изъ боязни, чтобы какія нибудь отношенія къ людямъ или нелегальныя поблажки не сдѣлались извѣстными начальству и не отягчили бы, вслѣдствіе того, его положенія. С. Ѳ. Дуровъ, напротивъ, вызывалъ къ себѣ всеобщее сочувствіе. Несмотря на крайне болѣзненный и изнуренный видъ, онъ всѣмъ интересовался, любилъ входить въ

соприкосновеніе съ интересовавшею его общею, внѣострожною, людскою жизнію и былъ сердечно благодаренъ за всякое посильное облегченіе или матеріальную помощь. Говорилъ онъ обо всемъ охотно, даже вступалъ въ споры и могъ увлекать своимъ живымъ и горячимъ словомъ слушателя. Въ немъ чувствовалась правдивая, искренне убѣжденная и энергичная натура, которую не могло сломить несчастіе, и за это онъ пользовался большей, чѣмъ Ѳ. М. Достоевскій, симпатіею. Бывали, однако, случаи, когда его какое нибудь слово выбивало изъ колеи, горячность овладѣвала имъ, и онъ увлекался до самозабвенія. Стопло, напримѣръ, употребить при немъ, хотя бы невзначай, въ разговорѣ имя его родственника, генерала (впослѣдствіи графъ) Якова Ивановича Ростовцева,— и онъ забывалъ всякую мѣру сдержанности и впадалъ, по отношенію къ нему, даже въ несправедливость. Чтеніе любилъ, но съ особенною жадностію бросался на французскіе романы, какъ, напримѣръ: «Королева Марго», «Графиня Монсоро» и «Графъ Монтекристо»—А. Дюма, «Парижскія тайны» и «Вѣчный жидъ»—Е. Сю, «Сынъ дьявола»—Поля Феваля и др. Онъ выпрашивалъ эти романы, проглатывалъ ихъ въ нѣсколько вечеровъ и приходилъ просить другія [1]). Но просьбу его не всегда можно было исполнить, такъ какъ богатствомъ книгъ Омскъ не щеголялъ. Поражало «морячковъ» въ характерѣ этихъ двухъ петрашевцевъ то, что они ненавидѣли другъ друга всею силою души, никогда не сходились вмѣстѣ и въ теченіе всего времени нахожденія въ Омскомъ острогѣ не обмѣнялись между собой ни единымъ словомъ. Вызванные вмѣстѣ для бесѣдъ въ офицерскую комнату, они оба сидѣли, насупившись, въ разныхъ углахъ и даже на вопросы юношей отвѣчали односложными: «да» или «нѣтъ»; такъ что ихъ стали вызывать не иначе, какъ по одиночкѣ. С. Ѳ. Дуровъ, на сдѣланный ему по сему предмету вопросъ, отвѣчалъ, что ни одинъ изъ нихъ не начнетъ говорить первымъ, такъ какъ острожная жизнь сдѣлала ихъ врагами. Въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Ѳ. М. Достоевскій распространяется обо всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ арестантахъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ острогѣ, замаскировывая только нѣкоторыхъ подъ начальными буквами ихъ фамилій; но С. Ѳ. Ду-

---

[1]) Онъ не дожидался даже вызова, но въ случаѣ надобности, возвращаясь съ работъ и узнавъ, что въ караулѣ стоитъ кто нибудь изъ «морячковъ», заходилъ самъ въ кордегардію съ конвойнымъ.

рова ни полнымъ именемъ, ни подъ инициалами фамиліи, нигдѣ, какъ будто его въ острогѣ не было, не упоминаетъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рѣшительно нельзя было умолчать о немъ, онъ отзывался такъ: «насъ, т. е. меня и другого ссыльнаго изъ дворянъ, съ которымъ я вмѣстѣ вступилъ въ каторгу, напугали»... или: «я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, добрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой»... Большое участіе въ петрашевцахъ принималъ старшій докторъ госпиталя Троицкій. Онъ иногда сообщалъ имъ черезъ «морячковъ», что они теперь могутъ (тотъ или другой) прійти въ госпиталь на передышку, и они отправлялись, и вылеживали тамъ по нѣсколько недѣль, получая хорошій сытный столъ, чай, вино и другіе предметы, частію съ госпитальной, частію съ докторской кухни. «Записки изъ Мертваго дома», какъ разсказывалъ одному изъ юношей И. И. Троицкій, началъ писать Достоевскій въ госпиталѣ, съ его разрѣшенія, такъ какъ арестантамъ никакихъ письменныхъ принадлежностей, безъ разрѣшенія начальства, имѣть было нельзя, а первыя главы ихъ долгое время находились на храненіи у старшаго госпитальнаго фельдшера. Покровительствовалъ петрашевцамъ и генералъ Бориславскій, черезъ адъютанта своего управленія, подпоручика Иванова [1]). Онъ разрѣшилъ назначать ихъ на самыя легкія работы (кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они, какъ, напримѣръ, Достоевскій, сами хотѣли идти на работы вмѣстѣ съ прочими арестантами, въ особенности въ началѣ прибытія на каторгу), и въ крѣпости, и внѣ оной, къ числу которыхъ относились: малярныя работы, верченіе колесъ, обжиганіе алебастра, отгребаніе снѣга и прочія. Ѳедору Михайловичу даже было позволено ходить въ канцелярію инженернаго управленія для письменныхъ занятій, отъ которыхъ его велѣно было, впрочемъ, скоро уволить, по докладу полковника Мартена корпусному командиру о несоотвѣтствіи подобныхъ занятій для людей, сосланныхъ въ каторжныя работы за политическія преступленія. Немалую услугу оказалъ

---

[1]) Константинъ Ивановичъ Ивановъ впослѣдствіи служилъ въ главномъ инженерномъ управленіи. Онъ былъ женатъ на дочери декабриста Анненкова и старался сдѣлать для Достоевскаго все, что только могъ.

Ѳ. М. Достоевскому также и одинъ изъ «морячковъ». Оставленный однажды для работъ въ острогѣ, онъ находился въ своей казармѣ и лежалъ на нарахъ. Вдругъ пріѣхалъ плацъ-майоръ Кривцовъ—этотъ описанный въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» звѣрь въ образѣ человѣка.

— Это что такое—закричалъ онъ увидя, Ѳедора Михайловича на нарахъ:—почему онъ не на работѣ?

— Боленъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ находившійся въ караулѣ за начальника «морячокъ», сопровождавшій плацъ-маіора въ камеры острога:—съ нимъ былъ припадокъ падучей болѣзни.

— Вздоръ!... я знаю, что вы потакаете имъ!... въ кордегардію его!... розогъ!...

Пока стащили съ наръ и отвели въ кордегарію дѣйствительно вдругъ заболѣвшаго со страху петрашевца, караульный начальникъ послалъ къ коменданту ефрейтора съ докладомъ о случившемся. Генералъ де-Граве тотчасъ пріѣхалъ и остановилъ приготовленія къ экзекуціи, а плацъ-маіору Кривцову сдѣлалъ публичный выговоръ и строго подтвердилъ, чтобы больныхъ арестантовъ отнюдь не подвергать наказаніямъ.

Общественная жизнь въ Омскѣ въ то время была развита крайне слабо. Театра не существовало вовсе. Устраиваемые по временамъ баронессой Сюрвельгельмъ спектакли для высшаго общества давались на форштадтѣ въ казачьемъ манежѣ. Ни литературныхъ вечеровъ, ни ученыхъ собраній, ни лекцій никто не затѣвалъ. Были одни танцовальные вечера да балы. Давалъ ежегодно одинъ или два бала генералъ-губернаторъ, давало балы дворянское собраніе, давалъ балъ откупщикъ. На нихъ собирались по обязанности, потому что замѣчались не тѣ, кто пріѣхалъ, а тѣ, кого нѣтъ, и изслѣдовались причины ихъ отсутствія. Конечно, все, что числилось на службѣ, облекалось въ мундиры и составляло генералъ-губернаторскій хвостъ, а жены и дочери служащихъ служили живой красивой обстановкой гостинныхъ и танцовальныхъ залъ, гдѣ одна только молодежь, «не заботясь объ утріѣ», весело щебетала и съ увлеченіемъ плясала и прыгала до утра. На одномъ изъ такихъ баловъ князь Горчаковъ, какъ Парисъ, былъ судьей красоты омскихъ богинь. Передъ нимъ совершенно неожиданно предстали три мѣстныхъ красавицы и просили его сказать безпристрастно, которая изъ нихъ имѣетъ бо̀льшое право на обладаніе Эротомъ. Князь оказался въ затрудненіи, но вышелъ изъ него, благодаря совѣту, тихо под-

сказанному полковникомъ Мартеномъ. Онъ отвѣтилъ богинямъ, что всѣ онѣ имѣютъ право на обладаніе божкомъ любви (подъ которымъ подразумѣвался одинъ изъ развившихся въ Аполлона «моряч-ковъ»), но должны ловить пускаемыя имъ стрѣлы страсти на лету, и которая поймаетъ, той онъ и будетъ принадлежать тогда. На другомъ балу у него вышло недоразумѣніе съ супругой коменданта, которая, не понявъ особенно любезнаго обращенія къ ней князя Петра Дмитріевича, потрепавшаго ее дружески по плечу, совершенно неумѣстно отвѣтила ему: «Вы, ваше сіятельство, вѣроятно ошиблись, принявъ меня за такую особу, которая почтетъ себя счастливой, получа подобное доказательство вашего вниманія, но я, къ сожалѣнію, къ числу ихъ не принадлежу». Но балы были рѣдки, а общество разъединено, поэтому каждый убивалъ свое свободное время въ своемъ же тѣсномъ кружкѣ. Только какія нибудь затѣи, въ родѣ поѣздокъ съ дамами въ степь на маевку, или именинные, свадебные и крестинные обѣды или вечера соединяли нѣкоторые кружки, и люди на нѣсколько часовъ сходились и обмѣнивались мыслями и взглядами. Будничная же обыденная жизнь тянулась ужасно вяло, и въ салонахъ самыхъ элегантныхъ женщинъ царила страшная скука, такъ что Бальбина Гавриловна всегда и вездѣ была желанной гостьей. Да и какъ было дамамъ не любить ее! Сегодня она появлялась и разсказывала, что въ билліардной комнатѣ генералъ-губернаторскаго дворца адъютантъ князя Горчакова ротмистръ Глинка расправился собственноручно съ чиновникомъ особыхъ порученій Молчановымъ, позволившимъ себѣ сказать что-то оскорбительное по поводу одной особы, и что ожидается дуэль. Завтра она удостовѣряла, что дуэли не будетъ, такъ какъ приказано Глинку отчислить и выслать въ Екатеринбургъ, а Молчанова перевести куда-то въ степь. На третій день она являлась съ пикантнымъ извѣстіемъ, что адъютантъ генерала Яковлева штабъ-ротмистръ Кривскій, сажавшій на козлы своего экипажа за кучера эксцентричную свою любовницу, заѣхалъ съ друзьями на кладбище, приказалъ вырыть могилу, опустилъ въ нее свою даму-кучера и зарылъ ее въ ней по горло живую. Потомъ, пропѣвъ надъ ней панихиду, уѣхалъ, а женщину велѣлъ освободить только вечеромъ. Черезъ недѣлю эта живая омская газета сообщала, что полиціймейстеръ подполковникъ Шепелевъ, извѣстный любитель прекраснаго пола при возвращеніи изъ Вельяминовой рощи ночью, былъ плѣненъ обиженными имъ соперниками, переодѣвшимися для того въ кир-

кизское платье, и отвезенъ на лодкѣ за Иртышъ, гдѣ онъ и былъ брошенъ связаннымъ въ камышахъ, и откуда его только на другой день привезли нашедшіе его тамъ случайно табунные пастухи. А спустя двѣ недѣли, Бальбина Гавриловна, покатываясь со смѣху, представляла чуть не въ лицахъ, какъ генералъ Шраммъ, вышедши вечеркомъ на прогулку, велъ бой съ выбѣжавшимъ на улицу и обидѣвшимъ его арестантскимъ козломъ.

Дѣйствительно, разсказы Бальбины Гавриловны вполнѣ типично изображали жизнь тогдашняго омскаго общества. Выше нами приведенъ уже курьезный случай ареста генераломъ Шраммомъ козла. Теперь мы остановимся на ея разсказахъ о г.г. Кривскомъ и Шепелевѣ, и постараемся обрисовать ихъ болѣе рельэфно.

Штабсъ-ротмистръ Михаилъ Николаевичъ Кривскій, человѣкъ молодой, богатый и красивый собою, былъ переведенъ въ Омскъ за какую-то шалость въ Петербургѣ. Имѣя хорошія связи, онъ поступилъ адъютантомъ къ начальнику окружнаго штаба, былъ принятъ всѣмъ высшимъ мѣстнымъ обществомъ и вскорѣ сдѣлался любимцемъ и баловнемъ велико-свѣтскихъ омскихъ дамъ. Но жизнь въ условныхъ тѣсныхъ рамкахъ, какъ иронизировали омскіе остряки, «степной порядочности» не особенно нравилась избалованному столицей жуиру. Типъ Печорина являлся въ то время выраженіемъ высшаго общественнаго идеала и молодые люди, желавшіе выдѣлиться изъ толпы, старались подражать ему. Михаилъ Николаевичъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, ему скучно было въ чинномъ и чопорномъ омскомъ бомондѣ и онъ старался, по возможности, изолироваться въ болѣе тѣсномъ кружкѣ избранныхъ друзей изъ числа свѣтской и городской молодежи. Квартиру свою онъ поставилъ на широкую барскую ногу, куда его друзья-пріятели частенько собирались кутнуть или перекинуться въ картишки. У него была своя дворня, были хорошіе лошади и экипажи. Хозяйствомъ его завѣдывала взятая имъ въ домъ, за особую молодецкую удаль, молодая, красивая казачка Настя. Когда онъ собирался прокатиться за городъ или выѣхать въ степь на маёвку, или къ кому нибудь изъ холостыхъ пріятелей въ гости онъ одѣвалъ ее ямщикомъ, сажалъ на козлы, и Настя залихватски справлялась и управляла бѣшеной тройкой лихихъ киргизскихъ аргамаковъ. Вотъ эту-то Настю Кривскій и зарылъ живою въ могилу. Поступокъ, конечно, возмутительный, но въ то, какъ теперь говорятъ, «доброе старое» время чего не сходило съ рукъ людямъ

богатымъ и со связями! Случилось это такъ. Въ одинъ изъ прекрасныхъ вешнихъ дней, устроилась холостая загородная прогулка. Общество состояло изъ адъютантовъ князя Горчакова: Армфельдта, Цурикова и Снѣссарева, чиновниковъ главнаго управленія Титова, Тимашева и Себастіани, жандармскаго офицера Циглера и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Выѣхали на прогулку на двухъ или на трехъ тройкахъ. Настя, по обыкновенію, правила тройкою Кривскаго. Совершивъ условленную проскачку въ окрестностяхъ города, общество разбило бивакъ въ тѣнистой мѣстности, прилегающей къ городскому кладбищу. Прислуга вынула привезенные запасы и началась обычная холостая маёвка. Время бѣжало быстро и весело. Вино и закуски развязали языки, молодежь дурачилась и смѣялась, каждый старался сказать что нибудь остроумное или веселое. Но вотъ рѣчь зашла о любви, и Настя похвалилась своей искренней и беззавѣтной привязанностью къ Михаилу Николаевичу.

— Хорошо, отозвался съ скептической улыбкой развеселившійся Кривскій, мы сейчасъ испытаемъ! Можешь ты умереть за меня?

— Могу, отвѣчала ничего небоявшаяся самонадѣянная казачка.

— Эй, кто тамъ есть?—обратился Михаилъ Николаевичъ къ прислугѣ:—сходить на кладбищѣ и позвать могильщиковъ!

Явились могильщики и Кривскій приказалъ: тотчасъ же вырыть могилу глубиною въ ростъ человѣка. Черезъ четверть часа могила была готова. Настѣ компанія поднесла еще стаканъ вина, дала ей послѣднее цѣлованіе и проводила ее до могилы. Тамъ ее прислуга раздѣла до бѣлья, могильщики спустили въ могилу и зарыли ее стоя. Во время закапыванія Кривскій читалъ молитвы, а хоръ пѣлъ: «со святыми упокой!» Дѣвушка все время крѣпилась и просила только оставить ей на свободѣ руки.

— Нѣтъ, отозвался на это Кривскій, ты эдакъ пожалуй сейчасъ откопаешься и убѣжишь домой!

И Настю закопали съ руками по горло. Компанія уѣхала домой. Кладбищенскій причтъ, чтобы не быть въ отвѣтѣ, тотчасъ же сообщилъ обо всемъ полиціи, и дѣвушку безъ замедленія откопали и водворили по мѣсту жительства. Но шутка эта не прошла ей даромъ. Она заболѣла и долго не могла поправиться. Но такъ какъ жалобы съ ея стороны заявлено не было, то дѣло замяли, поставивъ его на почву испытанія любви, и Кривскій никакому взысканію за то не подвергся.

Подполковникъ Шепелевъ перевелся на службу въ Западную Си-

бирь послѣ Венгерской компаніи. Это былъ человѣкъ бойкій, статный, видный и очень не глупый. Своей разносторонней услужливостью и расторопностью, онъ сумѣлъ вскорѣ послѣ прибытія въ край понравиться начальству и его сдѣлали омскимъ полиціймейстеромъ. Отличительной чертой его характера была любовь къ прекрасному полу, но не своего круга, а болѣе простаго и доступнаго. Онъ ни чѣмъ не брезговалъ, была бы только женщина молодая и красивая. Большой контингентъ такихъ женщинъ находился за городомъ, въ пригородныхъ поселкахъ и слободкахъ, куда онъ, подъ видомъ личнаго высшаго полицейскаго надзора, и любилъ наѣзжать вечерами. Въ одно изъ такихъ посѣщеній какой то городской окраины, у извѣстной въ то время молодой вдовушки-казачки, онъ столкнулся съ юнкеромъ-линейцомъ (такъ называли лицъ, служившихъ въ линейныхъ батальонахъ) Шульгинымъ. Вышло недоразумѣніе, произошелъ споръ, и когда юнкеръ, пользовавшійся благорасположеніемъ добродѣтельной хозяйки, не пожелалъ уступить занятаго имъ прежде полиціймейстера поста, его удалили сопровождавшіе всюду подподковника Шепелева конные казаки, а про дерзости его возраженій было потомъ доведено до свѣдѣнія ближайшаго его начальства.

Случай этотъ, самый обыденный въ то, чреватое всякими нелѣпостями, время, обозлилъ всю юнкерскую команду, считавшую какъ бы своимъ правомъ на завоеваніе и исключительное обладаніе любвеобильными сердцами юныхъ казачекъ и слобожанокъ. Наиболѣе мужественные юнкера, въ числѣ десяти человѣкъ, (въ томъ числѣ и два «морячка») приняли близко къ сердцу обиду товарища и рѣшились проучить ловеласа-полиціймейстера. И вотъ въ какую своеобразную форму вылилась эта отчаянная затѣя ревнивыхъ «мальчишекъ». Въ одну темную осеннюю ночь, и довольно уже поздно, возвращался подполковникъ Шепелевъ домой изъ обычной поѣздки въ мѣста злачныя. Ѣхалъ онъ на знаменитыхъ полицейскихъ дрогахъ, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ конныхъ казаковъ съ нагайками. Вдругъ на одномъ изъ поворотовъ дороги, близъ рѣки Иртыша, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, онъ подвергся нападенію шайки киргизъ. Два человѣка остановили дроги, четверо стащили полиціймейстера съ дрогъ и стали его вязать, четверо другихъ сбросили на землю конвойныхъ казаковъ и скрутили имъ руки. Струсившій не на шутку полиціймейстеръ не сталъ сопротивляться вязавшимъ его людямъ, но только спросилъ ихъ: «Кто вы такіе и что вамъ отъ меня надобно?»

— А мы, бачка-тюря, всѣ киргизъ, хатымъ тащить тэбэ къ намъ въ стэпь, въ гости, айда съ нами!

— Куда? зачѣмъ? пробовалъ было протестовать бѣдный плѣнникъ. Но на всѣ его возгласы, просьбы и мольбы, киргизы не обращали ни малѣйшаго вниманія, положили его связаннаго по рукамъ и по ногамъ на его же дроги и отвезли на берегъ р. Иртыша, гдѣ ихъ ожидала заранѣе приготовленная лодка, посадили его въ лодку, перевезли на другой берегъ и, отведя нѣсколько верстъ въ сторону, бросили въ камышахъ. Тамъ его на другой день утромъ нашли гнавшіе въ Омскъ табунъ овецъ киргизы-пастухи и доставили въ городъ. Казаки же и кучеръ со связанными назадъ руками, по увозѣ полиціймейстера за р. Иртышъ, были отпущены и прибывъ въ городъ, сдѣлали тревогу. Но событіе это, надѣлавшее было въ началѣ много шуму, было потомъ такъ же, какъ безумная выходка Кривскаго, замято. Дѣлать изъ него casus belli, начальство не пожелало, такъ какъ до свѣдѣнія его дошло, что все это дѣло ничто иное какъ амурные счеты г. полиціймейстера со своими ревнивыми соперниками, переодѣвшимся въ киргизское платье. Такъ оно и кануло въ вѣчность. Но подполковникъ Шепелевъ недолго послѣ этого случая оставался въ должности омскаго полиціймейстера, его перевели въ г. Семипалатинскъ.

Но если общественная жизнь не была развита въ Омскѣ,—доносы на дѣйствія начальства имѣли въ немъ громадное примѣненіе. Не было учрежденія, на которое бы кто нибудь не доносилъ или не жаловался. Даже докторъ Троицкій и тотъ долженъ былъ испытать на себѣ всѣ непріятности подобной эпидеміи. Одинъ изъ его помощниковъ ординаторъ Крыжановскій, сдѣлалъ на него доносъ въ Петербургъ, что онъ оказываетъ слишкомъ большое снисхожденіе и потворство политическимъ арестантамъ. Вслѣдствіе этого было прислано особое лицо для разслѣдованія, и омскому начальству не мало стоило трудовъ, чтобы замять дѣло, сильно раздутое доносчикомъ. Но при всемъ томъ, что докторъ Троицкій не былъ признанъ виновнымъ, ему объявили строгій выговоръ, а доносчика только перевели изъ Омска въ другой госпиталь, расположенный гдѣ-то на пограничной линіи.

Разслѣдованіе это, однако-жъ, не обошлось безъ курьезовъ. Присланный изъ Тобольска для производства слѣдствія, совѣтникъ уголовной палаты баронъ Шиллингъ принялся за дѣло горячо, держалъ себя авторитетно и отъ знакомствъ съ омскимъ обще-

ствомъ сторонился. Это, конечно, не могло понравиться мѣстнымъ властямъ, они приняли противъ него свои мѣры, и бѣдный слѣдователь къ раскрытію истины надлежащаго содѣйствія не получилъ. Спрошенные имъ, по указанію ординатора Крыжановскаго, свидѣтели не подтвердили сдѣланныхъ доносчикомъ заявленій. Политическіе арестанты, при допросѣ ихъ, давали такіе уклончивые иносказательные отвѣты, что слѣдователь становился втупикъ и только бранился. Такъ Ѳ. М. Достоевскій, на сдѣланный ему слѣдователемъ вопросъ: не писалъ ли онъ чего либо въ острогѣ, или когда находился въ госпиталѣ?—отвѣтилъ:

— Ничего не писалъ и не пишу, но матеріалы для будущихъ писаній собираю.

— Гдѣ же матеріалы эти находятся?

— У меня въ головѣ.

С. Ѳ. Дуровъ, на тотъ же вопросъ отвѣчалъ:

— Зачѣмъ писать, когда мы, поэты, можемъ пѣть!.. пѣть пріятнѣй, чѣмъ писать...

Поляки смиренничали поіезуитски, но отвѣтъ держали въ унисонъ съ русскими. Мальчевскій сказалъ:

— Нѣхъ бендзе похваленъ Езусъ Христусъ!... якъ не писать, пишемъ, пане, пишемъ вписткце наши жалобы и утѣсненя, тылько пишемъ, пане, не на папирусѣ, а въ сердцѣ кровію... Венце-жъ ницъ не пишемъ.

Жуковскій же долго молчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями что-то открыть, потомъ вдругъ заплакалъ и тихо проговорилъ:

— Нѣтъ, мы нечего не пишемъ, мы только молимся, а пишутъ за насъ ангелы Божіи въ небесахъ...

Слѣдователь, видя неудачу, рѣшился на крайнюю мѣру—произвести обыскъ въ острогѣ. Онъ написалъ объ этомъ коменданту, и острогъ подвергся внезапному осмотру. Но арестантовъ предупредили подъ рукою заблаговременно, и они къ посѣщенію начальства приготовились. Все запрещенное было ими удалено и припрятано внѣ острога, кромѣ нѣсколькихъ вещицъ, оставленныхъ подъ нарами и въ другихъ мѣстахъ, для смѣха надъ начальствомъ и потѣхи. Въ назначенное время, вмѣстѣ со слѣдователемъ, прибыли въ острогъ комендантъ, плацъ-майоръ и острожное начальство. Арестанты подъ конвоемъ были выведены изъ камеръ и поставлены во фронтъ на дворикѣ острога; всѣ же занимаемыя ими помѣщенія строжайше обысканы. Трофеями обыска оказались: банка

помады, флаконъ одеколона, рваная женская юбка, чулки и дѣтскій нагрудничекъ. Но самой неожиданной находкой было нѣсколько писанныхъ листковъ почтовой бумаги. Комендантъ и слѣдователь одновременно протянули къ нимъ руки и, когда прочитали ихъ, оба расхохотались. На листкахъ написано было, въ видѣ молитвы, заклинаніе отъ сатаны, исшедшаго изъ преисподней на землю, въ образѣ изверга—плацъ-майора Кривцова. Нужно ли говорить: какую обильную пищу далъ этотъ грозный обыскъ для смѣха омскому обществу!

Но корпусному командиру было не до смѣху: въ Омскѣ стали ходить слухи, что онъ очень измѣнился какъ въ своихъ пріемахъ, такъ и въ обращеніи. Въ немъ стали замѣчать какую-то, несвойственную ему прежде, нервность. Онъ скучалъ и хандрилъ, и почти совсѣмъ изолировался отъ мѣстнаго общества. Комендантша въ своемъ кружкѣ подъ секретомъ говорила, что князь пьетъ нофельдфебельски, а Бальбина Гавриловна, напротивъ того, пресерьезно увѣряла, что онъ хочетъ жениться на своей фавориткѣ, но что этого ему, къ сожалѣнію, сдѣлать будто бы нельзя. Но такъ или иначе, а князю Петру Дмитріевичу дѣйствительно какъ будто не везло. То онъ имѣлъ непріятности съ командирами казачьихъ частей Пахомовымъ и Симоновымъ: одинъ отказался осмотрѣть подсѣды на ногахъ собственныхъ его лошадей, другой не продалъ ему понравившейся на бѣгу кобылы. То онъ, при объѣздѣ края, въ степи подвергся смертельной опасности, будучи ужаленъ тарантуломъ, отъ гибельныхъ послѣдствій которой спасли его какимъ-то киргизскимъ снадобьемъ. Бальбина Гавриловна, по секрету, передавала, что князя укусила не гадина, а его фаворитка; фаворитка же всѣмъ и каждому разсказывала, что корпуснаго командира ужалилъ смертельно не тарантулъ, а его дежурный штабъ-офицеръ. Дѣйствительно произошло что-то таинственное: князь Горчаковъ заскучалъ, заскучалъ и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ и назадъ въ Омскъ не вернулся. Говорили, что его вызвали изъ края вслѣдствіе какихъ-то серьезныхъ жалобъ на его управленіе. Такъ ли это—никто не зналъ, но только новымъ корпуснымъ командиромъ и генералъ-губернаторомъ Западной Сибири былъ назначенъ генералъ Гасфортъ, а для ревизіи дѣлъ управленій присланъ, по высочайшему повелѣнію, съ особыми полномочіями генералъ-отъ-инфантеріи Шлиппенбахъ, съ цѣлой свитой чиновниковъ-законниковъ. Началась встряска, какъ всегда

бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и нѣкоторымъ омскихъ дѣятелямъ не посчастливилось: полковникъ Мартенъ, корпусный докторъ Залуговскій, генералъ Шраммъ, генералъ Клейстъ, князь Шаховской, наказной атаманъ Воробьевъ и нѣкоторыя другія лица должны были оставить занимаемыя ими должности, а знаменитый «человѣкъ-звѣрь», плацъ-майоръ Кривцовъ, былъ уволенъ отъ службы и преданъ суду.

Новый корпусный командиръ не замедлилъ пожаловать въ Омскъ. Это былъ ученый генералъ, не въ смыслѣ нашихъ вообще военноученыхъ, оканчивающихъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба, но особенно ученый, учившійся у насъ и за границею въ нѣсколькихъ университетахъ и академіяхъ и имѣвшій до пяти докторскихъ дипломовъ по разнымъ сферамъ наукъ. Человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, но, какъ студентъ, весьма гуманный, мягкій и обходительный, онъ не принадлежалъ къ типу громовержцевъ и всей своей фигурой, голосомъ и манерами походилъ скорѣе на профессора, нежели на строеваго генерала-фронтовика. Во время проѣзда изъ Петербурга въ Омскъ онъ останавливался въ Перми и тамъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Львовой. Молодая супруга его пріѣхала вмѣстѣ съ нимъ и оказалась особой очень симпатичной, милой и къ нуждамъ бѣдныхъ и обездоленныхъ классовъ внимательной. Генералъ-губернаторскій дворецъ оживился, но почтенная «молодая чета», по своей скромности и безпритязательности, представляла собою самый разительный контрастъ смѣненному правителю и вскорѣ пріобрѣла всеобщую любовь и уваженіе.

Послѣ долго тянувшихся оффиціальныхъ пріемовъ служащаго персонала и знакомствъ съ лицами высшихъ сферъ города, смотровъ войскъ и посѣщеній разныхъ учрежденій, генералъ Гасфортъ потребовалъ къ себѣ и «морячковъ». Онъ принялъ ихъ запросто, участливо и сердечно, съ каждымъ говорилъ, каждаго опросилъ, каждаго выслушалъ и, отпуская ихъ, сказалъ, что въ Петербургѣ довольны ихъ службой и поведеніемъ, и что они могутъ разсчитывать на его покровительство, если они не будутъ терять драгоцѣннаго времени даромъ и не постараются дополнить своего образованія, такъ какъ оно необходимо не только въ военной службѣ, но и вездѣ, какой бы путь въ жизни они впослѣдствіи себѣ ни избрали. Рѣчь эту онъ закончилъ словами: «прощайте, господа, помните, что каждый шагъ вашъ мнѣ будетъ извѣстенъ, и не думайте, что это—фраза, я даю вамъ въ томъ слово, и слово свое

исполню». Супруга его присутствовала при пріемѣ, и хотя ничего не говорила, но поклономъ и улыбкой какъ будто подтвердила сказанное ея мужемъ.

На мѣсто полковника Мартена генералъ Гасфортъ привезъ съ собой майора Колычева, человѣка молодого, простого и услужливаго. Съ нимъ пріѣхала его жена и племянница, особа замѣчательно красивая и умная (вышедшая впослѣдствіи замужъ за Львова, родственника супруги генералъ-губернатора). Но это не мѣшало новому дежурному штабъ-офицеру быть любителемъ прекраснаго пола, которымъ онъ занимался болѣе, чѣмъ дѣлами, и поэтому роли своего предшественника онъ не только не игралъ, но, въ отношеніи вліянія, значительно уступалъ нѣкоторымъ адъютантамъ, какъ напримѣръ, Колпаковскому или Соловцову, пріобрѣвшимъ у новаго корпуснаго командира большое значеніе. Иванъ Ивановичъ Троицкій былъ назначенъ корпуснымъ штабъ-докторомъ, на мѣсто Залуговскаго, и считался въ генералъ-губернаторскомъ домѣ своимъ человѣкомъ. Необходимо замѣтить, что этотъ, топоромъ срубленный и лыкомъ сшитый, человѣкъ дѣйствительно вполнѣ достоинъ былъ порученнаго ему мѣста. Онъ началъ службу ординаторомъ въ одномъ изъ госпитателей новгородскаго военнаго поселенія (кажется, въ Старой Руссѣ) и во время бунта поселянъ, въ 1831 году, избѣжалъ смерти по любви къ нему подчиненныхъ солдатъ: онъ переодѣлся въ солдатское платье и три дня исполнялъ, вмѣстѣ съ нижними чинами, обязанности госпитальнаго служителя. Затѣмъ, перейдя на службу въ Западную Сибирь, онъ достигъ высокаго положенія корпуснаго штабъ-доктора, благодаря своимъ заботамъ, попечительности и гуманному отношенію ко всѣмъ больнымъ безъ исключенія, начиная съ высшаго начальства и кончая послѣднимъ-арестантомъ-преступникомъ. Доброта его доходила до того, что тѣмъ же самымъ поселянамъ, которые искали его смерти въ 1831 году и, по отбытіи наказанія, были сосланы въ Сибирь, онъ платилъ при первой къ тому возможности облегченіемъ ихъ участи и посильной помощью. Директоромъ сибирскаго кадетскаго корпуса, на мѣсто генерала Шрамма, былъ назначенъ генералъ-маіоръ Павловскій. Вся его прежняя служба принадлежала воспитанію дѣтей, онъ много лѣтъ инспекторствовалъ въ одномъ изъ столичныхъ кадетскихъ корпусовъ, но замѣнить своего предшественника, котораго и кадеты, и весь служебный персоналъ любили за доброту души, мягкій и незлобивый характеръ, къ сожалѣнію, не могъ. Недоволь-

ство существовавшими порядками и строгость съ первыхъ же дней создали ему много затрудненій, и онъ, не смотря на свою пунктуальность, опытность и педантичность, надлежащаго престижа не достигъ и продержался не долго. Говорили, что подобному исходу будто бы много способствовала неудачная женитьба генерала на особѣ низшаго сословія. Но это было дѣло второстепенное, а вся суть заключалась въ томъ, что образъ служебныхъ дѣйствій новаго директора корпуса не соотвѣтствовалъ гуманнымъ воззрѣніямъ генерала Гасфорта.

Вмѣстѣ съ перемѣнами въ личномъ составѣ высшаго управленія на омскомъ горизонтѣ совершенно неожиданно появилась «Салтанетка» (или Салтанъ-Анетка). Извѣстный кавказскій герой, генералъ Пассекъ, при разгромѣ одной изъ шамилевскихъ резиденцій, захватилъ въ плѣнъ племянницу Шамиля, маленькую дѣвочку Салтанету, которую и переслалъ къ своему брату Владиміру Пассеку, служившему въ Сибири инженеромъ. Тотъ ее принялъ, крестилъ съ именемъ Анны и воспиталъ; а когда дѣвочка выросла, то и выдалъ замужъ за какого-то мелкаго чиновника. Салтанета не ужилась съ нимъ, ушла и гдѣ-то скрылась. Вернулась она въ Омскъ въ свитѣ молодой супруги генералъ-губернатора, не то лекторшей, не то камеристской, но только долго при генеральшѣ не продержалась, оставила службу и зажила вольной горской жизнію. Она не была хороша собой, но въ ней было что-то дьявольское, забиравшее людей въ лапы помимо ихъ воли. Не было въ Омскѣ молодца-красавца, который бы не позарился на «Салтанетку». Но она, какъ родственница великаго имама, предпочитала старшинъ и отцовъ города, людей съ положеніемъ и вѣсомъ, отъ которыхъ можно было ждать великія и богатыя милости, и которые уходили отъ нея всѣ искусанные и исцарапанные до крови. Наибольшимъ вниманіемъ дарилъ ее новый дежурный штабъ-офицеръ, а ея наибольшей благосклонностью, напротивъ, пользовался одинъ изъ «морячковъ»—красавецъ, бывшій подъ особой протекціей сперва генеральши Клейстъ и княгини Шаховской, а потомъ супруги адъютанта Снѣссарева. На «Салтанеткѣ» столкнулись двѣ силы: сила власти и сила юности, ловкости и красоты; но побѣда осталась за первой: юноша былъ удаленъ изъ Омска.

Изъ числа «морячковъ», по ходатайству ихъ родственниковъ въ Петербургѣ, въ это время были переведены: баронъ фонъ-Геллесемъ—въ войска кавказскаго корпуса и Калугинъ—въ войска

6-го пѣхотнаго корпуса, откуда онъ въ Крымскую войну перешелъ въ одинъ изъ черноморскихъ флотскихъ экипажей, ходилъ во время осады Севастополя на вылазки съ знаменитымъ удальцомъ, лейтенантомъ Бирюлевымъ, и за отличіе награжденъ знакомъ ордена св. Георгія. Брылкинъ же перемѣщенъ изъ 6 го въ 3-й сибирскій линейный батальонъ, расположенный въ Петропавловскѣ, и зачисленъ въ роту, квартировавшую въ укр. Кокчетавѣ.

Въ зиму 1853—1854 годовъ С. Ѳ. Дуровъ и Ѳ. М. Достоевскій окончили срокъ пребыванія въ каторгѣ и выпущены рядовыми въ сибирскіе линейные батальоны: первый—въ 3-й (въ Петропавловскѣ), а послѣдній—въ 7-й (въ Семипалатинскѣ). Сергѣй Ѳедоровичъ былъ зачисленъ въ ту же роту, гдѣ находился и Брылкинъ, и поселился съ нимъ вмѣстѣ. Это дѣйствительно былъ, какъ писалъ Достоевскій, «полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой» человѣкъ, или, лучше сказать, развалина, вмѣщавшая въ себѣ всевозможныя болѣзни и недуги. Ему не было еще и 40 лѣтъ, но онъ не могъ двигаться безъ посторонней помощи, не могъ по утрамъ достать со столика лежащей на немъ табакерки съ табакомъ, не могъ одной рукой поднести къ носу понюшки табаку: нужно было, чтобы другая рука помогла дотянуться ей до носу. Эту руину мѣстный врачъ, И. Ф. Зюковъ, подвергъ гидропатическому лѣченію и, начавъ лѣченье въ маѣ и окончивъ въ августѣ, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ его паціентъ совершалъ уже пѣшеходныя прогулки на разстояніи пяти и болѣе верстъ, поднимался на гору и спускался въ ложбины, гдѣ онъ собиралъ въ свои ботаническія коллекціи разныя травы и злаки сибирской флоры. О жизни этой мы распространяться не будемъ, скажемъ только, что Сергѣй Ѳедоровичъ, благодаря заботамъ и уходу доктора Зюкова, въ здоровьѣ поправился и, когда вышло ему прощеніе, въ іюлѣ 1856 года, выѣхалъ на жительство въ Одессу.

Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», за 1892 годъ, появились «Воспоминанія» А. Иванова, который разсказываетъ, что Ѳ. М. Достоевскій, находясь въ 1855 году въ г. Семипалатинскѣ рядовымъ, написалъ на смерть государя императора Николая Павловича стихотвореніе и просилъ инспектировавшаго въ то время 7-й линейный батальонъ дивизіоннаго генерала Дометти представить его, чрезъ корпуснаго командира, вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Стихи эти были представлены генералу Гасфорту (котораго г. Ивановъ обозвалъ ретроградомъ и энциклопе-

дистомъ въ смыслѣ архивнаго склада отрывочныхъ научныхъ знаній); но онъ будто бы отвѣтилъ генералу Дометти, что стихотворство—не солдатское дѣло, что не слѣдуетъ поощрять этого пустомельства, и назвалъ литературу—зломъ, а литераторовъ—злодѣями. Въ заключеніе авторъ «Воспоминаній» восклицаетъ: «были ли представлены эти стихи Гасфортомъ согласно просьбѣ автора, не извѣстно». Въ интересахъ истины, необходимо сказать нѣсколько словъ въ защиту генерала Гасфорта. Очевидно, г. Ивановъ не зналъ его лично, или не составилъ о немъ надлежащаго представленія, иначе онъ не позволилъ бы себѣ такъ отзываться о немъ. Очень можетъ быть, что онъ, какъ высшая власть въ краѣ, высказалъ генералу Дометти свой принципіальный взглядъ на значеніе солдата, находя, что стихотворство не его дѣло и что поощрять этого не слѣдуетъ. Можетъ быть, онъ высказалъ даже общій, по тому времени, руководящій взглядъ высшихъ петербургскихъ сферъ на солдатское развитіе. Это—дѣло возможное. Но договориться до того, чтобы назвать литературу—зломъ, а литераторовъ—злодѣями, онъ уже никакъ не могъ, во-первыхъ, потому, что это былъ не ретроградъ, а передовой, высокообразованный и гуманный человѣкъ, ставившій на первомъ планѣ въ жизни науку и литературу, а, во-вторыхъ, потому, что и самъ любилъ и высоко цѣнилъ поэзію и музыку. Что же касается стиховъ Ѳ. М. Достоевскаго, то они, по словамъ И. И. Троицкаго, произвели глубокое впечатлѣніе на генералъ-губернаторскую чету и въ то же время представлены генераломъ Гасфортомъ военному министру. Говорилъ это онъ С. Ѳ. Дурову лѣтомъ 1855 года, когда пріѣзжалъ въ Кокчетавъ для ревизіи госпитальной части, и упрекалъ его при этомъ: почему онъ не написалъ такихъ же стиховъ, такъ какъ онъ владѣлъ стихомъ лучше, чѣмъ Достоевскій.

Служба генерала Гасфорта, съ теченіемъ времени, становилась все болѣе и болѣе тихою. Онъ нашелъ во второмъ своемъ супружествѣ—Капую, и выхода ему изъ нея не было. Характеръ его измѣнился, онъ сдѣлался еще болѣе серьезенъ и сосредоточенъ, и все свободное отъ дѣлъ время проводилъ съ молодой женой, которая, говорили, была недурная поэтесса и музыкантша. Онъ даже бралъ ее съ собою, когда совершалъ объѣзды войскъ, расположенныхъ въ степи, или посѣщалъ пограничныя казачьи поселенія, и она помогала ему дѣлать добро. Такъ бѣжало время. Главный начальникъ Западной Сибири не былъ грозой для войскъ и метлой

для внутренняго управленія, и нѣкоторые изъ наиболѣе рьяныхъ фронтовиковъ и дѣловиковъ генераловъ обратили на это его вниманіе, но онъ отвѣтилъ имъ: «Гасфортъ—не Горчаковъ, принципы Гасфорта—наука и добро, переучиваться ему—поздно, и потому онъ до конца своей дѣятельности останется Гасфортомъ». Такимъ образомъ, гуманитарные принципы были провозглашены, наука и добро торжествовали, но за всѣмъ тѣмъ «генералъ-буршу», какъ звали Гасфорта мѣстные остряки, не долго пришлось оставаться въ Сибири. Сознавая, что тихая семейная жизнь наиболѣе соотвѣтствуетъ его возрасту и основнымъ принципамъ жизни, онъ сталъ просить позволенія удалиться на покой, и просьба его была уважена.

Его смѣнилъ начальникъ 24 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Дометти, но этой эпохи мы уже не коснемся. Въ 1856 году «морячки» произведены въ офицеры: Брылкинъ—въ 3-й, Левшинъ—въ 4-й, князь Хованскій—въ 5-й и Лихаревъ—въ 6-й Сибирскіе линейные батальоны, вслѣдъ за тѣмъ одни изъ нихъ перешли на службу внутрь Россіи, а другіе вышли въ отставку и возвратились въ Петербургъ.

Брылкинъ вышелъ въ отставку, и въ 1860 году лѣтомъ имѣлъ случай встрѣтиться съ его императорскимъ высочествомъ, государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Находясь на службѣ въ обществѣ «Кавказъ и Меркурій» и состоя капитаномъ одного изъ волжскихъ его пароходовъ, онъ въ концѣ іюня пріѣхалъ по дѣламъ въ Петербургъ и въ одинъ изъ праздничныхъ дней, съ родственниками своей жены, отправился въ Павловскъ послушать музыку. На Брылкинѣ была надѣта русская, на выпускъ, канаусовая, бѣлаго цвѣта, съ косымъ воротомъ, рубашка, синіе канаусовые штаны, забранные въ высокіе лакированные сапоги, поверхъ рубашки черная бархатная безрукавка и на головѣ—форменная фуражка коммерческаго флота съ кокардой и металлическимъ надъ ней якоремъ. (Моду на русскій костюмъ тогда пропагандировали извѣстные дѣятели молодой Россіи: Левъ Камбекъ, Калиновскій и др.). Погулявъ въ паркѣ и проходя затѣмъ къ эстрадѣ, гдѣ играетъ музыка, Брылкинъ и компанія увидѣли стоящій на площадкѣ, запряженный парою лошадей въ шорахъ, кабріолетъ и въ немъ августѣйшаго хозяина Павловска и его супругу, окруженныхъ толпой лицъ высшаго общества, офицеровъ и моряковъ, съ которыми они изволили милостиво разговаривать.

Отдавъ ихъ высочествамъ честь по уставу, Брылкинъ и компанія пошли вправо къ фонтану, но не успѣли они сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ ихъ догналъ адъютантъ великаго князя, князь Ухтомскій, и передалъ Брылкину, что его высочество изволилъ изъявить желаніе говорить съ нимъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился великій князь Константинъ Николаевичъ съ вопросомъ къ подошедшему къ нему капитану коммерческаго судна:—какая на васъ форма?

— Это—русскій костюмъ, ваше императорское высочество, соединенный съ головнымъ уборомъ коммерческаго флота,—отвѣчалъ капитанъ.

— Ну, а сами вы служите?

— Такъ, точно, ваше высочество, я состою командиромъ одного изъ судовъ коммерческаго флота въ обществѣ «Кавказъ и Меркурій».

— Сколько мнѣ помнится, ему дана форма: открытый сюртукъ съ якорями на отложномъ воротникѣ, да что еще?—обратился великій князь къ адъютанту:—кажется, жгуты на плечи?

— Точно такъ, ваше высочество,—поспѣшилъ отвѣтить Брылкинъ:—вмѣсто эполетъ—жгуты, а оружіе—кортикъ.

— Да, да!.. а вы изволили соригинальничать?!.. И дѣйствительно вышло красиво... а все-таки я бы вамъ совѣтовалъ: къ утвержденной формѣ относиться строже. Кстати, скажите мнѣ и фамилію вашу?

Брылкинъ, ваше императорское высочество.

— Морякъ?

— Точно такъ, ваше императорское высочество.

— Отчего не во флотѣ?

— Имѣлъ несчастіе, ваше высочество, потерять право на продолженіе службы во флотѣ.

— Ну, я не спрашиваю: почему? все же служили?

— Служилъ, ваше высочество, но не въ строю флота.

— Какого вы выпуска?

— 1849—1850 годовъ, ваше императорское высочество.

— А!.. помню!.. очень радъ васъ видѣть.

И его высочество милостивымъ поклономъ отпустилъ «морячка», къ слову сказать, не безъ сердечнаго волненія отвѣчавшаго на вопросы августѣйшаго генералъ-адмирала.

ИЗЪ ЗАПАСА ПАМЯТИ.

Императоръ Николай I на пароходѣ «Камчатка».

ВЪ ОДНУ изъ поѣздокъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ Кронштадтъ, государь императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ стоявшій на рейдѣ пароходъ «Камчатку». Это было одно изъ первыхъ нашихъ паровыхъ судовъ. Пароходомъ командовалъ капитанъ 1 ранга (впослѣдствіи адмиралъ) Шанцъ. Государь осмотрѣлъ судно и состояніемъ его былъ очень доволенъ. Во время осмотра наступилъ полдень, т. е. время, когда подается сигналъ къ обѣду и питью водки, и командиръ судна обратился къ Государю съ вопросомъ.

— Не соизволите ли, ваше императорское величество, разрѣшить рынду бить, стклянки ворочать, къ водкѣ свистать,—полдень наступилъ?

— Дѣлай, что нужно, отвѣчалъ Николай Павловичъ милостиво.

Дали команду, засвисталъ свистокъ, закипѣла передобѣденная работа, на палубу вынесли пробу пищи, чарку водки и хлѣбъ, Государь отвѣдалъ пищу, отломилъ кусочекъ хлѣба и скушалъ, а остатокъ ломтя бросилъ находившейся тутъ же капитанской собакѣ. Водолазъ понюхалъ хлѣбъ, но ѣсть не сталъ.

— Вишь ты, какая балованная! разсмѣялся Николай Павловичъ, потрепавъ собаку рукой по головѣ, хлѣба не ѣстъ!..

— Мой собакъ умный, ваше императорское величество, отвѣчалъ на это капитанъ Шанцъ, желая похвалить собаку, онъ черный хлѣбъ не кушаетъ.

Государь посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ, повернулся и пошолъ къ трапу [1]).

---

[1]) Записано со словъ бывшаго тогда гардемариномъ, а впослѣдствіи подпоручика Павла Александровича Брылкина.

Государь цесаревичъ Александръ Николаевичъ и кадеты I кадетскаго корпуса.

Государь императоръ Александръ Николаевичъ, въ бытность свою наслѣдникомъ цесаревичемъ, получилъ фронтовое образованіе въ строю I кадетскаго корпуса. Вотъ что разсказывалъ намъ полковникъ Иванъ Васильевичъ Шипиловъ, бывшій въ то время кадетомъ этого корпуса, о нахожденіи его высочества среди кадетъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Въ концѣ мая или началѣ іюня 1831 года, всѣ военно-учебныя заведенія выступили въ кадетскій лагерь въ Петергофѣ. I кадетскій корпусъ, дойдя до Московской заставы, былъ остановленъ и чрезъ нѣсколько минутъ удостоился принять въ составъ 1-ой гренадерской роты, пріѣхавшаго туда со своимъ воспитателемъ генераломъ Мердеромъ, государя наслѣдника цесаревича. Онъ былъ одѣтъ, какъ всѣ кадеты, въ походную кадетскую форму съ ружьемъ и занялъ мѣсто въ рядахъ младшаго (стрѣлковаго) отдѣленія роты. Въ походѣ онъ шолъ бодро и отвѣчалъ милостиво на вопросы оказавшихся съ нимъ въ сосѣдствѣ товарищей. На предложеніе нѣкорыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и разсказчика Шипилова, передать имъ для несенія ружье, его высочество первоначально отказывался, но пройдя нѣсколько верстъ и утомясь съ непривычки, отдалъ его сосѣднему кадету, отъ котораго, когда отдохнули плечи, и взялъ его обратно и несъ до Краснаго кабачка, гдѣ корпусъ встрѣтилъ государь императоръ Николай Павловичъ и увезъ уставшаго цесаревича съ собою въ колескѣ.

Во время лагернаго сбора въ Петергофѣ, Александръ Николаевичъ аккуратно являлся на всѣ кадетскія экзерциціи и ученья, старательно изучалъ фронтовую службу, и считался добрымъ сотоварищемъ и хорошимъ кадетомъ. По окончаніи ученья, его высочество постоянно обѣдалъ съ кадетами за лагернымъ столомъ, куда пріѣзжали также воспитывавшіеся вмѣстѣ съ нимъ товарищи: Мердеръ, Паткуль, графъ Віельгорскій и другіе.

Лагерная кадетская столовая была за лагерями, на лужкѣ, подъ открытымъ небомъ. Это были длинные ряды вырытыхъ изъ земли и прикрытыхъ дерномъ столовъ и скамеекъ. Кадетскія роты передъ обѣдомъ расчитывались на артели, каждая въ 6 человѣкъ. По прочтеніи молитвы, артели садились за столы въ послѣдовательномъ порядкѣ, и каждая артель ѣла изъ одной общей деревянной чашки, казенными круглыми деревянными ложками. Пища въ то время была самая простая: кислые щи съ рубленою въ крошку говядиною, горохъ, каша гречневая или пшенная съ масломъ, пироги и квасъ. Государь наслѣдникъ цесаревичъ обѣдалъ обыкновенно съ пріѣзжавшими къ нему товарищами и тѣми кадетами, которымъ, по расчету, выпадало счастье попасть въ артель его высочества. Обычное мѣсто его артели было на самомъ концѣ лѣваго фланга роты. Никакихъ особенностей ни въ обстановкѣ стола, ни въ приготовленіи пищи для царственнаго юноши дѣлаемо не было, онъ подчинялся тѣмъ же правиламъ, какъ и всѣ прочіе кадеты. Это его болѣе всего радовало, онъ съ удовольствіемъ шолъ къ кадетскому столу и ѣлъ все, что подавали, съ аппетитомъ и ничѣмъ не брезгуя. Кадеты не разъ дѣлились съ нимъ своими долями пирога и онъ никогда не отказывался раздѣлить съ ними ихъ порцію, отламывалъ по кусочку и съѣдалъ, а однажды даже одинъ пирожокъ и увезъ съ собою въ подарокъ матери. Ему понравилась кадетская тюря. Это было блюдо собственно кадетскаго приготовленія. Когда подавался вареный горохъ, кадеты крошили въ чашку съ горохомъ хлѣбъ до густоты, разминали его съ горохомъ и посылали въ кухню «помаслить», т. е. положить въ оставленное посерединѣ углубленіе масло, которое, по возвращеніи чашки изъ кухни, размѣшивалось и тюря была готова.

Однажды, во время приготовленія такой тюри для цесаревича, лагерную столовую посѣтилъ государь императоръ Николай Павловичъ со своей супругой, государыней императрицей Александрой Ѳеодоровной. Остановивъ экипажъ противъ стола, гдѣ обѣдалъ со своей артелью наслѣдникъ цесаревичъ, онъ спросилъ его:

— Саша, ты что ѣшь?

— Тюрю, ваше императорское величество, отвѣчалъ Александръ Николаевичъ.

— Что это за блюдо? дай мнѣ попробовать!

— Сію минуту! и наслѣдникъ хотѣлъ было вскочить и по-

дать чашку, но начальство корпуса предупредило его и подало его величеству пресловутое кадетское «самокроше».

Николай Павловичъ посмотрѣлъ въ чашку, взялъ немного тюри на ложку, откушалъ, посмаковалъ и похвалилъ, съѣлъ еще ложку и другую, и предложилъ попробовать императрицѣ. Государыня отвѣдала немного и поморщилась.

— Что, не нравится? разсмѣялся государь, а по мнѣ хорошо! Кушайте, дѣти, на здоровье! обратился Николай Павловичъ къ кадетамъ и поѣхалъ далѣе.

По окончаніи обѣда кадеты вставали изъ за стола, и прочитавъ молитву, расходились по палаткамъ, а наслѣдникъ цесаревичъ уѣзжалъ въ Петергофъ.

Необходимо замѣтить, что деревянныя ложки, которыми кушалъ цесаревичъ, постоянно уносились кадетами съ собою и сберегались какъ нѣчто священное. Не успѣвалъ Александръ Николаевичъ встать изъ-за стола, какъ кадеты толпою бросались за ложкой и она становилась предметомъ пререканій и ссоръ между кадетами. Увидя это однажды, цесаревичъ возвратился къ столу, взялъ другую ложку, отвѣдалъ ею оставшагося кушанья и вручилъ ее лично тому кадету, который всѣхъ сильнѣе добивался овладѣть первою ложкою,

— Ну, вотъ и тебѣ ложка! сказалъ онъ при этомъ кадету, и кадетъ переслалъ эту ложку къ родителямъ, какъ драгоцѣнность, для храненія, и самъ впослѣдствіи не разъ разсказывалъ товарищамъ, какъ онъ удостоенъ былъ цесаревичемъ такого дорогого подарка.

Иногда, по вечерамъ, часа за два до пробитія зари, Александръ Николаевичъ пріѣзжалъ въ лагерь для игръ съ кадетами. Играли, въ мячъ, въ чехарду и другія игры. Играя однажды въ чехарду, одинъ великовозрастный неловкій кадетъ не могъ перескочить чрезъ великаго князя цесаревича, когда тотъ сталъ въ свою очередь нагнувшись, и сѣлъ ему на шею.

— Какой же ты неловкій! сказалъ ему цесаревичъ, ну, становись за то, я буду скакать.

И онъ разбѣжался, прыгнулъ, но перескочить не могъ и остался у него на плечахъ.

— А, сказалъ тогда кадетъ, и вы, ваше императорское высочество, не особенно ловки. За то неугодно ли будетъ вамъ прогуляться со мною. И онъ поднялъ сидѣвшаго у него на плечахъ цесаревича и побѣжалъ съ нимъ вдоль луга. Толпа кадетъ съ кри-

комъ бросилась за ними, и Александръ Николаевичъ былъ очень доволенъ.

Въ другой разъ кадеты человѣкъ 6—7, сговорившись, увлекли наслѣдника цесаревича въ сосѣднюю за лагеремъ деревню. Тамъ они лежали на сѣнѣ, пили молоко, ѣли творогъ и сметану, катались верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ. Когда пришло дѣло до расчета съ крестьянами, кадеты рѣшили заплатить въ складчину по расчету, но у цесаревича не оказалось въ карманѣ денегъ, и кадеты заплатили одни.

— Я вамъ завтра отдамъ, сказалъ кадетамъ Александръ Николаевичъ, но кадеты воспротивились и упросили его высочество принять все это за кадетское угощеніе.

Когда была въ кадетскомъ лагерѣ зоря съ церемоніею, пріѣзжалъ государь императоръ Николай Павловичъ съ государыней и прочими членами императорской фамиліи и увозилъ цесаревича съ собою. Въ противномъ случаѣ онъ возвращался со своимъ воспитателемъ.

Въ праздничные дни государь дѣлалъ иногда въ кадетскомъ лагерѣ разводъ съ церемоніею. На одномъ изъ такихъ разводовъ появился великій князь Константинъ Николаевичъ, (имѣвшій въ то время года 4 или 5 отъ роду), въ сопровожденіи своей няни. Онъ подошелъ къ фронту кадетъ, остановился и сталъ махать тросточкой. Николай Павловичъ замѣтилъ это, подозвалъ его къ себѣ и сказалъ ему:

— Костя, какъ же ты можешь это дѣлать, когда государь находится передъ фронтомъ? И онъ взялъ его за руку, провелъ на правый флангъ къ музыкантамъ и поставилъ рядомъ съ барабанщикомъ, игравшимъ на турецкомъ барабанѣ. Стой тутъ! приказалъ ему государь, пока не кончится разводъ. И ребенокъ, заморгавшій было, чтобы заплакать, вскинулъ глазки на отца и, видя его веселымъ и смѣющимся, улыбнулся, всталъ на мѣсто и стоялъ при барабанщикѣ до конца развода.

Въ 1832 году 1 кадетскій корпусъ праздновалъ столѣтній юбилей со времени своего учрежденія. Окончившіе курсъ кадеты, съ которыми наслѣдникъ цесаревичъ проходилъ свое строевое образованіе, были произведены въ офицеры и являлись въ Аничковскій дворецъ. Александръ Николаевичъ принялъ ихъ весьма милостиво, поздравилъ съ производствомъ, многихъ удостоилъ разговора о семейномъ и имущественномъ ихъ положеніи, совѣтовалъ быть скромными и бережливыми, и взаключеніе напутствовалъ словами:

— Помните, господа, что вы вступаете на трудный и скользкій путь жизни; будьте тверды и бодры, не падайте духомъ и блюдите строго все то, къ чему обязываетъ васъ долгъ и честь. Если же, паче чаянія, съ кѣмъ нибудь изъ васъ случится какое-либо несчастіе,—обращайтесь ко мнѣ, я васъ не забуду.

И это не были слова только: нѣкоторые кадеты совоспитанники Цесаревича, въ минуту жизни трудную, обращались къ нему за помощью и никогда отказа не было.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, государь императоръ Александръ Николаевичъ, проѣзжая какъ то по Невскому увидѣлъ отставного генералъ-майора Морковникова и позвалъ его:

— А, Морковниковъ!.. мой учитель!.. [2]) ты въ отставкѣ? почему не служишь?

— По обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить службу.

— Принеси мнѣ докладную записку, я что нибудь для тебя сдѣлаю.

Генералъ-маіоръ Морковниковъ подалъ записку чрезъ военнаго министра, и его величество всемилостивѣйше удостоилъ его пожалованія своимъ портретомъ съ собственоручной надписью, и назначилъ ему въ пособіе изъ суммъ кабинета 1000 рублей.

Императоръ Александръ II въ Эмсѣ.

Во время посѣщенія государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ Эмсѣ, въ семидесятыхъ годахъ, дяди своего, Германскаго императора Вильгельма 1-го, сидѣли они однажды вечеромъ въ курзалѣ и слушали музыку. Любопытные нѣмочки и нѣмцы цѣлыми семьями подходили къ скамьѣ, на которой сидѣли оба монарха и, почтительно раскланявшись, останавливались, стояли подолгу и внимательно разсматривали своихъ царственныхъ гостей.

Такая настойчивая любознательность обратила на себя вниманіе нашего государя и онъ шутя замѣтилъ своему августѣйшему дядѣ, что не очень пріятно сидѣть подъ упорной наблюдательностію столькихъ глазъ.

Въ это время въ вокзалѣ показался канцлеръ князь Бисмаркъ.

---

[2]) Морковниковъ обучалъ Александра Николаевича въ 1 кадетскомъ корпусѣ маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ.

Проходя мимо государей, онъ отдалъ имъ честь и направился далѣе къ оркестру.

— Ну, теперь, разсмѣялся императоръ Вильгельмъ, насъ оставятъ въ покоѣ.

— А что? спросилъ Александръ Николаевичъ.

— Теперь всѣ глаза у насъ Бисмаркъ отберетъ, пояснилъ весело Германскій императоръ [3]).

На вечерѣ въ Аничковскомъ дворцѣ.

Государь императоръ Александръ Александровичъ, будучи еще наслѣдникомъ престола, устраивалъ у себя въ Аничковскомъ дворцѣ вечернія собранія, на которыя были иногда приглашаемы пѣвцы, музыканты и артисты, для исполненія морсо, піесъ или разсказовъ. Такъ, однажды, въ семидесятыхъ годахъ, былъ приглашенъ къ его высочеству извѣстный тогда куплетистъ и разсказчикъ И. И. Монаховъ. Онъ исполнилъ передъ государемъ цесаревичемъ нѣсколько изъ лучшихъ своихъ разсказовъ - куплетовъ и шансонетокъ. Его высочество былъ очень веселъ и доволенъ. Въ особенности ему понравились куплеты «Смѣхъ», которые артистъ исполнялъ неподражаемо. Онъ попросилъ ихъ повторить. И такъ какъ у Монахова было въ запасѣ нѣсколько куплетовъ «Смѣха», неисполненныхъ передъ его высочествомъ, то «Смѣхъ» былъ исполненъ и въ третій разъ. За столомъ государь наслѣдникъ передалъ Ипполиту Ивановичу серебряную чару, на днѣ которой подъ виномъ оказались золотые полуимперіалы, и очень смѣялся, когда артистъ переконфузился и не зналъ, что съ ними дѣлать. Кончилось тѣмъ, что чара эта съ полуимперіалами (которыхъ оказалось 86) была завернута въ бумагу и передана артисту «на память», какъ выразился при этомъ Александръ Александровичъ

— Нѣтъ, ваше императорское высочество, обратился артистъ съ просьбой къ цесаревичу, если вы такъ милостивы нынче ко мнѣ, то позвольте васъ попросить пожаловать мнѣ «на память» одинъ

---

[3]) Записано со словъ бывшаго въ Эмсѣ тогда фельдъегеря, штабсъ-капитана Ларіона Тимофѣевича Сосновскаго.

серебряный рубль, которые вы, какъ говорятъ, изволите пальцами рукъ скатывать въ трубочки.

— Въ трубки не скатываю, а согнуть могу,—отвѣчалъ шутливо цесаревичъ:—и, пригласивъ Монахова въ свой кабинетъ, взялъ одинъ изъ лежавшихъ на столѣ рублей, за край большимъ и указательнымъ пальцами, нажалъ другимъ краемъ на лежавшій на столѣ, вмѣсто прессъ - папье, обрѣзокъ стального рельса и согнулъ этотъ рубль, какъ картонъ, на двѣ трети сгиба.

— Вотъ это «память»—такъ «память»! воскликнулъ артистъ, принимая изъ рукъ его высочества согнутый въ видѣ канавки рубль:—дороже всего золота!

И дѣйствительно, артистъ до самой смерти своей считалъ этотъ рубль одной изъ драгоцѣннѣйшихъ своихъ вещей [4]).

Великій князь Николай Николаевичъ и генералъ Скворцовъ.

Генералъ-фельдмаршалъ, великій князь Николай Николаевичъ (старшій) всегда интересовался служебными успѣхами лицъ, служившихъ въ полевомъ штабѣ, во время восточной войны 1877—78 годовъ. Узнавъ, что главный интендантъ, генералъ Скворцовъ, представилъ государю императору Александру Александровичу, въ декабрѣ 1884 года, докладъ объ удачныхъ заготовкахъ для войскъ провіанта и фуража, вслѣдствіе чего по интендантской смѣтѣ образовалась экономія около двухъ милліоновъ рублей, и что благостный монархъ, лично интересовавшійся состояніемъ войсковаго хозяйства, горячо благодарилъ за то интенданта,—его императорское высочество былъ очень доволенъ этимъ, и сказалъ: «я радъ, очень радъ, что наши забалканскіе скворцы, наконецъ, начинаютъ пѣть по соловьиному!..» [5]).

---

[4]) Разсказъ самого актера Ипполита Ивановича Монахова.

[5]) Записано со словъ правителя канцеляріи главнаго интендантскаго управленія, дѣйств. стат. совѣтника Павла Владиміровича Каблукова.

Графъ А. А. Аракчеевъ и ревизоръ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ с. Грузинѣ, Новгородской губерніи, извѣстной резиденціи графа А. А. Аракчеева находился провіантскій магазинъ, смотрителемъ котораго былъ въ то время губернскій секретарь Францъ Мартыновичъ Радзиковскій. Для свидѣтельства провіанта и книгъ магазина Новгородская провіантская коммисія ежемѣсячно присылала ревизора изъ числа состоявшихъ при оной особыхъ чиновниковъ. Однажды, лѣтней порой, графъ Аракчеевъ, встававшій, какъ извѣстно, утромъ рано, выйдя на прогулку, замѣтилъ, что чрезъ р. Волховъ переправляется пріѣхавшій въ тарантасѣ чиновникъ въ шинелѣ и фуражкѣ съ краснымъ околышемъ. Ревниво наблюдая за всѣмъ, что въ его резиденціи дѣлается, онъ тотчасъ послалъ узнать: кто такой пріѣхалъ и зачѣмъ? Посланный моментально слеталъ и доложилъ графу, что это провіантскій чиновникъ, пріѣхавшій изъ Новгорода для ревизіи провіантскаго магазина.

— Сказать ему, чтобы сейчасъ же убирался вонъ!—вспылилъ всемогущій временщикъ:—тамъ, гдѣ живетъ Аракчеевъ, воровства быть не можетъ.

И чиновникъ долженъ былъ возвратиться въ Новгородъ, оставивъ магазинъ не обревизованнымъ [6]).

Декабристъ Вольфъ и поручикъ Ивановъ.

Генералъ маіоръ Константинъ Ивановичъ Ивановъ, служившій въ 1870—80 годахъ въ Главномъ Инженерномъ Управленіи, имѣлъ слабость вести знакомство съ писателями, художниками, артистами и вообще съ людьми, чѣмъ либо о себѣ заявившими. Онъ былъ

---

[6]) Разсказъ Ивана Францовича Радзиковскаго, сына Ф. М. Радзиковскаго.

женатъ на дочери декабриста Анненкова. Женился онъ еще въ молодыхъ годахъ и маленькомъ чинѣ, состоя на службѣ въ Омской крѣпости. Получивъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ отправился къ ожидавшей его невѣстѣ въ г. Тобольскъ, гдѣ въ то время проживали декабристы: Муравьевъ, Басаргинъ, Завалишинъ, Вольфъ и нѣкоторые другіе. Представленный имъ, при обрученіи, будущимъ тестемъ, онъ былъ принятъ ими дружелюбно и только одинъ Вольфъ отнесся къ нему крайне сдержанно.

— Сколько вамъ лѣтъ? спросилъ онъ женіха, смотря на него сурово.

— Да ужъ болѣе четверти вѣка, отвѣчалъ развязно молодой офицеръ.

— А какъ далеко вы ушли по службѣ?

— Да вотъ уже поручикъ и состою при инженерномъ управленіи въ Омскѣ.

— Недалеко же вы, батенька, шагнули, замѣтилъ иронично декабристъ, въ ваши годы я былъ уже дивизіоннымъ штабъ-докторомъ и стоялъ подъ висилицей [7]).

Генералъ фонъ-деръ-Лауницъ.

Командиръ бывшаго отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генералъ фонъ-деръ-Лауницъ, отличавшійся необычайной строгостью и суровостью въ отношеніи требованія отъ подчиненныхъ ему войскъ исполненія служебныхъ обязанностей, сдѣлалъ свою карьеру весьма оригинальнымъ способомъ. Назначенный въ тридцатыхъ годахъ, въ чинѣ полковника командиромъ Одесскаго уланскаго полка, онъ тотчасъ прибылъ въ штабъ-квартиру полка, квартировавшаго тогда въ г. Вознесенскѣ, и произвелъ полку инспекторскій смотръ. Полкъ показался ему слабымъ въ строевомъ отношеніи и онъ остался очень недоволенъ дивизіонными и эскадронными командирами. Чтобы ознакомиться съ знаніемъ офицерами воинскаго устава и фронта, на другой день было назначено офицерское ученье. Полковой коман-

[7]) Записано со словъ самого Константина Ивановича Иванова.

диръ тщательно осматривалъ: посадку, выправку, умѣнье держаться въ сѣдлѣ, равненье, шагъ, ѣзду на рысяхъ и въ карьеръ, и все находилъ или не вполнѣ удовлетворительнымъ, или некуда негоднымъ. Сперва онъ дѣлалъ замѣчанія, поправлялъ, указывалъ, потомъ началъ выговаривать, кричалъ, что это не офицеры, а бабы въ уланскихъ папкахъ, и, наконецъ, разсвирѣпѣлъ. Пріостановивъ ученье и перестроивъ проходившіе мимо ряды во фронтъ, онъ вдругъ повернулся къ стоявшему сзади штабъ-трубачу и закричалъ: «палокъ!». Нужно было видѣть какое изумленіе выразилось на лицахъ офицеровъ, ошеломленныхъ подобнымъ приказаніемъ. Старые усачи, рубаки, отбывшіе десятки сраженій, никогда не слыхивали, чтобы на офицерскихъ ученьяхъ употреблялись палки. И ихъ лица пламенѣли, глаза метали искры и усы топорщились. Но фронтъ—святое дѣло: думай, что хочешь, но все, подъ командой «смирно!» закаменѣло и молчитъ, ни звука, ни движенія, даже лошади стоятъ смирно, не шевелятся. Командиръ полка былъ доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ, и, въ ожиданіи появленія поскакавшаго за палками на полковой дворъ штабъ-трубача, стоялъ передъ фронтомъ, и съ загадочной улыбкой сфинкса на устахъ, разсматривалъ и изучалъ мужественныя, загорѣвшія лица старыхъ удальцевъ-эскадронеровъ и юныхъ полныхъ жизни и силъ субалтернъ-офицеровъ. Это была пытка,—говорили потомъ офицеры:—ждали чего-то необычайнаго, грознаго, страшнаго, чего-то въ родѣ надвигавшейся какъ туча, бѣды, несчастья, или катастрофы, сердца учащенно бились, губы блѣднѣли, и судорожно сжимались, но напряженіе воли сковывало всѣ мысли, и въ строю было такъ тихо, что жужжаніе мухи было слышно. Но вотъ вдали показался скачущій въ карьеръ съ пучкомъ палокъ штабъ-трубачъ, лихо онъ подлетѣлъ къ командиру, и молча вытянувшись, остановился въ ожиданіи приказаній. Всѣ взоры сосредоточились на суровомъ лицѣ новаго своего начальника.

— Поручикъ N, корнетъ N, штабъ-ротмистръ N, впередъ! раздалась команда полковаго командира и нѣсколько офицеровъ было вызвано изъ фронта.

— Господа, обратился къ нимъ полковникъ фонъ-деръ Лауницъ, на произведенномъ мною сегодня ученьи, я замѣтилъ, что вы много слабѣе вашихъ товарищей по фронту. Вы дурно сидите въ сѣдлѣ, горбитесь и не сливаетесь съ конемъ въ одну фигуру, головы у васъ на скаку откидываются, локти полощутся. Такъ ѣздять только

киргизы или башкиры, у себя въ степяхъ, но у насъ подобная ѣзда не мыслима. Чтобы удостовѣриться, есть ли это простая случайность, небрежность, или прямой недостатокъ выправки и посадки—этой основы фронтоваго кавалерійскаго образованія, я считаю долгомъ теперь же подвергнуть васъ испытанію. Эй, вахмистръ, обратился онъ къ правофланговому сѣдоку-усачу, продѣнь этимъ офицерамъ между локтями и спиной по палкѣ! А вы, господа, обратился онъ къ офицерамъ, когда вахмистръ исполнилъ отданное ему приказаніе, постарайтесь, какъ инструкторы вашихъ взводовъ, пройти всѣ аллюры, не уронивъ на землю палокъ. И онъ подалъ команду для прохожденія.

Конечно, конфузъ и неловкость положенія пройти всѣ аллюры съ палкой за спиной сдѣлали свое дѣло: офицеры хотя и не уронили продѣтыхъ имъ между локтями и спиною палокъ, но отъ сильнаго нажима при прохожденіи на рысяхъ и въ карьеръ, поломали ихъ и обломки растеряли во время скачки. Во всякомъ случаѣ, командиръ полка поставилъ это имъ въ вину и прямо съ плаца отправилъ на гауптвахту.

Эта курьезная выходка дошла до высшаго начальства, и полковникъ фонъ-деръ-Лауницъ сдѣлался извѣстенъ какъ лихой фронтовикъ и строгій разумный начальникъ [8]).

Генералъ, графъ Никитинъ.

Генералъ отъ кавалеріи Никитинъ (впослѣдствіи графъ), будучи назначенъ инспекторомъ всей резервной кавалеріи, пожелалъ ознакомиться съ порядкомъ исполненія служебныхъ обязанностей въ частяхъ ввѣренныхъ ему войскъ, и для этого предпринялъ частный объѣздъ этихъ частей и посѣтилъ нѣкоторыя изъ полковыхъ штабъ-квартиръ безъ обычнаго заблаговременнаго предупрежденія о томъ ихъ начальства.

Пріѣхавъ въ г. Кременчугъ, гдѣ стоялъ въ то время одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему кирасирскихъ полковъ, онъ тотчасъ

---

[8]) Разсказъ этотъ записанъ тоже со словъ полковника Шипилова, служившаго подъ начальствомъ генерала фонъ-деръ-Лауница.

же отправился на главную гауптвахту. Дѣло было лѣтомъ. Жара стояла невыносимая. Караулъ отъ кирасирскаго полка находился въ караульномъ домѣ, на платформѣ стоялъ только одинъ часовой. Генералъ въ походной шинели подошелъ къ гауптвахтѣ никѣмъ незамѣченный, и только когда вступилъ на платформу, часовой увидѣлъ его и бросился было къ звонку. Но генералъ мановеніемъ руки остановилъ его и направился прямо въ офицерскую комнату. Отворивъ дверь, онъ былъ пораженъ изумительнымъ зрѣлищемъ: въ креслахъ раздѣтый до нижняго бѣлья спалъ караульный офицеръ, а сзади кресла стоялъ гигантъ-кирасиръ съ вѣткой черешни и отмахивалъ мухъ. Генералъ моментально сбросилъ съ плечъ шинель и задалъ грозный вопросъ:

— Кто это такой?

Разбуженный вѣстовымъ офицеръ вскочилъ и началъ было по уставу рапортовать: «вашему высокопревосходительству и пр.»...

— Позвольте, позвольте! перебилъ его генералъ, кто вы такой?

— Караульный начальникъ, такого то кирасирскаго полка, корнетъ, графъ NN...

— Но что это за форма на васъ?

— Я... я... и корнетъ замялся... по случаю жары... позволилъ себѣ снять мундиръ... ужасно душно... а я теперь въ дезабилье...

— Ну-съ, а солдаты ваши тоже въ дезабилье?

— О, нѣтъ! ваше высокопревосходительство, солдаты въ порядкѣ...

— Ну, слава Богу, хотя солдаты въ порядкѣ!.. а вамъ ужасно душно, вы позволяете себѣ дезабилье... очень радъ случаю убѣдиться, какъ у васъ исполняется служба его императорскаго величества... Ну, что же, садитесь г. корнетъ, въ ваше кресло... (офицеръ попытался было попросить позволенія одѣться). Садитесь! повторилъ генералъ болѣе строго, и обратясь къ стоявшему за кресломъ вѣстовому, прибавилъ: а ты, дуракъ, маши!

Офицеръ, ни живъ, ни мертвъ, опустился въ кресло. Генералъ тоже присѣлъ на стоявшій близъ стола стулъ, потребовалъ стоявшаго въ карауле вахмистра и приказалъ ему дать знать о его прибытіи командиру полка, дежурному по карауламъ и прочему полковому начальству, которое все, въ полномъ составѣ, въ скорости и собралось на гауптвахтѣ. Генералъ Никитинъ представилъ ему караульнаго начальника въ томъ видѣ, въ которомъ онъ нашелъ его, -и гроза, конечно разразилась ужасная... Но виновникъ ея, ко всеобщему удивленію, отдѣлался однимъ стра-

хомъ. Генералъ Никитинъ, узнавъ, что это былъ только что переведенный за какую-то шалость изъ гвардіи, тѣмъ-же корнетскимъ чиномъ офицеръ, отнесся къ нему крайне добродушно.

— Благодарю васъ, корнетъ, сказалъ онъ ему, вы дали мнѣ возможность убѣдиться лично, какіе существуютъ здѣсь порядки, и, конечно, я прійму мѣры къ ихъ искорененію.

И корнетъ не только не былъ подвергнутъ никакому взысканію, но при первомъ же представленіи къ наградамъ, былъ представленъ за отличіе къ слѣдующему чину [9]).

Генералы Тришатный и Станкевичъ.

Командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, генералъ-лейтенантъ Тришатный любилъ въ свободное время перекинуться въ картишки. Но онъ любилъ не только играть, но и выиграть; для чего не считалъ грѣхомъ заглянуть иногда и въ карты своего партнера. Когда онъ отправлялся инспектировать гарнизонные батальоны, командиры ихъ, по окончаніи смотровъ, устраивали въ честь своего начальника, парадные обѣды, послѣ которыхъ усаживали его за карточный столъ. При чемъ партнерами ему выбирались наиболѣе солидныя лица въ городѣ. Однажды въ сороковыхъ годахъ, генералъ Тришатный, произведя смотръ Казанскому гарнизонному баталіону, былъ приглашенъ командиромъ его, по заведенному порядку, на обѣдъ, и затѣмъ посаженъ играть въ карты. Между партнерами еще находился отставной генералъ Станкевичъ, уволенный отъ службы за какія то ошибки на высочайшемъ смотру войскъ въ Вознесенскѣ въ 1837 году, и поэтому не особенно долюбливавшій «трутней службы», какъ онъ называлъ вообще высшее военное начальство. Замѣтивъ во время игры, что генералъ Тришатный не упускаетъ случая заглянуть въ его карты, онъ выждалъ моментъ, когда тотъ повернулся въ его сторону, чтобы запустить въ его карты соглядатая, и держа въ лѣвой рукѣ развернутыя

[9]) Разсказъ этотъ записанъ со словъ капитана Александра Викторовича Дробышевскаго, отецъ котораго служилъ въ то время въ сказанномъ кирасирскомъ полку.

вѣеромъ карты, показалъ ему подъ ними правою рукою фигу. Генералъ Тришатный покраснѣлъ, насупился и, отвернувшись въ другую сторону, плюнулъ.

— Что, ваше превосходительство, засмѣялся Станкевичъ, не нравится, видно, вамъ пятая-то масть у меня [10]).

Генералъ Треповъ и купецъ Палкинъ.

Въ семидесятыхъ годахъ С.-Петербургскимъ градоначальникомъ генераломъ Треповымъ, издано было обязательное постановленіе, чтобы рестораны, гостинницы и трактиры имѣли вывѣски на красномъ или сине-красномъ полѣ. Всѣ содержатели этихъ заведеній подчинились сему распоряженію безпрекословно, только надъ ресторапомъ К. П. Палкина висѣла по прежнему бѣлая вывѣска съ именемъ его содержателя. Участковый приставъ неоднократно напоминалъ Константину Павловичу о перемѣнѣ вывѣски, онъ отвѣчалъ любезно: «хорошо, хорошо!» но вывѣски не снималъ. Пришлось донести градоначальнику, генералъ Треповъ предписалъ обязать упрямаго трактирщика подпиской о немедленномъ исполненіи обязательнаго постановленія о вывѣскахъ; но трактирщикъ уперся: подписки не далъ, а только на предписаніи расписался, что читалъ его. Составили протоколъ и донесли. Но положенія объ охранѣ, на основаніи котораго стали штрафовать трактирщиковъ, тогда еще не было, и Константинъ Павловичъ не унывалъ. Идетъ онъ какъ то утромъ по Невскому и встрѣчаетъ грознаго градоначальника, мчавшагося кудато стремглавъ, чуть не стоя въ экипажѣ. Увидя «упрямаго трактирщика», генералъ Треповъ остановился, подозвалъ его къ себѣ и началъ по обычаю усовѣщевать: «прошу и пр... иначе я долженъ буду закрыть ваши рестораны»...

— Эхъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ трактирщикъ, бросьте вы это дѣло, не все ли вамъ равно, какая у меня виситъ дощечка... а впрочемъ, какъ знаете...

---

[10]) Записано со словъ полковника Шишилова, служившаго также и при генералѣ Тришатномъ.

не забудьте только, что у меня вотъ здѣсь—и трактирщикъ указалъ рукою на оттопырившійся въ грудномъ карманѣ сюртука бумажникъ:—лежитъ вѣдь милліонъ!..

Генералъ Треповъ расхохотался и поѣхалъ далѣе. Но бѣлая дощечка съ лаконической надписью: *К. П. Палкинъ* такъ и осталась надъ входомъ Палкинскаго ресторана [11]).

Генералъ фонъ-Кауфманъ.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, именно: въ 1872 году, передъ Хивинскимъ походомъ, бесѣдовалъ какъ-то въ главномъ штабѣ съ генералъ-адъютантомъ Мещериновымъ и высказалъ слѣдующій оригинальный афоризмъ: «какъ хотите, Григорій Васильевичъ, а люди сплошь и кряду имѣютъ не тѣ прозвища, которыя бы имъ слѣдовало носить. У меня два помощника: человѣкъ съ разумной головою называется Колпаковскимъ, а сущій колпакъ зовется «Головачевымъ».

— Ну, это—игра случая, не болѣе, отвѣтилъ генералъ-адъютантъ Мещериновъ и разсмѣялся [12]).

Генералъ Величко.

Помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ майоръ (впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ) Филадельфъ Кириловичъ Величко, зайдя однажды въ кабинетъ начальника I отдѣленія, полковника Скрябина, замѣтилъ у него на столѣ какую-то частную работу, и полушутя, полусерьезно сказалъ ему:

---

[11]) Записано со словъ самого Константина Павловича Палкина.

[12]) Разсказъ бывшаго при этомъ разговорѣ полковника (впослѣдствіи генералъ маіоръ) Михаила Павловича Скрябина.

— Вотъ у васъ работы казенной лежитъ цѣлая груда, а вы еще частную берете!..

— Да вамъ то что, ваше превосходительство,—отвѣчалъ обидѣвшійся замѣчаніемъ полковникъ,—больно, что-ли отъ этого?.. [13]).

Купецъ Фирсановъ.

Умеръ въ Москвѣ въ восьмидесятыхъ годахъ извѣстный богачъ И. Фирсановъ. Первымъ дѣломъ его наслѣдниковъ было отыскать ключъ отъ шкатулки съ деньгами и бумагами, находившейся въ спальнѣ умершаго купчины. Но ключа, не смотря на всевозможныя поиски, нигдѣ найти не могли. Говорили, что ключъ былъ въ въ рукахъ покойнаго не задолго до смерти, но куда онъ дѣлся—никто не зналъ. Послали за слесаремъ и заказали сдѣлать новый ключъ. Между тѣмъ, когда обмытое тѣло полагали на столъ, кто-то изъ родственниковъ замѣтилъ, что одна щека у умершаго сильно вздулась. Посмотрѣли—и за щекой у него оказался искомый ключъ отъ шкатулки. Переходя въ другую жизнь, онъ хотѣлъ унести съ собой хотя ключъ отъ нажитыхъ имъ богатствъ [14]).

Генералъ Ванновскій.

I.

Генералъ-адъютантъ Петръ Семеновичъ Ванновскій, вскорѣ послѣ назначенія своего на должность военнаго министра, узналъ, что чиновники главныхъ управленій военнаго министерства приходятъ поздно на службу, и задумавъ повѣрить это лично, однажды нежданно-негаданно явился въ главное артиллерійское управленіе часу въ девятомъ утра, и сдѣлалъ ревизію.

---

[13]) Разсказъ тоже Михаила Павловича Скрябина.

[14]) Разсказъ редактора «Русскаго Архива» Петра Ивановича Бартенева.

Но управленіе, вѣроятно, освѣдомилось о посѣщеніи министра заблаговременно, и приготовилось. Генералъ нашелъ всѣхъ чиновниковъ на мѣстахъ и дѣлопроизводство въ порядкѣ, сдѣлался веселъ и разговорчивъ. Войдя въ переписочную часть (гдѣ писаря переписываютъ на бѣло бумаги), онъ поздоровался съ писарями, посмотрѣлъ на ихъ работу и, обратясь къ завѣдывавшему ими чиновнику Бетхеру, спросилъ: а что, понимаютъ-ли они, что пишутъ?

— Очень не многіе, ваше превосходительство, отвѣчалъ Бетхеръ, писаря большею частью пишутъ машинально.

— Ма...ши...нально!.. растянулъ генералъ, а впрочемъ, вѣдь это хорошо, что они не понимаютъ, что пишутъ, присовокупилъ онъ, улыбаясь [15]).

II.

Его высокопревосходительство, Петръ Семеновичъ, осенью 1893 г.. испросилъ высочайшее разрѣшеніе воспользоваться отпускомъ для леченья отъ болѣзни и уѣзжалъ за границу. На дебаркадерѣ Варшавской желѣзной дороги собрались проводить его ближайшіе сотрудники, начальники главныхъ управленій, члены военнаго совѣта, генеральный штабъ и др. Прощаясь съ ними, онъ сказалъ имъ:

— Ну, господа, вы теперь мѣсяца два отдохнете: шпора ваша уѣзжаетъ [16]).

Юнкера Дурново и Кривошеинъ.

Бывшіе министры: внутреннихъ дѣлъ — Иванъ Николаевичъ Дурново и путей сообщенія Аполлонъ Константиновичъ Кривошеинъ воспитывались въ артиллерійскомъ училищѣ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, они были уже въ старшемъ классѣ. Между воспитан-

---

[15]) Записано со словъ Бетхера.

[16]) Разсказъ правителя канцеляріи главнаго штаба дѣйств. стат. совѣтника Николая Ивановича Вѣтвѣнцкаго.

никами военныхъ корпусовъ, юнкера артиллерійскаго училища въ то время отличались какъ умственнымъ развитіемъ, такъ и удалью и молодечествомъ. Въ ожиданіи скораго производства въ офицеры, они держали себя уже какъ молодые общественные дѣятели. Въ свободное отъ занятій время они появлялись на Невскомъ и въ Большой Морской, гуляли по набережной Невы, посѣщали Лѣтній садъ и острова, словомъ, гдѣ была жизнь—тамъ находились и юнкера—артиллерійсты. Главнымъ сборнымъ пунктомъ ихъ былъ низокъ на углу Невскаго и Караванной, гдѣ тогда помѣщался извѣстный погребъ. Тамъ молодежь собиралась, подкрѣпляла свои силы, курила, задумывала, рѣшала, какъ убить свободное время, и отсюда она не большими кучками шла—какъ кому было нужно. Конечно, и безъ шалостей, свойственныхъ молодежи при этомъ не обходилось. Однажды вечеркомъ, кучка юнкеровъ, въ числѣ которыхъ находились также И. Н. Дурново, и А. К. Кривошеинъ, шла по Большой Морской, нагнала шедшую куда-то очень торопливо молодую красивую барыню, окружила ее и забросала любезностями. Барыня оказалась женой какого-то солиднаго чиновника и строгой пуританкой. Она вломилась въ амбицію, обратилась съ жалобою къ полицейскому и молодыхъ людей потянули на цугундеръ. О поступкѣ ихъ было сообщено начальству артиллерійскаго училища, и оно нарядило юнкеровъ Дурново и Кривошеина на службу за рядовыхъ на два мѣсяца [17]).

Князь Долгоруковъ.

Въ 1891 году, Московскій генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, получилъ увольненіе въ заграничный отпускъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Москва узнала, что князь болѣе не вернется къ должности. Общество отхлынуло и вокругъ князя образовалась пустота. Въ это время одно изъ вліятельныхъ въ

[17]) Разсказъ совоспитанника ихъ по артиллер. училищу, мироваго судьи, статскаго совѣтника Николая Николаевича Цылова.

провинціи лицъ, проѣзжая черезъ Москву, пожелало представиться князю. На сдѣланный ему объ этомъ докладъ, князь меланхолически отвѣчалъ:

— Что-жъ? я очень радъ... Только онъ самъ, узнавъ о случившемся, захочетъ-ли видѣть меня?.. [18]).

Митрополитъ Филаретъ.

Теща московскаго почетнаго опекуна тайнаго совѣтника Василья Семеновича Арсеньева, княгиня Долгорукова, находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, сокрушенно заявила митрополиту Филарету, что не можетъ уже стоять на ногахъ во время литургіи и поневолѣ должна садиться.

— Лучше, княгиня, — отвѣчалъ святитель: — сидя, думать о Богѣ, чѣмъ стоя—о ногахъ [18]).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

---

[18]) Оба эти разсказа записаны со словъ тайнаго совѣтника Василья Семеновича Арсеньева.